

Кризис средневековой Руси 1200-1304

Д. ФЕННЕЛ

ДЖОН ФЕННЕЛ

КРИЗИС средневековой Руси 1200-1304



ДЖОН ФЕННЕЛ

**Кризис
средневековой
Руси
1200-1304**

JOHN FENNEL

**The Crisis
of Medieval
Russia
1200-1304**



LONGMAN
London and New York

ДЖОН ФЕННЕЛ

**Кризис
средневековой
Руси
1200-1304**

Перевод с английского

Вступительная статья и общая редакция
А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова



**Москва
Прогресс, 1989**

63.3(2)43
Ф42

Перевод с английского В. В. Голубчикова

Рецензенты: докт. ист. наук В. И. Буганов,
член-корр. АН СССР А. П. Новосельцев

Редакция литературы по международным отношениям и
истории

© Longman Group, Ltd

© Перевод на русский язык, вступительная статья и ком-
ментарии

Издательство «Прогресс» 1989

*Обратимся еще раз к истории:
она — ключ к пониманию на-
родов.*

П. Я. Чаадаев

Книга видного английского слависта профессора Оксфордского университета Джона Феннела рассказывает об одном из самых трудных столетий в истории средневековой Руси. XIII век — это эпоха раздробленности, междукняжеских усобиц, опустошительного монгольского нашествия и предусмотрительно мудрой, но противоречивой политики Александра Невского. В XIII столетии будущее Руси еще не определилось, поэтому историки нередко минуют этот трагический век, считая его «маловажным для разума» (Н. М. Карамзин)¹. Однако разве «маловажно» для исторического самосознания народа оценить уровень развития страны накануне монгольского нашествия, понять роль ордынского ига в становлении национальных особенностей — в области государства и права, экономики, общественного сознания, разве «маловажно» определить причины и условия, заставившие северо-восточные княжества вступить на путь объединения, но изолировавшие от этого процесса Южную Русь?

Надеемся, что читателям будет интересно познакомиться с тем, как представляют историю нашей страны за ее пределами — в англоязычном мире. Книга профессора Дж. Феннела полно представит исследовательские возможности традиционной западной медиевистики и приоткроет дверь не только в творческую лабораторию английского историка, но и в ту «мастерскую», где создаются британские стереотипы русского прошлого и советского настоящего. Мы хотим лучше понимать друг друга, но дорожим не беглым знакомством, а глубоким взаимным знанием, закрепленным опытом истории.

* * *

«Прежде чем изучать историю, — утверждал известный английский ученый Э. Карр, — изучите историка...»² Джон Феннел принадлежит к поколению, чей призывной возраст пришелся на вторую мировую войну. Он родился 30 мая 1918 г. Выпускник Рэдли и воспитанник Тринити-колледжа в Кэмбридже, одного из наиболее аристократических учебных заведений Англии, Феннел прослужил в британской армии с 1939 по 1945 г. Лишь после войны он стал

помощником доцента по русскому языку в Кэмбриджском университете (1947—1952), лектором и главой отделения славянских языков в Ноттингеме (1952—1956), затем лектором по русскому языку в Оксфорде (1956—1967), где в 1967 г. был удостоен звания профессора. С 1968 г. является членом Нового колледжа в Оксфорде. Одновременно с этим он преподавал в Гарвардском университете (США) в 1963—1964 гг., в Беркли (штат Калифорния) в 1971 и 1977 гг., в Вирджинском университете — в 1984 г. В 1964—1967 гг. историк являлся членом Университетского совета Англии³.

Преподавательская деятельность не исчерпывает университетской работы профессора Феннела. В 1975 г. он выступил одним из организаторов Третьего международного конгресса историков средневековой Руси, состоявшегося в Оксфорде. Несколько лет Феннел входил в состав редколлегии «Ежегодника по истории Восточной Европы», наиболее авторитетного буржуазного периодического издания по истории стран Восточной Европы, и в первую очередь — Советского Союза. С 1968 г. он возглавляет редколлегию (в нее входят также Дж. Симмонс и Р. Эути) новой серии «Оксфордских славянских записок», известных многочисленными публикациями материалов по истории России XVI—XVII вв.⁴ С 1973 г. Феннел вместе с Л. Мюллером (ФРГ) и А. Поппе (ПНР) — соиздатель неперiodического историко-библиографического сборника «Средневековая Русь» (вышло 5 томов), призванного координировать работы по этой тематике во всем мире и информировать зарубежных исследователей обо всех новинках⁵. В соответствии с этим замыслом Дж. Феннел активно участвует в библиографических разделах издания с рецензиями на книги и статьи и аннотациями статей и рецензий⁶.

Круг научных интересов Феннела необычайно широк — от Александра Невского до Александра Пушкина. Издатель и исследователь стихов великого русского поэта, Дж. Феннел одновременно является автором незавершенной пока серии монографий (отсутствует исследование 1360—1440 гг.) о средневековой Руси — книг «Иван Великий Московский» (1961), «Возвышение Москвы» (1969) и «Кризис средневековой Руси» (1983).

Европейская историческая наука первых послевоенных лет находилась под несомненным влиянием той огромной роли, которую сыграл Советский Союз в разгроме фашизма и освобождении народов Европы от его гнета. Решительно пересматривались схемы развития Восточной Европы, сложившиеся между Октябрьской революцией и второй мировой войной, схемы, в выработке которых активное участие принимали русские эмигранты (особенно представители евразийской школы во главе с Г. В. Вернадским). Историки Европы, в том числе и немецкие, сделали крутой поворот в оценке русско-германских отношений средневековья (Фр. Рериг, П. Иоханзен), связей России с другими странами (Т. Виллан, Э. Амбургер и др.). Понемногу пересматривалась и концепция внутривосточного развития Руси. Создавался новый фундамент для изучения истории нашей страны за рубежом: с лихорадочной быстротой в научный оборот западных историков входили переводы

основных памятников литературы и права (Повесть временных лет, Судебник 1497 г. и др.), а также иностранных источников о России. В Англии этот процесс шел несколько медленнее: сказывался присущий стране традиционализм и прочные позиции эмигрантской литературы. Однако новое поколение историков формировалось в атмосфере повышенного внимания к проблемам развития славянских стран — это обещало общее изменение интересов и тона английской историографии.

Первая научная статья Дж. Феннела была опубликована в 1951 г.⁷ Опираясь на установившиеся историографические категории — представлением о двух противоположных лагерях в русском монашестве конца XV в. (последователей Иосифа Волоцкого — иосифлян и последователей Нила Сорского — «нестяжателей», или заволжских старцев), — автор предпринял попытку показать взаимные отношения этих монашеских «партий» с новгородско-московскими еретиками (так называемая ересь «жидовствующих»). Феннел, как и его предшественники (А. С. Архангельский)⁸, настаивал на близости позиций еретиков и заволжских старцев, обусловленной общим для них критическим отношением к Священному писанию и преданию. Этот тезис рожден русской либеральной историографией 70-х годов XIX в. и вряд ли отражает действительное положение дел: пресловутый «критицизм» Нила Сорского не следует преувеличивать⁹, и «нестяжателей» безусловно отличало от еретиков признание института монашества¹⁰.

Однако статья 1951 г. не исчерпывается повторением историографических общих мест: она написана с учетом исследования Г. В. Вернадского (1933)¹¹, объяснившего влиянием еретиков перемены во внешней политике Ивана III. Феннел, восстанавливая связующие звенья возможной фамильной близости между учеником Нила «нестяжателем» Вассианом Патрикеевым и еретиком Федором Курицыным, сделал попытку найти прямые политические мотивы идейной борьбы конца XV столетия — впоследствии этот подход привел автора к несомненной удаче в трактовке «династического кризиса» 1497 г. и получил развитие в новейших работах английских ученых (Дж. Хоуллетт)¹².

Избрав своей темой политическую борьбу в последние годы жизни Ивана III, Феннел наметил путь, который потребовал от него долгой работы и дал нам его лучшие книги. Он станет историком «Московской» Руси, он будет искать зародыши этого политического организма в потемках феодальной анархии и затем следить, как Москва собирает вокруг себя северо-восточных князей. Проблема централизации — это по-иному сформулированная проблема власти, и Феннел в 1955 г. издает том переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, где сам русский царь говорит на понятном европейскому читателю языке политических интересов.

Издание 1955 г. открывает читателю Феннела — археографа и текстолога. Пять посланий Курбского и второе послание Грозного он воспроизводит по превосходному изданию Г. З. Кунцевича (1914)¹³, а первое послание Ивана IV в публикации Феннела передает текст трех списков — двух по изданию Я. С. Лурье

(1951)¹⁴ и одного по изданию Кунцевича¹⁵. Впрочем, привлекаются не все разночтения, а лишь те, которые «проясняют текст»; издание снабжено безукоризненным английским переводом грамот и публикацией отрывков из сочинений Григория Богослова, Дионисия Ареопажита и Цицерона, на которые ссылались Иван Грозный и его оппонент. Дотошный английский читатель может свериться с источниками посланий Грозного и Курбского, но главная цель издания — взглянуть на Русское государство XVI столетия и с монаршего трона, и издала, из-за литовского рубежа, где скрывался от царского гнева опальный Курбский.

Тогда же Дж. Феннел обнаружил и другую сторону своего дарования — умение синтезировать и обобщать. Им был написан раздел «Россия 1520—1559 гг.» в «Кэмбриджской новой истории», увидевший свет в 1958 г. Здесь автор показал первые результаты освобождения Руси от иноземного ига, проследил основные этапы территориального роста «Московского государства», охарактеризовал поместную систему, сложившуюся к этому времени, дал очерк экономических проблем развития страны, подчеркивая при этом собственный, оригинальный путь русской истории¹⁶.

Первая монография Дж. Феннела — «Иван Великий Московский» (1961) получила высокую оценку в нашей стране и за ее пределами¹⁷. Книга внешне напоминает научную биографию главного героя: ее действие начинается 22 января 1440 г. — в день рождения будущего великого князя «всея Руси» Ивана III Васильевича и завершается днем его смерти — 27 октября 1505 г. Между этими датами — история становления Русского государства, в первую очередь внешнеполитическая история, основанная на критическом анализе материалов русских летописей, польских хроник и дипломатических документов. Воссоздавая сложный процесс приращения государственной территории Руси, Феннел описывает формирующуюся державу как огромное войско и основные направления политики обозначает терминами военной истории: «южный фланг» (отношения Руси с Крымским ханством), «Казанская кампания» (Москва и Казанское ханство в 60-х годах XV в.).

Наиболее яркие страницы книги, не потерявшие и ныне своей научной актуальности, посвящены русско-литовским отношениям: переговорам о заключении брака дочери Ивана III Елены и литовского великого князя Александра¹⁸, процедуре венчания, титулатурным дипломатическим спорам начала XVI в. Жаль, что автор не связал их с аналогичными спорами 1494—1499 гг., что помогло бы понять причины казней 1499 г. Впрочем, в приложении к книге он вполне верно трактовал расстановку политических сил во время кризиса 1497 г. и событий 1499 г., предвосхитив утвердившуюся ныне точку зрения на отсутствие связи опал 1499 г. и династического кризиса. Вероятно, под влиянием Г. В. Вернадского Дж. Феннел пишет об «освобождении» Руси от ордынского ига в 1480 г. именно так, в кавычках, и само иго оценивает лишь как «вассальные отношения». В книге 1961 г. нет раздела о духовной жизни и культуре Руси; не изучая этой темы, автор утверждает, будто вторая половина XV в. на Руси — время «культурной

депрессии» и «духовного бесплодия»¹⁹, что никак не согласуется с нашим представлением о стремительном строительстве новой русской культуры в последние годы жизни Ивана III — достаточно назвать живопись Дионисия или публицистику Иосифа Волоцкого.

Книга, снабженная общим обзором роста Московского княжества и его превращения в Русское государство («Руссию» по терминологии конца XV—начала XVI в.), вводила англоязычного читателя в атмосферу борьбы Московского княжества и Русского государства и за освобождение от иноземной зависимости (при этом автор правильно отрицал какую-либо роль Софьи Палеолог в этом), и за равное с другими европейскими державами право участвовать в решении общеевропейских проблем (в этой связи важны сведения о русско-османских контактах конца XV в.). Она вышла почти одновременно с фундаментальной монографией Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (1960) и хронологически как бы продолжала труд Л. В. Черепнина. Работа Дж. Феннела имела огромное значение для зарубежного читателя, показывая и новейшие достижения советской исторической науки, демонстрируя более высокий уровень исследования и обобщения, чем был достигнут Г. В. Вернадским.

Феннел не хранил постоянной верности средневековью. В 1964 г. он издал избранные стихотворения Пушкина со своим вступлением и прозаическими английскими переводами²⁰. «Открытие» Пушкина для зарубежного читателя произошло очень поздно, пожалуй, лишь в последние послевоенные десятилетия. Произведения величайшего из национальных поэтов России с трудом поддавались переводу²¹. Недаром и Феннел не решился дать стихотворные переводы, а позднее показал некоторые трудности, связанные с переложением Пушкина на английский²². И тем не менее следует высоко оценить усилия Дж. Феннела по пропаганде русской культуры.

Параллельно с работой над Пушкиным продолжалась и археографическая деятельность Дж. Феннела. В 1965 г. увидела свет «История о великом князе московском» А. М. Курбского²³ как продолжение публикации переписки Грозного с Курбским. Принципы издания те же, что и в «Переписке», — параллельное воспроизведение русского текста (по лучшему изданию Г. З. Кунцевича) и английского перевода, обстоятельные комментарии «темных мест» текста «Истории», указание источников сообщаемых автором сведений и, наконец, биографические данные об упоминаемых Курбским лицах (при этом Феннел, как всегда, широко привлекает труды советских специалистов по истории опричнины и времени правления Ивана Грозного — С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, И. И. Смирнова, П. А. Садикова, М. Н. Тихомирова и др.). Характеризуя Курбского как представителя боярской аристократии, Феннел призывает пользоваться его данными с большой осмотрительностью, так как нет уверенности в точности информации Курбского, получившего боярский титул лишь в 1556 г., а с 1558 г. активно участвовавшего в Ливонской войне (это опасение следует отвести: Курбский вполне мог находиться в столице

в долгие месяцы между отдельными кампаниями). Более существенно другое наблюдение издателя английского перевода «Истории» — об умышленном сгущении красок опальным князем затем, чтобы исключить возможность избрания русского царя на польский трон в 1573 г.

К чести Дж. Феннела, это издание 1965 г. — последняя научная публикация «Истории», подводящая итог изучению записок Курбского. В том же 1965 г. А. А. Зимин писал о необходимости подготовки нового советского издания «Истории»²⁴, однако его до сих пор нет.

Полемика по поводу подлинности «Слова о полку Игореве», начатая исследованиями французского слависта А. Мазона (1940)²⁵ и советского историка А. А. Зимины (1964)²⁶, разделила славистов всего мира на два лагеря: одни придерживались традиционной точки зрения и датировали «Слово» XII в. или даже 1185—1187 гг., другие относили этот памятник к более позднему времени — вплоть до XVIII в. Важнейшее место в обсуждении занимал и занимает поставленный Р. О. Якобсоном (1952)²⁷ вопрос о взаимоотношениях «Слова» с Ипатьевской летописью, южно-русским сводом, составленным около 1200 г., а также с «Задонщиной», повествующей о Куликовской битве и возникшей в начале XV в. Д. С. Лихачев (1962, 1964, 1967) сформулировал гипотезу, в которой текстуральные совпадения этих памятников объясняются влиянием «Слова» на Ипатьевскую летопись и на «Задонщину»²⁸. Иную точку зрения вслед за А. А. Зиминым высказал Дж. Феннел (1968)²⁹: «Задонщина» и Ипатьевская летопись повлияли на «Слово», и в таком случае «Слово» могло возникнуть не ранее XV—XVI в., — именно по этой причине статья о «Слове», написанная Феннелом для учебника «Ранняя русская литература» (1974), была помещена в книге после очерка литературы XVI столетия³⁰. Впоследствии, возможно, под влиянием полемики выступления Д. С. Лихачева (1969)³¹, Дж. Феннел несколько изменил свою позицию: в книге «Кризис средневековой Руси» (1983) он относит «Слово» к XIII столетию или к более позднему времени.

Тема следующей книги Дж. Феннела — «Возвышение Москвы» (1969) — сформулирована как аналитическая, требующая исследования исторических альтернатив, выявления логики сложно сопряженных социально-экономических, политических и конфессиональных процессов. Хронологические рамки монографии — 1304—1359 гг. Первая дата — это прекращение верховенства владимирских князей и начало соперничества Москвы с Тверью. Вторую дату автор обосновывает целым рядом причин, заключенных во внутренней истории Северо-Восточной Руси (собрание территории и начало слияния Московского и Владимирского княжеств, смерть великого князя Ивана II Красного), в изменениях политического строя Золотой Орды (начало «великой замятни» — междоусобицы в Сарае) и в новом характере русско-ордынских отношений (прекращение самостоятельной политики суздальских князей, опиравшихся на иноземное господство). Второе из предложенных оснований несомненно, но первое и третье не вполне

корректны. Подлинной гранью в истории Северо-Восточной Руси и русско-ордынских отношениях стали не события 1359 г., а «тверская война» (1375) и битва на Куликовом поле (1380).

Автор, не удовлетворенный общим очерком истории Руси XIII—XIV вв., принадлежащим перу Г. В. Вернадского (1953)³², ставит своей целью детально изложить политическую историю на основании первоисточников — русских летописей и княжеских духовных и договорных грамот. Ограничение сферы исследования политическими событиями как будто оправдано тем, что все другие стороны средневековой русской истории недостаточно документированы. Феннел ссылается на мнение Г. Е. Кочина о «катастрофическом» состоянии источников по истории сельского хозяйства XIII—начала XV в.³³ Однако при том же «катастрофическом» состоянии были написаны и книги М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, а через год после «Возвышения Москвы» вышли в свет «Очерки русской культуры XIV—XV веков», содержащие всестороннюю характеристику различных областей жизни средневекового общества, в том числе и сельского хозяйства³⁴.

Отказ Дж. Феннела от использования актовых (в том числе и берестяных) и археологических материалов резко сужает его источниковую базу, а соответственно и возможности исследования. Ограничение сферы исследования по преимуществу летописными данными обрекает автора на беспомощность в той ситуации, где основной источник (летопись) прибегает к формуле умолчания или по иной причине опускает известие. Восполнить лакуну можно лишь при помощи реконструкции, т. е. процедуры, требующей знания законов построения средневекового текста и частично опирающейся на внеисточниковое знание. Феннел, ограничивая свои возможности критическим пересказом летописи, вынужден ставить на место умалчиваемого факта любое известие, пусть даже менее достоверное или вовсе сомнительное, лишь бы не оказаться перед зияющей пустотой незнания (так, в книге 1983 г. он прибегает к неясным по происхождению восполняющим свидетельствам В. Н. Татищева).

Анализ политической ситуации требует от Феннела учета множества факторов, обусловивших возвышение Москвы. Классификация этих факторов автор пытается построить иерархически, ссылаясь на Э. Карра, писавшего об «иерархии причин» при объяснении истории³⁵. Однако в феннеловской иерархии явное предпочтение отдается фактам политической борьбы. Возрождая тезис Н. М. Карамзина («Москва обязана своим величием ханам»), в советской историографии частично разделявший В. Т. Пашуто³⁶, Феннел полагает, что система «контроля» со стороны татар определяла позиции и авторитет русских князей. Вторым решающим фактором, по мысли Феннела (и в данном случае неоригинальной), была церковь, выступающая на стороне великих князей владимирских и пользовавшаяся льготами ханов. Ордынскую политику, как считает Дж. Феннел, направляло враждотворное желание поддержать слабого князя против сильного, в том числе и московских князей против Литвы. Автор, вслед за «евразийцами», явно

преувеличивает влияние политики Литовского княжества на позицию ордынских ханов по отношению к таким крупным государственным образованиям, как Московское и Тверское княжества. Тверь в XIV в. ориентировалась исключительно на Литву, а уже это обстоятельство действительно оказало воздействие на политику ханов. Вообще идея о ведущей роли русско-литовских отношений для складывания политической ситуации на Востоке Европы, правильная для второй половины XV в., представляется некоторым преувеличением для первой половины XIV в.

В 1973 г., по прошествии 18 лет после издания Дж. Феннелом первого послания Курбского, английский историк вновь вернулся к этой теме в связи с полемикой, разгоревшейся вокруг грамоты Курбского. Американский историк Э. Кинан (1971)³⁷ обнаружил совпадения отдельных фраз послания Курбского, написанного в 1564 г., с двумя сочинениями («Жалоба» и «Плач») каменец-подольского монаха Исайи, одно из которых («Плач») датировано 1566 г. Американский ученый выдвинул сенсационное предложение, будто послание Курбского было задним числом скомпилировано из сочинений Исайи в 20-х годах XVII в. и поставил под сомнение подлинность всей переписки Грозного с Курбским. Советский историк Р. Г. Скрынников (1973) предложил иное толкование наблюдениям Кинана: он не признал сходства послания Курбского с «Плачем» Исайи, датировал «Жалобу» 1562 г. и ее совпадения с посланием Курбского 1564 г. объяснил заимствованием Курбского у Исайи³⁸. Дж. Феннел в 1973 г. опубликовал развернутую рецензию на книгу Р. Г. Скрынникова, где разобрал аргументы, выдвинутые в защиту подлинности послания Курбского. Английский профессор не согласился с доводами Скрынникова, но категорически отверг и текстологические построения Кинана³⁹. Это своевременное выступление значительно повысило научный уровень дискуссии; наблюдения Феннела-текстолога были использованы в последующих работах советских ученых⁴⁰. Недавно Б. Н. Морозовым был обнаружен неизвестный список первого послания Курбского, близкий к тому списку, которому Кинан отводил особое место в истории текста послания, однако датирующийся не 20—30-ми годами XVII в., как другие сборники, содержащие переписку Грозного и Курбского, а концом XVI столетия⁴¹. Находка Б. Н. Морозова окончательно опровергает аргументы Э. Кинана и дает новый материал для применения строгого текстологического анализа как раз в том направлении, которое было намечено Дж. Феннелом.

Занятия русским средневековьем были прерваны осуществлением двух начинаний Дж. Феннела, связанных с его постоянным интересом к русской литературе. В 1973 г. в сборнике, посвященном десяти великим русским писателям, английский историк опубликовал статью об А. С. Пушкине. Интересна его оценка пушкинской трагедии «Борис Годунов», тема которой, по его мнению, — «гибель старого порядка, конец первой фазы в истории Московии, драматическая конфронтация Востока и Запада». Значение пушкинской трагедии Феннел оценил очень высоко: «Впервые в русской литературе... явился драматург, способный вдохнуть жизнь

в трагедию, и историк, который понял, что история — это не ряд событий, определяемых исключительно волей или капризом личности, но цепь явлений, управляемых законами, существование которых он чувствовал, но природу которых он не изучал»⁴².

В 1974 г. Дж. Феннел совместно с Э. Стоуксом издали учебник «Ранняя русская литература»⁴³, в котором Феннелом были написаны четыре главы: о литературе киевского периода, «татарского» времени, XVI столетия и, наконец, о «Слове о полку Игореве». В этом собрании этюдов о наиболее важных жанрах литературы и отдельных памятниках, как аттестуют авторы свое пособие, отсутствуют хождения, летописи. Для киевского периода наиболее важна житийная литература, представленная «Повестью об убийстве Бориса и Глеба», «Житием Феодосия Печерского», гомиликтическая (проповедническая) литература и «Поучение Владимира Мономаха». В «Житии Александра Невского» и «Слове о житии Дмитрия Ивановича», относящихся к «татарскому» периоду, Феннел усматривает характерные черты светских воинских повестей и называет первое из них полусветским агиографическим сочинением, полужитийной биографией. Автор подчеркивает тесную связь митрополита Кирилла II с написанием этого сочинения, целью которого было противопоставить культ Александра Невского претензиям тверских князей на владимирский престол в 80-е годы XIII в. Пособие дает некоторое общее представление о публицистической литературе XVI в., сочинениях Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева, не выходящее, впрочем, за рамки основных общепринятых к тому времени в советской литературе понятий, пересмотренных в самое последнее время⁴⁴.

Между выходом в свет «Ранней русской литературы» и книгой, публикуемой ныне на русском языке, прошло 9 лет — «Кризис средневековой Руси» был издан в Лондоне в 1983 г. Эта монография включена в серию книг по истории России с древнейших времен до нашего времени. К 80-м годам в зарубежной историографии ясно ощущалась нужда в создании новых обобщающих трудов по истории СССР. Задачу эту в разных странах решали по-разному. Историки ФРГ и Швейцарии, организационно тесно связанные руководством М. Хелльмана, подготовили «Пособие по истории СССР», по своему замыслу приближающееся к нашим «Очеркам по истории СССР периода феодализма» (1953—1961), где выступили все ведущие немецкоязычные историки (Г. Штекль, П. Нитше, Х. Рюсс, К. Герке)⁴⁵. В Англии пошли по другому пути — создания серии книг, посвященных отдельным периодам русской и советской истории. Инициатор первой (дореволюционной) серии Г. Шукман (колледж св. Антония в Оксфорде) пригласил Дм. Оболенского для написания монографии о Киевской Руси 850—1240 гг., Дж. Феннела — о XIII в., Р. Крамми — об «Образовании Московии 1300—1613 гг.» (книга вышла в свет в 1987 г.), П. Дьюкса — о «Создании русского абсолютизма в 1613—1801 гг.», и т. д. Аннотация серии обещает освещение не только внутренней истории России, но и ее «роли в более широком европейском контексте» с особым упором на будто бы наименее известные западному читателю допетровские

времена. Серия рассчитана на студентов и более широкие круги читателей.

Книга Дж. Феннела в соответствии с задачами серии, действительно, написана доходчиво, привлекает стройностью композиции. Автор беллетристично легко повествует о запутанных отношениях русских князей, воссоздавая летописную мозаику походов, битв, триумфов и военных неудач ⁴⁶.

Хотя эта монография Дж. Феннела отделена от последней его книги о средневековой Руси 15 годами, в целом взгляд автора на особенности политического строя страны остался неизменным. Само название монографии дает основание думать, что автор причисляет Русь XIII в. к средневековой, т. е. к тому времени, которое обычно считается временем безусловного господства феодального строя, как бы этот строй ни понимался — чисто политически или как социально-экономическое явление. Для автора имеет силу лишь первый подход. В отличие от прежней периодизации, отраженной в книге «Возвышение Москвы», Дж. Феннел отступает от общепризнанных мнений относительно эпох русской истории. Еще в 1968 г. он придерживался традиционного взгляда, определяя в монгольском нашествии веку, разделившую две эпохи. В 1983 г. Феннел отказался от подобного членения, чем снижал похвалу своего коллеги П. Нитше за нестандартный подход в изучении того, что теперь вслед за Р. Козелеком называют *Sattelzeit* (временем, связующим эпохи) ⁴⁷.

К сожалению, автор нигде не определяет понятие «кризис», вынесенное на титульный лист книги. Поэтому предстоит уяснить, что такое кризис в понимании профессора Феннела. Из первой главы книги, так сказать ее экспозиции, явствует, что основным политическим процессом на протяжении всего изучаемого столетия профессор Феннел считает потерю политического единства. При этом само единство автор понимает как единство княжеского клана, наследование в котором происходило по горизонтальной, боковой (от брата к брату) линии. Именно приверженность к подобному типу наследования и послужила причиной распада этого единства. Взгляд этот не нов: вслед за С. М. Соловьевым он был высказан в 1909 г. А. Е. Пресняковым ⁴⁸ и весьма распространен в современной буржуазной историографии: укажем лишь работы Ж.-П. Арриньона ⁴⁹ и Г. фон Рауха. По мнению последнего, Киевская Русь — это «федерация, которая скреплена одной династической скобой» ⁵⁰. Сам факт подобной системы наследования бесспорен. Более того, он роднит Русь с другими раннефеодальными государствами Европы, в первую очередь Франкским королевством, где до второй половины IX в. существовал и действовал *corpus fratrum*, предусматривавший «непременное соучастие всех братьев в управлении королевством по смерти их отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании королевств-уделов (*Teilreiche*) при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы» ⁵¹, как определяет этот институт А. В. Назаренко. На Руси родовой сюзеренитет, этот «пережиток эпохи варварских королевств, когда королевская власть была прерогативой не одной личности, а всего правящего рода» ⁵², сохранялся до середины XII в., потом на смену разде-

лам в соответствии с родовым сюзеренитетом пришло распадение государства на устойчивые государственные единицы — самостоятельные княжества во главе с той или иной, но постоянной ветвью княжеского рода.

Автор точно и подробно характеризует вновь образовавшиеся феодальные княжества: Киевское, Черниговское и др. Однако он совершенно не задается вопросом, какой стадии феодализма соответствовала раздробленность. Пожалуй, не стоило бы об этом и говорить (вопрос достаточно подробно освещен в советской литературе), если бы от ответа на него не зависела общая оценка изучаемой эпохи. Новейшие исследователи (В. Л. Янин, В. Б. Кобрин) к XII в. относят формирование вотчинного землевладения (в Новгороде — к XII—XIII вв., в Ростове и Владимире — к середине — второй половине XII в., в Галицко-Волынской Руси — ко второй половине XII в. — началу XIII в.^{53–54} очевидно, этот процесс складывания вотчинного землевладения, пока еще незначительный по масштабам, и был одной из основ углубляющейся феодальной раздробленности⁵⁵. В политической сфере он привел к образованию такого органа, как *совет* при князе⁵⁶ — зародыша будущих *дум*.

Из изложения профессора Феннела и следует, что наступление эпохи феодальной раздробленности он и считает кризисом — кризисом княжеской власти, притом не всякой, но центральной власти киевского князя. Однако в Германии, во Франции, в Испании, на Руси раздробленность — естественная стадия развития феодализма, время бурного роста и даже расцвета местных центров, с их неповторимым своеобразием культуры и спецификой внутривнутриполитических отношений⁵⁷.

Желание заменить историю страны, народа историей государства, реализованное в концепциях государственной школы (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин), необходимо требовало признания единственно правильным порядком эпохи наибольшего усиления государства, т. е. периода централизации власти, и вело к недооценке федеративной политической организации, раздробленности. Эта точка зрения — обычный взгляд европейца, обожествляющего государственную машину. Ее разделял и знаменитый английский историк А. Тойнби, называвший 1075—1475 гг. «эпохой беспорядка», или «смутным временем» (*the time of troubles*) русской истории⁵⁸. Столь же необоснованно пренебрежительный взгляд на Русь XII—XIII вв. как на «множество самостоятельных полугосударств» был сформулирован в замечаниях Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника по истории СССР (1934)⁵⁹. Советская историография конца 20-х — 30-х годов развивалась в условиях, когда термин «феодализм» приобрел дополнительную негативно-политическую окраску: ЦК ВКП(б) вел критику троцкистской теории «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»⁶⁰; в резолюциях ЦК «единая централизованная партия» противопоставлялась «бесформенному конгломерату, состоящему из феодальных княжеств», а распад монолитной большевистской партии приравнивался к «партийному феодализму» (1929)⁶¹.

Определение русских княжеств как «полугосударств», сведение

исторической роли феодальной раздробленности лишь к созданию «предпосылок для образования централизованного государства»⁶² и итоги экономической дискуссии 1951 г., в которой земельная собственность при феодализме односторонне оценивалась лишь как вещное богатство, собственно имение⁶³, — историографические мифы, до сих пор тормозящие изучение истории XII—XIII столетий.

Дж. Феннел, описывая эпоху феодальной раздробленности на Руси, находится в явной зависимости от господствующих концепций нашей историографии и, кроме того, воспроизводит схемы английской исторической науки, называющей кратковременный период раскола Англии в царствование Стефана Блуаского (1135—1154) феодальной анархией, причины которой некоторые исследователи видят в запутанности феодально-династических и семейных отношений⁶⁴.

Был ли XIII в. кардинально отличен от второй половины XII в., настолько отличен, чтобы можно было говорить о кризисе? Накануне монгольского нашествия формировалась система вассалитета русских князей. Об этом свидетельствует изменение значения традиционного термина «наделок» (его основное значение — часть приданого или наследства). Под 1195 г. в Ипатьевской летописи рассказано о конфликте Всеволода Владимирского с Рюриком Киевским, который отдал города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль и Канев князю Роману, но потом по требованию Всеволода Большое Гнездо отнял у него и передал Всеволоду, «старшему во Владимире». Торческ получил зять Всеволода — Ростислав, сын Рюрика. В ответ на это оскорбленный Роман вступил в союз с Ольговичами в Ярославле, Всеволодичами — в Чернигове и Казимировичами — в «Лясех» (Польше). Ничего не добившись силой, Роман пришел с повинной к Рюрику, который согласился «отдать» его вину, «принять», «отвести ко кресту» и дать «наделок»⁶⁵. Эпизод весьма показательный с нескольких точек зрения: он свидетельствует о заинтересованности владимирского князя в поднепровских городах, о складывании системы вассалитета между князьями (владимирский князь и Ростислав, киевский князь и Роман), причем вассалитета, не ограниченного пределами одного княжения, о появлении земельного княжеского лена под традиционным названием «наделок»⁶⁶.

Руководство мелких князей отрядами войск их сюзеренов (известно, например, что в 1232 г. из Чернигова вышел Святослав Трубечский с «новгородцами») — имеется в виду, очевидно, отряд из Новгорода Северского⁶⁷ приближало самих этих князей к роли более поздних служилых, хорошо известных в Русском государстве по источникам конца XV — начала XVI в.⁶⁸

Система складывающегося или уже сложившегося вассалитета князей была подорвана в результате нашествия: с переносом апелляционного органа, принадлежавшего к компетенции верховной власти, за пределы Руси каждый князь получил право и возможность добиваться земель и трона самостоятельно, чем консервировалось состояние феодальной раздробленности.

Формирование вассальных отношений сопровождалось упорядочением княжеского хозяйства и фиксацией общегосударственных

повинностей по поддержанию «служебной организации» князей (см. уставную грамоту о ловчем: Приложение 3. Актовые материалы), по строительной деятельности князей и благоустройству городов. Тот факт, что подобные грамоты сохранились из различных городов, — несомненное доказательство всеобщности этого процесса. Можно полагать, что развитие феодальных отношений и на северо-востоке и на северо-западе страны в XIII в. в основном соответствовало развитию их в Галицко-Волынской земле. Для политического кризиса — а только о таком и повествует Дж. Феннелл — обязательен паралич или полупаралич общественной жизни, разрушение или пробуксовка административно-фискальных механизмов. Наблюдается ли это в русских землях XII в.? На этот вопрос можно ответить лишь применительно к Новгороду. Многочисленные новгородские берестяные грамоты не дают ни малейшего намека на это ни относительно первой трети XIII в., ни относительно остальных его двух третей. Не случайно именно в пользу князя Святослава Всеволодовича новгородцы в 1209 г. отдали «доски»⁶⁹ посадника Дмитра Мирошкинича⁷⁰, т. е. документы, которыми оформлялись ростовщические операции. По-видимому, князь располагал достаточно мощным аппаратом для взимания долгов и процентов.

Одним из ведущих процессов, характеризующих кризис, Феннелл считает потерю Киевом своего доминирующего положения. Причины этого явления, т. е. перемещения источника влияния — сильной княжеской власти — на северо-восток, следует искать «прежде всего в том факте, что ни один княжеский род не правил Киевом в течение всего XII в.» (с. 57).

Этот ответ, поддержанный одним из рецензентов — Дж. Шепардом⁷¹, содержит в себе скрытую полемику с предшествующей, в том числе и советской историографией⁷². Последняя обращала внимание на ухудшение торговли на Черном море и вообще с востоком и югом, и миграцию населения на северо-восток. Предмет дискуссии заключается не в самом факте миграции, но в определении ее движущих сил: советские историки настаивают на отходе рядового населения, зарубежные говорят о ведущей роли князей в этом процессе (Г. Штекль)⁷³.

Массовый материал археологических раскопок показывает, как отступало на север финно-угорское население на северо-востоке страны. Ясно также, что неравномерность заселения славянским этносом Восточно-Европейской равнины давала себя знать и в это время. Несмотря на существование слабозаселенных, болотистых или лесистых районов на западе Руси, в целом внутреннее освоение земли на юге и юго-западе происходило гораздо быстрее, чем на северо-востоке: значительно большая плотность населения в этом регионе, о чем свидетельствует количество топонимов, упомянутых даже в летописи⁷⁴, значительно большая плотность городов (отметим, что в Новгородской земле на протяжении всего средневековья города существовали в крайне небольшом количестве, да и то в непосредственной близости от столицы⁷⁵). В этом же юго-западном районе значительно раньше происходили процессы складывания частного землевладения: летописный термин *села* распространялся

по концентрической окружности от юго-запада. Во вновь осваиваемом краю возникали новые города, как хорошо показал М. Н. Тихомиров.

Вряд ли в этих условиях можно говорить о простой «неспособности» Ростиславичей править по-прежнему. Канули в Лету те условия, при которых действовали Мономах и Мстислав Великий. Жаль, что автор обходит молчанием причины изменения положения князей в Киеве. Это оставляет у читателя чувство неудовлетворенности. Тем более что следующая глава, посвященная Южной Руси 1200—1223 гг., вновь возвращает к вопросу, оставшемуся без ответа в предшествующей. Автор прослеживает закономерность внутривнутриполитической жизни этих двух десятилетий, упорную борьбу соседних князей за Киев, не давая ответа на вопрос о причинах этого. Киев, несмотря на постигший его разгром половцами в 1203 г. (красочно описанный в летописи и не менее красочно — Дж. Феннелом), оставался, как показали археологические раскопки М. К. Каргера⁷⁶, крупнейшим городом. Здесь по-прежнему происходила оптовая международная торговля, отсюда по-прежнему расходились товары южного и восточного импорта⁷⁷. Доходы князя, несомненно, складывались не только из судебных, но и из торговых пошлин, как можно понять из памятника XIV в. — относящегося, впрочем, к Новгороду — «Руккописания Всеволода Мстиславича»⁷⁸.

События 1200—1223 г., определившие судьбу Суздальской земли, — последние походы Всеволода III, раздел его владений между сыновьями, смута, начавшаяся после смерти Всеволода в 1212 г., победа Константина Всеволодовича в междоусобной войне и последующее вокняжение Юрия Всеволодовича (1218) — описаны автором в летописной манере и производят впечатление беспристрастного изложения бесспорных фактов. Однако в этом рассказе сравнительно немного известных ранней Лаврентьевской летописи (1305), зато немало фактов, почерпнутых из позднейших, менее достоверных источников — гипотетического свода 1448 г. (Новгородская IV и Софийская I летописи) и Московского свода конца XV в. Так, в рассказ о разделе княжения Всеволодом III между сыновьями автор вводит описание собора, будто бы созванного Всеволодом во Владимире и состоявшего из представителей всех сословий — бояр, духовенства, купцов, дворян и «всех людей». Дж. Феннел считает этот собор «предтечей великих земских соборов XVI и XVII веков» (с. 84), и его, как и советских историков В. Т. Пашуто и Ю. А. Лимонова, ничуть нестораживает то обстоятельство, что о соборе 1211 г. молчит Лаврентьевская летопись, зато подробно повествует Московский свод конца XV в., создатели которого в последние годы жизни Ивана III имели серьезные основания конструировать исторический прецедент соборного приговора о разделе наследства великого князя, невзирая на то, что в предшествующие столетия подобные вопросы решались на основании личного княжеского завета.

Положение Новгородской земли в 1200—1223 гг. Дж. Феннел описывает как неизменное, ибо в первые десятилетия XIII в. еще нет примет нового этапа в развитии новгородского самоуправле-

ния — договорных отношений между князем и Новгородом. Явно упрощенно проведен анализ политической подоплеку восстания 1207—1209 гг. как проявления антагонизма суздальского князя и антисуздальски настроенного посадника. Сам факт складывания различных группировок боярства, ориентированных на различные группы князей, — характерная черта новгородской политической жизни того периода, когда новгородцы стали «вольны в князях». Советские историки (В. Л. Янин) расценивают итог восстания 1207—1209 гг. как победу княжеской власти над посадничеством. Однако разгром Мирошкиничей привел не только к изъятию долговых «досок»⁷⁹ и прекращению поборов в пользу посадника, — эти «доски» и, вероятно, предсмотренные и зафиксированные на них долги по уплате дани были переданы князю, поэтому новгородское восстание стало одним из этапов нормирования отношений князя и Новгорода.

По мнению Дж. Феннела, в XIII столетии Новгород терял свою привлекательность для князей: на их долю доставалось мало доходов и слишком много обязанностей по обороне города и сооружению фортификационных укреплений. Эти аргументы представляются неубедительными. Как показали новейшие исследования П. А. Раппопорта (см. Приложение 7. Археологические материалы), уже с 40-х годов XII в. князья не занимались строительством новгородских укреплений. В пользу новгородского князя отчислялась часть «полона», до 1228/29 года князь взимал пошлину, поименованную *забожничье* (термин неясен; В. И. Даль объясняет глагол *забожить* как «присвоить неправую божбою, если нет улик»⁸⁰, т. е., возможно, речь идет о судебной пошлине). Постоянным источником дохода князя оставался его домен, который недавно, уже после выхода в свет книги «Кризис средневековой Руси», был локализован В. Л. Яниным на юге Шелонской пятины⁸¹.

Рассматривая заключительный этап борьбы Ольговичей с суздальскими князьями, Дж. Феннел видит причины победы последних в изобретательности и военном искусстве Ярослава, а также в близости их переславской вотчины к Новгороду. Странно, что автор не вспомнил о высказанной им выше мысли о хлебной зависимости Новгорода от Суздаля, откуда шел на северо-запад жизненно важный поток продовольствия.

«Неустовое и, по всей видимости, бессмысленное соперничество» (с. 114) смоленских, черниговских и галицких князей, стремившихся к захвату Киева в первой трети XIII в., заставляет автора задавать недоуменные вопросы, предполагая в претендентах на киевский стол «жадность», «стремление... достичь власти над всем югом Руси» или «просто тщеславное желание занять престол в городе, все еще считавшемся матерью городов русских» (с. 114). Между тем XII—XIII столетия — это время углубления процесса феодализации. Складывание княжеского и боярского хозяйства остро ставило вопрос о рабочих руках. Пополнение числа холопов — основной группы зависимого населения — чаще всего было результатом военных походов и взятия «полона». Борьба за Киев (и Новгород) — это борьба и за пункт обмена, где поборы — дань, дар и т. д., — взимав-

шиеся в виде пушнины, обменивались на золото, серебро, сукно, предметы роскоши.

Повествование о монгольских походах на Русь 1223 и 1237—1240 гг. Дж. Феннел основывает на собственных изысканиях по истории текста летописных повестей о битве на Калке и Батыевом нашествии⁸², справедливо выделяя три различных русских версии — Лаврентьевской летописи (владимирского происхождения) Ипатьевской (южнорусской) и Новгородской I (новгородской, возможно, с использованием рязанских известий) летописей, дополняя их данные записями восточных и западных авторов — Джувейни (этот персидский хронист до сих пор мало известен нашей историографии), Рашид-ад-Дина, Ибн-Василя и доминиканских монахов. Менее убедительно поступает автор, доверяя известиям позднейшей «Повести о разорении Рязани Батыем», которую возводит к несохранившейся рязанской летописи XIII в. В данном случае Дж. Феннел опирается на совпадения статьи 1238 г. Синодального списка Новгородской I летописи и «Повести» и без обсуждения принимает аргументацию Д. С. Лихачева⁸³, хотя более обоснованной представляется точка зрения В. Л. Комаровича, датировавшего «Повесть» вместе с циклом повестей о Николе Заразском XVI столетием⁸⁴.

Нашествия 1223 и 1237—1240 гг. Дж. Феннел, следуя нашей историографической традиции, называет «татарскими» нашествиями, что не вполне точно: верхушка ордынской знати, направлявшая поход на восток, происходила из монгольских племен, а основной этнический субстрат кочевого государства, подчинившего Русь в XIII в., составляли тюркоязыческие степные народности (преимущественно кипчаки)⁸⁵. Термин *Золотая орда* по отношению к государству хана Джучи и его сына Бату неудачен: в русских источниках этот термин появляется лишь в XVI в., поэтому правильнее, по нашему мнению, называть государственное образование монголов и кипчаков улусом Джучи или просто Ордой.

Рассказывая о первом появлении монгольских войск в 1223 г. Дж. Феннел приводит одно свидетельство французского хрониста — Матфея Парижского, тогда как катастрофа на Калке отозвалась в разных странах Западной Европы: о ней писали и немецкие и итальянские авторы XIII в.⁸⁶

Особый раздел 4-й главы посвящен «великим» (как почтительно именует их автор) татарским походам. Несмотря на прямые свидетельства летописей о всеобщей гибели русского населения от рук монголов («люди избиша от старьца и до сущаго младенца»), грабежах («много именья взямше») и массовых угонах в плен («ковы же введуще босы и без покровен в станы свое»), Дж. Феннел квалифицирует эти известия как «общие места, используемые в летописи для описания катастроф, ввергавших время от времени русские города в руки захватчиков» (с. 119)⁸⁷. Автор даже не пытается проверить достоверность летописных клишированных фраз данными археологии, хотя такая возможность предоставлена исследованиями М. К. Каргера, А. Л. Монгайта и других (см. Приложение 5). Прежние случавшиеся «время от времени» захваты городов — это результаты обычных междоусобных войн, которые были иными и, уж во вся-

ком случае, не предусматривали характерного для монгольской стратегии тотального уничтожения населения захваченных территорий. Монголы Бату-хана, планировавшие поход в глубь Европы, в 1237—1240 гг. не рассматривали Русь как свое будущее владение; их заботила лишь добыча да потребность обезопасить свой правый фланг и тыл, поэтому нашествие носило чрезвычайно опустошительный характер и привело к исчезновению многих городов и сельских поселений⁸⁸.

Желание преуменьшить масштабы катастрофы заставляет автора перелицовывать летописный текст: например, о взятии Торжка сказано так: «Две недели по его стенам били осадные орудия. Из Новгорода никакой помощи не пришло, и жители Торжка «в недоумении и страхе» сдались 5 марта» (с. 121). А новгородский летописец рассказывает об обнесении города укреплениями — «тыном», о двухнедельной осаде, во время которой город обстреливался из «пороков», об «изнеможении» жителей, начинавших уже терять надежду: «Уже кто же себе бе в недоумении и страхе»; «и тако погании взяша град, изсекоша вся (убили всех) от мужеска полу и до женска, иерейский чин весь (священников) и черноризческий (монахов)»⁸⁹.

Дж. Феннел называет четыре причины поражения (автор называет его «разграблением») русских: численное превосходство монголов, более совершенная боевая стратегия и тактика кочевников, отсутствие центра руководства у русских и истощение княжеских сил предшествующими междоусобицами (с. 125). Все эти доводы давно обсуждаются в историографии, и автору не удалось сколько-нибудь углубить их анализ.

Вслед за Г. В. Вернадским (1953)⁹⁰ и Л. Н. Гумилевым (1970)⁹¹ Дж. Феннел явно преуменьшает разрушения, причиненные русским княжествам монгольским нашествием, ставя под сомнение археологические данные об уничтожении населения, исчезновении многих городов и сел, массовых миграциях с юга в более спокойные лесные районы Северо-Восточной Руси. Эти сомнения Дж. Феннела подробно рассмотрены в приложениях, из которых следует, что монгольское нашествие 1237—1240 гг. не было «еще одним ударом степных захватчиков» (с. 130)⁹², а положило начало новой, необычайно тяжелой для Руси системы отношений, позднее названной «татарским игом». Впрочем, об этом иге автор упоминает с оговоркой «так называемое» (с. 124) и делит его на два этапа: 138 лет длился «политический контроль» Орды над русскими княжествами, а 100 лет — с 1380 по 1480 г. — ханы «продолжали требовать, хотя и не всегда получали, дань от своих русских «вассалов»» (с. 124). Подобная «смягченная» концепция ордынского ига давно утвердилась в англоязычной историографии (Ф. Грехем, 1860; Дж. Куртэн, 1908)⁹³, однако Дж. Феннел не учитывает сложных социально-экономических и политических перемен, последовавших на Руси после образования улуса Джучи (эти изменения не отрицаются западными учеными под влиянием работ историков евразийской школы — сравни книги Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского и попытку преодоления евразийских концепций в книге Ч. Гальперина⁹⁴). Проблема

ордынского ига значительно шире сферы политических отношений на Руси: это проблема темпов и характера исторического развития русских княжеств, вот почему Дж. Феннел, следуя своему принципу писания политической истории на основе одной разновидности первоисточников (свидетельств летописей), не имеет средств для воссоздания всей сложности феномена ига.

Вопрос о воздействии монгольского нашествия на развитие русского общества — один из самых сложных в истории Руси. Крайний недостаток источников затрудняет ответ на него, поэтому вполне возможным становится появление таких работ, в которых отрицается какое-либо воздействие нашествия на развитие Руси. Большинство историков, однако, придерживаются мнения о том, что иноземное иго задержало экономическое, социальное и политическое развитие Руси, завершение процесса складывания феодализма, возродив архаичные формы эксплуатации. Исчез целый ряд отраслей ремесленного производства: забыта техника перегородчатой эмали, производства стеклянных бус, черни, зерни, скани (художественной обработки металлов). На целое столетие прекратилось оборонное каменное строительство на Руси даже в тех городах, которые не были разорены во время нашествия.

Значительно уменьшилась численность не только городского ремесленного населения, но и низших категорий класса феодалов, отчасти и княжеско-боярской верхушки. Произошла примитивизация форм эксплуатации сельского населения. Постоянный спрос на продукты промыслов, в первую очередь охоты, способствовал их развитию в ущерб земледелию на большей части территории Руси. Замедление темпов развития феодализма проявилось и в консервации холопства (полной личной зависимости крестьян, обычно не имевших надела). В конце XIII — начале XVI вв. холопы составляли основную рабочую силу домениального хозяйства и пополнялись главным образом за счет взятых в плен в междоусобных войнах соплеменников. Замедлилась колонизация в районы финно-угорского и балтского населения на севере и востоке.

Крайне важны и долгосрочные социальные воздействия нашествия и ига. Политическая роль горожан резко упала, хотя именно горожане и выступали основной движущей силой в антимонгольских и антиордынских выступлениях. Иго способствовало упрочению двух сил — церкви, которая, согласно представлениям язычников монголов, должна была оставаться нетронутой, и княжеской власти, получившей, между прочим, в результате борьбы горожан право сбора различных налогов в пользу захватчиков — ясака (дани), хараджа (поплужного), тамги (торговой пошлины), сусуна и улуфа (корма и питья), конака (дара, почестья, гостевой пошлины), кулуш-колтка (запроса, чрезвычайного сбора по требованию хана).

Иго способствовало исчезновению веча (органа сословного представительства правящих классов), упрочению княжеской власти.

Концепция 5-й главы, посвященной деятельности Александра Невского, парадоксальна: после нашествия монголов с 1240 по 1252 г. «русские... сами решали, как им жить» (с. 136), вокня-

жение Александра на владимирском столе в 1252 г. знаменовало «начало новой эпохи подчинения Руси татарскому господству», «иго» началось не с нашествия, а «с того момента, как Александр предал своих братьев» (с. 149). Идеализация Александра Невского, вызывающая протест у Дж. Феннела, явно связывается автором с официально-патриотической трактовкой истории битвы на Чудском озере, особенное распространение получившей в 30-х годах текущего столетия, — сравни постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник истории СССР⁹⁵ и известный фильм С. М. Эйзенштейна. Цепь рассуждений Дж. Феннела напоминает евразийскую концепцию взаимоотношений Руси с Ордой и построения Л. Н. Гумилева, который со смертью Александра связывает освобождение Руси от ордынской власти⁹⁶, однако она никак не подтверждается источниками. Подлинная грань в русско-ордынских отношениях — «татарская» перепись 1257—1259 гг., когда ордынцы после пятнадцатилетнего взимания дани и корма с русского населения (согласно ярлыку Менгу-Тимура 1267 г., отразившему ярлык Бату-хана 1242/43—1248 гг.), а также получения многочисленных подарков, привозимых в Сарай и в Каракорум в обозах русских князей, ввели на Руси подворное обложение, требуя десятины и тамги, выполнения воинской повинности, постепенно учреждая «ямскую» (почтовую) и другие повинности. Этот экономический контроль в соединении с политическим верховенством хана, раздающего ярлыки на княжение, сковал развитие княжеств и определил особое несвободное положение Руси («царева», т. е. ханского улуса) в составе улуса Джучи.

Автор не ставит вопроса о соотношении различных социальных сил в эпоху, последовавшую за монгольским нашествием, — прежде всего княжеской власти и того, что в других странах Европы получило наименование городского патрициата. Сам факт слабого развития и неоформленности торгово-ремесленной верхушки в социальной структуре русского средневекового города и падение институтов вечевого самоуправления нужно возводить к последствиям нашествия и ига. Потеря городом его наиболее активной части — богатых ремесленников и отчасти купечества⁹⁷, разрыв традиционных экономических связей с европейскими странами, расположенными западнее Руси, не могли не сказаться самым пагубным образом на развитии русского города.

Несомненно, Дж. Феннел прав в отрицании организационных форм союза папства, ордена и империи. Вопреки мнению И. П. Шаскольского⁹⁸, формального единства западных соседей Руси не существовало, однако их идейные и практические устремления были одинаковы. Дж. Феннел, не считая реальной опасностью для Руси с запада и преуменьшая тяжесть ордынского ига, утрачивает важные внешнеполитические критерии, по которым можно оценить деятельность русских князей, и в особенности Александра Невского.

Победы Александра Невского в 1240 и 1242 гг. описаны автором так, будто значение средневековых сражений зависит лишь от числа павших и захваченных в плен. Вспомним меткие слова Ф. Броделя о маленьких армиях средневековья, которые «умести-

лись бы на ладони»⁹⁹; в битве на Липице в 1216 г. — поворотном событии в отношениях Новгорода с Суздальской землей — потери Ростиславичей и Константина Всеволодовича, по словам пристрастного летописца, составили лишь шесть человек, а в битве при Дурбе 13 июля 1260 г., где крестоносцы подверглись сокрушительному разгрому со стороны литовских войск, погибло 150 рыцарей¹⁰⁰. Агиографический рассказ о победах Александра прочитан автором лишь как «эпическое преувеличение... относительно мелких побед», сделанное «по лучшим агиографическим образцам» (с. 142). Однако Дж. Феннел не вспоминает о том, что «Житие» Александра — первый подобный русский образец¹⁰¹, сформулировавший идею религиозного противостояния католическому западу и оказавший глубокое влияние на многие последующие книжные концепции борьбы Руси с внешними врагами, например на антиордынский пафос «Сказания о Мамаевом побоище» 80—90-х годов XV в.

По словам П. А. Флоренского, история имеет дело с духовными ценностями¹⁰², и агиографический образ Александра как истинного христианского правителя — защитника своей земли, сложившийся не позднее 1305 г., а вероятнее уже к 80-м годам XIII в., имеет самостоятельное значение в русской истории, не исчерпываемое биографическими реалиями.

Есть ли достаточные основания для того, чтобы встать на сторону Дж. Феннела в оценке ордынской политики Александра Невского как антирусской? Неизбежным шагом представляются настойчивые поиски Александром компромисса с сарайскими ханами в условиях междоусобицы, давления на западные границы владений Александра и тяжелых последствий нашествия 1237—1240 гг. Мнение Дж. Феннела о будто бы сложившейся к 1252 г. последовательно антиордынской коалиции русских князей, расколотой политикой Александра, маловероятно, зато несомненны миротворческая цель поездки князя в Орду после восстания 1262 г., «дабы отмолить людей от беды тоя», и отсутствие ханских карательных акций против восставших после заступничества Александра, но не по причине «занятости татар» (с. 163), как полагает Дж. Феннел¹⁰³.

Дж. Феннел, споря с русской и советской историографией, в целом признающей патриотический пафос политики Александра Невского, незаметно для себя черпает аргументы из арсенала своих оппонентов. Обвинение Александра в предательстве общерусских интересов опирается на позднейшее, но нередко звучащее и в нашей историографии представление о Северо-Восточной Руси XIII столетия как о «всей земле Русской» — целостном государственно-политическом организме¹⁰⁴. Более историчное понимание Руси XIII в. — полицентричной системы, составленной из самостоятельных княжеств, предполагает и более корректную оценку деятельности Александра Невского, управлявшего великим княжеством с осмотрительной осторожностью и заложившего основы неизбежной политики лавирования, сберегающей силы для последующего отпора Орде. Образ Александра в русской средневековой литературе не стал примером раболепства перед татарами, следо-

вательно, Александр вполне соответствовал этикетному представлению о мудром правителе и защитнике подданных¹⁰⁵; дальнейшая трансформация понятия народа, земли в представлении об «отчине» русских государей позволила применить опыт его политики в XV столетии и даже раньше, в годы «великой замятни» (усобицы) в Сарае — например, в действиях против Орды Дмитрия Донского (1375—1380 гг.).

Кровопролитные ордынские походы на Русь 70—90-х годов XIII в. и — как результат этих походов — усиление монгольской власти над русскими княжествами — вот та опасность, которой по возможности избегал Александр Невский; Дж. Феннел, верный своей концепции, объявляет эти походы «долгосрочными последствиями политики Александра Невского» (с. 115).

Мало внимания уделяет автор анализу ордынской администрации на Руси, упоминая лишь двух ханских чиновников — ярославского и владимирского баскаков. Без исследования вопроса об эволюции ордынской фискальной системы не вполне понятными остаются причины выступления городских низов в Ростове (1289) и многочисленных ордынских «ратей», разорявших русские княжества не только вследствие междуусобицы князей (автор называет ее «огромной семейной ссорой» (с. 190), приводивших татар на Русь, но и в целях установления более прочной зависимости отдельных земель и княжеств от сарайских ханов.

Для описания смуты 1281—1304 г. Дж. Феннел употребляет неудачный термин «гражданская война» (civil war), переведенный в нашем издании как «междоусобная война» (с. 186); в данном случае автор следует, возможно, традиции английской историографии: так, Дж. Барроу (1956) и Р. Дэвис (1967) называют гражданской войной выступление баронов против короля Стефана Блуаского (1135—1154)¹⁰⁶.

Эволюция новгородских политических институтов 70—90-х годов XIII в., в частности власти посадника и князя, «блистательно трактованная», по словам Дж. Шепарда, изложена автором по материалам исследования В. Л. Янина (1962)¹⁰⁷.

Причины слабости Руси XIII столетия автор ищет не в разобщении, неизбежном в развитии феодализма, и не в тяжелых последствиях нашествия 1237—1240 г. и ордынского ига, а в «консерватизме... правивших княжеских родов, нежелании и неспособности» князей «изменить устаревший... порядок» (с. 208). Иными словами, Дж. Феннел полагает, что уже существовали объективные предпосылки для движения Руси по пути централизации и лишь недостатки политической системы препятствовали этому. Единственный выход для Руси автор видит в опыте ее последующей истории: Русь должна «возродиться под руководством твердого и решительного правителя или княжеского рода, который сумел бы использовать политику татар» (с. 208). Однако, признавая за историческими процессами право на альтернативу, мы можем заметить, как в Новгороде условием расцвета было не усиление, а ослабление княжеской власти. И развитие Руси как моноцентричного государственного образования определилось лишь в XV сто-

летию, и не как следствие правильной политики тверских и московских князей, а под влиянием иных факторов: экономического роста «отчины» сильнейших княжеских родов, упорядочения власти Орды и ее последующего распада, давления с Запада на литовско-русскую границу, осознания национально-культурного единства и т. д. Здесь были бы уместны исторические параллели, намеченные еще в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева, сопоставившего борьбу против «власти татар в России» с Реконкистой — «изгнанием мавров из Испании» и падением Оттоманской империи¹⁰⁸ (эти параллели вновь были упомянуты в недавней книге Ч. Гальперина¹⁰⁹), однако Дж. Феннел не пользуется сравнительно-историческим методом, ибо он занимается не анализом процессов, а перечислением фактов политической борьбы, в его распоряжении материал, малопригодный для сопоставления.

Кризис средневековой Руси, каким он представляется профессору Дж. Феннелу, — закономерный этап развития русского феодализма. Неизбежный и знакомый по всем странам Европы период феодальной раздробленности совпал на Руси с иноземным нашествием. Важнейший центр, с помощью которого осуществлялся выход Руси в политический мир Южной Европы и Средиземноморья — Византия, в 1204—1261 г. оказался в руках крестоносцев. Тевтонский орден пытался запереть на собственный ключ северные ворота Руси в Европу и на Балтику. Ордынское иго, разрушения и массовый увод населения, увеличение фискального гнета ослабили русские княжества и ускорили процесс социальной дифференциации населения. Созревание русского феодализма происходило в очень трудных условиях, которые правильнее было бы описать не как кризис княжеской власти, а как общерусскую катастрофу. Преодоление последствий этой катастрофы потребовало не менее столетия, включившего в себя судьбы Ивана Калиты, митрополита Алексия, Михаила Тверского, Сергия Радонежского, Дмитрия Донского.

Плавное течение книги Джона Феннела — как мерцающая и изменчивая поверхность реки. Наблюдателю явлены внешние движения воды, но скрытыми от глаз остаются глубина потока, ложе, исток и устье. Книга возвращает читателя в классический XIX в., который соотечественник и современник профессора Феннела историк Э. Карр назвал «великой эпохой фактов»¹¹⁰.

После выхода в свет книги А. Н. Насонова «Монголы и Русь» (1940)¹¹¹ монография Дж. Феннела — первая попытка обобщить исследование исторической географии и политической истории русских княжеств XIII столетия. Автор превосходно ориентируется и в известиях летописных сводов XIII—XVI в., и в новейших работах советских ученых. Справившись с важнейшей из своих задач — вписать историю средневековой Руси на одну из страниц общеевропейской истории и объяснить трагическую судьбу России западному читателю, — Дж. Феннел все же не создал связанной концепции эпохи феодальной раздробленности и монгольского завоевания Руси. Однако критический разбор и сцепление осмысленных или просто перечисленных в книге Дж. Феннела фак-

тов ставят ряд вопросов, которые прежде казались решенными или несущественными, а теперь явно становятся ключевыми для нашей медиевистики. Речь идет о непроявленной логике самого процесса феодализации (сравни работы Д. Тржештика о «служебной организации» в раннефеодальном обществе у восточных славян¹¹²) и о раздробленности как итоге первого этапа развития феодализма на Руси, об особой природе отношений русских княжеств с Ордой, об упущенной альтернативе полицентричного развития Руси, о роли отдельных институтов, в частности церкви, в формировании антиордынской коалиции, о времени создания и функционировании книжной исторической формулы¹¹³ *татарского ига*. В решении этих проблем серьезную помощь советским историкам окажут беспристрастный анализ и выводы, полученные Дж. Феннелом в книге «Кризис средневековой Руси».

* * *

Предисловие к книге дополнено автором специально для русского издания. Цитаты из русских средневековых источников передаются по упрощенной транскрипции: выносные буквы вносятся в текст, вышедшие из употребления буквы заменены на современные, «ер» (ъ) сохраняется лишь в середине слова, а также в том случае, когда он образует слог («нъ», — т. е. «но»). Заключенный в круглые скобки перевод отдельных слов и выражений внутри цитат принадлежит Дж. Феннелу или редакторам и специально не оговаривается.

Научно-справочный аппарат автора значительно расширен. К изданию приложен разнообразный вспомогательный материал — генеалогические таблицы, карты, обзоры документальных источников, данных археологии, сфрагистики, эпиграфики и краткие очерки древнерусского искусства и литературы XIII столетия, характеристика положения церкви — затем, чтобы дать читателю максимум непредвзятых сведений, дополняющих и кое-где поправляющих выводы известного западного ученого. Приложения 1, 9—11 написаны А. И. Плигузовым, 2—8 — А. Л. Хорошкевич, приложение 12 — Л. И. Лифшицем. Карты-схемы, которые были приложены к книге Дж. Феннела, опущены. Карты составлены А. И. Плигузовым и А. Л. Хорошкевич на основании карт И. А. Голубцова, В. Л. Егорова и А. В. Кузы. Иллюстрации в основном подобраны Л. И. Лифшицем. В отдельных случаях использованы материалы В. П. Даркевича.

А. Л. Хорошкевич,
А. И. Плигузов

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, 5-е изд. СПб., 1842, т. I, с. X.

² Сагг Е. Н. What is History? L., 1964, p. 44.

³ См.: Ротштейн А. Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах.— Вопросы истории, 1957, № 5, с. 207—213; Smith R. E. Russian History and the Soviet Union.— Comparative Studies in Society and History. An International Quarterly. Hague, 1962, vol. IV, p. 375—387; Некрасов Г. А. Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма.— В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962, с. 7—36; Синицын Н. В. Изучение в Англии истории феодальной России.— Вопросы истории, 1968, № 4, с. 183—195.

⁴ У нас в стране рецензировались лишь двенадцать томов первой серии «Оксфордских славянских записок»: т. I—VI (История СССР, 1958, № 1, с. 202—213), т. VII—IX (там же, 1961, № 4, с. 30) и т. VIII—XII (Вопросы истории, 1968, № 4, с. 190—191); История СССР, 1960, № 5, с. 214—218.

⁵ Шапов Я. Н. «Средневековая Русь».— Вопросы истории, 1979, № 8, с. 161—164 (рецензия на I—III тома «Russia Mediaevalis» — далее RM);

Бегунов Ю. К. «Древняя Русь» — новый сборник зарубежных исследований по истории и литературе, т. I.— История СССР, 1975, № 1, с. 226—228.

⁶ Им написаны рецензии на книги советских ученых: Истоки русской беллетристики. Под ред. Я. С. Лурье. Л., 1970 (RM, 1973, t. 1, p. 108—110); Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970 (там же, p. 111—113); Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976 (RM, 1979, IV, p. 71—78); Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977 (там же, p. 79—81); Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980 (RM, 1984, t. V, 1, p. 184—186) и др.

⁷ Fennell J. L. I. The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaizers.— The Slavonic and East European Review. Oxford, 1951, vol. 29, № 73, p. 486—509; Idem. The Dinastic crisis 1497—1502.— Slavonic and east-european review, 1960, v. 39, N 92, p. 1—23.

⁸ Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, ч. I, с. 278—281.

⁹ Отчет профессорского стипендиата Георгия Левцкого о занятиях в 1889—1890 году.— Журналы Совета С.-Петербургской духовной академии за 1889—1890 учебный год. СПб., 1895, с. 287—345; Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911, т. V, протоколы, с. 32—34; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.— Л., 1960, с. 325—331. Lilienfeld F. von. Nil Sorskij und seine Schriften. Berlin, 1963, S. 159—164.

¹⁰ Плигузов А. И. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история «Собрания некоего старца».— В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987, с. 27—42; ср.: Белякова Е. В. Источники Кормчей Ивана Волка Курицына.— В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984, с. 75—83; Плигузов А. И. Кормчая Вассиана Патрикеева.— В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988.

¹¹ Vejnadsky G. The Heresy of Judaizers and the Policies of Ivan III of Moscow.— Speculum, 1933, vol. 8, № 4, p. 436—454.

¹² Howlett J. R. The Heresy of the Judaizers and the Problem of the Russian Reformation. Oxford, 1976 (машинопись докторской диссертации).

¹³ Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные.— Русская историческая библиотека. СПб., 1914, т. 31.

¹⁴ Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.— Л., 1951.

¹⁵ The correspondence between prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia 1564—1579. Ed. J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955 (second edition: 1963).

¹⁶ Некрасов Г. А. Основные тенденции новейшей английской науки, с. 15 и сл.; The Cambridge Modern History, vol. II. Cambridge, 1958, p. 534—561.

¹⁷ Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow. L., 1961. Лурье Я. С.— Исто-

рия СССР, 1962, № 4, с. 208—210. Ср.: Grey H.—History Today. L., 1962, vol. 12, № 2, p. 142—143; Agt G.—Slavic review, 1963, vol. 23, p. 139—140; Jahrbucher für Geschichte der Ud. SSR. 1963, Bd. 7, S. 627—632. Обзор английских рецензий на книгу см.: История СССР, 1962, № 6, с. 201—203.

¹⁸ Ср.: Лурье Я. С. Елена Ивановна, королева польская и великая княгиня литовская, как писатель-публицист.—Canadian—American Studies, 1979, vol. 13, № 1—2, p. 111—120.

¹⁹ Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow, p. 354.

²⁰ Pushkin. Selected verse. Introd. and ed. by J. Fennell with plain prose translations of each poem. Baltimore, 1964.

²¹ См.: Чуковский К. Онегин на чужбине.—Дружба народов, 1988, № 4, с. 246—256.

²² Fennell J. Pushkin.—Nineteenth Century Russian Literature. Studies of Ten Russian Writers. L., 1973, p. 13—66.

²³ Prince Kurbsky's History of Ivan IV. Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965.

²⁴ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в.—История СССР, 1965, № 5, с. 202—213. Дискуссию о датировке «Истории» см.: Ауербач J. Gedanken zur Entstehung von A. M. Kurbskys Istorija o velikom knijaze Moskovskom—Canadian-American Studies, 1979, vol. 13, № 1—2, p. 166—171.

²⁵ Мазон А. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

²⁶ Эта работа до сих пор не опубликована; отдельные ее положения составили темы статей: Зимин А. А. Две редакции Задонщины.—Труды Московского гос. Историко-архивного ин-та. М., 1966, т. 24, с. 17—54; его же: Спорные вопросы текстологии «Задонщины».—Русская литература, 1967, № 1, с. 84—104; его же. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве».—История СССР, 1968, № 6, с. 43—64.

²⁷ Jakobson R. The Puzzles of the Igor'—Tale on the 150th Anniversary of the First Edition.—Speculum, 1952, vol. 27, p. 59—60.

²⁸ Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности.—В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 66—69; его же: Когда было написано «Слово о полку Игореве»? — Вопросы литературы, 1964, № 8, с. 142—144; его же: The Authenticity of the Slovo o Polku Igoreve: A Brief Survey of the Arguments.—Oxford Slavonic Papers, 1967, vol. 13, p. 36—37.

²⁹ Fennell J. L. I. The Slovo o Polku Igoreve: The Textological Triangle.—Oxford Slavonic Papers, 1968, New Series, vol. 1, p. 126—137.

³⁰ Fennell J., Stokes A. Early Russian Literature. L., 1974.

³¹ Статья Д. С. Лихачева была опубликована по-английски в «Оксфордских славянских записках» (1969, т. II); дополненный русский перевод см.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 296—309.

³² Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

³³ Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow. 1304—1359. L., 1968, p. 8.

³⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; его же: Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; Очерки русской культуры XIV—XV веков, М., 1969, ч. I; 1970, ч. II.

³⁵ Сагг Е. Н. What is History, p. 84.

³⁶ Очерки Истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953, с. 879—881.

³⁷ Кеелан Е. L. The Kurbskii — Groznyi Aposrypha. Cambridge, Mass., 1971.

³⁸ Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

³⁹ RM, 1975, т. II, p. 188—198.

⁴⁰ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 253.

⁴¹ Морозов Б. Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в.—АЕ за 1986 г. М., 1987, с. 277—288.

⁴² Fennell J. Pushkin, p. 66.

⁴³ Fennell J. and Stokes A. Early Russian Literature. L., 1974.

⁴⁴ См., например: Плигузов А. И. Памятники раннего «нестыжательства» первой трети XVI века. Автореф. канд. дис. М., 1986.

⁴⁵ Handbuch der Geschichte Russlands. Wiesbaden, 1979—1981. Bd. I; Об этой книге см.: Назаренко А. В. Новые тенденции изучения истории Древней Руси

в историографии ФРГ.— В кн. *Культура и общество Древней Руси (X—XVII вв.)*. (Зарубежная историография). М., 1988, ч. I, с. 118—152.

⁴⁶ В оценке стиля книги можно присоединиться к ее английскому рецензенту (Shepard J.— *English Historical Review*, L., Oct. 1984, v. 99, № 393, p. 821). См. также: Матузова В. И. Феннел Д. Кризис средневековой Руси.— *Культура и общество Древней Руси*, с. 186—196; Howlett J. R. *On the Writing of Russian History* — *Slavic Review*, 1989, № 2.

⁴⁷ Nitsche P. Rec.: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1984, Bd. 34, Hf. 3, S. 428.

⁴⁸ Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Спб., 1909.

⁴⁹ Arrignon J. P. *Usage et valeur du titre de Grand-Prince (Velikij kniaz) dans la Russie du nord-est aux XIII-e et XIV-e siècles*. Bordeaux, 1979.

⁵⁰ Rauch von, G. *Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. Federalistische Kräfte und Ideen in der russischen eseschichte*. München, 1953, S. 11.

⁵¹ Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XII вв.) — *Древнерусские государства*, 1985, М., 1987, с. 150. Вопрос о роли родовых кланов применительно ко всей Европе рассмотрен в кн.: Heers J. *Family Clans in the Middle Ages. A Study of political and social structures in urban areas*. Amsterdam, 1977 (особ. p. 18—22).

⁵² Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет, с. 151.

^{53—54} Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981, с. 241—256; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985, с. 32—47.

⁵⁵ Ср.: Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв.— В кн.: *Польша и Русь*, М., 1974, с. 195—202.

⁵⁶ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965, с. 16—20.

⁵⁷ Убедительную параллель представляет аналогичный процесс в Мазовии (Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.).— В кн.: *Польша и Русь. О механизмах разрешения феодальных конфликтов в феодально-раздробленной Франции* см.: Geary P. *Vivre en conflit dans une France sans etat. Typologie des mecanismes de reglement des conflicts (1050—1200)*.— *Annales: Économies, société, civilisations*, 1986, A. 41, № 5, p. 1107—1133.

⁵⁸ Тоунбее А. *A Study of History*. L., 1937, vol. 3, 145.— См.: Гольдберг А. Л. История России в кругу «локальных цивилизаций» (концепция русской истории в трудах А. Тойнби).— В кн.: *Критика новейшей буржуазной историографии*. Л., 1967, с. 184—185

⁵⁹ К изучению истории. М., 1937, с. 22.

⁶⁰ Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936, ч. II, с. 324; ср. с. 322.

⁶¹ Там же, с. 326—327: «Тов. Бухарин думает, что если партия выдвинула его на пост ответственного редактора «Правды» и секретаря ИККИ и т. Томского на пост председателя ВЦСПС, то это значит, что партия передала им «Правду», ИККИ и ВЦСПС на правах мандатного управления, отказавшись от права всякой проверки их повседневной работы... Если бы это было верно, то у нас не было бы тогда единой централизованной партии, а был бы бесформенный конгломерат, состоящий из феодальных княжеств, в числе которых мы имели бы княжество «Правда», княжество ВЦСПС, княжество секретариат ИККИ, княжество НКПС, княжество ВСНХ и т. д. и т. п. Это означало бы распад единой партии и торжество «партийного феодализма».

⁶² Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси.— В кн.: *Польша и Русь*, с. 16.

⁶³ Данилова Л. В. Изучение истории средневековой России.— В кн.: *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1985, т. V, с. 148—149.

⁶⁴ Sayers G. O. *The Medieval Foundations of England*. L., 1950, p. 313—314, 322—323; Gronpe H. *The Reign of Stephan 1135—1154. Anarchy in England*. L., 1970. Ср.: Якуб А. В. Проблема феодальной анархии 30—50-х годов XII в. в Англии в англо-американской историографии.— В кн.: *Проблемы идейно-политической борьбы в странах Западной Европы в новое и новейшее время*. Омск, 1986, с. 62—79.

⁶⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 688.

⁶⁶ В аналогичном значении, казалось бы, употреблены слова «наделить» и «наде-

лень» в Московском своде конца XV в. в рассказе о распри между Святославом Всеволодовичем и Олегом, сыном Святослава Владимировича, из-за Вщижа, принадлежавшего последнему из указанных князей (ПСРЛ, т. 25, с. 73). Однако в данном случае речь идет о традиционных отношениях наследства, и именно это значение имеют термины «наделити» и «наделенье».

⁶⁷ НПЛ, с. 71.

⁶⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988, с. 122—153.

⁶⁹ Мединцева А. А. О «досках» русских летописей и юридических актов.— СА, 1985, № 4, с. 173—177.

⁷⁰ НПЛ, с. 248.

⁷¹ Shepard J. Op. cit., p. 822.

⁷² Пашуто В. Т. Черты политического строя, с. 83—92.

⁷³ Handbuch der Geschichte Russlands, Bd. I, S. 499.

⁷⁴ Сведения об упоминаниях сел по преимуществу в Ипатьевской летописи см.: Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении, с. 195—202.

⁷⁵ Вряд ли можно однозначно говорить о Новгородской земле как наиболее экономически развитой.

⁷⁶ Каргер М. К. Древний Киев. М.—Л., 1958, т. I—II.

⁷⁷ Рыбина Е. А. Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

⁷⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 160—165.

⁷⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники, М., 1962, с. 118, прим. 75.

⁸⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, с. 553.

⁸¹ Янин В. Л. Княжеский домен в Новгородской земле.— В кн.: Феодализм в России. М., 1987, с. 119—134.

⁸² Fennell J. L. I. The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the Thirteenth — Fifteenth Centuries.— RM, t. III, p. 41—78; I d e m. The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovic: A Study of the Sources.— Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Köln—Wien, 1977, S. 34—46; I d e m. The Tatar Invasion of 1223: Source Problem.— Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. Berlin, 1980, Bd. 27, S. 18—31.

⁸³ Лихачев Д. С. Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в.— В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22; е г о ж е. К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем.— АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 48—51.

⁸⁴ Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском.— Труды Отдела древнерусской литературы. М.—Л., 1947, т. 5, с. 57—72.

⁸⁵ См.: Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. 2-е изд. Л., 1982; Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды в XIII—XIV вв.— Тюркологический сборник. 1977. М., 1981, с. 81—89; Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982 и др.

⁸⁶ Heisterbach C. Dialogus miraculorum X. 47. Ed. J. Stange. Köln, 1851, t. II, p. 250; Germano R. S. Chronica (zu 1223). Ed. C. A. Garufi. Bolonag, 1936—1938, p. 209 (Muratori J. A. Rerum Italicarum scriptores. 2nd ed, vol. VII, 2); Roger aus Apulien. Carmen miserabile. C. 14. Ed. L. Juhász. Budapest, 1938. Ср.: Куник А. А. О походе татар в 1223 г. по Нейбургской хронике.— Уч. записки АН по 2-му и 3-му отд. СПб., 1854, т. 2, с. 760.

⁸⁷ Прямо противоположную точку зрения изложил М. Маловист (Malowist M. Z zagadnien wzrostu i upadku miast Imperium Mongolskiego od XIII do XV wieku.— Przegląd historyczny, t. 67, z. 4, 1976, s. 541—544).

⁸⁸ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956 (Труды Гос. Исторического музея, вып. 32), с. 151 и сл.

⁸⁹ НПЛ, с. 76. Ср.: Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977, с. 192—196.

⁹⁰ Verpudsky G. The Mongols and Russia.

⁹¹ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 328—329; ср. е г о ж е. Апокрифический диалог.— Нева, 1988, № 3, с. 201—207; № 4, с. 195—201.

⁹² Эта точка зрения Дж. Феннела не нашла поддержки у его рецензентов (Shepard J. Op. cit., p. 822; Nitsche P. Op. cit., S. 429). Дж. Шепард пишет об ударах, подобных нокауту, которые монголы наносили русским городам, и подробно характеризует археологические материалы по теме.

⁹³ G r a h a m F. R. The Arches and the Steppe or the Empires of Scythia: A History of Russia and Tartary. L., 1860; C u r t a i n J. The Mongols in Russia. Boston, 1908.

⁹⁴ И. Р. [Трубецкой Н. С.] Наследие Чингис-хана. Берлин, 1925; В е р н а д с к и й Г. Монгольское иго в русской истории.— В кн.: Евразийский временник, 1927, т. V, с. 153—164; е г о ж е. The Mongols and Russia; H a l p e r i n C. J. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985; с р. S p u l e r B. Rec.: Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1986, Bd. 34, Hf. 3, S. 427; I d e m. Die Religionspolitik der Mongolen.— Festschrift für Bernhard Stasiewski. Köln—Wien, 1975, S. 1—12. Ср.: Акимова О. А. Гальперин Ч. Дж. Россия и степь: Джордж Вернадский и евразийство.— В кн.: Культура и общество Древней Руси, ч. I, с. 31—51.

⁹⁵ К изучению истории, с. 39. Ср.: С и м о н о в К. Глазами человека моего поколения.— Знамя, 1988, № 4, с. 70—72.

⁹⁶ Гумилев Л. Н. Поиски, с. 379. Ср.: Москвитина О. Н. Александр Невский в зеркале новейшей английской историографии.— В кн.: Критика концепций современной буржуазной историографии. Л., 1987, с. 127—134.

⁹⁷ Наряду с угоном горожан имели место, вероятно, и добровольные переселения в Сарай и другие города Орды, поскольку там существовали более спокойные и стабильные условия для производства и сбыта ремесленной продукции.— См.: M a l o w i s t M. Op. cit., s. 557—560.

⁹⁸ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

⁹⁹ Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986, т. I, с. 63.

¹⁰⁰ НПЛ, с. 57, 257. B i s k u p M., L a b u d a G. Dzieje Zakonu Krzyzackiego w Prusach. Gdan'sk, 1986, S. 179—180.

¹⁰¹ Ср.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; L a m m i c h M. Fürstenbiographien des 13. Jahrhunderts in den Russischen Chroniken. Köln, 1973.

¹⁰² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 545.

¹⁰³ Ср.: Handbuch der Geschichte Russlands, Bd. I, S. 560—561.

¹⁰⁴ Нечто аналогичное продельвает и ученик Дж. Феннела М. Димник по отношению к Михаилу Черниговскому, за что заслужил похожий упрек в отсутствии исторической перспективы при рассмотрении деятельности этого канонизированного церковью мученика (S t ö c k l G. Rec.: Dimnik M. Michail, Prince of Chernigov and Grande Prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 33, Hf. 4, 1985, S. 581—582).

¹⁰⁵ Ср.: Lilienfeld von, F. Das Bild des "Heiligen Herrschers" in der älten Redaction der Vita des Aleksandr Nevskij.— Eikon and Logos. Halle (Saale), 1981, Bd. I, S. 141—154. L e i t s c h W. Einige Beobachtungen zum politischen weltbild Alexander Nevskij's.— Forschungen zur ostenropäischen Geschichte.— Wiesbaden, 1978, Bd. 25, S. 202—216.

¹⁰⁶ B a r r o w G. W. C. Feudal Britain. The Completion of Medieval Kingdom. 1066—1314. L., 1956, p. 114—122; D a v i s R. King Stephen. L., 1967, p. 123.

¹⁰⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники.

¹⁰⁸ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1914, т. II, с. 143.

¹⁰⁹ H a l p e r i n C. J. Russia and the Golden Horde. Ср.: K e d o u r i e E. The Destruction of the Ottoman Empire. L., 1956; B u r n s R. I. Islam and the Crusaders. Princeton, 1973; V r y o n i s S. J. r. The Byzantine Legacy and Ottoman Forms.— Dumbarton Oaks Papers, 1969—1970, vol. 23—24, p. 253—308; P r a w e r J. The Latin Kingdom of Jerusalem. L., 1972.

¹¹⁰ C a r r E. H. What is History, p. 9.

¹¹¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940.

¹¹² Тржештик Д. Средневропейская модель государства периода раннего средневековья.— В кн.: Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987, с. 124—133. ср.: Флоря Б. Н. «Службная организация» у восточных славян.— Там же, с. 142—151.

¹¹³ Термин «историческая формула» применительно к средневековым книжным концепциям типа «Москва — третий Рим» предложен М. Б. Плюхановой.— См.: Бадаланова Ф. К., Плюханова М. Б. К проблеме средневековых исторических формул.— Труды по знаковым системам. Тарту, 1989, вып. XXIII (в печати).

История Руси XIII столетия, к сожалению, не получила должного внимания со стороны историков. Насколько мне известно, на европейских языках не существует ни одной серьезной монографии, специально посвященной названной теме, что и послужило основной причиной, побудившей меня написать эту книгу.

Конечно, опубликовано огромное количество научных статей и отдельных глав в разных книгах, рассматривающих разнообразные аспекты истории Руси XIII века. Некоторые из этих работ оказались необычайно полезными при сборе материалов для книги «Кризис средневековой Руси». Особенно ценными были региональные исследования, например работы В. А. Кучкина по северо-восточным районам: Ростова — Суздаля, Городца, Нижнего Новгорода и Москвы¹; А. Л. Монгайта — о Рязанской земле²; А. М. Сахарова и М. Н. Тихомирова — по Северному Переславлю³; В. Л. Янина — по Новгороду⁴; П. П. Толочко и М. Димника — по Киевскому княжеству⁵; М. Димника и А. К. Зайцева — по Черниговскому княжеству⁶; Л. В. Алексеева — о Полоцкой и Смоленской землях⁷; В. Т. Пашуто — по Галицко-Волынской земле⁸; П. Ф. Лысенкова — о Туровской земле⁹; причем этот список далеко не полон.

Многим из крупных событий в истории Руси XIII века посвящены специальные исследования. Особый интерес для меня представляли следующие моменты: битва на реке Липице в 1216 году (см. исследование Я. С. Лурье¹⁰); татарское нашествие 1223 года (Л. В. Черепнин¹¹, Д. С. Лихачев¹²); осада Чернигова в 1235 году (М. Димник¹³); захват Рязани в 1237 году (Д. С. Лихачев¹⁴); битва на реке Сити и смерть Василька Константиновича в 1238 году (Г. М. Прохоров¹⁵); захват Киева в 1240 году (В. Т. Пашуто¹⁶); нашествие Батыя на Русь в 1237—1240 годах (В. В. Каргалов¹⁷, Л. В. Черепнин¹⁸); кончина Ярослава Всеволодовича в 1246 году (В. Т. Пашуто¹⁹); битва на Неве (И. П. Шаскольский²⁰, Э. Кристиансен²¹, Ю. К. Бегунов²²); битва на Чудском озере («Ледовое побоище»²³); противоборство между Андреем и Александром Ярославичами в 1252 году (В. Т. Пашуто²⁴, Л. Н. Гумилев²⁵); временное пребывание Довмонта в Пскове (В. Т. Пашуто²⁶, М. Гидройч²⁷); договоры Ярослава Ярославича с Новгородом 1265, 1267, 1269 годов (Л. В. Че-

репнин²⁸); татарское нашествие 1293 года (Б. Шпулер²⁹); съезд князей во Владимире в 1296 году (Л. В. Черепнин³⁰, В. А. Кучкин³¹).

Что касается стран и народов, с которыми русские взаимодействовали в XIII веке и которые проявляли заинтересованность в отношении событий, происходивших на Руси в этот период, то здесь не было недостатка в косвенных источниках (хотя и не со всеми авторами можно согласиться). Автор этой книги пользовался работами, посвященными Литве (М. Гидройч³², В. Т. Пашуто³³); Венгрии и венгерским миссионерам (Ф. Ледерер³⁴, С. А. Аннинский³⁵); Англии (В. И. Матузова³⁶); Скандинавии (Е. А. Рыдзевская³⁷); половцам (С. А. Плетнева³⁸); волжским булгарам (А. П. Смирнов³⁹); Византии (Дж. Мейендорф⁴⁰); Немецкому ордену (П. М. Тумлер⁴¹); монголо-татарам (Г. А. Федоров-Давыдов⁴², Б. Шпулер⁴³, Г. В. Вернадский⁴⁴).

Наконец, с чувством признательности назову имена тех исследователей, чьим работам по хронологии, текстологии и летописанию я обязан столь многим — это Н. Г. Бережков⁴⁵, Е. И. Каменцева⁴⁶, Д. С. Лихачев⁴⁷, Я. С. Лурье⁴⁸, Б. М. Клосс⁴⁹, А. Н. Насонов⁵⁰.

Итак, эта книга охватывает период, на протяжении которого два важных взаимосвязанных события изменили весь ход русской истории: во-первых, татарское нашествие и, во-вторых, упадок Киева, а вместе с ним и большей части той территории, которая когда-то составляла великое Киевское государство на юге Руси. Первое из этих событий определяло ход русской истории в течение почти двух с половиной столетий; второе — оказывало длительное влияние на судьбу Руси. Значительно ослабленная Южная Русь стала легкой добычей энергично расширявшегося Литовского государства и Польши, а исчезновение Киева с русской политической сцены освободило расположенную в междуречье Суздальскую землю от обязанности постоянно заботиться о территориях, лежащих вне её естественной зоны развития. Избавление от необходимости оглядываться на своих южных соседей и обороняться от них способствовало ускоренному развитию района Суздаля — Владимира — Ростова, что позволило ему в XV веке освободиться наконец от татарского господства.

Дошедшие до нашего времени русские источники дают на удивление мало сведений о социальных и экономических условиях той эпохи. В них практически не содержится подробностей о сельском хозяйстве, торговле, землевладении, правосудии, о системе налогов и податей на Руси. Но из летописей, основного для нас источника сведений о том времени, мы узнаем достаточно много о взаимоотношениях многочисленных правителей отдельных княжеств, об их конфликтах, союзах, семейных связях, военных походах. Поэтому в данной книге рассматривается большей частью политическая деятельность потомков Владимира I и взаимодействие различных самостоятельных или полусамостоятельных территорий, которые составляли Русь XIII века.

Основная цель книги — описать и попытаться объяснить постепенный закат княжеской власти от начала XIII века, когда Всево-

лод III находился в зените славы, и до конца столетия — самой низкой точки влияния великого князя владимирского. Для решения этой задачи до мелочей исследуются особенности межкняжеских отношений и делается попытка распутать сложный клубок подчас противоречивых сообщений из источников того времени. Все выводы основаны исключительно на изучении первоисточников, большей частью летописей, и на их сопоставительном анализе.

Сами летописи представляют собой значительную проблему. Ни одна из них не является современной по отношению к описываемым событиям, другими словами, ни одна из них не получила **окончательной** редакции в XIII веке. Поэтому иногда приходится «очищать» исходные версии от наслоений более позднего времени. Кроме того, важно установить политическую приверженность не только летописца, но также, что еще более важно, последующих редакторов текста. Серьезные проблемы возникают потому, что нередко опытные компиляторы великих сводов XV и XVI веков соединяли противоречащие друг другу и часто не вполне достоверные версии. Пытаясь придать хоть какой-то смысл разрозненным, часто противоречивым сведениям, они были склонны переписывать историю в духе **своего** времени.

*Оксфорд,
декабрь 1987 года*

Дж. Феннел

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. (центры и границы). — «История СССР», 1969, № 2, с. 62—94; е го ж е. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. — В кн.: Польша и Русь. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974, с. 234—260; е го ж е. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 54—64; е го ж е. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

² Монгайт А. Л. Рязанская земля (Источники истории Рязанской земли и историографии). АН СССР, 1961; е го ж е. Старая Рязань (Материалы и исследования по археологии СССР, т. 49). М., 1955.

³ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси. М., 1959; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

⁵ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980; е го ж е. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1975; D i m n i k M. The Struggle for Control over Kiev in 1235 and 1236. — Canadian Slavonic Papers, vol. XXI, 1979, p. 28—44.

⁶ D i m n i k M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981; M; I d e m. The Siege of Chernigov in 1235. — Mediaeval Studies, vol. XLI. Toronto, 1979, p. 387—403; З а й ц е в А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества, с. 57—117.

⁷ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966; е го ж е. Полоцкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества, с. 202—239; е го ж е. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

⁹ Лысенков П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.

¹⁰ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. — ТОДРЛ. Л., 1974, т. 24, с. 96—115.

- ¹¹ Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. / Под ред. С. Л. Тихвинского, 2-е изд. М., 1977.
- ¹² Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ, М.— Л., 1949, т. 7, с. 17—51.
- ¹³ Dimnik M. The Siege of Chernigov in 1235.
- ¹⁴ Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем.— В кн.: Воинские повести Древней Руси. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1949, с. 119—142.
- ¹⁵ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи.— ТОДРЛ, Л., 1974, т. 27, с. 77—98.
- ¹⁶ Пашуто В. Т. Очерки.
- ¹⁷ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- ¹⁸ Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси.
- ¹⁹ Пашуто В. Т. Очерки.
- ²⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
- ²¹ Christiansen E. The Northern Crusades. The Baltic and the Catholic Frontier 1100—1525. London, 1980.
- ²² Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.— Л., 1965.
- ²³ Ледовое побоище. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. / Под ред. Г. Н. Караева. М., 1966.
- ²⁴ Пашуто В. Т. Очерки.
- ²⁵ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- ²⁶ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М.— Л., 1959.
- ²⁷ Giedroyc M. The Rulers of Thirteenth-Century Lithuania. A Search for the Origins of Grand Duke Traidenis and his Kin: Oxford Slavonic Papers. New Series, vol. XVII, 1984, p. 1—22.
- ²⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, М.— Л., 1948, т. 1, с. 261 и сл.
- ²⁹ Spuler V. Die Coldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Wiesbaden, 1965.
- ³⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, т. 1, с. 266—270.
- ³¹ Кучкин В. А. Роль Москвы.
- ³² Giedroyc M. The Rulers of Thirteenth-Century Lithuania.
- ³³ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства.
- ³⁴ Ледерер Ф. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие.— В кн.: Международные связи России до XVII в. / Под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961, с. 181—202.
- ³⁵ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе.— Исторический архив, М.— Л., 1940, т. 3, с. 71—112.
- ³⁶ Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979.
- ³⁷ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978.
- ³⁸ Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 260—300.
- ³⁹ Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951.
- ⁴⁰ Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Cambridge, 1981.
- ⁴¹ Tuttle R. M. Der Deutsche Orden. Wien, 1955.
- ⁴² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1973.
- ⁴³ Spuler V. Die Goldene Horde.
- ⁴⁴ Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Connecticut, 1953.
- ⁴⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- ⁴⁶ Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967.
- ⁴⁷ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.— Л., 1962.
- ⁴⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1979.
- ⁴⁹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
- ⁵⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.

РУСЬ В 1200 ГОДУ

В начале XIII века лишь немногие территории, некогда входившие в состав Киевского государства, отличала политическая стабильность. Исключение составляла северо-восточная часть Суздальской земли (территория Суздаля, Ростова и Владимира), примерно очерченная верховьями Волги на севере и руслом Оки на юге. Авторитет суздальского князя Всеволода III, одного из самых умных и дальновидных потомков Владимира I, был широко признан среди его современников-князей. «Сего имени токмо трепетаху вся страны, и по всей земли изиде слух его», — писал его летописец, хотя и пользуясь при этом общепринятыми стертыми клише льстивого некролога, но, по-видимому, выражая взгляды большинства своих современников. Вся Суздальская земля в той или иной форме зависела от него; в великом городе-государстве Новгороде, подчинившем себе обширные земли к западу, северу и северо-востоку, в течение первых восьми лет XIII века правили только его сыновья; Южный Переяславль, восточный сосед Киева, находился под его твердым контролем; князя Муром, Рязани и более южных земель были его вассалами.

На переломе веков северная часть Руси обладала определенной степенью стабильности, чего нельзя сказать о южной части. К 1200 году разгорелась трехсторонняя борьба за власть между княжеской семьей из Смоленска (потомками Ростислава Мстиславича — Ростиславичами), потомками Олега Святославича Черниговского (Ольговичами) и грозным Романом Мстиславичем из Волынской земли. Это была схватка за доминирующее положение на всем юге Руси, от Волынской и Галицкой земель на западе до Чернигова и Переяславля на востоке, борьба за обладание матерью городов русских — Киевом; она продолжалась, то затухая, то разгораясь с новой силой, вплоть до падения Киева под натиском татар в 1240 году.

Все это не означает, конечно, что на исходе века Киев находился в состоянии полного политического и экономического спада или что первенство нового центра во Владимире на Клязьме было окончательно установлено и признано всеми; на самом деле жестокая междоусобица на юге вскоре (с 1212 по 1235 год) усту-

пила место относительной стабильности, в то время как на севере вслед за смертью Всеволода III в 1212 году начался период кровопролитных междоусобных войн. Вряд ли киевский князь в то время считал себя хоть в каком-то смысле ниже владимирского князя. Но к 1200 году Суздальская земля уже явно проявляла признаки политической силы, и южные князья, как правило, смотрели на великого князя владимирского как на первого среди равных (*primus inter pares*) или вообще как на старейшего из всех потомков Рюрика.

Почему так происходило? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вкратце рассмотреть политическую организацию различных территорий, из которых складывалась Русь на переломе веков, а также бросить взгляд на предшествовавшую историю этих земель.

Богатая в сельскохозяйственном отношении «земля за великим лесом» (Залесская земля), или Суздальская земля, как принято называть объединение княжеств на северо-востоке Руси, находившееся под властью Всеволода III и его многочисленных сыновей, была расположена в бассейнах четырех основных рек, две из которых текли с запада на восток, а две другие — с севера на юг. Через центр этого района текла Волга: от Зубцова на западе (верховья реки от Ржевы до озера Селигер пересекали территорию Смоленского княжества) до слияния с Окой на востоке. На юге Суздальской земли протекала Клязьма, берущая свое начало на северо-западе от Москвы и впадающая в Оку. На берегах среднего течения Клязьмы стояла столица княжества — Владимир. На северо-западе и северо-востоке района находились два самых северных притока Волги: Шексна, соединяющая Волгу с Белоозером, и Унжа, охватывающая Суздальскую землю с востока. Если не считать Белоозера, расположенного у впадения Шексны в Белое озеро и Устюга, стоящего на месте слияния Сухоны и Юга на дальнем северо-востоке, то большинство главных городов было расположено либо на Волге (Тверь, Углич, Ярославль, Кострома) и Клязьме (Владимир, Стародуб), либо между этими двумя реками (Суздаль, Переславль Залесский, или Северный Переславль, Ростов, Дмитров, Юрьев Польский).

Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы понять, насколько способствовало развитию Суздальской земли положение водных путей. Большинство основных рек текло с запада на восток, а три из них, Клязьма, Москва и Ока, сливались с Волгой в начале ее великого поворота на юг к Каспийскому морю, что обеспечивало купцам удобные речные пути на рынки Востока. В то же время притоки Оки Москва и Угра вели на юго-запад, к Смоленску, и оттуда к Балтийскому и Черному морям, а Новгород, крупный западный торговый центр, был соединен с Тверью реками Мста и Тверца. Кроме того, притоки, равномерно разделяющие территорию между верхним течением Волги и Клязьмой, служили водными путями между большинством основных городов в междуречье, а также давали им выход к главным рекам.

Первое упоминание о «земле за великим лесом» как о поли-

тически единой территории встречается в Новгородской Первой летописи. В ней Суздальская земля описана как придаток к его *отчине* — Южному Переяславлю, оставленный Ярославом I своему третьему сыну Всеволоду в 1054 году. «Всеволод [получил Южный] Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье»¹. Фактически никто не претендовал на нее, и она оставалась собственностью Всеволода, его сына Владимира Мономаха и более поздних наследников. Любопытно, что в XI веке этой обширной и богатой территории придавалось мало значения. Позднее, в XIV—XVII веках, она стала центром великого Московского государства, но до 1093 или 1094 года ни Всеволод, ни его сын Владимир даже не ставили туда князей. Но с начала XII века Владимир Мономах стал проявлять интерес к этой жемчужине его семейных владений. Возможно, это было связано с необходимостью либо защищать южные границы Суздальской земли от черниговских князей, либо же противодействовать растущей угрозе восточным границам со стороны государства волжских булгар, которые в начале XII века проникали все глубже и глубже на запад по течению Волги². Какова бы ни была причина, Владимир Мономах в 1108 году основывает город Владимир на Клязьме, будущую столицу, и ставит своего сына Юрия Долгорукого князем суздальским. К моменту его смерти в 1125 году Суздальская земля была фактически независимой от Киева и находилась под управлением суверенного князя Юрия.

До конца века этот район разрастался и укреплялся при трех его энергичных и выдающихся правителях: Юрии Долгоруком (1120—1157) и двух его сыновьях — Андрее Боголюбском, названном так в связи со строительством дворца в селе Боголюбово под Владимиром, и Всеволоде III (1176—1212). Юрий, этот подлинный Христофор Колумб Поволжья, как назвал его один историк³, может быть с полным правом назван основателем Ростовско-Суздальского государства. Во время его 37-летнего правления Суздальская земля приобрела четкие границы. Определилось ее порубежье с Черниговом на юге и Новгородом на западе; появились города Кснятин в устье Западной Нерли, Юрьев Польский, Переяславль Залесский (Северный Переяславль), Дмитров, Москва; по всей стране строились и украшались церкви и монастыри; энергично поддерживалась колонизация неосвоенных земель; укреплялись связи между Суздальской землей и южными княжествами; в основных городах установилось правление сыновей Юрия, которые в то же время нередко владели землями на юге. После смерти Юрия в 1157 году власть перешла к еще более напористому и самовластному правителю, его сыну Андрею Боголюбскому, которого бояре Ростова, Суздаля и Владимира провозгласили своим князем.

Суздальская земля значительно усилилась при Андрее. Он имел гораздо более скромные *южные* притязания, чем его дважды княживший в Киеве отец или его сыновья и братья. Не Андрей, а его сын Мстислав захватил Киев в 1169 году, и тогда же он посадил Глеба, брата Андрея, на киевский престол. И вместе с тем он ясно представлял себе опасность излишнего разделения

власти и окружения себя чрезмерным количеством бояр собственного отца, советовавших ему, как употребить эту власть. Андрей, «хотя самовластец быти всеи Суждальской земли», прогнал четверых из своих братьев, двух племянников и «старших бояр отца своего» (1161 г.)⁴. Он даже пытался добиться церковной независимости своей земли от киевского митрополита, предлагая (безусловно) учредить на севере митрополию. И снова границы Суздальской земли были расширены. Андрей продвигал границу дальше на восток, в основном по течению Клязьмы, пытаясь еще более активно сдерживать агрессию булгар; на восточной окраине он основал заставу в Гороховце на берегу Клязьмы, откуда был начат великий поход против волжских булгар в 1164 году⁵. Влияние Андрея Боголюбского начинало ощущаться и на севере, на обширных территориях, находившихся под номинальным управлением Новгорода, — в районе Заволочья, земель «за волоком» между озерами Белое и Кубенское, очерченных руслом Северной Двины⁶.

Андрей был убит в 1174 году, и после его смерти в течение двух лет Суздальская земля не знала порядка и покоя, в то время как двое из его племянников и его брат Михалко в течение короткого периода правили в Ростове и во Владимире. После смерти Михалки в 1176 году к власти пришел младший из сыновей Юрия Долгорукого великий Всеволод III, первый в истории князь, официально принявший титул великого князя⁷. В годы длительного правления Всеволода (1176—1212) неизмеримо возрос его авторитет как князя владимирского, причем и на международной арене, и среди южных князей, а также значительно увеличилась территория княжества. На западе Всеволод достиг соглашения с Новгородом, согласно которому новгородские территории Торжок и Волок Ламский находились под совместным контролем Новгорода и Суздальской земли⁸. В то же время он продвигался дальше на запад вдоль по Волге, построив город Зубцов на самом южном изгибе верхнего течения реки и таким образом обозначив край Суздальской земли, отделяющий собственно новгородскую территорию от совместно управляемого района Волока Ламского. Укреплялась обороноспособность восточных границ: в районе среднего течения Волги в качестве выдвинутых бастионов против набегов волжских булгар были основаны Кострома, Нерехта и Соль Великая. Возможно, они же служили сборными пунктами для походов против булгар, как, например, город Унжа, построенный в среднем течении реки Унжи. Далеко на севере шло дальнейшее проникновение на новгородскую территорию в районе рек Печора и Северная Двина, а в месте слияния рек Сухона и Юг в 1178 году был основан город Устюг⁹.

К концу века власть Всеволода III укрепилась. Кроме того, она была признана третьим и четвертым поколениями наследников Мономаха, «положили... на немь старешинство вся братья во Володимере (Мономаха) племени». Автор «Слова о полку Игореве», живший в начале XIII века или позже, выделил Всеволода среди всех русских князей: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши

Волгу веслы раскропоти, а Дон шелома выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага (рабыня) по ногате, а кощии (раб) по резане». В этих словах военная сила Всеволода, возможно, и преувеличена, но, во всяком случае, они подтверждают его твердую репутацию и мощь Суздальской земли на переломе веков.

На юге, в Киевском княжестве, картина была совершенно иная. В конце XII века оно состояло из земель, омываемых средним течением Днепра, западными притоками Днепра — от Ужа на севере до Роси на юге, и южным притоком Припяти рекой Случь. Общая площадь княжества была меньше Суздальской земли, Черниговского, Смоленского, Полоцкого княжеств или Волынской земли. На юге границ фактически не было. Трудно сказать, где кончалась Киевская земля и где начиналась территория степных кочевников половцев. Приблизительная, хотя и подвижная разделительная линия может быть прочерчена от южного течения реки Рось до верховьев Южного Буга. Восточная граница между Киевом, с одной стороны, и Черниговом и Переяславлем — с другой, проходила по Днепру, хотя 15-километровая полоса земли к востоку от Днепра между Десной и Трубежем принадлежала Киеву. На севере граница с Турово-Пинским княжеством проходила по южному течению реки Припять, а западная граница Киева с Волынской землей пролегла по линии восточнее верховьев реки Горынь.

Сам город Киев, выстроенный на холмах, был расположен идеально в военном отношении. Рядом с Киевом были расположены хорошо укрепленные города Вручий (или Овруч, как его иногда называли), Вышгород и Белгород, контролировавшие подступы к столице соответственно с северо-запада, запада и юго-запада. С юга Киев был прикрыт системой фортов, построенных вдоль берегов Днепра, и рядом хорошо защищенных городов на реке Рось¹⁰. С точки зрения экономики Днепр обеспечивал прямое сообщение не только с Черным морем, но связывал город также с Балтикой через Березину и Западную Двину, с Окой и Доном — по Десне и Сейму, и с бассейнами Днестра и Немана — по Припяти и Западному Бугу.

В начале XII века при великих правителях Владимире Мономахе (1113—1125) и его сыне Мстиславе Великом (1125—1132) пределы подвластных им территорий не были строго определены. Трудно сказать, существовали ли при них границы, разделявшие то, что впоследствии получило название Киевского княжества и Волынской земли, Турово-Пинска, Смоленска и Южного Переяславля, которые находились под управлением близких родственников (и ставленников) киевского князя. Киевская земля и была Русью, а Русь состояла из всех южных земель, исключая Галицкую землю, Черниговское и Рязанское княжества. Даже отдельные части Полоцкого княжества на северо-западе находились под властью Мономаха и Мстислава. Но единство Киевской земли, восстановленное Владимиром Мономахом после междоусобных войн XI века, доживало последние дни. Уже княжение Ярополка (1132—1139), наследовавшего своему брату Мстиславу, было

омрачено разделением и борьбой внутри самого рода потомков Мономаха: младшие сыновья Владимира Мономаха, рассчитывавшие на то, что они станут наследниками киевского престола после Ярополка в соответствии с правилами горизонтального старейшинства (брат наследует брату), пришли в ярость, когда Ярополк поставил своих племянников (сыновей Мстислава) в Переяславле. До этого переяславский князь был по традиции наследником киевского престола. Междоусобный раздор был усугублен вмешательством Всеволода, сына старого противника Мономаха Олега из Чернигова. Развернулась трехсторонняя борьба за власть между черниговскими князьями, могущественными сыновьями Мстислава Великого и дядьями последнего, Ярополком и его братьями. Междоусобная война стала теперь для Южной Руси обычным делом, как это было в последние три десятилетия XI века. Власть переходила от одной семьи к другой, от одной ветви потомков Мономаха к другой, от одной ветви князей черниговских к другой, пока в конечном счете не был достигнут своего рода компромисс, выразившийся в любопытном дуумвирате Святослава Всеволодовича Черниговского и Рюрика Ростиславича Смоленского, которые фактически совместно управляли княжеством Киевским вплоть до смерти первого в 1194 году. Сами роды по мере их увеличения дробились. Отдельные ветви рода начали оседать на различных территориях и постепенно стали считать их своими неотчуждаемыми владениями. Так, внуки Изяслава Мстиславича, княжившего в Киеве в 1146—1154 годах, постепенно подчинили себе земли на западе: Владимир Волынский, Луцк, Дорогобуж, Шумск, Пересопницу; потомки Ростислава Мстиславича, киевского князя (1159—1167), закрепились в Смоленске, в котором эта семья правила начиная с 1125 года¹¹; семья Юрия Долгорукого, как уже говорилось, сосредоточила свои усилия на Суздальской земле; Ольговичи из Чернигова распались на старшую ветвь рода (потомки Всеволода Ольговича, киевского князя в 1139—1146 годах), претендовавшую на сам Чернигов, и на младшую ветвь (потомки Святослава Ольговича), осевшую в меньшем по размеру Новгороде Северском.

Все это означает, что власть, которой обладал киевский князь, в значительной степени зависела от того, кто именно занимал киевский престол. Например, Ярополк, нерешительный и всеми силами стремящийся только к достижению компромисса, любого, хотя бы и невыгодного мира, подорвал авторитет, завоеванный его старшим братом Мстиславом и его отцом Мономахом. Мстислав Изяславич (1167—1169) энергично и успешно защищал южные границы от набегов степных кочевников — половцев, но большинство князей находилось в оппозиции к нему, и его столица была взята войсками сына Андрея Боголюбского в 1169 году. С другой стороны, при Ростиславе Мстиславиче (1159—1167) и Святославе Всеволодовиче (1177—1194) была достигнута определенная стабильность, феодальные столкновения стали редки, предпринимались успешные походы против половцев. Но, несмотря на постоянные колебания авторитета многочисленных князей, занимавших

киевский престол от смерти Мстислава Великого в 1132 году до смерти Святослава Всеволодовича в 1194 году, Киев никогда не терял ни своего значения как центральный город юга, ни своей магнетической привлекательности для потомков Мономаха и черниговских князей. Ничего из этого он не утратил и в течение первых четырех десятилетий XIII века. Много написано о политическом и экономическом «падении» Киева в XII веке, и много внимания уделено нежеланию Андрея Боголюбского править Киевом после того, как в 1169 году дружина его сына взяла город. И все-таки мало свидетельств тому, что в XII веке авторитет Киева как центрального города и как княжества заметно снизился. Тот факт, что ни Андрей Боголюбский, ни его брат Всеволод III не согласились править Киевом, говорит об их стремлении сосредоточить свое внимание на Суздальской земле, а не о «неуважении» к Киеву. «Мать городов русских» оставалась заветной мечтой большинства русских князей почти до самого взятия города татарами.

Из всех южных независимых от Киева районов наиболее сильной и наименее раздробленной к началу XIII века была, несомненно, Смоленская земля. Княжество занимало завидное географическое положение, располагаясь в верховьях большинства основных русских рек. С севера на юг протекал Днепр, на берегах которого стоял Смоленск, а также два крупных притока Днепра — Сож и Десна. На запад текла Западная Двина со своими многочисленными притоками, а на восток — Угра, соединявшаяся с Окой на территории Черниговского княжества. Таким образом, Смоленск был связан водными путями с Киевом на юге (по Днепру, Сожу и Десне), с Балтикой (через Западную Двину), с Финским заливом (по многочисленным притокам между Днепром и Ловатью) и с основными восточными маршрутами (Волгой и Окой). Смоленское княжество, напоминавшее по форме наконечник копья, граничило с Черниговом на юге, с Полоцком — на западе, с Новгородом — на севере и с Суздальской землей — на востоке¹².

В последние сорок лет XI века и в первой четверти XII века Смоленск, по-видимому, находился в зависимости от Киева: другими словами, князь смоленский назначался тем, кто в тот момент княжил в Киеве¹³. Город переходил от одного к другому потомку Ярослава I, но в течение последней четверти XI века и первой четверти XII века он по большей части находился во владении Владимира Мономаха или был дарован им кому-либо. Только после смерти Мономаха в 1125 году, когда Смоленск получил его внук Ростислав Мстиславич, это княжество стало независимой политической единицей со своим собственным князем, который имел возможность (и пользовался ею) передавать Смоленск своим потомкам. Начиная с этого момента и до начала XV века Смоленском владела исключительно семья Ростислава — Ростиславичи.

До конца XII века Ростиславичи управляли Смоленском при помощи проверенных методов кнута и пряника. Время от времени их власть была столь сильна, что они назначали своих ставленников на новгородский престол, обычно своих близких родствен-

ников, а иногда также и на псковский. Епархия была создана в Смоленске в 1136 году. В 1165 году под контроль Смоленска в обмен на Полоцк временно перешел город Витебск с прилегающей территорией. Ростислав и двое самых могущественных из его сыновей Роман и Рюрик часто занимали киевский престол. И что самое важное, Ростиславичам удалось постепенно создать крепкие семейные связи в городах-крепостях возле самого Киева — в Овруче, Белгороде и Вышгороде — и тем самым обеспечить фактический захват Киева и его района в XIII веке.

Нетрудно понять причины усиления Смоленска в конце XII века. Княжество процветало во многом благодаря речному пути в Восточную Европу по Двине: есть доказательства развитых торговых связей с Ригой и основными торговыми центрами Германии — Любеком, Дортмундом и Бременом. Между членами правящей династии не было ссор, и мы не находим никаких признаков формирования отдельных отчин: члены рода недолгое время правили провинциальными центрами, но не могло быть и речи о выделении какой-либо ветви рода за рамки столичного Смоленска. Князья, по-видимому, всегда подчинялись тому, кто в тот момент был старшим в семье. А кроме того, Смоленск фактически не подвергался нападениям со стороны внешних врагов: Полоцк и юго-западная часть новгородской территории закрывали его от литовских и германских набегов, а половцам, чтобы достичь границ Смоленска, приходилось пробиваться через земли Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств¹⁴.

Южный сосед Смоленска Чернигов, окруженный Киевом и Туровом с запада, Смоленском и Суздальской землей — с севера, Муромом и Рязанью — с северо-востока и Переяславлем — с юга, имел менее выгодное географическое положение, поскольку его южные и восточные границы были более уязвимыми для нападения: южная половина восточной границы, например, была открыта донским степям. Княжество обладало системой водных путей, соединявших его со Смоленском (по Днепру и Соже), с югом (по Днепру) и с востоком (по верховьям Оки). Через южные и центральные районы протекала Десна, на берегах которой были расположены главные города Чернигов, Новгород Северский, Трубецк, Брянск и Вщиж. На юге района протекал приток Десны Сейм, создавая естественную преграду для вторжения степных кочевников, в то время как на западе, от Любеча до Рогачева, Чернигов, расположенный в среднем течении Днепра, контролировал главный водный путь из Смоленска в Киев.

В отличие от Смоленска Чернигов начиная еще с середины XI века считался родовым владением одной, и только одной, ветви потомков Ярослава I. В 1054 году Ярослав завещал его своему второму сыну вместе с Рязанью и Муромом. «Святослав [получил] Чернигов и всю страну восточную и до Мурома»¹⁵. В течение первых двадцати двух лет никто не заявлял своих прав на владения Святослава, но во время жестокой междоусобной войны с 1077 по 1097 год они переходили из рук в руки не менее семи раз, в ос-

новном от сыновей Святослава к Владимиру Мономаху и наоборот. В 1097 на великом съезде в Любече, на котором временно были разрешены территориальные проблемы Киевского государства, Чернигов был признан отчиной Святославичей. «Коиждо да держит отчину свою... [Пусть] Давыд и Олег, Ярослав (три сына Святослава.— Авт.) держат Святославле [отчину]»¹⁶. В руках Святославичей она находилась до тех пор, пока Чернигов оставался независимым княжеством.

В течение XII века этот род разрастался и дробился. Давид как старший сын Святослава наследовал Чернигов; Олег сделал своей столицей Новгород Северский, а третий сын, Ярослав, в конце концов поселился в 1127 году в районе, который, по-видимому, был дан ему в Любече и где было суждено остаться его потомкам,— в самостоятельном объединенном княжестве Рязани и Мурома. Чернигов и Новгород Северский переходили от одной ветви к другой, от Давида и его сыновей к Олегу и его сыновьям. Но ветвь Давидовичей пресеклась во втором поколении, и остались только Ольговичи. К седьмому десятилетию XII века сами Ольговичи разделились на две линии: потомки Всеволода Ольговича — старшая ветвь, и потомки Святослава Ольговича — младшая. Это означало, что территория самого Чернигова была фактически расколота надвое: только принадлежавшие к старшей ветви наследовали черниговский престол, в то время как Новгород Северский был центром земель, принадлежавших младшей ветви. Как именно была поделена территория на районы Чернигова и Новгорода Северского, сказать трудно. Большинство западных и северных земель, по всей видимости, находились под контролем Чернигова, а отчина новгород-северских князей состояла из южной половины этих земель. К сожалению, нет достаточных свидетельств, чтобы показать, как различные младшие члены обеих семей ставились на княжение в малые города. Не открывают источники и того, удавалось ли каким-либо ветвям удерживать за собой твердые отчинные владения в менее важных районах. Мы знаем только, что «горизонтальное старейшинство», в соответствии с которым брат наследовал брату, являлось, по-видимому, принципом, соблюдавшимся при передаче двух главных престолов в Чернигове и в Новгороде Северском. Но передавался ли, скажем, Путивль, или Курск, или Козельск вертикально от отца к сыну, мы не можем сказать.

В целом, несмотря на многочисленные внутрисемейные конфликты в середине XII века, к концу столетия Святославичи пришли как достаточно сплоченный род. Успешно действовали они и в политических переворотах того времени. С 1138 по 1194 год представители рода Святославичей княжили в Киеве в общей сложности двадцать шесть лет, на восемь лет больше, чем Рюриковичи из Смоленска в период 1158—1202 годов. Территория Чернигова значительно увеличилась. Земля по обеим сторонам реки Сейм, включая важные города Курск и Рыльск, то есть район, который в течение сотни лет после смерти Ярослава I принадлежал то Южному Переяславлю, то Чернигову, в конце 50-х годов XII столе-

тия окончательно вошел в состав Черниговского княжества¹⁷, а район Клецка (Клеческа) и Слуцка (Случеска) (так называемая «земля дреговичей»), представлявший собой обширную окраину Турово-Пинского княжества к западу от Днепра и к северу от Припяти, в течение большей части XII века находился, по-видимому, под управлением черниговских князей¹⁸. Однако самым ярким показателем потенциальных возможностей Чернигова на переломе веков является тот факт, что в течение последней четверти XII века и первой четверти XIII века в летописях не зафиксировано ни одной крупной феодальной войны на территории этого княжества.

Но в начале XIII века силы черниговских князей только созревали. Как будет показано ниже, Ольговичи еще не были достаточно сильны, чтобы сыграть решающую роль в войне за преобладание на юге Руси. Объясняется это относительной слабостью двух следующих одного за другим наследников Святослава Всеволодовича, последнего из Ольговичей, княжившего в Киеве в XII веке; и только когда черниговским князем в 1204 году стал могущественный сын Святослава Всеволод Чермный, Ольговичи смогли сказать свое веское слово в развернувшейся борьбе за власть.

Южный Переяславль имел мало общего с Черниговом как в географическом, так и в политическом плане. Его западная граница с Киевом проходила на западе где-то на полпути между Днепром и нижним течением Десны и Трубежем на востоке. В районе Остерского Городка, расположенного в устье реки Остера, она поворачивала на восток, формируя границу с Черниговским княжеством. На юго-западе Днепр отделял Южный Переяславль от степных земель кочевников. Река Сула, на берегах которой располагалась система городов-крепостей Римова, Лукомля, Лубны и Ромена, создавала на востоке серьезное препятствие для вторжения кочевников из донских степей, хотя к концу XII века земля, контролируемая переяславскими князьями, по всей видимости, расширилась на восток до верховьев Северского Донца и включала также большую часть бассейнов рек Псел и Ворскла. Все главные реки, пересекавшие территорию Переяславля: Трубеж, Супой, Сула, Псел и Ворскла — давали выход к Днепру, основному пути на юг к Крыму и Черному морю, а Донец соединял Переяславль с Азовским морем¹⁹.

В политическом, экономическом и военном отношениях Переяславль был ориентирован на юг и запад. Он был тесно связан с Киевом, а его главной задачей, по мнению всех киевских князей, была защита Киева с востока от набегов кочевников. Большинство войн XI и XII веков с печенегами, торками и половцами, войн, сдерживавших кочевников в их неутолимом стремлении на запад, разворачивались на Переяславской земле. Взаимоотношения с Черниговом на севере сводились к тому, что курская территория по обоим сторонам Сейма периодически переходила то к одному княжеству, то к другому в течение ста лет после смерти Ярослава I. Правда, черниговские князья в первой половине XII века неоднократно пытались захватить Переяславль, но безуспешно.

Переяславль прочно оставался в руках потомков Владимира Мономаха, даже в то время, когда в Киеве княжили Святославичи.

Переяславль в отличие от Смоленска и Чернигова вплоть до середины XII столетия, по-видимому, находился в зависимости от киевских князей. В 1054 году Ярослав I завещал Всеволоду этот район вместе с Ростовом и Суздалем, и следующие сто лет там правили либо сам Всеволод, либо его сыновья Владимир Мономах и Ростислав. Начиная со вступления Мономаха на киевский престол в 1113 году и до конца XII века в Переяславле княжили только члены обширного рода потомков Мономаха: четверо сыновей Мономаха (Ярополк, Вячеслав, Андрей и Юрий Долгорукий) и потомки Мстислава Великого и Юрия Долгорукого. Потомки Мономаха рассматривали Переяславль как трамплин на киевский престол: киевские князья обычно ставили в Переяславль своего возможного преемника, и действительно, из многих князей, правивших в Переяславле с 1054 по 1187 год, семеро получили старейший престол. События 1132 года показали, насколько общепризнанным был этот принцип: когда Ярополк из Переяславля переехал в Киев в связи со смертью своего брата Мстислава Великого, он посадил на свое место не кого-либо из братьев, а своего племянника Всеволода Мстиславича. Это было немедленно воспринято его братьями как нарушение системы старейшинства. Юрий Долгорукий, младший из братьев Ярополка, немедленно изгнал Всеволода из Переяславля, но был сам в свою очередь изгнан Ярополком, который подлил масла в огонь, заменив Юрия Долгорукого еще одним своим племянником, Изяславом Мстиславичем. Только в 1134 году, когда в Переяславле окончательно укрепился брат Ярополка Андрей, оскорбленные чувства сыновей Мономаха были удовлетворены.

В течение двадцати лет после того, как Андрей оставил престол, Переяславль переходил из рук в руки потомков Мономаха: от сыновей Мономаха Вячеслава и Юрия Долгорукого к сыну Мстислава Великого Изяславу и внуку Мстиславу, затем к сыну Юрия Долгорукого Глебу. После того как Глеб во второй раз получил переяславский престол в 1154 году, летописцы внезапно и необъяснимо утратили интерес к этому восточному придатку Киева. События, происходившие там в течение тридцати трех лет, почти не отразились в летописи. По-видимому, киевские князья потеряли интерес к переяславскому князю как к возможному наследнику старейшего престола. Ни Глеба (1154—1169)²⁰, ни его сына Владимира (1169—1187) никто не тревожил, и им удавалось успешно защищать свое княжество от набегов половцев.

К концу столетия Переяславль окончательно вышел из-под опеки киевского князя. Летописи Киева и Владимира проливают очень мало света на события на юго-востоке с момента смерти Владимира в 1187 году и до 1200 года. Однако ясно, что контроль над княжеством перешел в руки Всеволода III, правившего Суздальской землей. Ярослав Мстиславич, последний из переяславских князей XII века²¹, как и его предшественник, приходился племянником великому князю владимирскому. Всеволод III был настолько уверен в отсутствии оппозиции в этом княжестве, что в 1200 г. посадил на

перяславский престол своего десятилетнего сына Ярослава. Его цель была ясна. Он хотел, чтобы ни один князь не мог захватить власть над всем югом Руси от Галицкой земли до Переяславля.

Всеволод III, как и его брат Андрей Боголюбский, вынашивал сходные планы относительно восточных окраин южнорусских районов — Мурома и Рязани. Цели, которые он преследовал, однако, не сводились только к тому, чтобы препятствовать распространению власти какого-либо одного князя на всю Южную Русь, он также стремился расколоть союз правителей Мурома—Рязани и их ближайших родичей, черниговских князей.

Мурома-Рязанская земля, расположенная в среднем течении Оки и верховьях Дона и Воронежа, граничила с Черниговом на западе и с Суздальской землей на востоке; восточные и южные границы княжества с мордовскими землями и Половецким полем можно определить лишь приблизительно. Как и Переяславль, этот район постоянно подвергался набегам половцев с юга, но еще большая опасность грозила ему с востока, от разбойных отрядов волжских булгар. На востоке должной защиты не было: на уязвимость этой земли слишком хорошо указывает та легкость, с которой войска Батя ворвались в Рязань в 1237 и в Муром в 1239 году²².

Когда в 1054 году Ярослав I оставил Чернигов и все западные земли вплоть до Мурома своему сыну Святославу, Муромо-Рязанская земля считалась частью Черниговского княжества. Отдельное княжество образовалось только в 1127 году, когда младший из сыновей Святослава, Ярослав, был изгнан из Чернигова и стал правителем только Муромо-Рязанской земли. После смерти Ярослава Святославича в 1129 году Муромо-Рязанская земля оставалась владением его потомков и никогда не возвращалась к черниговским или новгород-северским князьям. Любопытно, что старейший престол находился в более удаленном Муроме, а младший — в Рязани. Сведений об этом районе за первую половину XII века недостаточно, но, по всей видимости, первые два поколения Ярославичей занимали эти два престола, сменяя друг друга в строгом соответствии с правилами наследования по горизонтальной линии. Однако к концу XII века род Ярославичей распался надвое, и очень вероятно, что разделилась и Муромо-Рязанская земля. Старшая ветвь — потомки Юрия Владимировича закрепились в Муроме (северо-восточная часть района) и, судя по скудным и часто косвенным свидетельствам источников, были не более чем пассивными и подчиненными союзниками правителей Суздальской земли. А младшая ветвь рода, потомки Глеба Ростиславича, держалась за Рязань и ее многочисленные мелкие уделы с поразительной цепкостью и упорством до тех пор, пока остатки Рязанского княжества не были окончательно присоединены московским князем Василием III в 1521 году.

На протяжении большей части XII века Рязань боролась за достижение независимости от своих более сильных соседей на западе (Чернигов) и на севере (Суздальская земля). Но рязанским князьям это не удалось. Хотя после смерти Ярослава Святославича в 1129 году все периферийные княжества сбросили с себя опеку

Чернигова, им еще не раз приходилось обращаться к своему западному соседу за помощью, как будто кровные связи никогда не разрывались. Но именно северо-восток Руси — Суздаль и Владимир причиняли рязанским князьям наибольшее беспокойство во второй половине XII столетия, и подчиненность Рязани черниговским князьям уступила место подчиненности великому князю владимирскому. Андрей Боголюбский и Всеволод III пользовались малейшей возможностью, чтобы удержать своих экономически более слабых соседей в зависимом положении. Требуя от них участия в походах против Киева, Новгорода, Чернигова и волжских булгар, они низводили их до положения, мало отличавшегося от вассальной зависимости; вмешиваясь во внутренние дела Рязани, а то и намеренно провоцируя междоусобные войны, они добивались того, что Рязань прочно оставалась под их контролем.

Только один рязанский князь в XII веке — Глеб Ростиславич — имел достаточно сил, чтобы оказать сопротивление. Он сыграл заметную роль в событиях, разыгравшихся на севере во время смуты, последовавшей за смертью Андрея Боголюбского в 1174 году. Его безуспешные попытки посадить своего ставленника на владимирский престол привели в 1177 году к войне, а решающая победа Всеволода над рязанцами на реке Колокше под Владимиром в феврале 1178 года положила конец борьбе Глеба за старейшинство. В течение следующих тридцати лет Рязанское княжество находилось в той или иной степени вассальной зависимости от Всеволода III: он заставил рязанцев воевать на его стороне (против Чернигова в 1180 и 1197 годах и против их старых союзников половцев в 1199 году); он вмешивался в их внутренние дела в 1180 и 1186 годах; он изолировал их политически и, может быть, даже в церковных делах от Чернигова — так или иначе, в 1198 году Рязань запросила и получила отдельную епархию (до того княжество находилось под юрисдикцией епископа черниговского)²³. Создается впечатление, что Всеволоду достаточно было мизинцем шевельнуть, чтобы его воля была исполнена²⁴. На переломе веков Рязань, как и Переяславль, находилась в его полной власти. Было, однако, одно существенное отличие. Если в Переяславле правили близкие родственники Всеволода, на которых он мог положиться, то Рязань имела своих собственных князей, многие из которых еще проявят неуступчивость в будущих отношениях с Суздальской землей.

Расположенные в самой западной части прежней Киевской Руси, богатые в сельскохозяйственном отношении и экономически развитые Волынская и Галицкая земли в начале XIII века представляли собой могущественный союз. Однако до того, как в 1199 году энергичный волынский князь Роман присоединил Галицкую землю, эти два княжества шли каждое своим, независимым от другого путем. Одна черта отличала их от других южнорусских районов; они имели наиболее протяженную границу с нерусской территорией. На юго-западе простиралось обширное Венгерское королевство, отделенное от Галицкой земли Карпатами. На западе находилась Польша, разделенная на области Великая Польша, Малая Польша, Силе-

зия, Мазовия и Куявия. На севере и северо-востоке лежали земли Тевтонского ордена. Полоса размытой и неопределенной южной границы отделяла эти два района от половецких степей. Поэтому неудивительно, что их ранняя история коренным образом отличалась от истории других киевских княжеств.

В течение XI и XII веков оба района страдали от алчных притязаний со стороны их нерусских соседей, особенно поляков и венгров. Галицкая земля, граничившая и с Польшей, и с Венгрией, была более уязвима для нападений: Перемышль и Червень, самые западные города, переходили из рук в руки между поляками и русскими не менее пяти раз за десятилетия, предшествовавшие 80-м годам XI века, в то время как венгры почти постоянно на протяжении XII века поддерживали Вольты против Галичины и пытались проникнуть в страну. В смутное время, следовавшее за смертью Ярослава Осмомысла в 1187 году, венгерскому королю Беле III удалось на короткий период поставить своего сына Андрея на престол в Галиче. Волинская земля также страдала от польского вмешательства. С начала XI века волинско-польские отношения колебались от династических браков и союзов, с одной стороны, до открытых военных действий — с другой.

Более западная из двух областей, Галицкая земля, была расположена на северо-восточных склонах Карпат и в бассейне Днестра. Ее главные города были связаны своими реками с Черным и Балтийским морями: Галич стоял на Днестре, Теревовль — на северном притоке Днестра Серете, Коломыя — на Пруте, т. е. все имели прямой выход к Черному морю и, таким образом, к Константинополю и Крыму. Перемышль на реке Сане, впадающей в Вислу у Завихоста, имел тесные связи с Восточной Польшей и с Балтикой. Волинская земля тоже была связана с Балтикой через другой крупный приток Вислы — Западный Буг, но она имела также выход к Черному морю по верховьям Южного Буга и к Турову и Киеву по притокам Припяти Стыри и Горыни. Экономическое значение этих двух областей определялось их географическим положением. Речные пути позволяли купцам выходить в Черное и Балтийское моря, а сухопутные маршруты соединяли Галицкую землю с Венгрией через Карпаты. Кроме того, два главных пути, соединявших Киев с Краковом и Прагой, проходили через Владимир на Волинской земле на севере и через Теревовль в Галицкой земле на юге²⁵.

Ранняя политическая история Галицкой земли, а именно ее главных городов Теревовля и Звенигорода (Галич до XII века не упоминается в источниках), нам абсолютно неизвестна. В так называемом «завещании» Ярослава I от 1054 г. эта область не упоминается. Однако некоторые историки считают, что Ярослав оставил эту землю внуку Ростиславу, сыну своего первенца Владимира, умершего в 1052 году. Достоверно неизвестно, что происходило в Галицкой земле в первые тридцать лет после смерти Ярослава I, но достаточно ясно, что три сына Ростислава: Рюрик, Володарь и Василько — в 80-х годах XI века разделили Галицкую землю на три области с центрами, как можно предположить, в Перемышле, Теревовле и Звенигороде. Во всяком случае, на съезде в Любече в 1097 году было

решено, что Перемышль — это отчина Володаря, а Теребовль — Василька (Рюрик умер в 1092 году). К этому времени их сила была уже широко известна: в 1091 году Василько помог спасти Византийскую империю от печенегов²⁶, совершил несколько успешных походов против поляков и венгров и в 1097 году готовил экспедиции против поляков и дунайских болгар²⁷. Более того, он собирался (или, по крайней мере, так считается) захватить северную часть Волынской земли и район Турова и Пинска²⁸. В 1098 году Володарь вместе со своим братом, сведя на нет попытку Святополка из Киева поставить Галицкую землю «на колени», удачно уклонились от киевских притязаний и вывели Галицкую землю из-под опеки киевского князя.

Володарь и Василько умерли в 1124 году, и до конца XII века Галицкой землей правили потомки Володаря. Однако к концу столетия власть этого первого в Галицкой земле дома явно ослабла. Владимир Ярославич, последний из этой династии, стоявший во главе Галицкой земли в 1187—1199 годах, «бе бо любезнив питию многому и думы не любяшетъ с мужми своими и поя у попа жену и постави себе жену»²⁹, был подвергнут унижению как со стороны своих бояр, не пожелавших «кланятися попади»³⁰ и изгнавших его, так и со стороны венгерского короля, который вместо убежища, о чем просил его Владимир, попросту заключил изгнанного князя в тюрьму³¹. Владимиру удалось бежать из Венгрии в 1190 году и вернуться на родину с помощью Фридриха Барбароссы и поляков. Так или иначе, он удерживался на престоле еще в течение девяти лет. Его положение в Галицкой земле поначалу выглядело неустойчивым. Роман Волынский был наготове в ожидании удобного случая, который позволил бы присоединить Галицкую землю к своему княжеству, в то время как поляки и венгры ждали на флангах подходящего момента для нападения. У Владимира не было иного выхода, как искать себе сюзерена и защитника среди самых могущественных из русских князей. Как только он вернулся в Галич, Владимир послал в Суздаль гонца. «Отче господине,— с этими словами, как утверждают, он обратился к Всеволоду,— удержи Галичъ подо мною, и яз Божии и твои есмь со всимъ Галичемъ, а во твоей воле есмь всегда»³². Это был мудрый ход. Всеволод велел «всем княземъ и... королеви в Ляхы» не нападать на Галицкую землю, и никто не посмел его послушаться. Владимир, согласно киевской летописи, «утвердився в Галиче и оттоле не бысть на нь никого же»³³. Только после его смерти в 1199 году Роману удалось захватить Галицкую землю и соединить ее с Волынской землей.

Политическая история Волынской и Галицкой земель резко различается тем, что Волынская земля лишь на первый взгляд добилась определенной степени независимости от Киева во второй четверти XII столетия. Более того, самые северные области — Берестье (современный Брест) и Дорогочин — были, видимо, не более чем придатками Киева до их включения в состав Волынской земли во второй половине XII века. Оказалось, например, что в 1142 году киевский князь черниговского происхождения Всеволод Ольгович ставил в эти города своих родственников³⁴.

В XI веке ни одна ветвь рода не владела Волынской землей подолгу. В 1054 году она была оставлена Ярославом I своему шестому сыну Игорю, но он и его сын Давид недолго удерживали Волынь. Потомки Давида были в конечном счете вытеснены в маленькое окраинное княжество Городно (Гродно) в северной части Волынской земли. После перехода от одного рода к другому Волынская земля попала, наконец, в руки Владимира Мономаха и его потомков. В течение некоторого времени Волынской землей правил сын Мономаха Андрей (1125—1134), но затем она перешла к крутому и энергичному внуку Мономаха Изяславу Мстиславичу. При нем Волынская земля перестала быть отчиной киевских князей, а стала родовым владением Изяслава и его потомков. При двух его старших сыновьях Мстиславе и Ярославе область разделилась надвое: Владимир и западная часть отошли к Мстиславу, а Луцк на реке Стырь и восточная часть стали отчиной Ярослава и его сыновей. В конце столетия великий сын Мстислава Роман присоединил всю Волынскую землю к Галицкой, сформировав таким образом на юго-западе Руси могучее государство, которому суждено было сыграть заметную роль в истории Южной Руси в XIII веке.

Район Турова и Пинска, очерченный средним течением Припяти и ее многочисленными притоками, славился своими густыми лесами, болотами и на большей части территории не отличался плодородием. Любопытно, что ранние летописцы уделяли ему очень мало внимания, а временами и вовсе игнорировали, так что теперь почти невозможно проследить его историю в XI и XII веках. И все-таки, при всей его сельскохозяйственной отсталости, это был очень важный регион. Припять, на берегах которой был расположен город Туров, являлась основным водным путем из Киева в Польшу и на Балтику. Более того, в Турове находился епископский престол. Самый прославленный из занимавших его, Кирилл, живший в XII веке, был признан как автор проповедей в духе самой что ни на есть напыщенной и вычурной византийской риторики. Вряд ли правильно будет считать этот район задворками в культурном и торговом отношении, как может показаться, если судить только по высокомерному молчанию источников.

Границы этой территории определить трудно, труднее, чем границы любого другого южнорусского княжества. Все четыре соседа Турово-Пинского княжества: Киевское, Полоцкое, Черниговское княжества и Волынская земля — управляли различными его частями в разное время. Трудно, например, сказать, образовывал ли когда-нибудь Пинск северную часть Волынской земли вместе с Берестьем, или сколь долго в XII веке черниговские князья правили центральным клином этой земли — Клецком и Слуцком (так называемой «землей дреговичей»), или в какой степени Туров рассматривался просто как придаток Киевского княжества либо даже как восточное продолжение Волынской земли. Мы знаем только, что второй сын Ярослава I, Изяслав, и его потомки имели какие-то притязания на большую часть этой земли и считали Туров своим семейным владением. Достоверно известно, что Изяслав и два его сына Ярополк и Святополк правили там³⁵. После смерти Святополка

в 1113 году Туров, как очень многие южнорусские земли, попал в цепкие руки Владимира Мономаха и его сына Мстислава. До середины 50-х годов XII века он переходил из рук в руки сыновей и внуков Владимира. Затем, как будто по капризу судьбы, эта земля вновь оказалась во владении потомков Изяслава. Правнуку Изяслава Юрию Ярославичу удалось каким-то образом отобрать Турово-Пинскую землю у сына Юрия Долгорукого Бориса, последнего из потомков Мономаха, правившего там. До конца века этот район оставался во владении Юрия, пяти его сыновей и трех внуков. Произошло необратимое — Туров разделился на ряд мелких княжеств: Пинск, Клецк, Дубровицу на Горыни, Несвиж, Слуцк и, вероятно, другие. От кого находились в вассальной зависимости правители этих земель, неизвестно — возможно, на переломе веков их сюзереном был князь Воынской и Галицкой земель Роман. В XIII веке Турово-Пинское княжество, если оно когда-либо существовало как таковое, почти полностью исчезло с политической карты Южной Руси. До монголо-татарского нашествия в 1223 году мы встречаем еще только два упоминания о турово-пинских князьях: в 1207 году они были союзниками Ольговичей против киевского князя Рюрика; в 1212 году они приняли участие в походе Ростиславичей на Киев (см. прим. 71)³⁶. После этого они практически полностью исчезли с политической сцены. Для летописцев их как будто не существовало. Позднее, в XIII веке, Туров, как и Полоцк, оказался легкой добычей Литвы³⁷.

Полоцкое княжество, расположенное к западу от Смоленска и к северу от Турова, резко отличалось от всех описанных выше районов, составлявших в XII веке земли Руси. Оно никогда не было родовым владением никого из потомков Ярослава I и никогда в отличие от других княжеств не было связано пуповиной с матерью городов русских Киевом. Как ни пытались киевские князья покорить его, оно оставалось независимым и безучастным к основным политическим событиям на протяжении большей части XI и XII веков. Здесь правили потомки второго сына Владимира I Изяслава, посланного сюда на княжение вместе со своей матерью Рогнедой в конце X века. В конце XII века это было единственное княжество, граничившее одновременно с Литвой и с землями Немецкого ордена, что делало его уязвимым со стороны двух потенциально агрессивных западных соседей.

Подобно Турову, почвы здесь были бедные, местность лесистая, заболоченная. Но в торговом отношении этот район имел огромное преимущество перед большинством других княжеств: в центре этой земли протекала Западная Двина, напрямую соединявшая княжество с Балтикой; туда же вело верхнее течение Немана в западной части княжества. Удобные речные пути вели также на юг: на юго-восточной окраине района протекал Днепр и два его основных притока Друть и Березина.

Источники, содержащие сведения о Полоцком княжестве XI и XII веков, фрагментарны, противоречивы и неинформативны. Даже если в Полоцке (или в Минске, или в Витебске) велась летопись, то сведения оттуда почти не попали в летописи Киева, Новгорода

и Суздальской земли. В XI веке Полоцкое княжество было, по всей видимости, сильным и единым; в течение целых ста лет только два князя занимали престол — воинственный сын Изяслава Брючислав (1001—1044) и его еще более агрессивный внук Всеслав (1044—1101). В XII веке, однако, княжество распалось на несколько мелких районов (Полоцк, Минск, Витебск, Друцк, Изяславль, Логожск и, может быть, ряд других), в которых правили многочисленные сыновья и внуки Всеслава. То минские, то полоцкие князья предпринимали попытки объединить эту территорию, но безуспешно. К началу XIII века из летописей начинают исчезать даже редкие и разрозненные упоминания о Полоцке — верный признак ослабления княжества. Тогда же крестоносцами, двигавшимися по Двине, были поработаны полоцкие данники — леттские племена. В начале XIII века русские отряды под командованием полоцких князьков были выбиты из застав в Кукенойсе (Кокенхузене) и Герсике на Двине юкскюльским епископом Альбертом и его саксонцами³⁸. Давление Литвы с запада и Смоленска с востока, феодальные усобицы, типичные для XII века, периодические попытки киевских князей установить контроль над Полоцком, катастрофическая раздробленность Полоцкой земли — все внесло свою лепту. И хоть Генрих Ливонский упоминает какого-то «князя Владимира», «короля полоцкого» на переломе веков³⁹, и хоть этому княжеству удалось каким-то образом продержаться еще в течение нескольких десятилетий, нет сомнений в том, что оно было безнадежно ослаблено в политическом и военном отношениях. Оно не представляло угрозы ни для кого из своих соседей, и менее всего для Суздальской земли, и только время требовалось для того, чтобы самый агрессивный из них, Литва, поглотил эту территорию⁴⁰.

Новгородская земля — единственный русский район, который не был княжеством в точном значении этого слова (т. е. управляемым либо князем из династии, обосновавшейся там, либо назначенным из другого княжества), но зависел от власти приглашенного князя и его войска, когда возникала необходимость защищать границы и вести войны. Центром этого города-государства, который невозможно назвать ни княжеством, ни тем более республикой, было озеро Ильмень, к северу от озера на берегах реки Волхов и был расположен Новгород. Эта земля протянулась на севере до Финского залива, Невы, южных берегов Ладожского озера и реки Свирь. Восточным соседом новгородцев была Суздальская земля, южными соседями — Смоленское и Полоцкое княжества. Западная граница пролегла вдоль по реке Нарова на юге через центр Чудского озера, а также западнее реки Великая до самого северного края Полоцкой земли. Вся эта территория централизованно управлялась из Новгорода, только на западе город Псков и значительная по размерам зависевшая от него территория имели самоуправление, пусть и под строгим надзором Новгорода, откуда в Псков назначался посадник, которому принадлежала исполнительная власть.

Сам Новгород был вторым по величине городом на Руси после Киева. Через него проходили торговые пути, ведущие с севера, от

Балтики (по Неве, Ладожскому озеру и Волхов), на юг, к Черному морю (по Ловати и волоком до Днепра), и пути с востока на запад, соединявшие Новгород с Волгой (по Полу и озеру Селигер, а также по Мсте и волоком до реки Тверцы). Расположенный на пересечении торговых путей, Новгород был крупнейшим центром торговли с югом, востоком и западом, но особенно с западом. Источником богатства Новгорода была не только его торговля, но и его обширные северные колонии. Они простирались на севере до Арктики и на востоке до Урала (районы Печоры и Югры). В богатом центральном районе, известном как Заволочье («за волоком», т. е. на землях, расположенных в бассейне Северной Двины к северо-востоку от волока, соединявшего озеро Белое и Кубенское), власть Новгорода твердо установилась уже в XII веке: правители в этот район назначались центральной властью. Отдаленные районы (Пермь, Югра, Печора и Кольский полуостров) находились под властью Новгорода только в том смысле, что они регулярно платили дань. Нет никаких оснований считать, что они были «колонизованы» Новгородом к началу XIII века — да и к концу столетия, кстати, этого не произошло.

Административно Новгород был разделен на две половины. На западном берегу Волхова располагалась так называемая Соборная сторона (*Софийская сторона*), состоявшая из трех *концов* (районов или округов): Неревского, Загородского и Людина (последние два известны как *Прусская улица*), — и *детинца* (кремля). Над всей этой стороной возвышался собор св. Софии. На восточном берегу реки находилась *Торговая сторона*, состоявшая из двух *концов*: Плотницкого и Славенского. Каждый из пяти *концов* отвечал за управление пятью *волостями*, или районами, на которые была поделена центральная часть Новгородской земли.

Начиная со второй половины IX столетия Новгород находился в зависимости от киевских князей. Позже князей из Киева стали присылать для правления в Новгороде. Насколько большой властью обладал князь, сколь обширными землями он владел, в какой степени он мог назначать своих людей на административные, судебные и фискальные должности — этого мы не знаем. Но в XI и в первой половине XII века он определенно был больше чем военачальником и защитником границ, и его присутствие, хотя и необходимое, если учитывать поразительную неспособность новгородцев защищаться от врагов самостоятельно, было для них, несомненно, как бельмо на глазу.

В начале XII века, по мере того, как росло стремление Новгорода к независимости, княжеская власть стала ослабевать: место посадника (ежегодно сменяемого главы исполнительной власти в городе) стало выборным — если до того посадник был ставленником и правой рукой князя, то теперь он избирался городским вечем из числа новгородских бояр, т. е. тем самым превратился из послушного орудия княжеской воли в потенциальную помеху его власти. Вече добились также права назначать всемогущего епископа (с 1165 года — архиепископа) — номинального главу города-государства, хранителя казны, хозяина государственных земель, высшего церковного судью, будущего председателя правящего собора, — а впоследствии стало

назначать и *тысяцкого*, т. е. воеводу местного ополчения и главу охраны. Но что самое важное, Новгород избавился от зависимости от Киева, который уже не мог назначать новгородских правителей. Начиная с 1136 года, когда восстание горожан закончилось изгнанием сына прежнего киевского князя, Новгород пользовался правом самостоятельно выбирать себе князя из **любого** княжеского рода. Конечно, сильные владимирские, киевские или черниговские князья по-прежнему могли оказывать давление на Новгород и принуждать горожан принимать своих ставленников. Но уже была разрушена традиция или неписаный закон, согласно которому именно киевский князь автоматически ставил своего сына или близкого родственника в Новгород. Город получил возможность лавировать между тремя главными княжескими группировками: старшей ветвью потомков Мономаха (главным образом Ростиславичами, князьями смоленскими), младшей ветвью (Юрием Долгоруким и его детьми) и их к тому времени отдаленными родственниками Ольговичами из Чернигова. Все три рода обеспечивали Новгород князьями в течение второй половины XII века.

Ошибками было бы думать, что завоеванное право Новгорода самому выбирать себе князей неизбежно вело к ослаблению княжеской власти. Это происходило только в том случае, если престол занимал слабый князь или же ставленник слабого князя. Оказывается, что во второй половине XII столетия ограничений княжеской власти (во всяком случае, закрепленных письменно) почти не было, кроме права горожан изгонять нежеланного правителя (которым они пользовались время от времени в течение этого периода), не навлекая на себя при этом серьезных гонений извне. Нетрудно понять причины неспособности новгородцев ограничить власть князя: несмотря на тот факт, что посадник — главная исполнительная власть города — избирался независимо от князя, отсутствовало единство среди тех, кто составлял основную силу, стоящую за выборщиками, а именно бояр, поскольку в XII веке сами бояре были разобщены своей приверженностью разным поставщикам правителей для Новгорода. Начиная с 1136 года среди бояр можно выделить несколько непримиримо враждующих группировок: тех, кто поддерживал Ольговичей, и тех, кто противостоял им: позднее враги Ольговичей разделились на тех, кто поддерживал суздальских князей, и тех, кто поддерживал смоленских. Это означало, что, кто бы ни был князем, он, как правило, мог рассчитывать на поддержку той или иной части бояр; но это также означало, что никакая группировка бояр не могла удержать власть **без** поддержки правящего в это время князя. В результате вместо того, чтобы формировать сплоченную оппозицию по отношению к княжеской власти и ее привилегиям и вырабатывать какую-то форму олигархического республиканского правления, бояре были разобщены как раз по причине того, что город-государство имел право выбирать (или влиять на выбор) своего князя, а также избавляться от него ⁴¹.

Ближе к концу XII столетия власть князя Суздальской земли Всеволода III стала проявляться в Новгороде все сильнее и сильнее. В течение большей части 80-х и 90-х годов XII века в Новгороде

княжил его ставленник, некто Ярослав Владимирович, дальний его родственник по крови (он был внуком Мстислава Великого) и свойственник благодаря браку. Хотя его правление прерывалось на короткие периоды времени представителями Ольговичей и Ростиславичей, тем не менее к концу века Новгород как будто примирился (по крайней мере на какое-то время) с влиянием на его политику князей Суздальской земли. В 1199 году Всеволод III удалил Ярослава из Новгорода и заменил его своим трехлетним сыном. Похоже, что город на некоторое время утратил даже право выбирать себе князя. Еще на одной русской территории влияние Суздальской земли стало доминирующим.

Обзор политической организации каждой из русских территорий конца XII века и истории их предшествующего развития показывает, что к 1200 году Киев утратил то, что столетие назад казалось общепризнанным, — контроль над большей частью земель Руси — Волынь, Южным Переяславлем, Туровом и Смоленском на юге, а также Суздальской землей и Новгородом на севере — другими словами, над всеми русскими областями, кроме Чернигова—Рязани, Полоцка и Галицкой земли. А тем временем Всеволод III твердо взял в свои руки не только родовое владение — Суздальскую землю, но и Южный Переяславль, Муром—Рязань и Новгород. Становится понятным, почему общегосударственная власть переместилась, пусть даже только временно, с юга на север и почему князь развивающейся Суздальской земли стал вместо киевского князя наиболее влиятельным правителем на Руси. Причина не в том, что Киев стал хоть в каком-то смысле экономически слабее — в русских источниках нет никаких свидетельств, что ухудшение торговли на Черном море, например, существенно повлияло на Киев, — и не в том, что в XII веке происходила какая-то заметная миграция с юга на север — опять же нет никаких указаний о том, что население Суздальской или Новгородской земли увеличивалось на счет Киевского или любого другого южного княжества. Подлинную причину этого временного перемещения источника влияния следует искать прежде всего в том факте, что ни один княжеский род не правил Киевом в течение всего XII века. Как было показано, власть переходила сначала к потомкам Мономаха и Ольговичам, затем к старшей и младшей ветвям потомков Мономаха, что, конечно, сопровождалось вспышками разорительных междоусобных войн. В Суздальской земле, напротив, в течение большей части XII века правили три сильных князя, отец и два сына, все трое не терпевшие соперничества, осознавшие особое единство своей семьи и не желавшие отдать власть над Ростовом, Суздалем и Владимиром в руки любой другой ветви потомков Мономаха, тем более таких чужаков, как Ольговичи или рязанские князья. Более того, в XII столетии Суздальская земля оставалась нерасчлененной: власть твердо находилась в руках правившего князя, и мы не находим признаков того, что сыновья или братья оседали в выкрененных из Суздальской земли отчинах.

Таким образом, в целеустремленности и сплоченности Юрия Долгорукого и двух его сыновей, в их страстной решимости защи-

щать и неуклонно расширять границы своего северного государства, в неспособности какой-либо одной из ветвей рода Ростиславичей править Киевом так, как это делали Владимир Мономах и Мстислав Великий, — вот в чем заключена главная причина временного ослабления Киева в начале XIII века и выхода на первый план могущественной и влиятельной Суздальской земли.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ НПЛ, с.160 (под 989 годом).
- ² См.: Кучкин. О маршрутах; Смирнов, гл. 2; Насонов, Русская Земля, гл. 11.
- ³ Пресняков, с. 27.
- ⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 520, 521, под 6670 годом (ультрамартовский стиль).
- ⁵ Кучкин. Ростово-Суздальская земля, с. 87.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Порре. On the Title of Grand Prince, p. 685.
- ⁸ Зимин, с. 103—104.
- ⁹ См.: Кучкин. Ростово-Суздальская земля, с. 88 и далее.
- ¹⁰ См.: Толочко. Киев, с. 114—163.
- ¹¹ Согласно В. Н. Татищеву, Ростислав получил Смоленск в 1125 г. (Татищев, т. 2, с. 137).
- ¹² Подробное описание границ Смоленского княжества см.: Алексеев. Смоленская земля, с. 53—54.
- ¹³ См.: Янин. Международные отношения, с. 122.
- ¹⁴ См.: Алексеев. Некоторые вопросы.
- ¹⁵ НПЛ, с. 160.
- ¹⁶ ПСРЛ, т. 1, стб. 257, прим. а.
- ¹⁷ Зайцев, с. 95 и далее.
- ¹⁸ Там же, с. 104—108.
- ¹⁹ См.: Кучера, с. 118—120, 136.
- ²⁰ Фактически Глеб был посажен на киевский престол в 1169 г. своим племянником Мстиславом Андреевичем по наущению Андрея Боголюбского. В 1171 г. он был убит, как сообщили его брату Андрею.
- ²¹ Из источников неясно, когда Ярослав занял переславский престол, но, по всей вероятности, он наследовал своему двоюродному брату Владимиру в 1187 г.
- ²² ПСРЛ, т. 1, стб. 470.
- ²³ Татищев, т. 4, с. 326; Кузьмин, с. 127.
- ²⁴ Подробное описание политической истории Рязани в XII веке см.: Монгайт. Рязанская земля, гл. 29; Иловайский, гл. 2.
- ²⁵ См.: Пашуто. Очерки, с. 168 и сл.
- ²⁶ См.: Очерки истории СССР IX—XIII вв., с. 365.
- ²⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 266.
- ²⁸ Там же, стб. 263.
- ²⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 659.
- ³⁰ Там же, стб. 660.
- ³¹ Там же, стб. 661.
- ³² Там же, стб. 667.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, стб. 310—312.
- ³⁵ Даже еще до того, как он получил киевский престол в 1054 г. (ПСРЛ, т. 2, стб. 150).
- ³⁶ Согласно Татищеву, они участвовали также в походе Ростиславичей 1221 г.
- ³⁷ О Турове в XI—XII веках см.: Лысенко, с. 21—31.
- ³⁸ В г u n d a g e . The Chronicle of Henry of Livonia, p. 90—93.
- ³⁹ История Генриха Ливонского была написана между 1225 и 1229 гг.
- ⁴⁰ О Полоцке см.: Алексеев. Полоцкая земля; сокращенный вариант в сборнике «Древнерусские княжества» (Алексеев. Полоцкая земля. с. 202—239).
- ⁴¹ См.: Янин. Новгородские посадники, с. 94—123.

ЮЖНАЯ РУСЬ В 1200—1223 ГОДАХ

В 1194 году умер Святослав Всеволодович, последний из Ольговичей, кто хотя бы недолго княжил в Киеве. Его немедленно заменил могущественный и энергичный Рюрик Ростиславич, сравниться с которым в предприимчивости среди родичей мог только его племянник Мстислав Удалой. В течение следующих приблизительно сорока пяти лет он и его сыновья, племянники, двоюродные братья — Ростиславичи — определяли политику Южной Руси вместе с Ольговичами из Чернигова и князьями Юго-Западной Руси. Все три враждующие группировки имели одну и ту же цель: сосредоточение власти над всей Южной Русью в руках князя, правящего Киевом — матерью городов русских. Пусть этот город и княжество потеряли значительную часть своего политического авторитета в ходе феодальных войн XII века, и пусть суздальские князья считали, что основная власть теперь находится в руках их ветви — потомков Мономаха и в их столичном городе Владимире на севере, несмотря на это, Киев оставался заветной наградой и сохранял свою неодолимую притягательность в течение всего наступающего столетия, да еще не переставая быть при этом резиденцией митрополита главы русской церкви.

Дальнейшая борьба развернулась, продолжая «традицию» второй половины XII века, главным образом между Ростиславичами и Ольговичами. Большую часть времени они пребывали в состоянии готовности взяться за оружие, а иногда вступали и в открытые столкновения. Временами эти два рода заключали кратковременный союз, но только с целью подавления общего врага и в пользу того, кто в это время правил западнорусскими землями. Владимирские князья на северо-западе, Всеволод III и его сыновья, находясь на периферии этой борьбы, несколько свысока, но всегда внимательно следя за развитием событий с сознанием своего полного военного и экономического превосходства, были, однако, готовы сразу вмешаться, если баланс сил на юге потребует изменения. Если судить по Большой Киевской летописи¹ — южнорусскому своду, составленному около 1200 года (в заключительной части он является семейной летописью Рюрика Ростиславича), — то становится ясным, что Рюрик признавал это превосходство и готов был принять сюзеренитет

Всеволода III. Так, в ходе сложных территориальных переговоров с Романом Мстиславичем и Всеволодом в 1195 году, в ситуации, грозившей перерасти в военный конфликт, Рюрик говорил Роману: «А нам без Всеволода нельзя быть, положили есмь наа немь старшинство вся [наши] братья во Володимере [Мономаха] племени»². А Всеволоду Рюрик заявлял: «Ты, брате, в Володимери племени старей еси нас»³. Может быть, конечно, это не более чем дипломатический прием, но Суздальская (так называемая Лаврентьевская) летопись указывает (несмотря на всю свою пристрастность), что именно Всеволод III в 1194 году, когда умер Святослав, действительно «посла... муже свое в Киев и посади в Киеве Рюрика Ростиславича»⁴. В 1203 г. та же летопись сообщает, что Роман Галицкий называет Всеволода *отцом и господином*⁵.

Кризис 1195—1196 годов, разразившийся почти сразу после того, как Рюрик получил власть, имеет важное значение, поскольку он лег в основу большей части разногласий между князьями в первой трети XIII века. Вскоре рассеялись последние надежды на крепкий союз между Рюриком и его могущественным зятем волынским князем Романом Мстиславичем: летом 1195 года Всеволод III, возможно, пытаясь разрушить поруку южных князей, потребовал от Рюрика, чтобы тот передал ему пять городов в южной части Киевского княжества (Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев), которые прежде были отданы Всеволодом в дар Роману. Не рискуя навлечь на себя вражду Всеволода, Рюрик подчинился. Роман незамедлительно обратился к черниговскому князю Ярославу (брату Святослава Всеволодовича и новому главе рода Ольговичей) с предложением пойти на Киев, а также самостоятельно пытался собрать войско в Польше. Но его усилия не увенчались успехом: Роману не удалось получить поддержку у поляков, а Ольговичи не хотели (или еще не были готовы) нападать на Рюрика. В самом деле, осенью 1195 года Ольговичи после ощутимого давления со стороны Рюрика и под угрозой военного вмешательства Всеволода III согласились на временное перемирие с Рюриком.

Оно и оказалось временным. В марте 1196 года черниговский князь Ярослав напал на Смоленскую землю. Разгоревшаяся война была жестокой, разрушительной, всеобщей и беспорядочной. Бои происходили на землях Смоленска, Полоцка, Киева, Чернигова на западе и докатывались до Перемышля на Волынской земле и Каменца на Галицкой. Ростиславичи (киевский князь Рюрик, его брат смоленский князь Давид и его племянник Мстислав Романович), поддерживаемые рязанским князем Глебом Владимировичем и суздальским князем Всеволодом III, противостояли Ольговичам из Чернигова (Ярославу и его племяннику Олегу Святославичу), полоцким князьям и волынскому князю Роману. Отряды половцев, как это часто бывало, воевали с обеих сторон. Но война не принесла никаких определенных результатов: никому не удалось захватить или присоединить чужую территорию, и ни одна из воюющих сторон не сумела одержать решающей победы. Война завершилась в 1196 году сомнительным миром, но не между Ростиславичами, Ольговичами и волынским князем Романом, а между Всеволодом III и черниговским

князем Ярославом. Условия мира, однако, были столь же непоследовательными, как и сама война. Ольговичи, правда, согласились не предпринимать больше попыток отобрать Киев и Смоленск у Ростиславичей, а также освободить племянника Рюрика, который был захвачен при первых военных столкновениях, но отказались расторгнуть союз с волынским князем Романом. Всеволод, по-видимому, и не настаивал особенно на этом. Долговременное соглашение между Киевом—Смоленском, Черниговом и Волынской землей было не в его интересах. Отношения между Ростиславичами и Ольговичами оставались непрочными, и через короткое время столкновение Рюрика с Романом разрушило хрупкий мир на юге Руси⁶.

Этот конфликт, который произошел в 1200 году, не мог никого удивить. Борьба между Рюриком и Романом началась еще в 1196 году, когда Роман попытался избавиться от своей первой жены, дочери Рюрика Предславы. Единственный источник, который упоминает об этом, Лаврентьевская летопись, о мотивах ничего не сообщает, но говорит о способе («хотяшетъ ю постричи [в монахини]») ⁷. Таким образом, мы не знаем, были ли разлучение супругов или развод связаны с войной 1196 года или, быть может, Роман хотел заключить более выгодный в политическом отношении брачный союз. Во всяком случае, бедная Предслава, по-видимому, как могла сопротивлялась в течение некоторого времени принудительному пострижению, а затем бежала (или была отослана обратно) к своему отцу в Киев⁸. Роман же, мало считаясь с церковными правилами и с чувствами своего тестя, взял в жены принцессу, не только энергичную и предприимчивую, но и связанную по рождению с правящими домами Византии и Венгрии. Анна, упоминаемая в летописи как вторая жена Романа, родившая ему двух его знаменитых сыновей Даниила и Василька, была, по всей вероятности, дочерью императора Исаака II Ангела и падчерицей сестры венгерского короля Андрея II. Ее тесные связи с Византией и Венгрией, а также контакты с Польшей и Литвой⁹ давали ее мужу и сыновьям огромные преимущества. В 1199 году при гарантированном невмешательстве венгров, которые могли, при желании, серьезно воспрепятствовать этому предпрятию, Роман захватил Галич. Древний, но к этому времени ослабевший род потомков старшего сына Ярослава I, правивший землями в верхнем течении Днестра еще с середины XI века, но во второй половине XII столетия заявляющий о себе лишь от случая к случаю, прекратил свое существование. Два великих княжества на юго западе Руси — Волынская и Галицкая земли — были теперь объединены под умелым и решительным руководством Романа, «русского короля», как назвал его французский летописец середины XIII века, «короля рутенов» (*Romanus rex Ruthenorum*), как его называли в Эрфурте, и «приснопамятного самодержьца всея Руси», как записано в Ипатьевской летописи¹⁰.

Захват Романом Галича испугал других южнорусских князей. Поддерживая бывшего князя Галицкой земли, Всеволод III делал все, что было в его силах, для сохранения политической разобщенности двух западных княжеств¹¹; но он никак не мог помешать Роману присоединить Галицкую землю. Всеволоду III удалось сформиро-

вать своеобразный южный союз, имевший целью оказать сопротивление Роману или даже изгнать его из Галицкой земли.

Первым делом Всеволод 10 августа 1200 года¹² послал своего сына Ярослава в самое юго-восточное из русских княжеств, Переяславское. Во время правления двух предыдущих князей, Владимира Глебовича и Ярослава Мстиславича, Переяславль находился под твердой властью Суздальской земли. Оба князя были племянниками Всеволода III, и именно Всеволод, а не митрополит и даже не киевский князь поставил в 1197 году епископа на освободившийся в Переяславле престол¹³. Но Ярослав Мстиславич умер в 1198 году¹⁴, и, хотя княжество не предпринимало попыток восстать, символическое назначение десятилетнего сына великого князя, поддерживаемого, без сомнения, сильной дружиной и многочисленными советниками, обеспечивало сохранение этого района за Всеволодом по крайней мере еще в течение какого-то времени.

Замысел Всеволода, однако, не ограничивался простым укреплением южных рубежей. Напомним, что черниговские князья в 1196 году заключили с Всеволодом мирный договор, по которому отказались от притязаний на Киев и Смоленск, другими словами, согласились положить конец вражде с Ростиславичами, но в то же время они не уступили требованию Всеволода и не разорвали дружбу с Романом. Очевидно, активной стороной был Всеволод III: в 1200 году именно он убедил наконец Ольговичей прервать отношения с Романом. Думаем, ему не пришлось прилагать много усилий, поскольку черниговский князь Ярослав, подписавший в 1196 году договор, два года спустя умер, и на его место встал его двоюродный брат Игорь Святославич, муж сестры последнего независимого князя Галицкой земли¹⁵. Рюрика долго убеждать тоже не было нужды — он не был связан с Романом договорными обязательствами; в 1195 году Роман начал войну против него, да еще, как мы помним, незаконно развелся с его, Рюрика, дочерью Предславой, которая теперь находилась в Киеве, где рассказывала отцу печальную повесть о выпавших на ее долю невзгодах.

Эти важные события 1200 года описаны только в Суздальской (Лаврентьевской) летописи¹⁶ и в более поздних компиляциях из нее, Новгородская и Галицкая летописи¹⁷ об этих обстоятельствах не упоминают, что касается современных событиям Киевской летописи (семейной летописи Рюрика¹⁸), то она, к сожалению, прерывается на 1199 году. Летописец ведет рассказ сухо, излагая только факты, без эмоций и, что довольно любопытно, не проявляет явной симпатии ни к одной из сторон. Итак, Рюрик и черниговский князь Игорь были захвачены врасплох. До того как они успели выйти из Киева на запад, Роман уже собрал войско в Волынской и Галицкой землях и двинулся на восток. Когда он приблизился к Киеву, к его войску присоединились не только *черные клобуки* (каракалпаки), одно из тюркских племен, осевшее в районе реки Рось и обычно лояльное по отношению к киевским князьям, но также «потомки Владимира [Мономаха]» и «городов русских... люди». Кто именно из «потомков Владимира» отложился от Рюрика, не установлено — возможно, это всего лишь выражение летописца,

обозначающее массовую поддержку, которую получил Роман¹⁹, однако очевидно, что Рюрика не поддержал никто из его потенциальных союзников и Роман не встретил никакого сопротивления. Даже киевляне²⁰ жаждали нового князя: ворота большого северного района Киева—Подола, торгового и ремесленного центра города, были открыты, в то время как Рюрик и те из черниговских князей, кто еще оставался с ним, отступили в относительно безопасное место, на Гору, где в хорошо укрепленной «крепости Ярослава» были расположены княжеские палаты²¹. После того как войско Романа вошло в город, стало очевидно, что сопротивление бессмысленно. Рюрик и Ольговичи сдались без боя и были высланы: Рюрик — в город Вручий, расположенный к северо-западу от Киева и в течение последних тридцати лет XII века находившийся в родовом владении Рюриковичей, а Ольговичи — в Чернигов.

Что произошло после этого с Киевом? Очевидно, что Роман не мог оставаться в этом городе и оттуда управлять своими сложными западнорусскими владениями; в конце концов, он только в предыдущем году присоединил Галицкую землю с ее беспокойными боярами и сторонниками союза с Венгрией. Поэтому на киевский престол он посадил луцкого князя Ингваря Ярославича из Волынской земли. Может показаться, что назначение такого, казалось бы, неродовитого князя на главный престол говорит о презрительном отношении Романа к Киеву, как это было в случае с Андреем Боголюбским, посадившим туда в 1169 году своего брата Глеба. Но кого еще мог сделать киевским князем Роман? Ингварь был вторым после Романа из волынских князей и вторым оставшимся в живых правнуком Мстислава Великого (см. генеалогическую таблицу 2), вероятно, Роман даже не пытался искать претендента на киевский стол среди других потомков Владимира Мономаха и уж, конечно, среди Ростиславичей.

Во всяком случае, Киев надежно оставался в руках Романа — в течение двух лет все было спокойно на юге. Зимой 1200/01 года Роман предпринял очень успешный карательный поход против половцев, закончившийся освобождением русских пленных, захваченных, по всей вероятности, после поражения в 1196 году²². Но если целью нападения было надолго отбить у половцев охоту к активным действиям, то задача выполнена не была: в 1203 году половцы с еще большей энергией включились в междоусобную войну на юге Руси.

Наивно было бы ожидать, что деятельный Рюрик удовлетворится своей вынужденной отставкой и будет тихо сидеть во Вручье. Вряд ли также многочисленные черниговские князья стали бы безучастно наблюдать, как Роман утверждает свою власть на юге: в конце концов, следующим шагом Романа вполне мог быть захват Переяславля, после чего Чернигов попал бы под давление на всех своих южных рубежах. 2 января 1203 года необычное затишье, длившееся два года, внезапно было взорвано. Рюрик, Ольговичи и все пожелавшие присоединиться к ним половецкие ханства («с погаными половци»²³) выступили в поход и взяли Киев.

Даже с учетом того факта, что самое подробное и яркое описание взятия Киева, даваемое летописями Суздальской земли и Се-

верного Переславля, состоит большей частью из «штампов описания бедствий», употреблявшихся как до, так и после 1203 года для показа больших несчастий, все равно ясно, что городу был нанесен страшный удар, после которого он еще долго не мог оправиться. Сначала был взят и сожжен район Подола — Рюрик не забыл, как двумя годами ранее жители Подола открыли ворота Роману. Затем был взят княжеский дом («Гору взяша»), собор св. Софии и Десятинная церковь были отданы на разграбление, как и «монастыри все». По-видимому, грабили, захватывали в плен и убивали в основном половцы, угнавшие затем своих пленников в степь²⁴. Спасти свои жизни удалось только иностранным купцам (потерявшим, однако, при этом половину своих товаров) — купцы нашли убежище в церк-вах²⁵.

Что именно случилось после захвата Киева, точно неизвестно. Возможно, что Ингварь был захвачен в плен, либо ему удалось бежать в Волынскую землю²⁶. Ольговичи вернулись обратно в Черниговское княжество со своими пленными²⁷. Что касается Рюрика, то он, по-видимому, предпочел отваге осторожность. Опасаясь восстаний в Киеве и оппозиции со стороны бывших союзников Романа (особенно *черных клобуков*), он вернулся в свою резиденцию во Вручье, оставив, без сомнения, часть дружины в городе²⁸. Это, безусловно, покажется нам странным, однако оказалось необходимым вмешательство Романа, чтобы Рюрик смог вернуться в Киев. 16 февраля 1203 года Роман поспешил во Вручий, но не с целью сразиться с Рюриком или захватить обратно Киев, а просто пытаться держаться подальше от Ольговичей и половцев: ведь основная опасность для Романа исходила от союза Ростиславичей с Ольговичами, поддерживаемого половцами.

И все же при всем авторитете правителя Западной Руси Роман мог только звать и убеждать. Реальная власть, как и прежде, находилась в руках великого князя Суздальской земли. Почти ни одно соглашение не вступало в силу без его благословения. Рюрик был вынужден «целовать крест» в знак преданности Всеволоду III и его сыновьям. «Пошли ты мужа своего... — сказал Роман. — а я слю своего мужа ко отцу и господину великому князю Всеволоду, и ты ся моли, и я ся молю, абы ти дал Киев опять»²⁹. С такой курьезной просьбой завоеватель Киева вынужден был обратиться к Всеволоду. И Киев действительно был в должное время возвращен ему, без сомнения, ценой обязательства никогда не участвовать в будущих войнах на стороне Ольговичей. В то же время Роман убедил Всеволода заключить с Ольговичами договор, вынуждающий их сохранять мирные отношения со своими соседями³⁰.

Захват Киева Рюриком в 1203 году вернул Южную Русь в то же состояние, которое было в начале века, когда Роман правил Волынской и Галицкой землями, Ростиславичи держали Смоленск и Киев, а Ольговичи были неудобно зажаты между Смоленском и находившимся под Суздальской землей Южным Переяславлем. Только наивный мог поверить в то, что «мир» 1203 года, которого так энергично добивался Роман, продержится долго. Не только сам Роман горел желанием восстановить свою власть в Киеве и убрать

с политической сцены своего беспокойного тестя Рюрика (или хотя бы добиться решающего ослабления своих восточных соседей), но и сам Рюрик вряд ли мог чувствовать себя в безопасности в Киеве, особенно теперь, когда его союз с Ольговичами был разрушен. Всеволод III далеко не был уверен в том, что Ростиславичи не нарушат шаткого равновесия, вступив снова в союз с Ольговичами, да и положение его теперь уже тринадцатилетнего сына Ярослава не казалось таким уж прочным в удаленном и уязвимом Южном Переяславле, каким оно было тремя годами раньше, когда он только посылал его на княжение.

Но поначалу, во всяком случае, все шло гладко, и события поздней зимы 1203 или ранней весны 1204 года не внушали Всеволоду беспокойства. Рюрик, Роман, Ярослав Всеволодович Переславский и неназванные «иныи князи» сообща предприняли очень успешный поход против половцев, завершившийся захватом многочисленных пленных³¹. Важно отметить, что Ольговичи не участвовали в походе либо потому, что умышленно не были приглашены, либо потому, что отвергли приглашение³².

Дух гармонии и сотрудничества просуществовал недолго, хотя, по всей видимости, предпринимались попытки заставить Романа и Рюрика отказаться от соперничества. На обратном пути из похода против половцев они посоветовались с Ярославом (или же с его советниками) в Переяславле и затем направились в Треполь на Днепре, расположенный на полпути между Переяславлем и Киевом. Здесь намечалось обсудить условия договора между князьями и прийти к соглашению по крайней мере о том, какие районы должны отойти к каждому роду. В источниках отсутствуют точные сведения о том, что произошло в Треполе. Но «дьявол положи смятение великое» — этим стандартным летописным клише было обозначено начало нового витка междоусобной борьбы. Так или иначе, но Роман взял в плен Рюрика и отправил его в Киев, где Рюрика, его жену и дочь (бывшую жену Романа) силой постригли в монахини. В это же время два сына Рюрика, Ростислав и Владимир, были отвезены в Галицкую землю как пленники Романа³³. По всей вероятности, Ингваря Ярославича отправили обратно в Киев, чтобы он вторично сел на свой стол³⁴.

И снова Всеволод III вмешался, чтобы восстановить утраченное равновесие и воспрепятствовать укреплению власти Романа над Волынской и Галицкой землями и киевским княжеством. Он отправил своих посланников в Галицкую землю и, действуя угрозами и лестью, убедил Романа освободить двух сыновей Рюрика. Ростислава Рюриковича Всеволод посадил на киевский престол³⁵.

Однако конец этому этапу междоусобной войны на юге был положен не восстановлением одного из Ростиславичей на киевском престоле, а неожиданной смертью Романа в 1205 году. Может быть, отчаявшись достичь своих целей в Киеве до тех пор, пока Всеволод III имел возможность вмешиваться в события и повелевать смоленскими и черниговскими князьями, Роман предпринял самый многообещающий из когда-либо затевавшихся им походов. Он вторгся в Польшу. Роман хотел сначала разгромить короля Малой Польши

Лешека из Кракова, а затем двинуться на северо-запад, в Саксонию³⁶. 19 июня 1205 года поход бесславно завершился у Завихоста на Висле, на полпути между Владимиром и Краковом. Лешек и его брат Конрад из Мазовии разгромили русское войско и убили Романа. Победа была столь велика, что Лешек и Конрад в память о ней воздвигли алтарь в Краковском соборе.

Смерть Романа, которому летописец его сына Даниила посвятил короткую, но великолепную эпитафию³⁷, означала конец целой эпохи. Прежде всего, Галицкая земля была теперь широко открыта для вторжения. Вдова Романа Анна при всем своем византийском хитроумии и коварстве не могла справиться с интригами галицких бояр. Ей ничего не оставалось, как поселиться в Галиче с двумя своими малолетними сыновьями Даниилом и Васильком, после чего она, как мы знаем, сосредоточила свои усилия на Волинской земле; со временем, в 1219 году, ей удалось установить свою власть во Владимире, а также по крайней мере над частью старой территории Волинской земли. Галицкая земля в течение пятнадцати лет после смерти Романа оставалась добычей соседних захватчиков — венгров, поляков, русских — и подвергалась давлению извне, со стороны папских эмиссаров, пытавшихся обратить православное местное население в римских униатов, если не в правоверных католиков. Но не только открытость и незащищенность Галицкой земли, вступление ее в орбиту венгерского и польского влияния, но и разрушение великого юго-западного союза Волинской и Галицкой земель явились результатом смерти Романа: усилилась борьба за превосходство на юге Руси, но теперь это уже было не трехстороннее соперничество, а еще более губительная схватка не на жизнь, а на смерть между двумя непримиримыми врагами, Ростиславичами и Ольговичами.

С 1195 по 1205 год главными соперниками в борьбе за власть были, как мы знаем, Роман и Рюрик, и каждый в погоне за победой прибегал к помощи Ольговичей. Ольговичи же в это неблагоприятное для них десятилетие не имели достаточно сил для того, чтобы сыграть самостоятельную роль в этой борьбе. Не встали они и под знамена других князей, обладавших достаточным зарядом энергии, стремлением к первенству или большим терпением: Ярослава (ум. в 1198), Игоря (ум. в 1202) и Олега (ум. в 1204) — старших членов рода, по очереди занимавших в 1194—1205 годах княжеский (или, как его иногда называли даже в те далекие дни, великокняжеский) престол в Чернигове. Летописцы никогда не упоминают их как предводителей Ольговичей в междоусобных войнах. Но со смертью Романа и с появлением на политической сцене новой могущественной фигуры в лице Всеволода Святославича Черного (Красного), который в 1204 году унаследовал черниговский престол от своего брата Олега, Ольговичи стали играть новую и, в целом, более значимую роль в южнорусских делах.

И снова разразилась междоусобная война. С 1205 до 1212 года редкий год обходился без жестоких столкновений между Ростиславичами и Ольговичами. Снова и снова Киев переходил из рук в ру-

ки между двумя враждующими сторонами, равно как и многие другие южные и юго-западные русские города. Но почему положение было таким неустойчивым? Необычайная легкость, с которой Рюрик и Всеволод из Чернигова бесконечно низлагали друг друга с киевского престола, может быть, лучше всего объясняется решением Всеволода III дать впавшим в раж князьям возможность выяснять на этот раз спор между собой в бою. Пока ни одна из сторон не получала слишком большого превосходства над другой, он был готов не вмешиваться. Более того, как мы дальше увидим, в течение большей части этого периода руки Всеволода были связаны Рязанью. Однажды, когда он в 1207 году уже отправился в путь, намереваясь договориться с Черниговом, его заставили свернуть с пути те из рязанских князей, которые «свещались суть со Ольговичи на нь»³⁸. Не приходится сомневаться, что за спиной рязанских князей стоял сам Всеволод Чермный: рязанские князья, хотя и не принадлежали сами к роду Ольговичей, были династически ближе к ним, чем к любой другой ветви потомков Ярослава I.

Таким образом, в течение семи лет Ростиславичи и Ольговичи сражались друг с другом за обладание Киевом и за господство над Южной Русью. Только однажды они заключили друг с другом что-то вроде союза, и то только с целью быстрого захвата Галицкой земли или даже всей Юго-Западной Руси. Как только весть о смерти Романа достигла их ушей, Всеволод Чермный и Рюрик (который к тому моменту снял с себя монашескую рясу и снова сидел на княжеском престоле в Киеве) решили забыть старую вражду³⁹ и вместе выступить против Галицкой земли. Но в 1205 году они потерпели поражение, и суздальский летописец, не питавший любви к Ольговичам, сообщал не без некоторого злорадства, что они потерпели неудачу в своем походе и «възвратишася с срамом великим в своя си»⁴⁰. На следующий год они снова выступили. На этот раз был полный сбор: участвовали все дееспособные Ольговичи и Ростиславичи⁴¹, а также половцы, берендеи и другие тюркские войска из поселений возле Киева⁴².

Вторжение 1206 года переросло в международный конфликт. Кроме южнорусских дружин и их тюркских союзников, в военные действия были втянуты венгры, поляки и даже сын Всеволода III переславский князь Ярослав. Венгров именем Анны и ее малолетних сыновей призвала часть галицких бояр, поляков — Рюрик и Всеволод Чермный, а Ярослава, прибывшего слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на события, как это ни странно, венгры. Наступления, отступления и немногочисленные столкновения, действительно имевшие место, отражены в летописях одинаково туманно⁴³. На основе этих путанных сообщений можно, однако, сделать один вывод: Ростиславичам пришлось плохо (как и полякам, смеявшимся венгров), в то время как Ольговичи добились выдающегося по тем временам успеха. О подвигах Рюрика известно, что, отбросив владимирское и галицкое войска («бояре галицкии и володимерьстии») к Микулину на Серете, он пошел на Галич, но не смог выбить оттуда венгерский отряд и вернулся в Киев, «не успевши ничто же»⁴⁴ — так летописцы обычно обозначали полную неудачу.

Что касается Ольговичей, то сыновьям Игоря Святославича (младшая ветвь рода) каким-то образом удалось — скорее с помощью хитрости и интриг настроенных против венгров галицких бояр, чем за счет военного искусства⁴⁵, — утвердиться в ключевых городах: Владимиру — в Галиче, Роману — в Звенигороде, на севере Галицкой земли, а Святославу — во Владимире⁴⁶.

Правление Игоревичей в Галицкой и Волынской землях продолжалось с переменным успехом в течение пяти лет. Оно было шатким, ненадежным, и это неудивительно, если учесть решительные усилия венгров, поляков, провенгерски настроенных галицких бояр и вдовы Романа Анны избавиться от докучливых чужаков из Чернигова. Три брата не имели ни минуты покоя, и вряд ли могли когда-нибудь закрепиться на юго-западе надолго. Они терпели унижения от бояр и венгров; так, например, один из братьев, Роман, «отличился» тем, что единственный из когда-либо правивших русских князей был захвачен, когда мылся в бане⁴⁷. В конце концов в 1211 году после раскрытия боярского заговора и казни пятисот заговорщиков трое Игоревичей были повешены⁴⁸.

Хотя власть Игоревичей над Волынской и Галицкой землями была в 1206 году неустойчивой, сам по себе поход для Ольговичей оказался успешным. Действуя как будто в соответствии с согласованным с братьями планом, Всеволод Чермный поспешил обратно в Киев и захватил город, что было не слишком сложно сделать, поскольку его брат Глеб держал ключевую крепость Белгород, которую в 1205 году, поступив явно недальновидно, ему отдал Рюрик (см. прим. 39). В то же время Всеволод Чермный потребовал, чтобы Ярослав отказался от княжения в Южном Переяславле и вернулся к своему отцу Всеволоду III в Суздальскую землю. У Ярослава не было иного выхода, как подчиниться, и Всеволод Чермный посадил на его место своего сына Михаила. Так что, по крайней мере, в течение короткого времени Ольговичи правили всей Южной Русью: от Волынской земли на западе до Переяславля на востоке⁴⁹. Никто из черниговских князей никогда не имел даже номинальной власти над столь обширной территорией.

Однако Всеволод Чермный крупно просчитался, не учтя двух вещей: во-первых, силы Ростиславичей и, во-вторых, ярости Всеволода III, который был не из тех, кто потерпит столь бесцеремонное обращение со своими сыновьями. Захват Киева мог закончиться только одним — новым взрывом междоусобной войны. Одно дело — занять саму столицу, но совсем другое — взять власть над удаленными городами и районами Киевского княжества. Ростиславичи пустили корни в провинциальных киевских городах Вручье, Вышгороде и Белгороде еще в 60-х и 70-х годах XII века. Это были жизненно важные стратегические центры: на севере хорошо укрепленный Вручий, расположенный между Киевом и Туровом, столица земли древлян в X веке; расположенный в 23 километрах к юго-западу от Киева Белгород, военная крепость и епархиальный центр, ключ к столичным владениям⁵⁰; экономический центр Вышгород, расположенный в 15 километрах к северу от Киева, контролировавший подходы к столице с севера⁵¹.

Не успел Всеволод Чермный занять Киев, как Ростиславичи захватили все три города: Рюрик — Вручий, его сын Ростислав — Вышгород, а его племянник смоленский князь Мстислав Романович — Белгород⁵². Чтобы завершить окружение Киева, еще один из племянников Рюрика, Мстислав Мстиславич по прозвищу *Удалой*, взял южную заставу Торческ⁵³ — ставку тюркских отрядов, находившихся на службе у киевского князя, и ключевую оборонительную крепость против половцев.

Рюрику не пришлось долго ждать. Не прошло и года, как он вместе со всеми Ростиславичами, каких ему удалось собрать, выбил Всеволода из Киева, а его сына — из Переяславля⁵⁴. Ольговичи попытались вновь взять Киев той же зимой 1206/07 года, но были вынуждены отступить к Чернигову после безуспешной трехнедельной осады Рюрика⁵⁵. Первый год войны между Ростиславичами и Ольговичами закончился в основном в том же положении, в каком и начался; последние остались в Чернигове, первые — в Киеве, с тем только отличием, что Ростиславичи теперь держали Переяславль, а Ольговичи правили в Волынской и Галицкой землях.

События 1206 года повторились и в 1207 году, когда Ольговичи захватили Киев, после чего зимой были выбиты оттуда Ростиславичами. Но на этот раз Всеволод Чермный не повторил прежних ошибок. Собранное им войско было явно более многочисленным, нежели то, с которым он взял Киев в 1206 году: он пошел «с своею братьею и с своими сыновци» (стандартный оборот, употреблявшийся летописцами для обозначения полного сбора). Кроме того, с ним были наиболее влиятельные «паганы» (язычники, т. е. половцы), войско из Турово-Пинского княжества⁵⁶, а также дружина из Галицкой земли под началом Владимира Игоревича. Но что более существенно, так это та продуманная последовательность, с которой он очистил от противника стратегические центры и расправился с Ростиславичами. Он прошел территорию Переяславля, переправился через Днепр южнее Киева и сначала взял город-крепость Треполь, господствовавший над главными подходами к Киеву вдоль Днепра с юга. Киев сдался без боя. Перед лицом превосходящих сил Рюрик отошел на север, в крепость Вручий. Затем был окружен и атакован Белгород; Мстислав Романович был вынужден попросить охранную грамоту, которая позволила бы ему отступить в Смоленск. Наконец, войско двинулось на юг и осадило Торческ на Роси, вынудив сдаться другого племянника Рюрика, Мстислава Мстиславича. Что случилось с Вышгородом, в летописях не сообщается, но, по-видимому, он пал тогда, когда сдался Киев, и Ростислав бежал вместе со своим отцом Рюриком во Вручий⁵⁷. К августу 1207 года Всеволод Чермный обосновался в Киеве.

Несмотря на последовательное уничтожение одного гнезда Ростиславичей за другим, Всеволод Чермный не мог чувствовать себя в полной безопасности. Угроза немедленного ответного нападения со стороны Рюрика казалась в конце лета 1207 года маловероятной, но сохранялась опасность, исходившая с севера от Всеволода III. Он не забыл оскорбления, нанесенного его сыну, и если он не ударил немедленно в 1206 году, то только по той причине,

что Рюрик сделал это за него. Но теперь, в августе 1207 года, он решил, что настало время для удара. «То ци чем отчина однем Руская земля, а нам не отчина ли,— произнес, как сообщает летописец, Всеволод III, услышав о военных успехах Ольговичей,— како мя с ними Бог управить, хочю поити к Чернигову»⁵⁸. В кои-то веки раз летописец вложил в уста Всеволода III слова, которые действительно отражали его взгляды; изгнание Ярослав и захват «Русской земли» без княжеского одобрения — этого было достаточно, чтобы подвинуть его, наконец, к действию. Но грандиозный карательный поход 1207 года, начатый Всеволодом III с явным намерением удалить своего докучливого тезку из Киева, довольно неожиданно обернулся крупным вторжением в Рязанское княжество.

Это было первое в XIII веке столкновение между суздальцами и теми, кто последние тридцать лет был их пассивным южным соседом. Рязань, как было показано выше, была поставлена в положение фактической вассальной зависимости от Всеволода III, ее старые связи с Черниговом были разрушены, рязанцы не оказывали никакого сопротивления любым требованиям Всеволода III и полностью, если не сказать раболепно, подчинялись им, как будто признавали во Всеволоде III своего сюзерена. Но в многочисленном разветвленном роду рязанских князей оставались беспокойные элементы, которые не признавали господства Всеволода и предпочитали восстановить свое прежнее, подчиненное Чернигову, положение.

Итак, в августе 1207 года Всеволод пошел на юг с большим войском, в которое вошли дружины четырех из его сыновей, а также отряды его всех главных новгородских районов. Кроме того, он рассчитывал на поддержку мурома-рязанских князей, которые должны были присоединиться к основному войску, встретив его в Москве. Именно здесь Всеволод осознал, что он не может больше полагаться на Рязань как на союзника: ему сообщили, что некоторые из князей «свещалися суть со Олговичи» и предали его.

Ответ Всеволода был скорым и решительным. Несколько рязанских князей, их жены и их слуги были немедленно схвачены и отправлены во Владимир; суздальское войско вторглось на территорию Рязанского княжества и заняло второй по величине город Пронск. Всеволод пощадил Рязань только на том условии, что все враждебно настроенные князья, которые еще оставались на свободе, а также местный епископ будут под стражей отправлены во Владимир. Муром, чей князь мудро не стал ссориться с суздальцами, был оставлен нетронутым⁵⁹.

И снова Рязань была уstraшена, по крайней мере на время. Правда, Всеволод пошел в поход не для этого, но его исходная цель — изгнать Всеволода Черного из Киева — была тем не менее достигнута как побочный результат подавления рязанских князей. Узнав, что и Всеволод III, и наиболее вероятные союзники Чернигова находятся далеко в Рязани, Рюрик сделал дело за него. К концу года он выбил Всеволода Черного из Киева и сел на великокняжеский престол не менее чем в седьмой, и последний, раз в своей жизни⁶⁰.

Рюрик продержался почти три года. Кроме неудавшегося напа-

дения Ольговичей в начале 1208 года⁶¹, других попыток низложить его военным путем не было. Всеволод Чермный избрал другой путь — путь дипломатии. Почва для этого была подготовлена вмешательством племянника Рюрика Мстислава Мстиславича в дела Новгорода. Зимой 1208/09 года Мстислав, который после своей капитуляции в Торческе в 1207 году переехал в Торопец (самый северный город Смоленского княжества), внезапно захватил Торжок, расположенный на восточной границе новгородской территории. Пленив ставленников сына Всеволода III Святослава, княжившего в Новгороде с начала 1208 года, Мстислав пошел на Новгород и изгнал оттуда Святослава. Был ли это обдуманый шаг по распространению влияния Ростиславичей на территорию, относительно которой великий князь владимирский теперь считал, что она лежит в сфере его влияния, либо же это была просто безответственная акция безрассудного Мстислава — в любом случае этого было достаточно, чтобы привести Всеволода III в ярость: снова с одним из его сыновей обошлись без должного почтения. Не имея возможности выбить Мстислава силой, Всеволод III приготовился (а ничего другого сделать он и не мог) выслушать предложения другой стороны — Ольговичей. Они обратились к нему в конце 1210 года.

Этот год не принес Ольговичам успеха. Им не удалось изгнать Рюрика из Киева и закрепиться там. Они терпели поражение за поражением на юго-западе Руси. Владимир Игоревич был изгнан из Галицкой земли в 1209 году, и в начале 1210 года⁶² сын Рюрика Ростислав сменил на галицком столе (правда, лишь на время) Романа Игоревича, на востоке их бывший союзник Рязань была разгромлена Всеволодом III, и многие из ее именитых граждан, включая епископа, находились под стражей во Владимире. Единственная надежда на возвращение былых успехов заключалась в том, чтобы искать поддержки у Всеволода III.

Это и было проделано с некоторой долей коварства. В декабре 1210 года Всеволоду Чермному удалось убедить киевского митрополита Матфея отправиться с миссией во Владимир на Клязьме. Летописи просто сообщают, что «прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфея Всеволод Чермный и вси Ольговичи, прося мира, во всем покаряющесе» и что Всеволод III «видев покоренье их..., целова к ним крест» — другими словами, заключил с Ольговичами мир⁶³. Цель этой миссии была двоякой: во-первых, удалить Рюрика из Киева — митрополит Матфей, без сомнения, всей душой откликнулся на эту просьбу Всеволода Чермного, поскольку главе русской церкви вряд ли могло понравиться, что на киевском престоле княжит монах-расстрига; во-вторых, просить о милосердии к рязанцам, заключенным во Владимире, — и снова Всеволоду Чермному достаточно было только напомнить митрополиту, что один из его епископов находился во Владимире под стражей.

Условия договора не упоминаются ни в одном из источников, но мы можем реконструировать их, анализируя последующий ход событий. Очевидно, Всеволод Чермный сделал ряд уступок. По всей вероятности, он согласился ослабить давление на рязанцев, поскольку за последние два года правления Всеволода III отсутствуют

сведения о каких-либо новых всплесках военных действий против Суздальской земли в этом княжестве. Что касается просьб митрополита, то одна из них была выполнена частично: Всеволод III согласился выпустить жен рязанских князей, которых он держал в плену⁶⁴, но рязанский епископ и князья остались во Владимире. По другой части поручения было достигнуто все, чего Всеволод Чермный мог только пожелать,— Всеволод получил Киев. Для закрепления мирного договора между двумя домами был заключен брак: 10 апреля 1211 года дочь Всеволода Чермного Агафья обвенчалась с сыном Всеволода III Юрием⁶⁵.

О судьбе Рюрика летописцы сообщают подозрительно отрывочно, субъективно, туманно. Они говорят только, что он «седе в Чернигове» и что затем он умер, «княжа в Чернигове». Оба употребляемых глагола («седе», «княжа») обычно обозначали княжеское правление; и все-таки трудно представить, что Всеволод Чермный посадил заклятого врага на свой родовой престол. Мы также знаем, что в 1212 году когда Рюрик, по-видимому, был еще жив, Глеб Святославич, старший из здравствовавших братьев Всеволода Чермного, княжил в Чернигове⁶⁶. По всей видимости, дело в том, что Рюрик находился в Чернигове на положении пленника вплоть до своей смерти в 1215 году, а то, что летописец использует слово «княжа»,— не более чем эвфемизм, призванный скрыть тот факт, что Ольговичи нашли надежный способ обезвредить Рюрика⁶⁷.

Ни один из современных событиям источников не оплакивает его смерть, ни в одном не отразилась эпитафия-панегирик, написанная его собственным летописцем на переломе веков. Только В. Н. Татищев нашел для Рюрика несколько горьких слов, которые, если они соответствуют действительности, могут объяснить причины его непопулярности. «Рюрик... княжив 37 лет, четыре раза изгоняем [из Киева] бысть и пострыжен, от зятя [Романа Мстиславича] много пострадав. Не име покоя ниоткуда, зане сам питию много вдашеся, женами водим бе, мало о устрое земнем прилежа, и тиуны его много зла творяху. Сего дея и киевляном вмале любим бе»⁶⁸.

Два года Всеволод Чермный держался за Киев, и договор о мире, подписанный Всеволодом III, оставался в силе. Все было спокойно на юге Руси: родичи Рюрика не пытались ни возвратить Киев, ни спасти самого Рюрика от позорного «княжения» в Чернигове. Но никто, и меньше всех Всеволод III, не питал иллюзий относительно мощи Ростиславичей, пока в Новгороде сидел Мстислав Мстиславич и ждал своего часа.

В 1212 году Всеволод III умер. Тридцать два года он правил на северо-востоке Руси с завидным искусством, тактом и терпением, при этом умело манипулируя политическими силами на юге в течение большей части своего правления в качестве великого князя владимирского. Вскоре после его смерти — и, несомненно, как прямое ее следствие — в политических судьбах всех русских княжеств произошли серьезные изменения. Десятилетие, предшествовавшее первому вторжению татар в 1223 году, стало свидетелем жестоких внутренних войн в Суздальской земле между многочисленными сыновьями Всеволода III и полного изменения соотноше-

ния сил на юге. К 1212—1223 годам относится возвышение Ростиславичей и то, что можно расценить как упадок Ольговичей. Ольговичи в течение большей части этого периода должны были пользоваться поддержкой зятя Всеволода Чермного, тем не менее, если судить по летописям, упрямо оставались в тени и почти не участвовали в неутрачивающих междоусобных столкновениях.

Конечно, почти полное молчание источников о делах Ольговичей в этот период можно объяснить и тем, что ближайшая к описываемым событиям летопись (суздальская Лаврентьевская) в течение большей части лет между 1212 и 1237 годами отражает личную летопись великого князя Юрия, который менее всего был заинтересован в описании раздоров между потомками тестя: отсюда и пропуск известия об изгнании Всеволода Чермного из Киева в 1212 году⁶⁹, и озадачивающая запись о «княжении» Рюрика в Чернигове.

Изгнание Всеволода Чермного было для Ростиславичей большим успехом. В начале 1212 года Ростиславичи одержали военную победу на северо-западе. Войска из Новгорода (под знаменами Мстислава Мстиславича), Пскова (под началом Всеволода, сына смоленского князя) и Торопца (под командованием Давида, брата Мстислава) вторглись на землю эстонской Чуди на побережье Балтийского моря, обложили ее данью и захватили пленных⁷⁰. Летом 1212 года был организован крупный поход против Ольговичей.

Он начался в Новгороде. Мстислав Мстиславич, утвердивший теперь свою власть на северо-западе, выступил с новгородским войском в Смоленск, где к нему присоединились старший князь из рода Ростиславичей, Мстислав Романович по прозвищу *Старый*, два сына Рюрика, двое из сыновей Давида Ростиславича (Константин и Мстислав) и, что довольно любопытно, Ингварь Ярославич, князь из западнорусского города Луцка, который двенадцатью годами ранее был посажен на киевский престол Романом Мстиславичем⁷¹. Новгородские отряды поначалу проявили нежелание идти дальше Смоленска, но красноречивый новгородский посадник Твердислав в конце концов убедил их продолжать поход: «Яко, братие, страдали деди наши и отчи за Руськую землю, тако, братье, и мы поидим по своему князю»⁷².

Войско шло вдоль по Днепру. Город Речица и «иные городе мнозе черниговские» были захвачены прежде, чем дружины достигли территории Киевского княжества. Пал Вышгород, расположенный севернее Киева, и двое из родичей Всеволода Чермного, защищавших его, были взяты в плен. Всеволод Чермный не мог оказать сопротивления Ростиславичам, стоявшим у ворот Киева. Он бежал вместе с дружиной к брату Глебу в Чернигов, преследуемый Ростиславичами, которые осадили город на две или три недели — до тех пор, пока не было заключено перемирие. Ингварь Ярославич был временно оставлен править в Киеве, пока смоленский князь Мстислав Романович наводил порядок в Вышгороде. В конце концов Мстислав занял стол в Киеве, а Ингварь снова, как и двенадцать лет назад, вернулся из столицы в Луцк.

Падение Всеволода Чермного в 1212 году и последовавшая в том же году его смерть знаменовали начало новой эпохи в политической истории Южной Руси. На этот раз это была эпоха относительной стабильности. В это время почти ничего не слышно о деятельности Ольговичей, а ведь западные и северо-западные границы их владений примыкали к землям Ростиславичей. Ольговичи «зализывали раны», отсиживаясь в своем раздробленном княжестве и споря о том, кому править в каком из многочисленных мелких районов, на которые разделилась Черниговская земля. И речи не могло быть о том, чтобы одолеть силу Ростиславичей, и в самом деле, они даже помогали Мстиславу Мстиславичу в двух его галицких походах 1218 и 1221 годов. Положение Ростиславичей было надежным. Никто, даже сыновья Всеволода III, не мог оспорить их право княжить в Киеве — и действительно, в следующие двадцать три года на киевском престоле всегда сидел кто-нибудь из Ростиславичей. В течение большей части периода с 1212 по 1223 год Ростиславичи правили обширными землями. Помимо Киева и Смоленска, они владели Новгородом (фактически до 1221 года) и Псковом; город Полоцк был захвачен ими в 1221 или 1222 году; не исключено, что Туров и Пинск также находились под их властью; а в последние годы накануне нашествия татар в 1223 году даже Галицкая земля не устояла перед одним из Ростиславичей.

Южная Русь оставалась спокойной по двум причинам: во-первых, потому, что не было такой силы, которая могла бы сравниться с Ростиславичами в военном отношении, а во-вторых, потому, что акцент во всей политической борьбе переместился с противостояния Ростиславичей и Ольговичей на конфликт между Ростиславичами и большинством сыновей Всеволода III. Это не означает, что Юрий и Ярослав Всеволодовичи, два основных суздальских противника Ростиславичей, не могли попытаться свести Мстислава Романовича с киевского престола, — все дело в том, что зона конфликта переместилась с юга на север, а точнее — на северо-запад. Основная борьба должна была развернуться за Новгород: кому быть там князем — сыну великого князя владимирского, как это было принято в течение большей части правления Всеволода III, или же представителю смоленского княжеского рода?

Впервые власть великого князя владимирского оказалась под угрозой. Дни непререкаемого превосходства и влияния Всеволода III ушли в прошлое, сметенные катастрофическим расколом между его сыновьями в первые же пять лет после его смерти. Юрий и Ярослав настойчиво искали союзников, но безуспешно. В 1214 году Ярослав взял в жены дочь Мстислава Мстиславича, но этот брак никак не способствовал их дружбе: в самом деле, в 1215 году между ними произошло открытое столкновение из-за Новгорода, а на следующий год Мстислав сыграл главную роль в разгроме Ярослава и его братьев в битве на реке Липице. Брак Ярослава был поспешно расторгнут. Единственными союзниками, к кому могли обратиться Юрий и Ярослав, были Ольговичи, которым братья действительно собирались передать Киев в слу-

чае победы в войне 1216 года против своего же брата Константина. Возможно, что женитьба их младшего брата Владимира на дочери черниговского князя Глеба в 1215 году⁷³ была попыткой связать два княжеских рода. Но опять из этого ничего не вышло, и Ольговичи остались в стороне от столкновений Юрия и Ярослава с Ростиславичами.

И только в начале 20-х годов XIII века Юрию, всеми признанному великому князю владимирскому с 1217 года, удалось изменить соотношение сил. Он заменил Ростиславичей в Новгороде, посадив туда сначала своего сына, а затем в 1222 году своего брата Ярослава. Но если Ростиславичи потеряли опору в Новгороде, то они обрели ее на юго-западе Руси, где в 1221 году Мстислав Мстиславич, отказавшийся к тому моменту от всех притязаний на Новгород, стал правителем Галицкой земли.

Впервые со времен битвы при Завихосте и смерти Романа в 1205 году Юго-Западная Русь была охвачена волнениями и междоусобными столкновениями, что слишком заметно отразилось в хаотичных, путаных и часто туманных описаниях и неясных датировках событий местной (Ипатьевской) летописи. За бесплодным вторжением Ольговичей в Галицкую землю, закончившемся виселицей для трех сыновей Игоря Святославича, последовало усиление борьбы между различными заинтересованными сторонами: венграми, поляками, галицкими боярами, вдовой Романа Анной с двумя молодыми сыновьями, а также с племянниками и двоюродными братьями Романа и теми потомками Мстислава Великого, которые осели на Волынской земле. Ни одной из сторон не удавалось удержать и малой части какого-либо из княжеств достаточно долго. Даже раздел Юго-Западной Руси между венграми и поляками по Сепешскому договору 1214 года привел не к укреплению власти, а к ее дальнейшему раздроблению: восточная часть Галицкой земли, включая Галич, отошла к Венгрии, западная часть Галицкой земли и многие из пограничных городов Волынской земли — к Польше, а столица Волынской земли Владимир — к Анне⁷⁴.

Заклученный в Сепеше договор и последовавшее принятие сыном венгерского короля галицкого престола, по всей видимости, подхлестнули воображение и негодование Мстислава Мстиславича. И если мысль о том, что венгры хозяйничают на Русской земле, как у себя дома, была недостаточной, чтобы подвигнуть его к решительным действиям, то это сделали сообщения о преследованиях православной веры и попытках пустить в галицкие церкви латинских священников⁷⁵. Зимой 1214/15 года Мстислав отправился в Галич через Киев «просити себе Галича». Предполагали эти действия военное вторжение в Галицкую землю или нет, определенно неизвестно. По-видимому, нет, поскольку упоминаний об этом не содержится ни в новгородской, ни в суздальской летописях и полностью отсутствуют какие-либо сведения о том, что имели место военные действия. Более вероятно, что это была попытка разобраться в ситуации на юго-западе и оценить силу венгров и настроение бояр⁷⁶.

Очевидно, время для крупного вторжения в Галицкую землю еще не настало. Дальнейшие события подтвердили мудрость сдержанной политики Мстислава: венгры в 1215 и 1216 годах захватили Перемышль и Любачев, т. е. те части на западе Галицкой земли, которые по договору в Сепеше были отданы Лешеку из Кракова⁷⁷. А впрочем, в те годы (1215—1217) Мстислав все равно был полностью занят в Новгороде.

О том, каким образом Мстислав Мстиславич, в конце концов, вмешался в галицкие события, в ряде источников сообщается, но, как и о большей части истории юго-запада Руси того периода, довольно путанно. Особенно трудно восстановить последовательность событий. В конце 1216 или в начале 1217 года Мстислав, встревоженный посланием Лешека из Кракова с просьбой о помощи против венгров⁷⁸, отправился в Киев, по-видимому, для того, чтобы посоветоваться с Мстиславом Романовичем о возможности совместного похода Ростиславичей в Галицкую землю⁷⁹. В результате своей миссии он в 1218 году вместе со своим двоюродным братом Владимиром Рюриковичем и с войском из Полоцка предпринял первое вторжение в Галицкую землю⁸⁰, увенчавшееся полным успехом. Кальман, сын венгерского короля Андрея, посаженный туда своим отцом после заключения договора в Сепеше, был пленен вместе с женой и выслан обратно в Венгрию, а Мстислав водворился на галицкий престол⁸¹, однако ненадолго. В следующем году он выдал замуж свою дочь Анну за старшего сына Романа, 18-летнего Даниила, уже княжившего в то время во Владимирна-Волыни. Это было многообещающее начало: союз двух семей мог перерасти в союз Волынской и Галицкой земель. Однако надежды не сбылись. Странное взаимонепонимание между Мстиславом, Даниилом и Лешекком (Мстислав фактически отказался помочь своему зятю выбить поляков из Волынской земли, но Лешек тем не менее был убежден, что именно Мстислав советовал Даниилу избавиться от поляков) привело к изгнанию Мстислава. В 1219 году венгры, поддерживаемые Лешекком, изгнали его. И снова Кальман был послан править в Галицкой земле⁸².

Мстислав явно недооценил силу и решимость венгров, опасность польско-венгерского союза и оппозицию со стороны провенгерски настроенных галицких бояр, которые позднее доставили ему так много хлопот. На следующий год он вернулся в Галицкую землю, на этот раз с более сильным войском под началом самого киевского князя, а также с не названными летописцем «иными князьями» и отрядом половцев. Их действия, однако, ограничились осадой Кальмана в Галиче и грабежом сельских жителей⁸³. Только в 1221 году Мстислав поднялся на свой третий — значительно более серьезный, нежели все другие,— поход на Галицкую землю.

Летописи почти ничего не сообщают об этом важном событии в истории Юго-Западной Руси: суздальский летописец досадно лаконичен — возможно, потому, что теперь, когда Новгород, наконец, почти избавился от Ростиславичей, северо-восточным князьям можно было не беспокоиться о неожиданных выходках Мстислава Мстиславича, который сражался с венграми, «изби

множество их и ко [ро]левича я [захватил]»⁸⁴. Записи в галицкой летописи, как обычно, путанны, невнятные, хотя описание событий за 1219 год в некоторых деталях совпадает с рассказом о походе Мстислава 1221 года. Только Татищев дает замечательно ясное и очень подробное описание того, что произошло, основываясь, по-видимому, не на своем воображении, а на каком-то несохранившемся источнике.

Южнорусское войско находилось под совместным началом киевского князя Мстислава Романовича и Мстислава Мстиславича: оно состояло в основном из отрядов, руководимых разными Ростиславичами, но в нем были дружины из Чернигова (ведомые князем Мстиславом Святославичем, старшим из Ольговичей), Турова, Луцка на Волынской земле и даже Суздальской земли (среди участников упомянут «Ярослав [Всеволодович] из [Северного] Переславля»), а также значительное число половцев. Произошло два сражения: первое — на реке Серет, к востоку от Галича, где были разбиты венгерские заставы, второе — рядом с Галичем, в котором объединенное русское войско разгромило венгров, провенгерски настроенных галичан и поляков, ведомых вызванным на подмогу Лешekom. После 17-дневной осады Галич сдался. Кальман был взят в плен, а Мстислав Мстиславич вернулся на галицкий престол, чтобы остаться на нем на протяжении следующих шести лет⁸⁵. Кальман и его жена были в конце концов высланы в Венгрию. Период венгерского господства окончился — по крайней мере на некоторое время.

Таким образом, к 1223 году Ростиславичи укрепили свою власть над большей частью Южной Руси. Они держали Галицкую землю, а также Киевское и Смоленское княжества. Правитель старого Туровского княжества был, по видимости, на побегушках у киевского князя. Западный сосед Смоленска, распадающееся Полоцкое княжество, о подробностях жизни которого в первой четверти XIII века нам известно поразительно мало, явно все более подпадало под политическое и экономическое влияние Смоленска, и в 1221 или 1222 годах даже сама столица — Полоцк — была захвачена смоленскими дружинами⁸⁶. Поэтому мы можем предположить, что в начале 20-х годов XIII века большая часть княжества (за исключением западных балтийских районов, которые к 1220 году были захвачены немецкими рыцарями и в начале XIII века находились под постоянным давлением как со стороны немцев, так и со стороны литовцев) сосредоточилась в руках смоленского князя. О Южном Переяславле источники также сообщают очень мало. Мы знаем только, что Владимир, четвертый сын Всеволода III, княжил там начиная с 1213 года, что половцы в 1215 году совершили набег на Переяславль и захватили Владимира в плен и что после своего освобождения в 1217 году он был посажен на княжение в один из северных районов, но не в Переславль⁸⁷. Еще меньше известно о том, что происходило в Южном Переяславле до 1227 года, когда великий князь Юрий послал туда княжить своего племянника Всеволода Константиновича. Кто правил этой территорией между 1215 и 1227 годами? Если учесть близкие

матримониальные и военные связи Ростиславичей с половцами⁸⁸, то нельзя исключить вероятность того, что Ростиславичи (с молчаливого согласия половцев, конечно) распространили свою власть к востоку от Киева на земли, которые суздальские князья уже давно считали лежащими в сфере их интересов. По всей видимости, Владимира Всеволодовича сменил сын Рюрика Владимир, поскольку надежный источник сообщает, что «Володимир Рюрикович ис Переяславля» помогал Мстиславу Мстиславичу в его походе против Ярослава Всеволодовича в 1215 году⁸⁹.

Только три южнорусских княжества находились не под управлением Ростиславичей — те, которые составляли старое наследие Святослава Ярославича: Чернигов, Рязань и Муром. Впервые после смерти Всеволода Чермного в 1212 году Ольговичи держались очень скромно, не демонстрируя враждебности ни по отношению к Ростиславичам, ни по отношению к Суздальской земле. К 1223 году рязанцы были уже неспособны оказывать сопротивление каким-либо внешним врагам. Правда, какая-то борьба среди рязанских князей продолжалась и после катастрофического разгрома в 1207 году: в 1208 году они попытались скинуть сына Всеволода III Ярослава, посаженного на рязанский престол, что, к несчастью, закончилось сожжением Рязани и Белгорода до основания и насильственным угоном и переселением жителей этих городов в Суздальскую землю⁹⁰. В следующем году двое из избежавших высылки князей даже пошли походом на Суздальскую землю, но были легко и быстро разбиты сыном Всеволода Юрием⁹¹. Рязань к этому времени была истощена в военном и моральном отношении. Два события, однако, помогли ей воспрянуть: в 1212 году новый великий князь владимирский Юрий даровал прощение всем переселенным рязанцам⁹², а в 1217 году Глеб Владимирович, зачинщик заговора 1208 года, и его брат Константин в бесплодной попытке захватить власть убили больше рязанских князей (одного родного и пять двоюродных братьев), чем погибло во время взятия Батыем Рязани в 1237 году, что на некоторое время, как это ни парадоксально, решило проблему раздробленности княжества и, таким образом, несколько усилило власть двух уцелевших членов рода, Ингваря и Юрия Игоревичей⁹³. Суздальский князь Юрий не вмешивался в их внутренние дела, не призывал он их и для участия в своих походах: рязанских дружин не было ни в главном походе против волжских булгар в 1220 году, ни в составе русско-половецкого войска, встретившего первое нашествие татар в 1223 году. Что касается Мурома, то его старейший князь Давид Юрьевич оставался надежным союзником великого князя владимирского и не причинял ему никаких хлопот.

По-видимому, в начале третьего десятилетия XIII века, несмотря на фактическую зависимость Рязанского и Муромского княжеств от Суздальской земли, соотношение сил сложилось явно в пользу Ростиславичей. Однако в начале 20-х годов XIII века события на северо-западе Руси существенно изменили это соотношение: как будет видно из следующей главы, власть над Новгородом снова перешла в руки потомков Всеволода III, и Ростиславичи

лишились своей самой развитой в экономическом отношении территории.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Т. е. Ипат до 1199 г.
- ² ПСРЛ, т. 2, стб. 685—686.
- ³ Там же, стб. 686.
- ⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 412.
- ⁵ Там же, стб. 419.
- ⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 681—702.
- ⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 413.
- ⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 708, 711.
- ⁹ Пашуто. Очерки, с. 72
- ¹⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 715.
- ¹¹ См.: Пашуто. Внешняя политика, с. 162.
- ¹² ПСРЛ, т. 1, стб. 416 (под 1201 годом, но см.: Бережков, с. 86).
- ¹³ Там же, стб. 414 (под 1198 годом, но см.: Бережков, с. 86).
- ¹⁴ Там же, стб. 415 (под 1199 годом, но см.: Бережков, с. 86).
- ¹⁵ Игорь, главный персонаж «Слова о полку Игореве» (в котором описан его бессмысленный поход против половцев в 1185 г.), был женат на сестре галицкого князя Владимира Ярославича.
- ¹⁶ ПСРЛ, т. 1, стб. 417—418 (под 1202 годом, но см.: Бережков, с. 86—87).
- ¹⁷ Т. е. Н1 и свод 1200—1292 гг. в *Ипат* (ПСРЛ, т. 2, и НПЛ).
- ¹⁸ Т. е. *Ипат* до 1199 г. (ПСРЛ, т. 2).
- ¹⁹ Фразу «а володимирци лихася Рюрика» компилятор Московского летописного свода конца XV века (*М*) не понял и опустил ее в своем точном в остальном пересказе версии, содержащейся в *Л* (ПСРЛ, т. 25, с. 100).
- ²⁰ Толочко. Киев, с. 110.
- ²¹ Определение местоположения Подола и Горы см.; Тихомиров. Древнерусские города, с. 187—189, 194.
- ²² ПСРЛ, т. 1, стб. 418 (под 1202 годом, но см.: Бережков, с. 87).
- ²³ Под предводительством Кончака, тестя Владимира Игоревича из Путивля (в Черниговском княжестве), и Даниила Кобыковича (НПЛ, с. 45, 240). Заметим, что Кончак сражался против Игоря Святославича во время неудачного «похода» последнего в 1187 г., а отец Даниила Кобыяк был взят в плен вместе со своими сыновьями киевским князем Святославом Всеволодовичем в 1183 г. Даниил был, по всей видимости, обращен в христианство в Киеве.
- ²⁴ «А что черньцов инех и черниць инех, и попов, и попадеи, и княны, и дщери их, и сыны их [переживших первую бойню], то все ведоша иноплеменици в вежи к собе (т. е. в ставку в степи)» (ПСРЛ, т. 1, стб. 419).
- ²⁵ Только в НПЛ, с. 45, 240.
- ²⁶ Согласно *Ипат*, он действовал в Волынской земле в 1208—1209 гг., а в 1212 г. был даже посажен на киевский престол на короткое время (ПСРЛ, т. 25, с. 109).
- ²⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 419.
- ²⁸ В *Н1V* сообщается, что черниговский князь Всеволод Чермный «седе на княжении» после захвата Рюриком Киева (ПСРЛ, т. 2, с. 180) — по-видимому, это ошибка, внесенная в летопись позднее, ни в одном другом источнике об этом не сообщается.
- ²⁹ ПСРЛ, т. 1, стб. 419.
- ³⁰ Там же, стб. 420. Ср. стб. 421, где о договоре сообщается второй раз и приводится дата 6 февраля (1203 г.?). В. Н. Татищев (только во второй редакции) объясняет стремление Романа к миру его планами нападения на Польшу и желанием предотвратить сближение Рюрика и Ольговичей (Татищев, т. 3, с. 169).
- ³¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 420 (под 1205 годом); ТЛ, с. 286; НПЛ, с. 240.
- ³² Возможно, они в то же самое время воевали с литовцами (НПЛ, с. 45; ПСРЛ, т. 1, стб. 421, под 1205 годом), хотя это могло происходить и в предыдущем году.
- ³³ ПСРЛ, т. 1, стб. 420 (под 1205 годом); ТЛ, с. 286; *Н1*, где говорится, что Роман послал некоего Вячеслава в Киев, «веля ему Рюрика пострици в чернци» (НПЛ, с. 240).

³⁴ Об этом упоминается только у Татищева, во второй редакции (Т а т и щ е в, т. 3, с. 170).

³⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 420—421 (под 1205 годом).

³⁶ "Romanus a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens in Saxoniam". Chronica Alberici Monachi Triumfontium.— MGN (Scriptores), vol. 23, p. 885.

³⁷ «Приснопамятного самодержца всея Руси, одолевша всеим поганьским языком ума мудростью, ходяща по заповедемь Божьимь; устремил бо ся бяше на поганяя яко и лев, сердит же бе яко и рысь, и губяще яко и коркодил, и прехожаше их яко и орел, храбор бо же яко и тур...» (ПСРЛ, т. 2, стб. 715—716).

³⁸ ПСРЛ, т. 1, стб. 430.

³⁹ В честь этого события Рюрик отдал Белгород брату Всеволода Глебу (ПСРЛ, т. 25, с. 104).

⁴⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 426. О роли Рюрика в этом походе не упоминается, хотя Ростиславичи явно принимали в нем участие.

⁴¹ «Всеволод Чермны с своею братьею и Володимер Игоревич (сын Игоря Святославича) с своею братьею и Мстислав Романович и [з] Смолиньска... Рюрик с Ростиславом и Володимером (его сыновьями) и с своими сыновци (племянниками)» (ПСРЛ, т. 1, стб. 426).

⁴² ПСРЛ, т. 10, с. 5.

⁴³ Основные источники — это *Л* (под 1206 годом) и *Ипат* (под 1202 годом) (ПСРЛ, т. 1, стб. 426—427; т. 2, стб. 717—718).

⁴⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 717.

⁴⁵ «Володимер... украдъся... от своее братья, гна об ношь в Галичь...» (ПСРЛ, т. 1, стб. 427).

⁴⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 718.

⁴⁷ «И я (захватили) Романа в бани мьюшася» (там же, стб. 722).

⁴⁸ Там же, стб. 723—724, 727. В *Ипат* приводятся имена этих трех Игоревичей: Роман, Святослав и Ростислав. Согласно *М*, тремя повешенными Игоревичами были «Роман с братама» (ПСРЛ, т. 25, с. 108). Похоже, что Ростислав, нигде более не упоминаемый, мог быть одним из сыновей Игоря и что Владимир либо погиб, либо покинул это княжество: Густынская летопись XVII в. (под 1209 годом) утверждает, что Роман с помощью венгров изгнал своего брата Владимира из Галича и сам сел на этот престол, в то время как Владимир «понде... на отчину свою в Путивль» (ПСРЛ, т. 2, изд. 1843 г., с. 330). Ср. *М*, под 1208 годом (ПСРЛ, т. 25, с. 107).

⁴⁹ Туровское княжество также могло быть союзным или зависимым от Ольговичей в это время. В 1207 г. они участвовали в походе Всеволода Чермного на Киев (см. прим. 56).

⁵⁰ «Потеря киевским князем Белгорода, по существу, означала и потерю Киева» (Т о л о ч к о. Киевская земля, с. 27).

⁵¹ Подробное описание всех трех городов см.: Т о л о ч к о. Киевская земля, с. 51—52, 27—28, 23—24; Т и х о м и р о в. Древнерусские города, с. 304—305, 298—300, 294—298. О Вышгороде см.: Н а с о н о в. Русская земля, гл. 4, и Т о л о ч к о. Киев, с. 132—136.

⁵² ПСРЛ, т. 1, стб. 427.

⁵³ Торческ был передан Всеволоду III в 1195 г., возможно, Мстислав был послан туда Рюриком в 1206 г. либо еще раньше.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 428.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Ис Турова и ис Пиньска Святополчи [чи]» (ПСРЛ, т. 1, стб. 429) — вероятно, имеются в виду Владимир и Ростислав из Пинска, сыновья туровского князя Святополка.— См.: В а и т г а р т е н, Généalogies (I), p. 10.

⁵⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 429.

⁵⁸ Там же, стб. 429—430.

⁵⁹ Основное описание рязанского похода 1207 г. содержится в *Л* (ПСРЛ, т. 1, стб. 429—433). Немногословное, богатое фактами, написанное свидетелем событий, оно служило главным источником для большинства более поздних описаний. Подробную критику источников см.: К у з ь м и н, с. 130—140.

⁶⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 432—433. Краткое сообщение о возвращении Рюрика в Киев явно является вставкой (но необязательно более позднего происхождения) в рассказе о рязанском походе Всеволода III.

⁶¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 434.

⁶² ПСРЛ, т. 25, с. 108. В *Л* отсутствует.

⁶³ ПСРЛ, т. 1, стб. 435; т. 25, с. 108.

⁶⁴ Только в *М*. ПСРЛ, т. 25, с. 108.

⁶⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 135; т. 25, с. 108 (дата приводится только в *М*).

⁶⁶ ПСРЛ, т. 25, с. 109 (в *Л* и других летописях отсутствует).

⁶⁷ О судьбе Рюрика см.: F e n n e l l. The Last Years.

⁶⁸ Т а т и щ е в, т. 4, с. 341.

⁶⁹ НПЛ, с. 53, 251—252 (под 1214 годом, но см.: Б е р е ж к о в, с. 257—258); ПСРЛ, т. 25, с. 109. Описание у Татищева в целом совпадает, хотя оно значительно более подробно (Т а т и щ е в, т. 4, с. 344—345; ср. т. 3, с. 189—190).

⁷⁰ НПЛ, с. 52, 251.

⁷¹ В. Т. Пашуто объясняет участие Ингваря в походе его ненавистью к сыновьям галицкого князя Романа (Даниилу и Васильку) и дружбой последнего с Всеволодом Черным (П а ш у т о. Очерки, с. 48—49). Согласно Татищеву, Мстислав Романович, вышедший «ис Турова», присоединился к войску Мстислава Мстиславича позже, в устье Припяти, т. е. уже на территории Киевского княжества. Это говорит о том, что Туров и Пинск в то время находились под управлением Ростиславичей и что туровские дружины участвовали в походе (Т а т и щ е в, т. 4, с. 345).

⁷² НПЛ, с. 53, 251—252.

⁷³ ПСРЛ, т. 1, стб. 438.

⁷⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 730—731. О договоре в Сепеше см.: П а ш у т о. Очерки, с. 200; The Nypatian Codex (ed. Perfecky), p. 132—134; R h o d e. Die Ostgrenze Polens, p. 106.

⁷⁵ «Король угорьскы посади сына своего в Галичи, а епископы и попы изгна из церкви, а свое попы приведе латиньские на службу» (ПСРЛ, т. 25, с. 110, также в *Е*, *Льв* и *Ник*, но отсутствует в *Л*).

⁷⁶ ПСРЛ, т. 25, с. 110 (также в *Е*, *Льв* и *Ник*, под 1214 и 1215 годами).

⁷⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 731.

⁷⁸ «...Лестько... посла к Новогороду по Мьстислава и реки: Брат ми еси, поиди и сяди в Галиче» (там же. Ошибочно датировано 6720/1212 годом).

⁷⁹ НПЛ, с. 57, 257 (о датировке см.: Б е р е ж к о в, с. 259). Он вернулся в Новгород ранней весной 1217 г. О цели его приезда не упоминается.

⁸⁰ Может быть, с отрядом из Чернигова. В 1219 г. черниговские дружины еще были с ним.— См.: ПСРЛ, т. 2, стб. 733.

⁸¹ НПЛ, с. 59, 260—261. *С*, *Н* и *М* повторяют *Н*. Запись в *Ипат* под 6720/1212 годом может относиться к первому захвату Мстиславом Галича (ПСРЛ, т. 2, стб. 731—732). Только В. Н. Татищев (Т а т и щ е в, т. 4, с. 356—357) упоминает о войске из Полоцка, которым командовал «полоцкий Василько».

⁸² Первое правление Мстислава в Галицкой земле и последующие события вплоть до его изгнания в 1219 г. с некоторыми подробностями описаны в *Ипат*, где Даниилу приписывается важная роль (ПСРЛ, т. 2, стб. 731—735). Об изгнании Мстислава кратко сообщается в *М* и во вторичных летописях (*Е*, *Льв*, *Тв. сб.*), но не в *Л* и не в *Н* (ПСРЛ, т. 25, с. 116).

⁸³ Только в *М* и в зависящих от него летописях — *Е*, *Льв* и *Тв. сб.* (ПСРЛ, т. 25, с. 118).

⁸⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 445, *М*, *Е* и *Льв* добавляют: «...и седе [князем] в Галичи».— См.: ПСРЛ, т. 25, с. 118.

⁸⁵ Т а т и щ е в, т. 4, с. 359—360; ПСРЛ, т. 2, стб. 737—738.

⁸⁶ «Ярославици (потомки Ярослава Мудрого?), смольняне взяли Полоцк генваря в 17 при князе Борисе и Глеба» (НПЛ, с. 263). Отсутствует в раннем варианте *Н* и во всех вторичных летописях, например в *С*, *Н*. Ср.: Т а т и щ е в, т. 4, с. 360: «Князь смоленский с Ярославом (Всеволодовичем?) переяславским (Северного Переяславля?) ходиша на Полоцк и взяша град генваря 17 при князех Борисе и Глебе...»

⁸⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 442.

⁸⁸ Рюрик Ростиславич и двое из его племянников были женаты на половецких княжнах.

⁸⁹ ПСРЛ, т. 25, с. 110—111. В. Г. Ляскоронский (История Переяславской земли, с. 445—447) считает, что Владимир Рюрикович был вскоре заменен в Переяславле кем-то из Ольговичей — эта версия основана на неправильном понимании Татищева, согласно которому «Ярослав Мстиславич из Переяславля» участвовал в Галицком походе 1221 г. Однако в более ранней версии (Т а т и щ е в, т. 4.) Татищев не указывает это отчество и ясно говорит о Ярославе **Всеволодовиче** из **Северного** Переяславля.

Во всяком случае, в источниках отсутствуют упоминания о каком-либо «Ярославе Мстиславиче» из числа известных черниговских князей, живших в тот период.

⁹⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 434; т. 25, с. 105 (а также в *Е* и *Льв*); ЛПС, с. 109 (под 1209 годом); НПЛ, с. 51, 249 (под 1210 годом). Татищев (только во второй редакции) добавляет, что два основных заговорщика, Глеб и Изяслав Владимировичи, проявивших свою преданность Всеволоду III в 1207 г., были связаны с Ольговичами, которые даже обещали им военную помощь (Т а т и щ е в, т. 3, с. 182).

⁹¹ ПСРЛ, т. 25, с. 107—108 (то же и в *Е*, *Льв* и *Ник*); т. 1, стб. 434; ЛПС, с. 109. О хронологии см.: Б е р е ж к о в, с. 101—103.

⁹² ПСРЛ, т. 1, стб. 437; т. 25, с. 109; ЛПС, с. 111 (под 1213 годом).

⁹³ Глеб и Константин были выбиты Ингварем и Юрием Игоревичами. В 1219 г. они попытались вторгнуться в Рязанское княжество с половецким войском, но их нападение было отбито Ингварем (ПСРЛ, т. 1, стб. 444; т. 25, с. 116), после чего в летописях о них больше не упоминается.

Рассказ об избииении шести князей в 1217 г. см.: ПСРЛ, т. 1, стб. 440—441; т. 25, с. 115; НПЛ, с. 58 (под 1218 годом, только в старом варианте). Описания в *Л* и в *Н1* очень близки и, по-видимому, происходят от не дошедшей до нас Рязанской летописи (см.: Л у р ь е, с. 34). В *М*, так же как в *Е* и в *Льв*, опущены осуждающие части текста, присущие *Л* и *Н1*, и добавлено, что Глеб после убийства сбежал к половцам (ср.: Т а т и щ е в, т. 4, с. 352). См. также статью В. Д. Назарова «“Двор” и “дворяне”», который считает, что версия *Н1* была прямо заимствована из летописи Юрия (т. е. из *Л*).

СЕВЕРНАЯ РУСЬ В 1200—1223 ГОДАХ

Суздальская земля

В начале XIII века 46-летний великий князь владимирский Всеволод III находился в высшей точке своего жизненного пути. Шестеро из восьми его сыновей были еще живы: Константин (15 лет), Юрий (12), Ярослав (10), Владимир (7), Святослав (4) и Иван (2)¹. Его власть распространялась на всю Владимиро-Суздальскую землю. Как было видно из предыдущей главы, в течение последних двенадцати лет жизни (1200—1212) он занимал положение первого среди равных (*primus inter pares*) по отношению ко всем многочисленным потомкам Владимира Мономаха и Олега Черниговского, другими словами, все признавали его верховным повелителем. В Рязани он держал под строжайшим надзором дальних родичей Ольговичей, решительно вмешиваясь в их дела и не подпуская Ольговичей близко к их двоюродным братьям и западным соседям в Чернигове. Так или иначе, ему удавалось поддерживать достаточно шаткое равновесие между враждующими группировками на юге и юго-западе Руси: между правившим в Волынской и Галицкой землях Романом, могущественными Ростиславичами из Смоленска и потенциально опасными Ольговичами. Широко применяя свое искусство сталкивать князей между собой, Всеволод III никогда не допускал чрезмерного сосредоточения власти в одних руках. В этом его можно сравнить с великими ханами Золотой Орды начала XIV века, которые искусно поддерживали равновесие сил между Москвой, Тверью и Литвой. Межкняжеская политика Всеволода III потерпела только две неудачи в последние годы его жизни: в 1206 году его сын Ярослав был принужден оставить Южный Переяславль, который он держал с 1200 года, это самое южное из всех княжеств прежнего Киевского государства, в пользу Ольговичей и позднее Ростиславичей; более серьезной неудачей была потеря Новгорода зимой 1208/09 года, когда Мстислав Удалой захватил город для Ростиславичей.

Два последних года жизни Всеволода не были омрачены территориальными потерями. Его сыновья, воспитанные в духе глубокого уважения и повиновения отцу и никогда не отказывавшие ему в военной помощи, не доставляли Всеволоду поводов для беспокойства. Но беда, разразившаяся после его смерти, — братоубийственная война между его сыновьями — забрехала уже в 1212 году.

До этого времени только старший сын Константин получил свою вотчину в Суздальской земле (1208 год): «Ростов и инех 5 (неназванных) городов да ему»². В 1211 году, однако, Всеволод, чувствуя, что конец близок, и, может быть, понимая, что сыновья просто ждут его смерти, чтобы развязать междоусобную войну, соперничая в кровопролитии со своими многочисленными предками, попытался предотвратить надвигавшийся хаос. Он определил судьбу двух своих старших сыновей так: после его смерти Константин должен был княжить во Владимире, а Юрий получал Ростов³ и, вероятно, пять других городов, прежде принадлежавших Константину. Это было, по-видимому, совершенно справедливое решение, но Константин, который к этому времени уже прочно обосновался в Ростове, вынашивал другие планы: его целью было иметь лучшее в каждом из двух миров и быть великим князем не во Владимире, а в своем северном городе и в то же время присоединить Владимир к Ростову в качестве собственного семейного владения. Дважды Всеволод посылал за ним, но Константин не уступил. В конце концов Всеволод созвал во Владимире собор (явившийся, видимо, предтечей великих земских соборов XVI и XVII веков) — собор, представлявший все сословия: «...всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана [ростовского и владимирского], и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди». На соборе он пожаловал Владимир своему второму сыну Юрию, «приказа же ему и братию свою», другими словами, даровал ему великое княжество и старейшинство в роду. Третий сын, Ярослав, получил третий по важности район Суздальской земли — Северный Переславль. Рассказ современника о соборе⁴ — исключенный из суздальской Лаврентьевской летописи, которая в то время защищала интересы Константина, в связи с чем ее существенно отредактировали в Ростове, — заканчивается традиционным и ярким выражением гнева Константина: «...слышев то и вздвиже брвыи себе с гневом на братию свою, паче же на Георгия [Юрия]».

13 апреля 1212 года Всеволод III умер. Ему был посвящен длинный, но совершенно безликий некролог в местной летописи, переполненный напыщенными клишированными восхвалениями⁵. Все его сыновья, исключая Константина, почтительно прибыли на похороны во Владимир. Не успели Всеволода похоронить, как начались, как и следовало ожидать, братоубийственные раздоры. Описания этого первого столкновения между братьями различаются в зависимости от происхождения источника: верная Константину Лаврентьевская летопись обходит это событие полным молчанием, упоминая только мирный исход; фрагменты владимирской летописи, сохранившиеся в своде конца XV века⁶ и явно отражающие какие-то части личной летописи великого князя Юрия, сообщают точку зрения Юрия и Ярослава; то же самое, но более подробно изложенное мы находим в семейной летописи последнего, то есть в летописи Переславыя Суздальского. Итак, факты показывают, что ничего значительного не произошло, что события 1212 года были всего лишь прелюдией к будущей войне. Константин начал собирать войско вместе со своим братом Святославом, который «разгневался... на Юрия»⁷, поскольку, несомненно, считал, что последний несправедливо распределил земли

между братьями; а Юрий и Ярослав, заключив двусторонний договор, направленный против Константина, пошли на Ростов. Согласно заведомо небеспристрастной летописи Переславля Суздальского, Юрий начал переговоры, великодушно предложив обменять Владимира на Ростов. Не стоит и говорить, что от этого предложения Константин наотрез отказался, потребовав Владимир для себя, Ростов для своего сына и предложив Юрию удовлетвориться Суздалем⁸. Но «бе бо грязка велми (поскольку было очень грязно)», как сообщает летописец, а скорее всего потому, что ни одна из сторон не хотела рисковать, не будучи уверенной в победе, боев было очень мало, и после четырех недель бессмысленных колебаний было заключено перемирие⁹.

Положение, однако, оставалось неясным. Владимир и Святослав еще более запутали его, сменив в 1213 году союзников. Владимир был неудовлетворен тем, что Юрий отдал ему всего лишь Юрьев Польский, полагая, что как четвертый сын великого князя он вправе получить лучшую вотчину, скажем, Суздаль. Обиженный и разгневанный, Владимир перебежал к Константину, который, пытаясь закрепиться в юго-западной части владений Юрия, послал Владимира захватить Москву¹⁰. Тем временем Святослав снова перебежал, на этот раз от Константина к Юрию, который отдал ему за его хлопоты теперь уже пустующий Юрьев Польский¹¹. Но Владимир и Святослав были мелкой рыбешкой, они всего лишь мутили воду, и их маневры не оказывали влияния на общее соотношение сил. Пребывая в счастливом возрасте юности, они не знали толком невзгод междоусобной войны и почти не имели времени для создания боеспособных дружин. А вот Константин, который не мог смириться с потерей старейшинства в роду, территории и власти, опирался на поддержку всех северных суздальских земель.

Второе столкновение между двумя братьями произошло в 1213 году. Сразу нужно сказать, что оно не привело ни к каким определенным результатам и оказалось пустой тратой сил. На этот раз инициатива исходила от Константина, по крайней мере, он выступил первым, как сообщают настроенные против него источники. Однако никто из братьев, по-видимому, не был способен предпринять решительные действия, которые могли бы положить конец этому мучительному спору. Константин направил свой удар на Костромскую землю, входившую во владения Юрия¹², а его новый союзник Владимир, двинувшись на север от Москвы, предпринял неудачную попытку захватить Дмитров (один из городов Ярослава), от стен которого был вынужден позорно бежать обратно в Москву¹³. Юрий и Ярослав, наконец, сделали решительный шаг, выступив на Ростов. Но опять обе стороны не проявили энтузиазма, когда дело дошло до необходимости вступить в бой, и три брата снова согласились на перемирие. Даже Владимир, сидевший в Москве под замком у Юрия, был выпущен на волю. Юрий отослал его в удаленный Южный Переяславль, где тот находился в безопасности некоторое время¹⁴.

Так что положение в конце 1213 года оставалось в основном таким же, как и прежде. Три года держалось странное, неестественное затишье. Все было спокойно, во всяком случае на поверх-

ности. Летописцы Владимира и Ростова, всегда готовые встать на защиту каждый своего господина или обвинить противника в разжигании «дьявольского раздора», не упоминают о каких-либо враждебных действиях со стороны сыновей Всеволода¹⁵. Это странное нежелание разрешить кризис силой можно на этот раз объяснить последствиями страшного пожара во Владимире в 1213 году (сгорело 200 домов и 4 церкви) и опустошительного голода, поразившего Суздальскую землю в том же году¹⁶. Но это затишье также свидетельствует о том, что обе стороны энергично копили силы и готовились к надвигавшемуся неизбежному и кровопролитному столкновению.

В 1216 году произошла третья, и последняя, стычка между Константином и его братьями. На этот раз разразилась настоящая война, осложненная участием внешних сил: на стороне Константина были Ростиславичи и новгородцы, а Юрию, Ярославу и Святославу помогали дружины из Мурома и жители половецкого порубежья, которых называли *бродники* (см. прим. 22 к гл. 4). Весь ход сражений и сложных переговоров между двумя сторонами был тщательно описан (по всей видимости, непосредственным участником) в длинном, подробном рассказе, созданном в Смоленске¹⁷.

Начало войне положило не прямое столкновение братьев, а косвенный повод, почти случайность, происшедшая в Новгороде. Ну, а затем одно событие повлекло за собой другое. Как будет видно далее, первый шаг фактически был сделан одним из Ростиславичей, горячим Мстиславом Мстиславичем. Он только что снова занял новгородский стол после разведочного похода в Галицкую землю и тут же столкнулся с опасностью в лице своего зятя Ярослава. Ярослав после недолгого пребывания в новгородских княжеских палатах во время отсутствия Мстислава не только начал преследование некоторых сторонников Мстислава, но и захватил новгородские заставы Торжок и Волок Ламский, отрезал город от источников снабжения и арестовал столько новгородских купцов в Торжке, сколько смог. Война между ним и Мстиславом была неизбежна. В первую очередь Мстислав хотел выбить Ярослава из Торжка и принудить его освободить захваченных заложников. Поначалу соперники ограничивались стычками на границах Новгородского, Смоленского княжеств и Суздальской земли. Но мало-помалу разрозненные отряды каждой из сторон объединялись, их численность возрастала благодаря прибывающему пополнению: Ярослав соединился с превосходящими силами своего брата Юрия, а Мстислав не только призвал на помощь своих родичей (брата Владимира, в то время княжившего во Пскове, двоюродного брата Владимира Рюриковича из Смоленска и Всеволода, сына киевского князя Мстислава Романовича), но и, полагаясь на силу братской «любви», предусмотрительно сообщил Константину о положении дел на западных границах Суздальской земли.

В конце концов два враждующих войска сошлись лицом к лицу на реке Липице в районе Юрьева Польского. Как это часто

бывало перед крупными битвами, были сделаны попытки избежать сражения и уладить дело миром. Инициатива исходила, как сообщается в источниках, каждый из которых был на стороне Ростиславичей, от Константина и его союзников. Снова и снова подчеркивалось, что союзники находятся в ссоре не столько с Юрием, сколько с Ярославом, и постоянно выдвигалось требование, чтобы Ярослав освободил новгородских заложников и отвел свои силы из Волока Ламского. Когда эти требования были презрительно отвергнуты и Юрием, и Ярославом, вновь встал вопрос о перераспределении земель. «Мы есмь племенници себе,— сказал, как сообщается, посланник Константин,— а дадим старейшинство князю Константину. А посадите и его [на престол] в Владимир, а вам [будет отдана] земля Суздальская вся [остальная]»¹⁸. И вновь попытки примирения были отвергнуты.

Перед началом битвы Юрий и Ярослав, полностью уверенные в победе, договорились между собой о будущем разделе Руси. Несмотря на тенденциозный характер летописных сообщений, нет оснований сомневаться в достоверности данного эпизода¹⁹, так как автор явно указывает, что копию договора, подписанную и принятую князьями, «взяша смоляне по победе в станех Ярославлих и даша своим [смоленским] князем». По этому соглашению Юрий получил бы Владимирскую землю и Ростовскую, Ярослав — Новгород, Святослав — Смоленск. Киев должен был отойти «черниговским князем»²⁰, а Галицкая земля — поделена между Юрием и Ярославом²¹. Не стоит и говорить, что Ростиславичи остались бы с пустыми руками.

Решающая битва состоялась 21 апреля. Она закончилась полной победой Константина и его союзников, и это неудивительно. Трудно оценить численность сражавшихся или убитых из-за сильных преувеличений в свидетельствах источников, что в целом характерно для описаний сражений в средневековой Руси. По смоленским оценкам,— это единственное раннее описание, в котором приводятся конкретные цифры,— Юрий и Ярослав потеряли 9233 человека убитыми и 60 — пленными, а потери Константина и Ростиславичей составили 6 человек (5 убитых новгородцев и 1 смоленский воин)²². Даже если сделать скидку на преувеличения, это был, без сомнения, жаркий бой: в отрядах Юрия и Ярослава было тридцать стягов и сотня «труб и бубнов»²³, и все были захвачены противником. Юрий и Ярослав бежали: Юрий — во Владимир («на четвертом коне, а трех удушил (загнал), в первой сорочици (натальной рубашке)», Ярослав, еще более стремительно, в Переславль («на пятом коне, а четыре удушил»).

Положение во Владимире было безнадежным. Юрий пытался вновь собрать в боевые порядки тех немногих ратников своего войска, кому удалось спастись и добраться до столицы, «ин ранен, а ин наг», но было очевидно, что сопротивление более невозможно, и, когда новгородские и смоленские дружины подошли к Владимиру и подожгли его, Юрий сдался. Мстислав дал ему во владение, что фактически означало изгнание, Городец Радилон, расположенный в самом восточном течении Волги на суздальской

территории. А что касается Ярослава, изображенного в новгородских и смоленских источниках негодяем из негодяев, то первое, что он сделал по прибытии в Переславль, так это согнал всех новгородских и смоленских купцов, которых смог найти, и бросил их в застенки. Часть новгородцев (150 человек) Ярослав «повеле затворити в тесне избе», и они погибли от удушья. Смоленцев, 15 человек, держали в другом месте, и им удалось выжить²⁴. Когда союзники приблизились к Переславлю, Ярослав послал гонцов к Константину, умоляя того не выдавать его тестю. Но все обошлось благополучно. Ярослав осыпал подарками союзных князей, и ему было позволено остаться в Переславле, однако только после того, как Мстислав освободил свою дочь, оставшихся в живых новгородцев, а также тех, кто против него воевал в войске Ярослава²⁵.

Война окончилась. Мстислав вернулся в Новгород, а его брат Владимир — в Псков. Константин стал во Владимире великим князем и провел последние два года жизни между столицей и Ростовом. Ярослав, напрасно моливший о возвращении ему жены, смирился с вынужденным политическим бездействием в Переславле. Что касается Юрия, то он явно не собирался долго прозябать в своем дальнейшем изгнании и искал способы, как победить своего старшего брата. Военное соперничество исключалось ввиду союза Константина с Ростиславичами, а Юрий не мог надеяться на помощь Ярослава. Однако у него была припасена козырная карта: Симон, епископ суздальский и владимирский, последовал за ним в изгнание, оставив незамещенной кафедру столичной церкви²⁶. И Константину ничего не оставалось делать, как помириться с Юрием. Условия соглашения, достигнутого в 1217 году между двумя братьями, очевидно, были таковы: после смерти Константина Юрий вновь принимал титул великого князя, а до той поры он должен был княжить в Суздале²⁷. В это же время Константин назначил двух своих сыновей Василька и Всеволода соответственно в Ростов и Ярославль, вверяя их после своей смерти «Богу и пречистой его Матери и [своему] брату...» Юрию²⁸.

Юрию не пришлось долго ждать в Суздале. 2 февраля 1218 года, пять месяцев спустя после заключения договора с Юрием, Константин умер во Владимире. Его личный ростовский летописец сочинил длинный некролог, за которым следовало традиционное описание оплакивания смерти Константина народом и всеми его братьями, а затем рассказ о похоронах²⁹. Текст этот в точности соответствовал традициям средневековых панегириков, о самом человеке из него узнать ничего невозможно: все слова о его добродетелях — скромности, милосердии, благочестии, любви к духовенству и т. д., не более чем штампы, за исключением того, что он «многы церкви созда», украсив их иконами и «исполняя книгами», и что он «часто бо чтяше [святыя] книги»³⁰. А что касается скорбящих, то не стоит слишком доверять описанию оплакивания Константина его братьями («плакаша по нем плачем вельим, акы по отци и по брате любимем, понеже вси имяхуть и (его) в отца место... бе бо в них любы паче меры» (!), но интересно

отметить, что у этого летописца бояре оплакивают князя «яко заступника земли их», а слуги — как своего «кормителя и господина»).

Юрий принял великое княжение во второй раз и обосновался во Владимире. Он княжил там вплоть до своей гибели в 1238 году в битве на реке Сить. Первые пять лет его правления — до первого татарского нашествия в 1223 году — были спокойными, неомраченными братоубийственной войной. Его братья и племянники жили с ним в мире и повиновались ему. Ярослав не проявлял признаков недовольства своим княжением в Переславле Суздальском и занял Новгород по повелению Юрия, когда сын последнего бежал из города в 1223 году (см. прим. 78). Владимир, которому в 1217 году удалось спастись от половцев (либо же он был отпущен ими)³¹, получил маленький район Стародуба на Клязьме к востоку от Владимира, где жил тихо и мирно до своей смерти в 1228 году. Ярослав княжил в Юрьеве Польском, полученном от Юрия в 1213 году. Два старших сына Константина правили в Ростове и Ярославле. Новгород, как будет показано ниже, вернулся под власть суздальских князей в 1221 году, сбросив последнего из Ростиславичей. Что касается юга Руси, то в летописях не упоминается ни о каких столкновениях, ни даже о каких-либо контактах с Ростиславичами за пять лет — с 1218 по 1223 год.

Главная проблема Юрия в период его правления была связана с Волжской Булгарией. С начала XIII века между булгарами и Суздальской землей контактов практически не было. В летописях сообщается только об успешном походе дружины Всеволода III против волжских и камских булгар в 1205 году³², о нападении булгар на Рязань в 1209 году и об ответном нападении, предпринятом Всеволодом на следующий год³³. Однако в 1218 году булгары захватили самые северо-восточные владения ростовского князя — Устюг на реке Сухоне, — а затем продвинулись на юг по течению Унжи вплоть до города Унжи³⁴. Хотя им не удалось захватить Унжу, а Устюг был вскоре возвращен ростовскому князю Васильку, нельзя было игнорировать опасность, исходящую от булгар. До этого времени их походы были нацелены в основном на Рязань и Муром. Теперь под угрозой оказалась и суздальская территория. Юрий предпринял решительные шаги, чтобы отбить у булгар охоту к дальнейшим нападениям. В 1220 году он собрал большую дружину. К войску, посланному под началом Святослава из Юрьева Польского, присоединились отряды из Переславля, Ростова, Устюга и Мурома. Большая часть войска собралась в месте слияния Волги и Оки и поплыла вниз, к Ошелю, на земли булгар. Город был взят 15 июня, отряды булгар были разгромлены, и многие районы в нижнем течении Камы были опустошены ростовскими и устюжскими дружинами. Поход был столь успешен, что зимой того же года булгары послали к Юрию три посольства с просьбами о мире. Но Юрий собирался совершить еще один поход вниз по Волге, и только третье посольство булгар, встретившее его в Городце Радилове, разжалобило князя-победителя. Юрий заключил мир на условиях, «яко же было при

отци его Всеволоде и при деде его Георгии [Юри]»³⁵. Чтобы закрепить свой успех и в дальнейшем обезопасить восточные границы от любых нападений, Юрий в 1221 году основал Нижний Новгород у слияния Волги и Оки³⁶.

С тех пор болгары больше не совершали набегов на Рязань, Муром и Суздальскую землю, а в 1229 году, когда возникла угроза татарского нападения на земли болгар, они заключили с Юрием еще один мирный договор, длившийся на этот раз шесть лет. Состоялся не только обмен пленными, но, когда на северо-востоке Руси из-за плохого урожая ржи начался голод, болгары пришли на помощь, отправив зерно по Волге и Оке³⁷. После этого русские больше почти ничего не слышали о болгарях, пока наконец до них не дошла весть о захвате татарами в 1236 году города Булгар.

Новгород

Бурные события на юге, юго-западе и северо-востоке Руси в первой четверти XIII века не могли не отразиться на истории Новгорода. Как было видно из главы 1, во второй половине XII века три ведущих княжеских рода: суздальские князья, Ростиславичи из Смоленска и Ольговичи из Чернигова — соперничали между собой за управление Новгородом, а различные боярские группировки в городе поддерживали тот или иной род. Эта борьба продолжалась и в первой четверти XIII века, хотя теперь Ольговичам при всех их тогдашних успехах на юге уже не удавалось ставить своих князей в Новгород. С начала столетия и до 1224 года претендентов на престол было двое: с одной стороны, родичи Всеволода, которых поддерживали, в основном, представители бояр с *Прусской улицы* (т. е. с Загородского и Людина *концов*), а, с другой, — Ростиславичи, которых поддерживали бояре с *Неревского конца* и с *Торговой стороны* (главным образом, со Славенского *конца*).

1 января 1200 года трехлетний сын Всеволода III Святослав прибыл в Новгород, чтобы сменить на престоле Ярослава Владимировича, свояка Всеволода³⁸, княжившего там с перерывами в общей сложности восемнадцать лет, не принесших ему, надо сказать, популярности у новгородцев. Большую часть правления ему мешал буйный антисуздальски настроенный посадник Мирошка Нездичич.

Пять лет пребывания (трудно назвать это «правлением») Святослава в Новгороде были тихими, внешне спокойными, и, что любопытно, города не коснулись значительные события, происходившие на юге и юго-востоке Руси. Были, правда, вторжения на новгородскую территорию: литовское с запада в 1200 году и шведское с северо-запада в 1201 году³⁹, — но они были успешно отбиты без серьезных потерь. Однако спокойствие было кажущимся. Хотя после смерти Мирошки в 1203 году его сменил просуздальски настроенный посадник Михалко Степанович (который, без сомнения, защищал интересы малолетнего князя), у Всеволода III

были основания тревожиться за судьбу Новгорода. Понимая, что для управления развитием событий на юге Руси суздальским силам рано или поздно потребуется помощь дружин с северо-запада и что в случае серьезной войны понадобится кто-то более авторитетный, чем маленький мальчик, символически представлявший великого князя, Всеволод III отозвал Святослава и в марте 1205 года заменил его своим старшим сыном 19-летним Константином⁴⁰. Новгородцы ответили на это назначением антисуздальски настроенного посадника Дмитра Мирошкинича⁴¹.

Сочетание сильного суздальского князя в Новгороде и представителя антисуздальских сил, занимавшего высшую исполнительную должность, предвещало беду. Она случилась через два года. Новгородская летопись, с массой недоговоренностей и туманных оборотов в описании событий 1207—1208 годов, тем не менее ясно показывает, насколько тесно вопрос о том, какой княжеский род должен давать Новгороду правителя, был связан с превратностями внутренней борьбы между боярскими группировками. Очевидно, у Константина не все ладилось, и в марте 1207 года Всеволод посылает в Новгород Лазаря. Названный летописцем «человеком Всеволода» («Всеволожь муж»), он должен был, по всей видимости, спровоцировать волнения против посадника⁴². Если задача Лазаря состояла действительно в этом, то, как показали дальнейшие события, он с ней блестяще справился.

В конце лета 1207 года Всеволод III приказал Константину присоединиться к нему в крупном карательном походе против Чернигова — походе, обрушившемся, как мы уже говорили, на Рязань. Константин собрал, по-видимому, огромное войско, в которое вошли дружины из Новгорода, Пскова, Ладоги и Торжка⁴³. С ним пошел и посадник Дмитр. После падения Пронска в октябре Всеволод послал новгородских дружинников домой, щедро наградив их за участие в походе и пожаловав им «волю свою» — но не выбирать себе князя, а решать противоречия между боярами без княжеского участия и предпринимать любые ответные действия, которые вече сочтет необходимым, против Дмитра Мирошкинича и его семьи⁴⁴. «Кто вы добр, того любите, злых казните», — загадочно сказал он на прощание⁴⁵. Этот призыв к насилию был подхвачен с рвением. Константин и Дмитр, раненный при взятии Пронска, а также семь «старших людей» («вятших муж»), вероятно, политических сторонников Дмитра, вернулись с Всеволодом во Владимир. Новгородцы оказались без князя и без посадника.

Всеволод добился своего: он и Константин привлекли новгородскую дружину на свою сторону, во всяком случае, большую ее часть. Как только дружинники вернулись домой, они созвали вече (ноябрь 1207 года) «на посадника Дмитра и на братью его», на котором стали подбивать людей требовать возмещения убытков, вызванных, по всей видимости, строгими фискальными мерами Дмитра⁴⁶. Толпа взбунтовалась в характерном для новгородцев стиле, грабя и поджигая дома и имущества Дмитра и его семьи, угоняя их холопов и захватывая их собственность. А когда тело Дмитра, умершего во Владимире от ран, было доставлено

в город, они попытались поглумиться над покойником и бросить его в Волхов, и только архиепископ сумел их остановить⁴⁷.

Всеволод III был настолько убежден в верности Новгорода, что, как только узнал о назначении посадником сына Михалки Степановича, просудальски настроенного Твердислава⁴⁸, сразу снова послал туда на княжение своего достигшего уже 11-летнего возраста сына Святослава. Святослав прибыл в Новгород 9 февраля 1208 года. Последовала новая волна арестов родственников и сторонников Дмитра — их отправили во Владимир, чтобы с ними разбирался сам великий князь. Выходило, что просудальски настроенная часть бояр одержала верх, и правление Святослава обещало быть мирным. Но в своих расчетах Всеволод не принял во внимание Ростиславичей и остатки антисудальски настроенной боярской группировки. Несмотря на все меры против последователей и родственников Дмитра, бояре с Неревского и Славенского *концов*, т. е. сторонники Дмитра и противники Твердислава и просудальски настроенная часть бояр, сохраняли влияние и не прекращали борьбы. Более того, вскоре на северо-западе появился новый могущественный, легкий на подъем, с богатым воображением Ростиславич, на долгие годы положивший конец планам Всеволода управлять Новгородом.

Мстислав Мстиславич, известный современникам под именем *Удалой*, родился, очевидно, незадолго до 1176 года. Его отцом был Мстислав Ростиславич Храбрый. О его молодых годах известно только, что в 1193 году Мстислав правил городом-крепостью Треполем на Днепре в Киевском княжестве. В 1207 году он был поставлен в южную заставу Торческ на реке Рось, откуда был выбит во время победного похода Всеволода Черного на Киев. Мстислав бежал в Смоленское княжество, где занял самый северный город княжества — Торопец. Район Торопца был идеальным плацдармом для нападения на Новгород.

Расчет Мстислава был точен. Пока Всеволод III и его сыновья были заняты во втором карательном походе против Рязани в конце 1208 года, он вторгся на Новгородскую землю. Мстислав захватил восточную заставу Торжок, наиболее важное из новгородских владений и ключевую крепость рядом с границами Суздальской земли. Там он арестовал представителей Святослава и местного посадника и отправил в Новгород следующее послание: «Кланяясь святей Софии (соборная церковь Новгорода) и гробу отца моего и всем новгородьцем⁴⁹; пришел есмь к вам, слышав насилье от князь, и жаль ми своя отцины». Послание, несомненно, адресовалось противникам суздальского правления, а под «насилием» подразумевались меры, предпринятые против семьи Дмитра и поддерживавших Ростиславичей бояр. Послание имело немедленный успех. Твердислав не смог спасти своего покровителя. Новгородцы пригласили Мстислава «и посадиша и его на столе отци». Святослав был быстро арестован и заключен на архиепископском дворе⁵⁰.

Ответ Всеволода последовал незамедлительно, что навряд ли явилось неожиданностью для Мстислава: все новгородские купцы были схвачены, их товары конфискованы⁵¹. Таким образом, каж-

дая сторона имела козырную карту. Положение сложилось безвыходное, разве что Мстислава, военную доблесть которого еще предстояло проверить, можно было попытаться выбить силой. И Всеволод, и Мстислав провели демонстрацию силы в начале 1209 года. Всеволод послал войско под началом Константина в Тверь, расположенную к востоку от Торжка, но на суздальской стороне от границы; Мстислав прошел на восток, по-видимому, со своей дружиной и взяв с собой столько войска, сколько удалось собрать его сторонникам в Новгороде. Однако дело ограничилось бряцанием оружия: каждая сторона теряла слишком многое в случае поражения, чтобы идти на риск вооруженного столкновения. В результате было достигнуто соглашение: Святослав был отослан назад к отцу, а захваченные купцы отпущены⁵².

Теперь Мстислав Мстиславич прочно обосновался в Новгороде и мог, наконец, вздохнуть свободно. Еще до конца 1209 года он занялся укреплением южных и восточных границ Новгородской земли, усилив Великие Луки на юге как заставу против участвовавших литовских нападений и лично наблюдая за возведением оборонительных сооружений в Торжке⁵³; поставил вместо Твердислава своего человека, Дмитра Якунича⁵⁴. Мстислав безнаказанно игнорировал доставленное ему Константином послание Всеволода III, содержащее угрожающее утверждение господства и старейшинства великого князя («ты ми еси сын, а яз тебе отец») ⁵⁵. Ни опустошительный пожар 1209 года, случившийся во время отсутствия Мстислава и уничтоживший 4300 домов и 15 церквей⁵⁶ (не исключено, что это было делом рук поджигателей из просуздальского лагеря), ни пожар 1217 года, в котором сгорело еще 15 церквей⁵⁷, не могли подорвать власти Мстислава.

Девять лет твердой и искусной рукой он управлял новгородскими делами. В течение этого времени зафиксированы только два набега на Новгородскую землю с запада, тогда как Мстислав или его родичи постоянно били западных соседей Новгорода — чужь (эстонцев): было предпринято по крайней мере пять походов⁵⁸, некоторые из них — относительно небольшие с целью захвата пленных, лошадей и скота или наложения дани на местное население, другие — более значительные, доходившие до Воробьина («castrum Warbole» в хронике Генриха Ливонского) в Северной Эстонии (42,5 км на юго-запад от Ревеля) (1212 год) и до Риги на западе (август 1216 года). Итак, можно сделать вывод, что конечной целью западной политики Мстислава было не создание в Эстонии застав, не обращение эстонцев в христианство, не расширение территории Новгорода и Пскова на запад, а стремление сдерживать чужь, отбить у нее охоту к нападениям на Новгородскую землю, поддержать систему обложения данью, действовавшую с середины XII века⁵⁹, а самое главное, создать что-то вроде дамбы против постоянно вторгавшихся сил Немецкого ордена⁶⁰.

Псков находился под неусыпным надзором Ростиславичей: с 1208 года и, по крайней мере, до их окончательного ухода из Новгорода в 1221 году в Пскове всегда находился кто-нибудь из близких родственников Мстислава — большую часть времени

это был его брат Владимир, которому, видимо, даже удалось стать свидетелем взятия Новгорода в 1221 году владимирским князем Юрием⁶¹. Что касается самого Новгорода, то, как только Мстислав оставил город зимой 1214/15 года, чтобы произвести разведку в Галицкой земле, оппозиция воспользовалась его отсутствием⁶² и под лозунгом, который Мстислав якобы сам провозгласил перед отъездом — «вы волни въ князехъ», — послала за суздальским князем Ярославом, третьим сыном Всеволода и зятем Мстислава⁶³. Но это первое пребывание Ярослава в Новгороде было недолгим. Он, как мог, преследовал сторонников Мстислава, но сопротивление его правлению было слишком сильным, и, услышав, что возвратившийся из Галицкой земли Мстислав собирает в Смоленске войско⁶⁴, Ярослав отъехал в Торжок. Оттуда он стал предпринимать враждебные действия против Новгорода: после неурожая во всех новгородских районах, кроме Торжка, он, подав пример многим будущим завоевателям Новгорода в XIV и XV веках, перекрыл жизненно важный поток продовольствия в город с востока, заблокировав реку Тверцу. Послы из Новгорода, умолявшие его вернуться и снять блокаду, были в полном составе арестованы, как и многочисленные новгородские купцы, оказавшиеся в то время в Торжке⁶⁵. Дружина, посланная из Суздальской земли в подкрепление Ярославу, совершила набег на Торопец⁶⁶. Путь для возвращения в Новгород был Мстиславу открыт. 11 февраля он вернулся в находившийся в тяжелом положении город, арестовал там назначенного Ярославом в Новгород правителя и приказал своему зятю отпустить всех захваченных новгородцев и оставить Торжок, но, получив отказ, 1 марта 1216 года двинулся с новгородским войском на восток. Через два месяца война закончилась: Ярослав и его братья потерпели поражение, а Мстислав вернулся, чтобы снова единолично и неоспоримо править Новгородом.

Степень авторитета Мстислава — и его популярности — в Новгороде на протяжении десяти лет правления, наверное, лучше всего можно оценить по его способности ладить с боярами, точнее, поддерживать дружественные отношения с той их частью, которая была настроена против Ростиславичей. Приблизительно половину времени его правления посадниками были поддерживавшие Ростиславичей бояре; но в оставшуюся часть времени эту должность занимал Твердислав, сын Михалки Степановича, твердого сторонника суздальского правления, и именно Твердислав был рядом с Мстиславом в кризисный момент: в 1212 году, когда новгородская дружина, несмотря на просьбы Мстислава, отказалась идти дальше Смоленска в походе Ростиславичей против Ольговичей. Именно Твердиславу удалось тогда убедить войско следовать за своим князем.

В Новгороде, конечно, существовала кое-какая оппозиция Мстиславу. Даже придворный летописец, всегда готовый восхвалять все, что бы Мстислав ни сделал, не мог об этом умолчать. В 1210 году, например, твердый сторонник Мстислава Митрофан, архиепископ новгородский⁶⁷, был по какой-то причине смещен и направлен

в Торопец, расположенный на территории Ростиславичей⁶⁸. Не надо забывать и о том, что в 1215 году во время отсутствия Мстислава его противникам удалось призвать суздальского князя. И все-таки его авторитет был столь велик, что в 1212 году, когда Мстиславу нужно было убедить новгородцев пойти с ним и его родичами в поход, который не имел к новгородцам никакого отношения и никак не затрагивал их интересы, он просто созвал вече и изложил людям суть дела, чтобы услышать в ответ древнюю формулу согласия: «Камо (куда), княже, очима позриши (посмотришь) ты, тамо мы главами своими вържемъ (сложим наши головы)»⁶⁹.

Когда Мстислав в последний раз покинул Новгород, это не означало, что правлению Ростиславичей в городе пришел конец (оно продолжалось еще четыре года), но это знаменовало собой конец постоянного присутствия Ростиславичей в этом регионе. Когда в июле 1217 года Мстислав объявил о своем намерении отправиться в Галицкую землю для новых завоеваний, новгородцы просили его остаться⁷⁰. Но он был непреклонен. Перед отъездом Мстислав, однако, предусмотрел условия для продолжения правления Ростиславичей в Новгороде: архиепископу Митрофану было разрешено вернуться, а из Смоленска был призван старший сын киевского князя Мстислава Романовича Святослав⁷¹.

Вскоре после прибытия Святослава в городе начались волнения. Первый кризис произошел в январе 1218 года, когда разгорелась вражда между основными соперничающими группировками. Из путаного описания событий в местной летописи более или менее ясно одно: это была попытка представителей *Торговой стороны* и *Неревского конца*, двух надежных оплотов Ростиславичей, скинуть просуздальски настроенного посадника Твердислава. Святослав пытался повлиять на волнующееся вече, длившееся целую неделю, и потребовал, чтобы Твердислав был смещен. Но в тот день победили представители просуздальского *Людина конца*: Твердислав остался посадником, а между двумя сторонами был на скорую руку заключен шаткий мир⁷².

Нет сомнений в том, что именно неспособность Святослава преодолеть волнения в Новгороде и обескровить оппозицию, заставила киевского князя Мстислава заменить его своим вторым сыном Всеволодом, который по крайней мере уже имел некоторый опыт правления в Пскове. Поначалу он добился успеха. Вскоре после прибытия Всеволода, в феврале 1218 года, по городу стали распространяться слухи, что Твердислав связался с суздальскими князьями Юрием и Ярославом и убеждал их воспрепятствовать тому, чтобы походы новгородцев в район Северной Двины пересекали Суздальскую землю. Была ли в этих обвинениях какая-то доля правды или нет, но на этот раз Твердислав вынужден был отдать должность посадника своим соперникам⁷³. Чуть позже архиепископ Антоний, сменивший в 1210 году поддерживавшего Ростиславичей Митрофана, был сведен с кафедры, несомненно, в результате падения Твердислава. Антоний укрылся в Торжке, а его соперник Митрофан был снова провозглашен архиепископом.

Но и у Антония были сторонники. В конце 1218 или в начале 1219 года он вернулся в Новгород — в это же время Твердислав снова сделался посадником⁷⁴ — и оспорил право Митрофана на архиепископство. У Всеволода и новгородцев не было другого пути, чтобы решить затруднительный вопрос о двух архиепископах в одном городе, кроме как передать это дело в руки митрополита. Митрофан и Антоний были отправлены в Киев. Учитывая близость митрополита к Киевскому княжескому столу и, конечно, то влияние, которое оказал киевский князь, глава рода Ростиславичей, на его суд, не приходится удивляться, что митрополит решил дело в пользу Митрофана, а Антонию передал Галицкую епархию в Перемышле⁷⁵.

Третий после отъезда Мстислава кризис, поразивший Новгород, произошел в 1219 году. Снова в центре волнений оказался посадник. По каким-то причинам, о которых летописец умалчивает, Всеволод обрушил свою ярость на Твердислава. Город охватили беспорядки; приверженцы обеих группировок даже вооружились, и открытые столкновения были предотвращены только архиепископом Митрофаном, которому удалось убедить Твердислава, объявленного больным, оставить свою должность и постричься в монахи. Посадничество снова перешло в другие руки.

Летописи не указывают, к какой из боярских группировок принадлежал новый посадник Иванко Дмитриевич. Не дают они нам возможности и понять, что творилось в Новгороде с 1219 по 1221 год⁷⁶. Так или иначе, должен был произойти радикальный поворот в общественном мнении, так как в 1221 году новгородцы без объяснения причин внезапно потребовали от Всеволода, чтобы он уходил: «Не хотим тебе; поиди, камо хочеши»⁷⁷. Это был конец гегемонии Смоленска в Новгороде, больше никогда никто из Ростиславичей не сидел на троне на Ярославовом дворе. Митрофан и посадник Иванко были посланы с предварительной делегацией новгородских граждан во Владимир просить у Юрия князя. С тех пор всегда — за исключением коротких периодов правления Ольговичей (Михаила из Чернигова и его сына Ростислава) — Новгород получал князей только из Суздальской земли. Правда, часто бывало так, что эти князья сменяли один другого с пугающей быстротой⁷⁸, но поначалу, по крайней мере, это было не столько результатом столкновения интересов бояр или отражением противоборства между Новгородом и Владимиром, сколько выражением воли великого князя. «Оже ти не угодно държати Новагорода сыномь, — говорили Юрию посланцы из Новгорода, когда его сын бежал из города вскоре после того, как был послан туда в 1221 году, — а вѣда ны брати (и дай нам брата)»⁷⁹.

Проясняют ли события первых двух десятилетий XIII века в Новгороде вопрос о взаимоотношениях между боярским влиянием и княжеской властью? Есть ли какие-либо свидетельства изменений в общественной жизни города по сравнению с условиями XII столетия, какие-либо признаки движения Новгорода к независимости, к возникновению тех элементов республиканской формы

правления, которые стали столь явными в XIV веке? Трудно сделать сколько-нибудь обоснованные выводы из-за спутанности событий, описанных в источниках, большинство из которых, однако, несут на себе отпечаток того времени и, по-видимому, мало искажены позднейшими редакциями⁸⁰. И все же остается слишком много загадок, противоречий, нерешенных вопросов. Новгородцы, очевидно, сохраняли достаточную свободу, чтобы избавляться от своих князей и просить внешних правителей (во Владимире и Киеве) присылать им князей. С другой стороны, сильные князья, и новгородские, и внешние, могли ставить свои условия, причем часто независимо от того, какая часть бояр одерживала верх в это время⁸¹, и решающим образом влиять на борьбу за власть между различными боярскими группировкам: в 1207 году, например, Всеволод III побудил новгородцев выступить против сторонников Ростиславичей. Более того, довольно трудно, если не невозможно, сказать, в какой степени новгородские традиции могли ограничивать, если вообще ограничивали, княжескую власть. Пытался ли какой-нибудь посадник, скажем, Твердислав или Иванко Дмитриевич, идти на компромисс с целью объединить бояр перед лицом княжеской власти? Кроме того, интересно, был ли какой-то элемент «преемственности» (правопреемственности, наследования) в чередовании посадников? Другими словами, неизбежно ли смена просудзальского посадника сторонником Ростиславичей предполагала насильственное свержение предыдущего или же действовала какая-то система выбора, что могло бы свидетельствовать об укреплении боярской оппозиции по отношению к князю?

Выводы можно сделать только предварительные. Во-первых, оказывается, что известия 1200—1223 годов не содержат никаких свидетельств ослабления или падения княжеской — или даже посаднической — власти. Во-вторых, в этот период между боярами и князем никаких новых отношений не развилось, элементы договорных связей между князем и Новгородом стали возникать позднее.

Так что общий вывод, по нашему мнению, должен быть сделан такой: никаких заметных изменений не произошло, и структура отношений между князем и Новгородом в первой четверти XIII столетия оставалась в целом такой же, какой она была во второй половине XII века. Новгороду предстояло пройти еще долгий путь, чтобы приблизиться к подлинной независимости и республиканской форме правления.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борис умер в 1188 г., Глеб — в 1189 г.

² ПСРЛ, т. 1, стб. 434.

³ ПСРЛ, т. 25, с. 108. По малоправдоподобному предположению Татищева, Ярослав, Владимир, Святослав и Иван должны были получить Переславль, Суздаль, Юрьев Польский и Стародуб соответственно (Татищев, т. 4, с. 342); согласно ЛПС (с. 110. под 1213 г.) Ярослав должен был получить Переславль, Владимир —

Юрьев Польский, а судьба Святослава и Ивана должна была быть вверена Юрию как великому князю.

⁴ ПСРЛ, т. 25, с. 108 (также в *Е*, *Льв* и *Ник*).

⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 436—437.

⁶ Выделенные А. Н. Насоновым «владимирские фрагменты» (Насонов. История, с. 201 и далее). Эти владимирские известия (1207—1220 гг.), встречающиеся в *М* (и часто в *Е*, *Льв* и *Ник*), очевидно, впервые появились во владимирском своде начала XIII в. (см.: Лурье, с. 57); они попали в *М* и другие более поздние летописи через предполагаемый свод 1472—1479 гг.— См.: Приложение 1. Летописи.

⁷ ЛПС, с. 110.

⁸ Там же, с. 110—111.

⁹ Там же, с. 111; ПСРЛ, т. 1, стб. 437.

¹⁰ ЛПС, с. 111; ср. *М*, где дается несколько иное описание этого события (ПСРЛ, т. 25, с. 109).

¹¹ ПСРЛ, т. 25, с. 109.

¹² Кострома была сожжена, а Соль Великая (расположенная к юго-западу от Костромы), возможно, основной поставщик соли для Суздальской земли, была захвачена. Оба города были частью территории Юрия. Константин также взял Нерехту, южнее Костромы, входившую в земли Переслава (ЛПС, с. 111; ПСРЛ, т. 25, с. 109. В *Л* отсутствует).

¹³ ЛПС, с. 111—112.

¹⁴ Там же, с. 112; ПСРЛ, т. 25, с. 110; т. 1, стб. 437—438.

¹⁵ В 1215 г. Константин даже послал подкрепление в помощь Ярославу в его войне с Мстиславом Мстиславичем за Новгород (ПСРЛ, т. 25, с. 111).

¹⁶ Там же, с. 110; ЛПС, с. 112.

¹⁷ Полное описание содержится только в *С1* и *Н1V* (ПСРЛ, т. 5, 1925 г., с. 193—201; т. 4, с. 186—197); другими словами, это часть предполагаемого «свода 1448 г.». Основным источником этой длинной замечательной повести является, очевидно, несохранившаяся смоленская летопись или рассказ о подвигах Ростиславичей (автор дважды называет смоленских князей «наши князи» и один раз упоминает о грамоте, содержащей запись разговора Юрия с Ярославом перед последним сражением, которую «взяша смоляне по победе»). *Н1* содержит более краткую, но явно современную событиям версию (НЛП, с. 55—57, 254—258), а *М*, *Е*, *Льв* и *Ник* близки в основном к версиям *С1* и *Н1V*, но в них опущена большая часть мест в поддержку Ростиславичей (ПСРЛ, т. 25, с. 111—114). В *Л* только сжато изложены итоги конфликта (ПСРЛ, т. 1, стб. 439—440). Подробный анализ проблем источников по «Повести о битве на Липице» см.: Лурье. Повесть о битве.

¹⁸ ПСРЛ, т. 5, с. 195; т. 4, с. 189; т. 25, с. 112.

¹⁹ Ср., однако: Лурье. Повесть о битве, с. 113.

²⁰ В 1215 г. в Южном Переяславле их брат Владимир взял в жены дочь черниговского князя Глеба, что, возможно, указывает на готовность Юрия и Ярослава искать союзников против Ростиславичей.

²¹ ПСРЛ, т. 5, с. 196; т. 4, с. 190.

²² ПСРЛ, т. 5, с. 198—199; т. 4, с. 193—194 (повторено в *М*). В. Н. Татишев дает числа 17 250 и 2 550 соответственно (Татишев, т. 4, с. 350). Ср.: *Ник*: 17 200 и 550 (ПСРЛ, т. 10, с. 75).

²³ ПСРЛ, т. 5, с. 198—199.

²⁴ Там же, с. 199—200; т. 4, с. 195. Ср.: *Ник*, где числа раздуты до 315 и 90 (ПСРЛ, т. 10, с. 75). В *Н1* числа не приводятся.

²⁵ ПСРЛ, т. 5, с. 201; т. 4, с. 196; т. 25, с. 114; НЛП, с. 56, 257.

²⁶ После ухода в 1214 г. Иоанна, епископа владимирского, суздальского и ростовского, Юрий назначил Симона, настоятеля монастыря Рождества Богородицы во Владимире, епископом владимирским и суздальским, а Константин, в то время княживший в Ростове, рукоположил в сан епископа ростовского своего духовного отца Пахомия. После смерти Пахомия в 1216 г. сан епископа ростовского принял Кирилл I.— См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 438, 439.

²⁷ Упоминается только в *М*, *Е*, *Льв* и *Ник* (т. е., вероятно, фрагменты летописи Юрия), но отсутствует в летописи Константина (*Л*).— См.: ПСРЛ, т. 25, с. 115. По Татишеву, Юрий согласился с тем, что после его смерти Владимир перейдет к старшему сыну Константина (Татишев, т. 4, с. 352).

²⁸ ПСРЛ, т. 1, стб. 442. Татишев добавляет, что младший сын Владимира должен был получить Белоозеро, когда вырастет (Татишев, т. 4, с. 356).

²⁹ ПСРЛ, т. 1, стб. 442—444.

³⁰ Ср. описание Татищевым прибытия во Владимир в 1218 г. епископа полоцкого Владимира (ошибочно указан 1217 г. Датировку см.: *Л*). «Володимер... принес же [Константину] книги многи гречестии от древних учитель, веды бо, яко князь любяще я паче имения всяка» (*Т а т и щ е в*, т. 4, с. 354). Он также говорит, что он купил много греческих книг, которые он перевел, и что его библиотека состояла из более чем 1000 одних только греческих книг (там же, с. 356).

³¹ Он был взят в плен половцами в 1215 г.

³² Только в *Т* и *Ник*: ТЛ, с. 291; ПСРЛ, т. 10, с. 50.

³³ См.: *Т а т и щ е в*, т. 4, с. 340, 341; ПСРЛ, т. 10, с. 60.

³⁴ ПСРЛ, т. 25, с. 116 (под 1219 годом); т. 5, с. 201; т. 4, с. 199. Ср. версию Татищева, согласно которой «югры» (т. е. жители Устюга) с трудом отбили их нападение, но Унжу князья захватили (*Т а т и щ е в*, т. 4, с. 357). Об Унже см.: *К у ч к и н*. Нижний Новгород, с. 235.

³⁵ Очень подробное описание болгарского похода 1220 г. и последующих посольств к Юрию см.: *М* (ПСРЛ, т. 25, с. 116—117), также в *Е* и *Льв*. В *Л* (ПСРЛ, т. 1, стб. 444—445) дается только краткое изложение. Описание географии похода см.: *К у ч к и н*. О маршрутах, с. 42—44.

³⁶ ПСРЛ, т. 1, стб. 445. См.: *К у ч к и н*. Нижний Новгород, с. 236 и далее.

³⁷ *Т а т и щ е в*, т. 4, с. 369; ПСРЛ, т. 10, с. 98; см. также: *К а р г а л о в*, с. 69—70.

³⁸ Ярослав приходился внуком Мстиславу Великому и был женат на осетинской княжне, сестре первой жены Всеволода III.— См. генеалогическую таблицу II.

³⁹ НПЛ, с. 45, 239, 240. Шведы (или датчане, или норвежцы) названы «варягами».

⁴⁰ НПЛ, с. 49—50, 246. Всеволод сказал новгородцам, что, учитывая приближающиеся военные действия («в земли вашей рать ходить»), Святослав слишком юн («...Святослав мал»).

⁴¹ НПЛ, с. 50, 246.

⁴² НПЛ, с. 50, 247, В. Л. Янин (*Я н и н*. Новгородские посадники, с. 118) считает, что казнь некоего Алексея Сбыславича, «приказ» о которой отдал брат Дмитра Мирошкинича, была подстроена Лазарем с целью возбудить негодование сторонниками Мирошкиничей.

⁴³ ПСРЛ, т. 1, стб. 430.

⁴⁴ *Я н и н*, Новгородские посадники, с. 117—118.

⁴⁵ НПЛ, с. 50, 248 (под 1209 годом).

⁴⁶ *Я н и н*. Новгородские посадники, с. 117.

⁴⁷ НПЛ, с. 51, 248.

⁴⁸ Согласно *Н*1, Твердислав был назначен, когда Всеволод послал Ярослава в Новгород (февраль 1208 г.) (НПЛ, с. 51, 248, под 1209 годом). Однако более вероятно, что он стал посадником сразу после веча в ноябре 1207 г.

⁴⁹ Отец Мстислава умер и был похоронен в Новгороде в 1180 г., прокняжив там чуть более шести месяцев (НПЛ, с. 36, 226).

⁵⁰ НПЛ, с. 51, 249 (под 1210—1211 годами, но см.: *Б е р е ж к о в*, с. 255—256).

⁵¹ *Т а т и щ е в*, т. 4, с. 340. Но см. также последующее послание Всеволода Мстиславу (НПЛ, с. 51, 249).

⁵² О событиях зимы 1208/09 г. путанно и противоречиво рассказывается в трех различных сообщениях: *Н*1; ЛПС (под 1212 годом) и *М* (под 1208 годом); *Л* (под 1209 годом). См.: НПЛ, с. 51—52, 249; ЛПС, с. 69; ПСРЛ, т. 25, с. 107; т. 1, стб. 435. См. также: *Т а т и щ е в*, т. 4, с. 340—341.

⁵³ НПЛ, с. 52, 249 (под 1211 годом, но см.: *Б е р е ж к о в*, с. 256).

⁵⁴ «Приде Дмитр Якунищ из Руси (Смоленска?), и съступися Твърдислав посадничества по своен воли старейшу себе» (НПЛ, с. 52). В. Л. Янин, принимая дату 1211 г., считает это свидетельством нового порядка старейшинства среди боярских группировок, признаком согласия между боярами (*Я н и н*, Новгородские посадники, с. 124—125). Более вероятной датой, по нашему мнению, является 1209 г. (запись, следующая непосредственно за описанием соглашения между Мстиславом и Константином).

⁵⁵ НПЛ, с. 51, 249.

⁵⁶ Там же, с. 52, 250.

⁵⁷ Там же, с. 57, 258.

⁵⁸ Два в 1210 г. (НПЛ, с. 52, 250, под 1212 годом), один в 1212 г. (НПЛ, с. 52—53,

251, под 1214 годом), один в 1216 г. (ПСРЛ, т. 5, с. 201; также в *НIV*, *М* и *Ник*, но не упоминается в *НI*) и один в 1217 г. (НПЛ, с. 57, 258).

⁵⁹ См.: Ша с ко ль с к и й, с. 4.

⁶⁰ Во время совместного новгородско-псковского похода под началом Владимира Мстиславича из Пскова и Твердислава против Медвежьей Головы (Otenpää, Odenpääh), расположенной в 120 км к западу от Пскова (1217 г.), эстонцы попросили немцев о помощи. В последовавшем бою новгородцы убили двух немецких *воевод* (рыцарей?) и одного захватили в плен (НПЛ, с. 57, 258).

⁶¹ В 1225 г. или в начале 1226 г. Владимир помог защитить Торжок от литовского нападения: он вполне еще мог находиться в Пскове в это время (НПЛ, с. 64, 269, но см.: Ра по в, с. 182). В 1212 г. Владимир был временно заменен в Пскове Всеволодом, сыном киевского князя Мстислава Романовича, но в 1216 г. вернулся (НПЛ, с. 52, 53, 55, 250, 251, 255).

⁶² Там же, с. 53, 252. Ср. *Ник*, согласно которой «новгородци... хотяше господина князя своего от себя изгнати», поскольку он был «зело смыслен и мужествен» для них (ПСРЛ, т. 10, с. 67).

⁶³ В 1214 г. в Северном Переславле Ярослав женился на Ростиславе, дочери Мстислава (ЛПС, с. 111).

⁶⁴ Об этом сообщает только в *М* (повторено в *Е*, *Льв* и *Ник*), согласно которой Мстислав призвал своих родичей Владимира Рюриковича «ис (Южного) Переяславля» и Всеволода Мстиславича «ис Киева» помочь ему отобрать Новгород у Ярослава.— См.: ПСРЛ, т. 25, с. 110—111.

⁶⁵ НПЛ, с. 53—55, 252—254; всего было арестовано «более 2000».

⁶⁶ Упоминается только в *М* (повторено в *Е* и *Льв*). Юрий послал своего брата Святослава и своего воеводу Михаила Борисовича, а Константин послал своего сына Всеволода (ПСРЛ, т. 25, с. 111).

⁶⁷ То, что Митрофан был сторонником Ростиславичей, можно понять по событиям 1207 г.— именно он помешал новгородцам бросить тело бывшего посадника Дмитра Мирошкинича в Волхов. Заметим также, что, когда в 1218 г. просудзальски настроенный Твердислав потерял должность, Митрофан был восстановлен.— См.: НПЛ, с. 57—59, 259—260.

⁶⁸ «Того же [1210] лета, на зиму, месяца генваря въ 22... злодеи испърва не хотя добра, зависть въложи людъм на архиепископа Митрофана с князьм Мьстиславомъ, и не даша ему правитися и ведоша и [его] в Торопць... Тъгда же быше пришъл, преже изгнания Митрофана архиепископа, Добрыня Ядренковиц из Цесаряграда [Константинополя]... а сам пострижеся на Хутине у святого Спасе... и послаша и в Русь [т. е. в Киев] ставитъся [на посвящение в сан]; и приде поставлен [как] архиепископ Антониин...» (НПЛ, с. 52, 250).

⁶⁹ НПЛ, с. 53, 251.

⁷⁰ Там же, с. 57, 258—259.

⁷¹ Там же, с. 58, 259.

⁷² Там же, с. 58—59, 259—260.

⁷³ Там же, с. 59, 260.

⁷⁴ Там же, с. 60, 261. В летописи не дается никаких объяснений этой перемены.

⁷⁵ Там же, с. 60, 261. О Митрофане и Антонии см.: Хорошев, с. 41 и далее.

⁷⁶ Записи в *НI* под 6728 (1220—1221) годом покрывают события 1219 г. (за исключением пострижения Твердислава в монахи 8 февраля 1220 г.). Одна запись под 6729 (1221—1222) годом об уходе Всеволода относится к 1221 г.— См.: Б е р е ж к о в, с. 260—261.

⁷⁷ НПЛ, с. 60, 262.

⁷⁸ В 1221 г. был послан 7-летний сын Юрия Всеволод; зимой 1222/23 года он «побеже в ночь утаивъся из Новгорода с всем двором своимъ», и его заменил брат Юрия Ярослав. В 1223 г. Ярослав оставил Новгород, и Всеволод был послан обратно только для того, чтобы в этом же году снова бежать.— См.: *НI*, под 1222/23 годом (НПЛ, с. 61).

⁷⁹ НПЛ, с. 61, 263.

⁸⁰ Это особенно относится к *НI*, которая дает большую часть сведений об этом периоде. Некоторые записи были, конечно, утрачены, но большинство новгородских «кризисов» описаны свидетелем с неподдельной выразительностью.

⁸¹ Например, в 1207 г. Константин легко убедил новгородцев идти походом против Чернигова во время посадничества Дмитра; Мстислав убедил их присоединиться к нему в походе опять-таки против Чернигова, когда посадником был Твердислав.

ТАТАРСКИЕ НАШЕСТВИЯ

Первое нашествие 1223 года

Обширная Татаро-монгольская¹ империя Чингис-хана была создана за очень короткое время. В начале XIII века племена кочевников, населявших северную часть теперешней Монголии и земли вокруг озера Байкал, не имели какой-либо формы политического объединения. Однако в 1206 году собрание вождей различных родов, *курултай*, назначило верховным правителем главу одного из монгольских племен, Тимучина, который подчинил себе основные племена татар, кераитов и найманов. Ему было дано имя и звание Чингис-хан. Завершив объединение и организацию военных сил, Чингис-хан начал свой великий поход на Северный Китай. Война продолжалась, то затухая, то разгораясь с новой силой, в течение двадцати лет; к 1215 году Пекин был в руках монголов и большая часть Северного Китая и Маньчжурии находилась под монгольским правлением. После завоевания королевства Кара-Китай в Центральной Азии монголы захватили огромную, но раздробленную Хорезмскую империю Мухаммеда II, охватывавшую территорию современных Узбекской, Таджикской и Туркменской союзных республик, а также Афганистан и большую часть Ирана. Дойдя до Азербайджана, самого западного района Хорезмского государства, военачальники Чингис-хана Джебе и Субедей попросили великого хана разрешить им продвинуться дальше на север и нанести удар по «западным землям». Пока Чингис-хан со своими тремя сыновьями, Джучи, Чагатаем и Угедеем, завершали завоевание Хорезмских земель, Джебе и Субедей разгромили Азербайджан и Грузию и двинулись на Северо-Кавказскую равнину. Там во второй половине 1222 года они столкнулись с *аланами* (осетинами) и *кипчаками* (кочевыми племенами половцев). Арабский историк Ибн-ал-Асир (1160—1233) сообщает, что, хотя осетины и половцы объединились для сопротивления монголам, тем удалось разбить этот союз с помощью простого приема, позднее, в 1223 году, повторенного в неудачной попытке внести раскол между русскими и половцами. К кипчакам были направлены послы с подарками, призывавшие их отставить осетин на том основании, что монголы и кипчаки были «одного рода», тогда как осетины — из другого племени. Уловка подействовала, и монголы сначала наголову

разгромили осетин, а затем своих «братьев по крови» — кипчаков². Взяв в начале 1223 года Судак (Сурож) на южном побережье Крыма, монголы, по-видимому, перегруппировались в южнорусских степях Дешт-и-Кипчак перед тем, как продолжить нанесение удара по «западным землям».

Создается впечатление, что русские либо ничего не знали о походах и завоеваниях полчищ Чингис-хана, либо не делали об этом записей, по непонятным причинам игнорируя военные успехи татаро-монголов. Весть о том, что в южных степях появился новый враг, Мстиславу Мстиславичу в Западный Галич принес его тесть хан Котьян, чьи кочевья располагались, вероятно, недалеко от самой восточной излучины Днепра³. Через короткое время русские потерпели свое первое поражение от татар.

События 1223 года описаны во многих русских источниках⁴. Некоторые из них очень подробны, точны, изобилуют фактами; другие черпают сведения из вторых рук. Летописи, воспроизводящие эти источники, часто основаны на двух и более из них, и хотя они могут противоречить друг другу в каких-то деталях и часто несут на себе печать местнических интересов, тем не менее они дают неискаженные сведения из локальных летописей тех районов, которые были вовлечены в события 1223 года.

Всего сохранилось четыре летописи, отражающие древнейшие описания. Самая краткая из четырех (летописец Переславля Суздальского) воспроизводит в смягченном виде несохранившуюся киевскую княжескую летопись и в то же время отчасти отражает взгляды летописцев Владимира и Ростова на события, до которых им не было особенного дела, или по крайней мере они так считали. Новгородская Первая летопись содержит значительно более полную версию Киевской летописи, но, естественно, ничего не сообщает об отношении к происходящему новгородцев, поскольку они не принимали никакого участия в совместном походе на восток. Тон рассказа опять-таки довольно нехарактерен для стиля новгородских летописей: настроение апокалиптического смирения, полное отсутствие враждебности к татарам, особенно подчеркивание роли бога в нашествии татар («придоша паки попущени богом»), горький антиполовецкий тон⁵ — все это больше подходит для стоявшего на пороге катастрофы Киева, граничившего со степью, чем для процветавшего торгового Новгорода. Юго-западная Ипатьевская летопись дает контaminaцию рассказов, где заметны суждения летописцев Черниговского княжества и Волынской земли; подвиги местных князей Даниила и Василька легли в основу второй половины летописи⁶. Подвиги Даниила и его западнорусских соотечественников (особенно доблестного Мстислава Ярославича из Луцка), исходя из того, что мы уже знаем, вполне могли быть плодом воображения летописца; но подчеркивание роли Мстислава Святославича, наследовавшего после своего брата Глеба княжеский престол в Чернигове, и значительное внимание, уделяемое черниговскому княжеству и его мелким князькам, не оставляют сомнений в том, что рассказ, содержащийся в Ипатьевской летописи, основан в первую очередь на еще одной несохранившейся

летописи, а именно черниговской. Интересно отметить, что в ней нет и следа христианского смирения или предчувствия неминуемого апокалиптического бедствия, присущих киевской летописной традиции. Не предпринимается никаких попыток оправдать татар (в первых словах они названы «безбожными моавитами», а их «лживость» подчеркивается в заключительных эпизодах) или же очернить половцев — их «великий князь Бастый», кто бы он ни был, даже изображается принимающим христианство во время приготовлений к бою. Таким было типичное отношение к событиям западнорусского летописца. Удаленность Волынской и Галицкой земель позволяла ему относиться к половцам без злобной враждебности; и хотя географическое положение Западной Руси не смогло защитить ее от захвата семнадцатую годами позже, тем не менее оно освободило священников этих земель от необходимости раболепствовать перед татарами.

Четвертая летопись, отражающая подлинное описание событий 1223 года,— это Софийская Первая, которая, как и несколько сокращенная версия в Новгородской Четвертой летописи, происходит от предполагаемого свода 1448 года. Как видно из стеммы (см. приложение 1), этот сравнительно поздний свод восходит в свою очередь к более ранним источникам. Однако он также основан на еще одной несохранившейся летописи, смоленской, поскольку, как и в рассказе о битве на реке Липице в 1216 году, он сосредоточен в первую очередь на описании действий Ростиславичей в период до, во время и после похода.

Таким образом, мы располагаем свидетельствами всех основных заинтересованных сторон: Киева, Чернигова, Волынской и Галицкой земель, Смоленска, а также, возможно, Владимира и Ростова⁷. Необходимо, конечно, помнить, что все эти описания создавались в первую очередь личными летописцами князей и отражали пристрастия, неприязнь и интересы каждого из них. Однако при сопоставлении этих запутанных свидетельств возникает ясная картина того, что в действительности произошло.

Как только вести о степном нашествии достигли Западного Галича, Мстислав Мстиславич, впечатленный щедрыми дарами своего тестя («кони, и вельблуды, и буволы, и девкы»⁸) и предсказаниями грядущих бедствий, созвал в Киеве, традиционном для южнорусских князей месте сбора, военный совет. Три сильнейших князя: Мстислав Мстиславич из Галицкой земли, Мстислав Романович из Киева и Мстислав Святославич из Чернигова — приняли решение о том, что русские и половцы должны двинуться на восток в степь и напасть на врага там, где встретят его, а не ожидать его появления по эту сторону Днепра («Луче ны [нам] бы есть приняти я [их] на чюжей земле, нежели на своєю»⁹). Основное войско пошло на юг до Заруба на западном берегу Днепра, как раз напротив Переяславля¹⁰. Здесь князей встретили татарские послы, которые пытались отговорить их от сражения и убедить в том, что врагами татар были не русские, а исключительно половцы. Слова, вложенные в уста татарских послов новгородским летописцем, большей частью выдуманы и соответствуют лишь точке зре-

ния, слишком хорошо известной по ранним русским летописям (национальные бедствия — это следствие божьего гнева, а, значит, нашествие — это «кара божья»), но тем не менее они выражают нежелание татар ввязываться в крупную войну с русскими и вторгаться в земли к западу от Днепра. «Се слышим, оже идете противу нас, послушавше половць; а мы вашей земли не заяхом, ни город ваших, ни сел ваших, ни на вас придохом, нъ придохом Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья половче; а вы возьмите с нами мир; аже [половцы] выбежать к вам, а биете их оттоле, а товары емлите к себе: занеже слышахом, яко и вам много зла створили; того же дея и мы бием»¹¹. Послы были казнены, и войско, усиленное подкреплениями из Смоленска, Чернигова и Галицкой земли, двинулось дальше на юг, к Протоочам, важнейшей переправе в самой восточной излучине Днепра, где дружину встретил второй разъезд татарских послов. Князя еще раз выслушали клятвенные заверения в том, что русские не враги татарам, и получили туманное предупреждение: «А есте послушали половць, а послы наша есте избии, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы вас не заяли, да всем [будет судьбою] Бог»¹². На этот раз русские отпустили посланников.

Переправа через Днепр, стычки и бои с татарскими заставами, девятидневный¹³ переход на восток через степь, главное столкновение 31 мая на Калке (вероятно, приток реки Калмиус, впадающей в Азовское море к западу от Дона), героическая последняя схватка и гибель Мстислава Романовича и двух других князей, отказавшихся отступить, когда положение разгромленных русских и половецких сил стало очевидным, измена *бродников* (см. прим. 22), предавших Мстислава Романовича, бегство русского войска, преследуемого татарами до Днепра, захват Новгорода Святополча на западном берегу Днепра и откат татар на восток — все эти события описаны с различной степенью точности, ясности и связности в четырех основных летописных рассказах. Несмотря на первые успехи русских передовых отрядов, русско-половецкое войско было разбито и понесло большие потери в живой силе. Нет никаких сведений о разрушенных в княжестве Южного Переяславля городах или деревнях, по территории которого, по всей видимости, татары преследовали отступавших русских. В единственном месте, где татары переходили Днепр, — у брода возле Новгорода Святополча к югу от Киева¹⁴ — они убили только жителей города и не пытались захватить крепость.

Каков был размах военных действий? Почему русские потерпели поражение? Объясняется ли это военным искусством татар, элементом внезапности, неготовностью русских и половцев, меньшей численностью их войска? Источники, к сожалению, не дают возможности однозначно ответить на эти вопросы. Описания сражений, как правило, даны при помощи стандартных оборотов, никаких деталей не сообщается, стиль изложения — бесстрастный, сухой, невыразительный, что тоже характерно для описания военных действий в ранних русских летописях. Количественные данные также

чисто условны и явно преувеличены: 500 человек из Смоленска вошли в основное войско¹⁵, первыми через Днепр переправились с Мстиславом Мстиславичем 1000 человек¹⁶, 10 000 киевлян погибло¹⁷, только один из каждых десяти рядовых русских воинов остался жив¹⁸. Так что из этих сведений ничего нельзя узнать о масштабе военных действий.

Однако некоторые косвенные данные все же обнаруживаются. Мы знаем, например, сколько князей принимало участие в походе и какие земли послали свои дружины: три Мстислава (из Галицкой земли, Киева и Чернигова), по-видимому, выставили основную часть войска; кроме того, Владимир Рюрикович из Смоленска, Даниил Романович из Волынской земли, сын киевского князя Мстислава Всеволод, Мстислав Ярославич из Луцка — все приняли участие и прислали дружины. Мелкие районы Черниговского княжества (Курск, Трубецк и Путивль) тоже послали какие-то силы, были также дружины из Галича (посланные независимо от Мстислава Мстиславича), Турово-Пинска и, вероятно, из ряда других городов. Иными словами, оказывается, что если не все, то большинство южных и западных княжеств участвовало в походе, не говоря уже о половцах, которые приняли на себя основную тяжесть первого удара татар. Подозрительно отсутствие дружин из Новгорода и Пскова, не упоминаемых ни в одном из источников, но более всего — из Суздальской земли. Одна из летописей, Ипатьевская, подчеркивает, что «Юрья же князя великого Соуждальского не бы»¹⁹ на военном совете в Киеве. Однако местный летописец Суздальской земли сообщает, что было направлено обращение к великому князю владимирскому и что Юрий послал чисто символическую дружину на юг под началом Василька Константиновича из Ростова. Не исключено, однако, что это лишь плод его воображения и не более чем попытка спасти честь Всеволодовичей и изменить впечатление об их полной бездеятельности: «силы» Василька не встретились с союзниками, и, как только Васильку узнал о разгроме, он «възвратися от Чернигова» — самая южная точка, которой он достиг, — «схранен Богомъ и силою креста честнаго и молитвою [покойного] отца своего Костянтина и стрыя (дяди) своего» Юрия²⁰. Не стоит и говорить, что ни в одном другом источнике «вклад» Суздальской земли не упоминается.

В летописях дается только один ключ к пониманию неудачи русских сил, а именно в рассказе из Ипатьевской летописи, где упоминается о «великой вражде» между тремя ведущими Мстиславами. Прямо перед последним сражением на Калке Мстислав Мстиславич приказал Даниилу Волынскому перейти реку и ударить по позициям татар. Когда он отдавал приказ идти в бой, «Мъстиславу [Романовичу Киевскому] же и другому Мъстиславу [Святославичу Черниговскому] сидящима въ стану (в боевом лагере) не ведущема. Мстислав [Мстиславич] же не поведает (не сообщил) има зависти ради, бе бо котора (распря) велика межю ими»²¹. Даже допуская направленность этой части Волыньско-Галицкой летописи против Мстислава Мстиславича — в конце концов правление Мстислава в Галиче в 1219—1227 годах было больше похоже на бедствие

с точки зрения тех, кто поддерживал Даниила и Василька Романовичей, — очевидно, что отсутствовало так необходимое в походе единство между тремя ведущими военачальниками. Если добавить к этому отсутствие единого командования войском, предательство *бродников*²², неспособность половцев выстоять под натиском татар²³, неподготовленность русских и несогласованность действий многочисленных отрядов, то становится понятным (по крайней мере отчасти), почему русские потерпели поражение.

Трудно оценить людские потери хоть с какой-нибудь степенью точности. Сообщение Новгородской Первой летописи о гибели каждого десятого в русском войске является, очевидно, преувеличением, и его можно не принимать во внимание; явно легендарны и устные известия («они говорят, что...») о гибели в сражении 10 000 киевлян. Однако один из источников, Новгородская Первая летопись, дает некоторое представление о потерях, перечисляя имена погибших князей: двое из рода Ростиславичей (киевский князь Мстислав Романович и Святослав из Канева²⁴, вероятно, сын Ростислава Рюриковича²⁵), двое из Ольговичей (Мстислав Святославич из Чернигова и его сын Дмитрий), двое князей из Западной Руси (Изяслав Ингваревич и Святослав из Шумска, возможно, сын или внук Ингваря Ярославича²⁶), двое, вероятно, из района Турова и Пинска (Александр из Дубровицы, убитый вместе с Мстиславом из Киева, и Юрий из Несвижа²⁷) и один неизвестно из какой местности, зять киевского князя Мстислава Андрей. Поскольку названные девять князей составляют половину тех, о чьем участии в битве сообщается²⁸, мы можем сделать допущение, что в целом потери русских были ненамного меньше половины общей численности войска.

Что касается половцев, то первое татарское нашествие и битва на Калке фактически положили им конец как силе, с которой следует считаться на южных и юго-восточных границах Руси. Правда, хан Котян, как сообщается, принимал участие в военных действиях на западе Руси в 1225 и 1228 годах, помогая сначала Мстиславу Мстиславичу, а затем Даниилу²⁹, и половцы помогли Ольговичам вернуть Киев в 1235 году. Но это были два исключительных случая, и к середине 30-х годов XIII века преобладанию половцев в южнорусских степях, по всей видимости, пришел конец³⁰.

Судя по всем доступным источникам, первое татарское нашествие незначительно повлияло на русские княжества. Суздальская земля вообще не была затронута, то же самое относится к Новгороду и Пскову. Соотношение сил на юге осталось в точности таким же, как и прежде: Мстислава Киевского и Мстислава Черниговского заменили соответственно Владимир Рюрикович Смоленский и Михаил Всеволодович. Мстислав Мстиславич и Даниил Романович крепко засели у себя в Галицкой и Волынской землях.

Но вот что нам кажется совершенно необъяснимым — это отсутствие признаков обеспокоенности у летописцев того времени. В конце концов, это был новый враг, первый новый враг, появившийся в южных степях за последние полтора столетия. Правда, в Суздальской и Новгородской летописях описания событий 1223 го-

да предваряются риторическим введением, в котором видно замешательство автора по поводу происхождения захватчиков и цитируется так называемое «Откровение Мефодия Патарского» («Тако бо Мефодии речет, яко къ скончанью временъ явитися тем, яже загна Гедеон, и попленьти всю землю от востока до Ефранта и от Тигръ до Понетьскаго моря, кроме Ефиопья»³¹), но эти слова цитировались и раньше одним из составителей раннекиевской Начальной летописи³². Целью летописцев было при помощи этого введения привлечь внимание к безбожию половцев («Много бо зла твориша ти оканьнии половци Русьской земли, того ради всемилостивыи Бог хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы куманы [половцы]»), а не предупредить русских князей о новой степной угрозе.

Печальные события 1223 года оставили у русских ощущение, что татары как бы растворились в степи. «Татари же възвратившася от реки Днепря; и не съведаем, откуда суть пришли и кде ся деша опять: бог весть, отколе приде на нас за грехы наша»³³. Русские расценили происшедшее как еще одно степное нашествие, которое по крайней мере принесло ту пользу, что нейтрализовало половцев. Прошло четырнадцать лет, прежде чем новый враг снова появился у порога.

Период передышки 1223—1237 годов

На Руси период между двумя татарскими нашествиями был во многом схож с первыми двадцатью тремя годами XIII столетия. Вряд ли его можно назвать эпохой роста или процветания и уж, конечно, не временем мирного объединения. Правда, счастливое исключение составил северо-восток Руси, где годы, следовавшие за смертью Всеволода III, не были омрачены бесконечными стычками: Владимир, Ростов, Ярославль, Юрьев Польский не были вовлечены в междоусобные войны. Киев оставался в руках князя из рода Ростиславичей, Владимира Рюриковича, с того момента, когда он в 1223 году сел на этот престол вместо своего дяди, и до 1235 года. Рязань, правда, тоже не страдала ни от междоусобных войн, ни от внешних нападений. Новгород же оставался яблоком раздора между княжескими родами; местные боярские группировки продолжали бороться за власть. Большая часть этого периода была отмечена распрями между братом великого князя Юрия Ярославом из Северного Переславля и новоявленным победителем из возрожденного Чернигова Михаилом Всеволодовичем. В результате за несколько лет, предшествовавшие второму татарскому нашествию, многие князья и большинство южных княжеств: Киевское, Черниговское и, особенно, Галицкая земля — были вовлечены в жестокую непрекращающуюся междоусобную борьбу, которая ослабила их политически и сделала два из них, Черниговское и Киевское, легкой добычей для любого захватчика.

Источники ставят перед нами новые проблемы по сравнению с

предыдущим периодом. Две основные летописи, из Суздальской земли и Новгорода, как обычно, несут на себе отпечаток узкой ограниченности и отражают либо интересы князей Владимира и Ростова, либо местный новгородский подход. Правда, в них есть фрагменты, как и в более поздних летописях, выражающие интересы других центров: Северного Переславля, например (местная летопись которого доведена до 1214 года), и иногда Чернигова и Киева. Но не сохранилось и следа от летописания Рязани, Смоленска и Южного Переяславля этого периода. Для изучения их истории мы можем только положиться на случайные и косвенные замечания летописцев Суздальской земли и Новгорода того времени, но при этом должны тщательно оценивать каждое сообщение, учитывая политические интересы летописца. Описывая события на юго-западе Руси, Ипатьевская летопись рисует нам большей частью несвязную и тенденциозную картину борьбы за власть между русскими, венграми и поляками и постепенного возвышения двух героев летописца, Даниила и Василька Романовичей, и их полного утверждения в Волынской и Галицкой землях.

Суздальская земля в 1223—1237 годах явно демонстрировала значительно большую политическую сплоченность, чем любое другое из княжеств. Возможно, это связано с тем фактом, что она не принимала участия в событиях 1223 года, не понесла потерь в живой силе, не лишилась своих князей и не испытывала значительного внешнего военного давления — единственным противником суздальцев была мордва, населявшая территорию между Волгой и низовьями Оки к востоку от Муромы и Рязани, против которой Юрий время от времени предпринимал небольшие карательные походы³⁴. Не исключено, что своей стабильностью Суздальская земля обязана мудрой политике или счастливой звезде своего великого князя — Юрия крепко держался в седле в течение всего этого периода. Никто, за исключением, может быть, в какой-то момент его брата Ярослава, не оспаривал его первенства. Три племянника Юрия на севере, Василько Ростовский, Всеволод Ярославский и Владимир Угличский, не причиняли ему беспокойств и без колебаний подчинялись его воле. Они ходили с Юрием или его братом Ярославом в походы³⁵, вступали в династические браки, задуманные для расширения политического влияния великого князя³⁶, а однажды один из них принял правление в отдаленном княжестве³⁷. И с братьями у Юрия почти не было проблем. О самом младшем, Иване, мы знаем только, что он участвовал в 1226 году в походе против мордвы со своим старшим братом Святославом³⁸. Последний княжил в своей вотчине в Юрьеве Польском в течение всего этого периода, исключая год или около того, проведенный в Южном Переяславле, куда его послал Юрий в 1228 году³⁹. Только однажды покой Юрия был потревожен — это произошло в 1229 году из-за его брата Ярослава, который, «усумнеся [в намерениях] брата своего Юргия слушая неких льсти», привлек на свою сторону трех князей из Ростова с целью «противитися» Юрию. Поскольку единственные сведения об этом внутреннем конфликте мы нахо-

дим в личной летописи Юрия, то невозможно выяснить, что послужило причиной этого или какие формы приняло «сопротивление». Так или иначе, вскоре ссора была улажена. Юрий созвал в Суздале совет («снем»), на котором Ярослав и три его племянника «целоваша крест» в знак преданности Юрию, признавая его «отцом себе и господином»⁴⁰, — т. е. произнесли те же слова, с какими в 1203 году Роман Волынский и Галицкий обратился к Всеволоду III.

Связи Юрия с Новгородом относятся к первым годам рассматриваемого нами периода. Они упоминаются только в Новгородской летописи (личная летопись Юрия, Лаврентьевская, об этом молчит), но эти сообщения имеют столь обтекаемую форму, что можно только гадать, что же на самом деле происходило и каковы причины этих событий. Напомним, что зимой 1222/23 года восьмилетний сын Юрия Всеволод, посланный княжить в Новгород в 1221 году, «побежа в ночь утаивъся, из Новагорода, с всем двором своимъ». Всеволода заменил его опытный брат Ярослав, который (вероятно, в результате ссоры с местными властями) также покинул город в конце 1223 года. Снова был послан Всеволод, и снова он бежал «в ночь, утаивъся, с всем дворомъ своимъ»⁴¹. На этот раз Юрий предпринял более серьезные шаги по отношению к непокорному городу. Он соединился со своим сыном в Торжке; с ним пришли его брат Ярослав, его племянник Василько из Ростова и его шурина Михаил Всеволодович из Чернигова⁴². Юрий, Василько и Михаил явились каждый с дружиной, что позволило им вести переговоры с позиции силы. Юрий потребовал выдачи ряда новгородских бояр — тех, по-видимому, кто действовал против Всеволода и Ярослава. Новгородцы отказались, заявив, что они готовы «умрети за святую Софию (Новгородский собор) о посаднице о Иванце о Дмитровици». В результате был достигнут компромисс. Никто из бояр выдан не был, а новгородцы согласились заплатить дань и принять к себе князем Михаила⁴³. С тех пор Юрий перестал иметь какие-либо дела с Новгородом. В последовавшие девять лет борьба за этот город разворачивалась между Ярославом из Северного Переславля и Михаилом Черниговским. Юрий, если судить по его летописи, больше не стремился посадить своего сына в Новгород.

Отношения Юрия с князьями Южной Руси были мирными. Его дружественные связи с Ольговичами из Чернигова восходят к договору 1210 года между его отцом Всеволодом III и черниговским князем Всеволодом Черным и к женитьбе Юрия на дочери Всеволода Черного в 1211 году (см. прим. 42). С тех пор ничто не нарушало этот союз с родом его жены, более того, он укреплялся не только дальнейшими династическими браками⁴⁴, но также военным и дипломатическим выступлением Юрия на стороне своего шурина⁴⁵. Ни в летописи Юрия, ни в какой другой мы не находим сообщений о каких-либо враждебных действиях, совершенных Юрием против Михаила⁴⁶ или Михаилом по отношению к Юрию.

Насколько можно видеть, отношения Юрия с Ростиславичами были такими же дружественными, как и с Ольговичами. Действи-

тельно, до начала междоусобной войны в 1235 году Ростиславичи почти не проявляли враждебности по отношению к кому-либо из русских князей и не пытались расширять свои территориальные владения. В течение всего этого периода единственный акт агрессии со стороны одного из Ростиславичей был совершен внутри самого этого рода — в 1232 году Святослав Мстиславич силой взял Смоленск, изгнав оттуда князя, наследовавшего в 1230 году Мстиславу Давидовичу⁴⁷. Ростиславичи, по-видимому, мирно передали Южный Переяславль Юрию, когда он в 1227 году послал туда княжить своего племянника Всеволода Константиновича⁴⁸. Три года спустя женитьба сына Юрия на дочери Владимира укрепила дружбу между ними⁴⁹. При необходимости Ростиславичи проводили совместные военные действия против внешних врагов⁵⁰. Киевский князь Владимир дважды по разным поводам посылал митрополита Кирилла с миротворческой миссией: первый раз в 1226 году, чтобы помочь Юрию уладить ссору и заключить перемирие между Михаилом Черниговским и курским князем Олегом (см. прим. 45), а второй раз — в 1230 году, чтобы попытаться предотвратить войну между Михаилом и Ярославом⁵¹. Дружественные отношения существовали даже между Владимиром и Михаилом: в 1228 году, например, Владимир пошел вместе с Михаилом в поход против Даниила из Волынской земли. Этот поход завершился заключением мира между всеми тремя князьями⁵². Только однажды возникла опасность конфликта, когда в 1231 году Михаил, попытки которого удержаться в Новгороде были пресечены Ярославом, собиравшимся пойти на Киев. Владимир обратился к Даниилу за помощью: «Идти на мя Михаил, а помози ми, брате». Даниил выступил миротворцем, и войны не было⁵³. В том же году в Киеве состоялся грандиозный совет, на который прибыли три представителя от Ростиславичей и три — от Ольговичей. На этом совете, вероятно, мир Даниила был утвержден⁵⁴.

Истинной причиной межкняжеских раздоров в период между татарскими нашествиями снова был Новгород. Но ситуация уже несколько изменилась. Снова боярские группировки разделились между двумя претендентами на княжение в Новгороде, на этот раз между князем Северного Переславля Ярославом и Михаилом Черниговским. Но, несмотря на внутренние противоречия между группировками, можно проследить признаки согласованных усилий бояр по ограничению княжеской власти и усилению влияния новгородских ставленников, таких, как посадник и *тысяцкий*. Новгородцы, конечно, не могли (и знали, что не могли) обойтись без князя, поскольку именно он обеспечивал Новгороду защиту от многочисленных врагов с запада: немцев, шведов, литовцев, чуди (эстонцев) и еми (финнов). По непонятным нам причинам Новгород был не способен самостоятельно собрать достаточно сильное войско для отражения нападений на его границы, не говоря уже об ответном вторжении на вражескую территорию. Именно в этот период нападения с запада участились: за десять лет — с 1224 по 1234 год — на Новгород совершались многократные набеги (некоторые из них

глубоко проникали на новгородскую территорию), организовывались и ответные походы русских. Князь и его дружина были основной ударной силой новгородской обороны, и чем больше князю приходилось сражаться, тем менее привлекательным становился Новгород для княжения. Фискальные, сеньориальные и торговые доходы (о которых, к сожалению, мы не знаем никаких подробностей) сохраняли, конечно, свою притягательную силу, но тяжесть оборонительных функций, возлагавшихся на князя, и растущее сопротивление бояр заставляли претендентов на княжение призадуматься. Итак, складывается такая картина: князь предпочитает жить в своей вотчине, оставляя вместо себя сына в качестве символического правителя, и возвращается в Новгород только тогда, когда военное положение настоятельно требует его присутствия. В то же время мы видим, что бояре **требуют** от князя выполнения его военных обязанностей: в 1230 году, например, сыну Михаила Ростиславу было предложено покинуть территорию Новгорода, поскольку Михаил, находившийся в далеком Чернигове, не смог выполнить своих обязательств. «Какое отец твои,— было заявлено Ростиславу,— рекл был ввести на коне на воину с Въздвигиени [14 сентября] и крест целовал (т. е. поклялся сделать это), а се уже Микулин день [19 декабря]... Поиди прочь, а мы себе [другого] князя промыслим»⁵⁵.

Начиная с 1224 года, когда Юрий заставил Новгород принять Михаила, и до 1233 года, когда Ярослав окончательно расправился со сторонниками Михаила в Новгороде, «Ярославль двор» (княжескую усадьбу в Новгороде) занимали не менее чем пять разных князей — Михаил и его сын Ростислав, Ярослав и два его сына, Федор и Александр. Это шараханье между двумя семьями можно в значительной степени объяснить открытой враждой между Ярославом и Михаилом в течение большей части интересующего нас периода. В 1229 году, например, Михаил, ставший во второй раз князем в Новгороде и почти сразу же отбывший в Чернигов, оставив вместо себя княжить своего сына, потребовал от Ярослава освободить входившую в новгородскую территорию область Волока Ламского. Это требование было категорически отвергнуто⁵⁶. А в 1231 году Ярослав, снова восстановленный в Новгороде, пошел со своей и новгородской дружинами на города Серенск и Мосальск в северной части Черниговского княжества⁵⁷.

Но основная причина постоянной смены князей в этом городе заключалась в противоречиях между новгородскими боярами, в соперничестве двух группировок. С одной стороны, были бояре, ведомые сначала Иванком Дмитриевичем, принявшим должность посадника в 1219 году, а затем Степаном Твердиславичем, сыном старого просудзальски настроенного посадника Твердислава. Эта группа твердо поддерживала Ярослава и его сыновей. Им противостояли Внезд Водовик, ставший посадником вместо Иванка Дмитриевича, когда последний в 1229 году бежал к Ярославу, его братья Михаил и Даньслав, его сын Глеб и Борис Негочевич, ставший *тысяцким* в 1229 году,— это были основные сторонники Михаила.

Их противоборство (летописцы использовали слово *распри*) вы-

ливались в городские восстания (*мятежи*), последнее и самое серьезное из которых прямо привело к замене сына Михаила Ярославом. История этого *мятежа*, подробно описанная в Новгородской Первой летописи, прекрасно показывает связь с феодальной *распрей* Ярослава и Ольговичей. В 1229 году после участвовавших волнений в Новгороде, последовавших за неудавшейся попыткой Ярослава призвать новгородцев и псковитян идти с ним в поход против Риги, Михаил был приглашен на княжение. Он прибыл весной в 1229 году, и вскоре должность посадника перешла в другие руки: от Ивана Дмитриевича, который немедленно бежал к Ярославу, к Внесду Водовику⁵⁸. Поздним летом 1230 года, однако, сразу же после очередного прибытия в Новгород, Михаил, как он это обычно делал, отправился в Чернигов⁵⁹ и оставил вместо себя «править», если так можно выразиться, своего пятилетнего сына Ростислава. Боярская оппозиция созвала вече против Водовика и его приверженцев. Те в свою очередь не замедлили выступить против сторонников Ярослава. Город был охвачен волнениями, начались грабежи; один из сторонников Ярослава бежал из города и укрылся у Ярослава, двое были убиты. К тому же ранние морозы погубили урожай, и на Новгород обрушился жестокий голод. К концу года Ростислав и Водовик бежали в Торжок, к чему их вынудило беспокойное положение в Новгороде. Вскоре вспыхнули волнения. На этот раз грабили дома сторонников Водовика. Результат можно было предвидеть: Водовик и *тысяцкий* Борис Негочевич поскакали из Торжка в Чернигов. В конце года новгородцы предложили Ростиславу отправляться восвояси, а Ярослав снова стал князем в Новгороде⁶⁰.

Михаил и его сын больше никогда не получали княжения в этом городе. Правда, два года спустя бывший *тысяцкий* Борис Негочевич и те из его последователей, кто еще оставался жив в Чернигове (Водовик умер там в 1231 году), предприняли попытку вернуться в Новгород и подготовить почву для еще одного вокняжения Михаила. Но это было безнадежное дело. Сторонники Михаила, ведомые сначала трубецким князьком из рода Ольговичей, который, правда, оставил их на полдороге, осознав, что он сбил их с истинного пути, все-таки смогли закрепиться в Пскове. Псковичи были готовы поддержать их, но, когда Ярослав стал оказывать давление на Псков, мешая подвозу продовольствия в город, они отступились. Борис и его люди еле унесли ноги. Они бежали через границу в Медвежью Голову и в следующем, 1233 году с помощью немцев захватили Изборск к юго-западу от Пскова, но были вынуждены сдаться и их отправили под стражей в Переславль⁶¹.

Это был конец борьбы за Новгород между Ярославом и Михаилом. С тех пор, а на самом деле начиная еще с 1230 года, никогда не вставал вопрос о том, кому быть князем в Новгороде. Ольговичи больше не имели поддержки в городе. Ярослав и его наследники были защитниками новгородских границ до конца XIII века.

Если пытаться понять причины успеха Ярослава, то он объясняется, во-первых, его изобретательностью и военным искусством, а во-вторых — что, может быть, не менее важно, — тем, что его вотчина в Переславле была расположена близко к Новгороду и его

самая западная застава Тверь находилась как раз через границу от Торжка, тогда как столица Михаила Чернигов была почти так же удалена от Новгорода, как Киев.

В 1235 году неустойчивый мир в Южной Руси был взорван вновь разразившейся междоусобной войной. «Не хотя исперва оканьныи, всепагубныи дьявол,— сообщает новгородский летописец потоком клишированных фраз, обычно используемых перед описанием междоусобных кризисов,— роду человеческому добра, въздвиже крамолу межи русьскими князи, да быша человеци не жили мирно: о томь бо ся злыи радуеть кровопролитию крестьянску»⁶². В следующие пять лет, с 1235 по 1240 год, Киев переходил из рук в руки не менее семи раз: три раза его держали Ростиславичи, дважды — Ольговичи, по одному разу Ярослав из Северного Переславля и Даниил Галицкий. Князя со своими дружинами блуждали по различным областям Киевского и Черниговского княжеств, Галицкой земли, сражаясь друг с другом, заключая и разрывая союзы. Никто, по-видимому, не был способен удерживать столицу дольше, чем в течение нескольких месяцев. Сложные маневры, битвы, союзы, обещания, предательства, обманы — обо всем этом сообщается крайне путано в единственных двух источниках, упоминающих о том, что похоже на распад Южной Руси,— в Новгородской Первой и в Ипатьевской летописях. Первая из них лаконично и бесстрастно описывает события 1235 и 1236 годов; вторая летопись приводит более длинный, но бессвязный рассказ о событиях, разыгравшихся на просторах от Киева до Галицкой земли, однако дает явно неправильную датировку, однажды даже ошибочно перемещая события из описания одного эпизода в сообщение о совершенно ином⁶³. Причем все это излагается с позиций галицкого князя Даниила, который, воспользовавшись борьбой между Романовичами, венграми, поляками и поддерживавшими венгров боярами, начал, наконец, укреплять свою власть в Галицкой земле. Уравновешенный летописец Суздальской земли (Лаврентьевская летопись) не упоминает о столкновениях на юге и даже сообщает, что в 1235 году «мирно бысть». Киевское и Черниговское княжества, Галицкая земля, наверное, казались ему другой страной.

Из нагромождения разрозненных сведений, встречающихся в Новгородской и Ипатьевской летописях, можно, однако, выделить определенную логическую последовательность событий, которая ясно покажет раздробленность политической жизни на юге Руси и поможет объяснить ослабление южнорусских князей в конце 30-х годов XIII века.

Знаменем будущих несчастий явилось обращение в 1234 или в начале 1235 года киевского князя Владимира Рюриковича к Даниилу Галицкому за военной помощью, как он это делал тремя годами раньше. Причиной обращения Владимира были агрессивные действия черниговского князя Михаила, которого на этот раз поддерживал его двоюродный брат Изяслав Владимирович⁶⁴. Два Ольговича, которые, очевидно, осаждали в это время Киев, отступили при виде дружины Даниила. Владимир и Даниил перехва-

тили инициативу и пошли против Ольговичей походом на Чернигов, что для разных князей имело разные последствия: Изяслав «бежал», согласно новгородской летописи, к половцам, а фактически отправился в степь с целью собрать подкрепление; Михаилу как-то образом удалось победить Даниила в схватке, и последний едва спасся. Владимир Рюрикович, однако, вышел из сражения в целостности и сохранности и вернулся в Киев.

Но война была далеко не окончена. Изяслав вскоре снова появился с половецким отрядом, и вместе с Михаилом они еще раз угрожали Киеву. Решающая битва состоялась в Торческе, к югу от Киева, и завершилась победой Ольговичей. Владимир был взят в плен половцами, а Даниил вернулся в Галич, чтобы снова быть обманутым, на этот раз провенгерски настроенными боярами, хитростью заставившими его бежать из страны. После победы Михаил посадил своего двоюродного брата Изяслава на киевский престол⁶⁵. Собственные планы Михаила были более серьезными — он хотел завоевать Галицкую землю. Во второй половине 1235 года это ему, в конце концов, удалось. Поляки, занявшие Галич после бегства Даниила, сдали столицу, а Михаил и его сын Ростислав вошли в нее, почти не встретив сопротивления⁶⁶.

Изяслав недолго прокняжил в Киеве, так как Владимир, по видимому, выбил его оттуда после того, как выкупился из половецкого плена. Но и он в свою очередь был выбит Ярославом в 1236 году. Новгородская летопись повествует, как Ярослав, оставив своего сына Александра в Новгороде, взял с собой «новгородци вятших» и сотню людей из Торжка и «седе в Киеве на столе»⁶⁷. И это княжение не было долгим. По причинам, о которых летописец не сообщает («не мога его держати»)⁶⁸, Ярослав оставил Киев и вернулся в Суздальскую землю. На этот раз Киев занял Михаил, а своего сына Ростислава он оставил княжить в Галиче. Это был, однако, опрометчивый шаг, и, пока Ростислав был в походе против литовцев (1238 год), Даниил без труда захватил свою прежнюю столицу⁶⁹. Что касается Киева, то он был взят ещё дважды, и оба раза на короткое время, — Ростиславом Мстиславичем из Смоленска (в конце 1239 или в начале 1240 года) и Даниилом — перед тем, как окончательно пасть под натиском татар в 1240 году.

Возникает вопрос, что побудило смоленских, черниговских и галицких князей к такому неистовому и, по всей видимости, бессмысленному соперничеству. Жадность? Стремление превзойти своих предшественников и достичь власти над всем югом Руси? Или же это было просто тщеславное желание занять престол в городе, все еще считавшемся матерью городов русских? Какова бы ни была причина, результаты налицо: к 1239—1240 годам, времени последнего нападения татар на Русь, даже уже к 1237 году Ольговичи и Ростиславичи истощили свои военные ресурсы. Даже Даниилу, оказавшемуся самым сильным и правившему в эти годы Галицкой землей и Киевским княжеством, необходимо было время, чтобы восполнить потери в людях и имуществе. Южные князья стали

неспособны ни к совместным действиям, как раньше, ни к созданию прочного союза против внешнего врага.

В то время, когда князья юга Руси были безнадежно ослаблены, северяне, как было показано выше, пребывали в безмятежном спокойствии. Действительно, записи в Суздальской летописи отражают, в основном, семейные события (рождения, свадьбы) и явления в области искусства и архитектуры (украшение и строительство церквей), что говорит об определенной степени политического равновесия и отсутствии серьезных стычек между князьями. К 1233 году борьба за Новгород закончилась, и город надежно находился в руках Ярослава и его сына Александра.

Но при всей видимой стабильности северные князья жили в состоянии лишь иллюзорной безопасности. За исключением Ярослава Всеволодовича, они были фактически изолированы от юга Руси. Власть Юрия была ограничена Суздальской землей. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем великий князь владимирский смог добиться уважения и признания своей власти в Киевском, Черниговском и Смоленском княжествах и в Волынской и Галицкой землях. А в то время его авторитета было еще недостаточно, чтобы заставить повиноваться враждующих южно-русских князей.

Но самым губительным для Русской земли было то, что все князья, как северные, так и южные, по-видимому, блаженно пренебрегали военной угрозой с востока, судя по всему, полагая, что татары — это всего лишь еще одно кочевое племя вроде печенегов или половцев, посланное Богом, чтобы покарать их за грехи.

Великое нашествие 1237—1240 годов

После удачно проведенного в 1223 году пробного набега на Русь татары вовсе не растворились в степи и не исчезли, как, наверное, надеялись и считали русские. На самом деле татары пошли на восток, вторглись на земли волжских булгар. Здесь они впервые столкнулись с более серьезным противником по сравнению с тем, что встречался раньше: арабский историк Ибн-ал-Асир описывает, как татары несколько раз попадали в устроенные булгарами заставы и потеряли значительное число своих войск. Они отступили из этого района, по-видимому, в некотором беспорядке — Ибн-ал-Асир утверждает, что лишь немногие остались в живых. Затем татары пошли на юг, к Саксину⁷⁰, расположенному в устье Волги, и там соединились с основными войсками Чингис-хана⁷¹, которые возвращались в Монголию после разгрома Джелал ад-Дина, сына Мухаммеда II, ставшего после Мухаммеда хорезмским шахом, и захвата столичного города Ургенч, расположенного к югу от Аральского моря.

В 1227 году Чингис-хан умер и ему наследовал его сын Угедей, ставший хаканом, кааном, или великим ханом. Планы крупного вторжения в Восточную Европу обсуждались на курильях 1227 и 1229 года, но предпринято было только два пробных набе-

га (больше похожих на молниеносные удары, чем на нашествия) на земли к востоку от Волги. В 1229 году два военачальника, Субедей и Кокетей, были посланы в степи к северу от Каспия, где они разгромили саксинов⁷² и половцев, которые «възбегоша... к болгаром»; тогда же болгарские заставы были разбиты около реки Яик⁷³ (современное название — Урал, самая северная из рек, впадающих в Каспийское море). Субедей и Кокетей не стали, однако, продолжать вторжение на земли болгар, а болгары были настолько встревожены происходящими событиями, что стали искать нового союза с русскими на западе.

В источниках упоминается только еще одно нападение на земли, соседствовавшие с русской территорией, происшедшее в 1232 году. На этот раз в русских летописях приводятся хоть какие-то сведения, а именно: «Придоша татарове и зимоваша, не дошедше Великого града болгарскаго»⁷⁴. Татищев дает чуть более подробное описание, добавляя, что болгары попросили великого князя Юрия о военной помощи, но она не подошла, и что татары «поплениша и покориша многу Нижнюю землю Болгорскую и грады разориша»⁷⁵.

В период передышки, последовавшей за первым татарским нашествием 1223 года, русские не могли не осознать, что враг стоит у их порога, ведь они знали о поражениях болгар в 1229 и 1232 годах. Однако не было предпринято никаких шагов для укрепления обороны восточных или южных границ. Поразительный пример: со времени основания в 1221 году Нижнего Новгорода в месте слияния Оки и Волги не было построено никаких укреплений или крепостей; да и этот город ничего не дал, когда пришло время нашествия, так как татары не пошли вдоль Волги, а ударили далеко к югу от Нижнего Новгорода, в глубь территории Рязанского княжества.

Окончательное решение о нашествии на Восточную Европу было принято на курилтах 1234 года. Размах предстоящего похода был столь огромен, что Угедей хотел сам встать во главе войска. Его смог отговорить только его племянник Мунке, убедивший Угедея, что верховный правитель не вправе так рисковать собой. Восемь внуков Чингис-хана были посланы на запад, включая двух будущих великих ханов (Гуюка и Мунке) с опытным уже военачальником Субедеем «и некоторыми другими». Первым вышло войско под началом Батыя (или Бату, сына старшего сына Чингис-хана, Джучи) и трех его братьев. В феврале-марте 1236 года оставшаяся часть пошла на запад и встретилась с Батыем возле границ земли болгар — вероятно, на реке Яик⁷⁶.

Перед началом вторжения на Русь татарские войска разгромили все возможные центры сопротивления к востоку и юго-востоку от русских княжеств. На территории Волжской Булгарии были уничтожены основные города Биляр, Булгар, Кернек, Жукотин и Сувар. Затем были покорены окружающие племена: черемисы (мари), башкиры, мордва и бургасы, а также саксинцы из района устья Волги⁷⁷. К западу и юго-западу от Саксина войска Мунке обезвредили осетин на Северо-Кавказской равнине и тех половцев,

которые кочевали в Дешт-и-Кипчаке⁷⁸. К осени 1237 года у татар уже не оставалось потенциальных врагов к востоку от Владимиро-Суздальского, Муромо-Рязанского, Черниговского и Южно-перяславского княжества. Ничто не препятствовало началу нашествия в Восточную Европу.

Великие татарские походы на русские земли, длившиеся три года (1237—1240) можно разделить на два этапа: первый — нашествие на северо-восток Руси (декабрь 1237 — весна 1238 года); второй — действия на юге и юго-западе Руси (1239—1240 годы). Как и в случае с нашествием 1223 года, нет недостатка в русских источниках, хотя они часто приводят путанные и противоречивые сведения, а восточные историки, арабские и персидские, не добавляют ничего ценного — только лишь несколько подтверждающих подробностей.

Три летописи включают в себя или отражают ранние источники по первому этапу нашествия: во-первых, это рассказ в Лаврентьевской летописи, основанный на великокняжеской летописи Юрия Всеволодовича Владимирского. Как и следовало ожидать, основные эпизоды связаны с Великим княжеством Владимирским: осада столичного города, поражение Юрия, Коломенская битва и взятие Москвы. К ним добавлены как-то невразумительно изложенная история пленения и гибели племянника Юрия Василья Константиновича (этот рассказ был создан в Ростове) и одна или две вставки позднего происхождения, имеющих в целом декоративно-стилистический характер и не представляющих научного интереса. Тон историй, содержащихся в Лаврентьевской летописи, сухой, нерасцветенный, явно указывает на их современное событиям происхождение. Второй источник — это описание в Новгородской Первой летописи. Оно составлено из двух различных источников: не дошедшей до нас летописи рязанского происхождения и записи новгородца. Самые богатые фактами и современные событиям описания — это эпизоды взятия Рязани на юго-востоке и осады Торжка на северо-западе, каждый из которых написан, по-видимому, свидетелем событий. В целом версия Новгородской Первой летописи по содержанию, стилю и идеологической направленности резко отличается от описания в Лаврентьевской летописи: многие факты противоречат приводимым в Лаврентьевской летописи; политические оценки, в частности критика великого князя владимирского за то, что он не послал военную помощь сражавшейся Рязани, не имеют ничего общего с позицией летописца Юрия. В тех частях летописи, которые созданы в Рязани, отношение к захватчикам строго нейтральное — их не называют ни «злыми», ни «безбожными», ни «пьющими людскую кровь», ни «нехристями», а причины гибели Рязани объясняются «грехами» русских и межкняжеской борьбой («ненависть братьев к братьям»), тогда как эпизоды чисто новгородского происхождения отличает значительный обличительный пафос, направленный против татар, отсутствующий, кстати, не только в рязанской, но и во владими́ро-ростовской версии. Новгородский летописец называет татар «люющими христианскую кровь», «беззаконными сынами Измаила», «безбож-

ными и язычниками», «проклятыми» и т. д. Новгород, который никогда не был занят захватчиками, мог позволить себе более враждебное отношение к завоевателям, чем те, кто чудом уцелел в Рязани, скажем, или во Владимире.

Третья летопись, описывающая первый этап похода Батыя, Ипатьевская, последовательно отражает один из южнорусских источников. Ей недостает подробностей, местами она туманна, неточна или путана и содержит лишь несколько фрагментов дополнительных сведений, происходящих, вероятно, из устных легенд, бытовавших в Южной Руси в эпоху после нашествия. С идеологической точки зрения эта летопись представляет интерес лишь постольку, поскольку явно пытается очернить князей Суздальской земли, по отношению к которым летописец-южанин вряд ли мог питать какие-либо добрые чувства.

Что касается описаний, содержащихся в более поздних летописях XV и XVI веков, то они, по сути дела, не дают никаких новых фактов — все, что они делают, это приводят в порядок и сводят вместе ранние версии, устраняя несоответствия и противоречия, и, не жалея слов, усиливают впечатление краха, ужаса и всеобщего разрушения⁷⁹. Только несколько мелких подробностей добавляет к основному описанию в Новгородской Первой летописи автор компилятивной «Повести о разорении Рязани Батыем», но, в целом, этот рассказ совпадает с версией новгородского летописца и восходит к несохранившейся рязанской летописи⁸⁰.

Ранней зимой 1237 года татары появились на юге Рязанского княжества, более чем в 200 километрах от столицы. Разбив временный лагерь где-то в окрестностях современного Тамбова, они якобы послали посольство в Рязань и потребовали, как сообщает летописец, десятую часть во всем, «в людех, и в князех, и в коних...», но, по всей видимости, просто предложили немедленно сдаться. Трудно сказать, каков был ответ рязанцев. Им не пришлось раньше иметь дело с татарами (они не участвовали в попытке русских отбить татарское нападение в 1223 году), и, вероятно, летописец прав, когда сообщает, что рязанские и муромские князья отправили посольство к своему союзнику и фактическому сюзерену, владимирскому князю Юрию, с просьбой о военной помощи. Ясно, что сопротивляться было бессмысленно, особенно с учетом того, что никакая военная помощь из Суздальской земли в кратчайшие сроки не пришла⁸¹. Сначала была разгромлена южная половина княжества: пали расположенные к юго-западу от Рязани Белгород и Пронск⁸². Затем татары двинулись на столицу.

Осада Рязани началась 16 декабря. К 21 декабря все было кончено. Каковы были потери и какой ущерб был нанесен городу, оценить невозможно. «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит о всеобщей гибели от меча и утопления, пожарах и мародерстве; летопись сообщает, что убили «князя (Юрия Ингваревича) и княжю, и мужи, и жены, и дети, черньца и черноризиць, и иерея» и о поругании «черницам и попадьям и добрым женам и девицам пред матерьми и сестрами»⁸³. Но в обоих случаях выражения все-

общей гибели — не более чем общие места, используемые в летописи для описания катастроф, ввергавших время от времени русские города в руки захватчиков, а в «Повести» — эти клише используются для усиления чувства неотвратимости бедствий, чувства, которое пронизывает все произведение. Мы можем только сказать, что падение столичного города означало конец действительного сопротивления татарам в Рязанском княжестве. Оставался, однако, отряд под началом брата Юрия Ингваревича Романа, который соединился с силами, посланными с некоторым запозданием великим князем владимирским Юрием. Русские дружины встретились в Коломне, самом северном городе Рязанского княжества, возле слияния рек Оки и Москвы. Здесь соединенные силы были окружены и разбиты, Роман и посланный Юрием воевода Еремей убиты, сыну же Юрия Всеволоду удалось спастись бегством и сообщить своему отцу во Владимир, что татары уже находятся у границ Суздальской земли.

Столица и крупнейший город Суздальской земли Владимир после Рязани был для татар следующей мишенью. Москва, в то время не более чем маленький городок или укрепленная застава, почти не оказала сопротивления: местный военачальник был убит, а другой сын Юрия, Владимир, взят в плен или убит⁸⁴. Но Москва на некоторое время задержала татар, что позволило Юрию предпринять единственно возможные, по его мнению, оборонительные меры против захватчиков: он решил уйти из столичного города Владимира. Оставив жену и двух сыновей, Всеволода и Мстислава, с дружиной под началом некоего Петра Ослядюковича, Юрий двинулся с основным войском на северо-запад и, перейдя Волгу под Угличем, разбил свой лагерь на реке Сить, примерно в 30 километрах к западу от Волги. Вместе с ним были три его племянника, сыновья Константина Василько, Всеволод и Владимир. Призвал своих братьев Ярослав и Святослава, Юрий, очевидно, собирался занять оборонительные позиции с участием всех имевшихся дружин Суздальской земли, используя реки Волгу и Мологу как естественные оборонительные линии с востока и с севера⁸⁵.

Тем временем татары приближались к Владимиру. Они появились перед его стенами 3 февраля 1238 года. Подробности осады и захвата города описаны с примечательной правдоподобностью и точностью в Лаврентьевской летописи. Нанеся молниеносный удар по окрестностям Владимира, Батый разбил свой лагерь к западу от Золотых Ворот и начал обносить город частоколом, подтягивать лестницы и подъемные устройства и устанавливать осадные орудия перед стенами. Штурм начался утром 7 февраля. Оборона была прорвана в четырех местах в западной половине города, т. е. в так называемом Новом городе. К полудню сражение закончилось, и все, кто мог, столпились в Успенском соборе, включая женщин из семьи Юрия, оставленных во Владимире, епископа Митрофана и все духовенство. Там они были сожжены или зарезаны татарами. Два князя и уцелевшие дружинники бежали к центру города (Средний/Печерский город), где были позднее убиты или взяты в плен⁸⁶.

Трудно установить, что случилось потом. Один источник (Лаврен-

тьевская летопись) утверждает, что в феврале 1238 года было захвачено шесть крупных городов Суздальской земли, после чего на реке Сить разгромлено войско Юрия (4 марта 1238 года); другой источник (Новгородская Первая летопись) перечисляет уже восемь городов Суздальской земли (только два из них названы в Лаврентьевской летописи) и сообщает, что они были взяты после битвы на Сити; а третий источник (Никоновская летопись XVI века) добавляет к этому списку еще два ранее не упоминавшихся города. Никаких подробностей захвата какого-либо из названных в разных источниках четырнадцати городов не приводится. Рассказ о взятии и разграблении Суздаля, которому посвящено больше места, чем всем остальным, составляют фрагменты, заимствованные летописцем из ранних текстов, например, из описания разграбления Киева половцами в 1203 году — вряд ли этому описанию можно верить. Не нашлось места даже для рассказа о разрушении Ростова, собственная летопись которого была позднее включена в летопись Владимира (то есть в Лаврентьевскую летопись). Создается впечатление, что летописцы Владимира и Новгорода просто перечислили основные города Суздальской земли без всякого представления о том, на какие из этих городов татары напали, какие разграбили, а какие обошли стороной.

Битва на Сити, хотя рассказ о ней явно возник в собственной летописи Юрия, описана разочаровывающе непоследовательно и разукрашена обычными эмоциональными эпитетами, молитвами, сетованиями и формулами воинских повестей, столь характерными для Лаврентьевской летописи («...поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю (Юрию). Слышав же князь Юрги с братом своимъ Святославом... поидоша противу поганых. И ступишася обои, и бысть сеча зла, и побегоша наши пред иноплеменики»). Мы знаем только, что сражение состоялось 4 марта 1238 года, что вместе с Юрием были его брат Святослав и три племянника из Ростово-Ярославского княжества (Ярослав, очевидно, не успел соединиться с основным войском) и что татарами командовал Бурундай⁸⁷. Из князей погибли только двое: Юрий, которому отрубили голову, и Василько Константинович, захваченный и позднее казненный татарами⁸⁸. Святослав и два других ростовских князя спаслись. В источниках нет никаких указаний, по которым можно было бы оценить численность русского войска, состав татарских сил⁸⁹ или понять, насколько серьезно было нанесенное поражение. Не исключено, что после захвата Василька большая часть войска бежала, убив, возможно, великого князя, пытавшегося их остановить: на гибель Юрия от рук своих людей указывает не только сообщение об отрубленной голове⁹⁰, но также и новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237—1238 годов относится к Юрию непочтительно, бросая тень сомнения на обстоятельства его смерти. «На реце Сити... животь свои сконча ту. Бог же весть како скончася: много бо глоголють о нем инии». Такого рода догадок об исходе битвы на Сити трудно избежать, когда собственный летописец Юрия столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно непри-

глядные обстоятельства того, что в действительности произошло.

Владимирский летописец (летопись Юрия после его смерти сменила летопись его наследника Ярослава), очевидно, утратил интерес к тому, что происходило за границами Владимиро-Суздальской земли в оставшееся до конца 1238 года время. Сообщив о наследовании Ярославом владимирского престола и о передаче им Суздаль и Стародуба своим братьям Святославу и Ивану соответственно, он завершает повествование об этом годе лаконичной записью: «Того ж лета (т. е. с марта 1238 до конца февраля 1239 года) было мирно». Если вспомнить обо всех ранее упомянутых опустошениях, нанесенных татарами в Северо-Восточной Руси, то не слишком ли быстро, как пытается уверить нас местный летописец, жизнь вернулась в прежнюю колею?

Но татарские войска еще далеко не закончили свои походы на Русь. Пока Бурундай сражался с Юрием на Сити, другое татарское войско осадило самый юго-восточный город Новгородской земли — Торжок. Торжок продержался дольше, чем Владимир или Рязань. Две недели по его стенам били осадные орудия. Из Новгорода никакой помощи не пришло, и жители Торжка «в недоумении и страсе» сдались 5 марта⁹¹, на следующий день после сражения на Сити. Почему татары не стали развивать успех и вслед за взятием Торжка не пошли на Новгород, сказать трудно. До Новгорода было примерно 300 километров, т. е. пятнадцать — двадцать дней перехода, а в начале марта еще не могла начаться распутица, которая бы сделала дороги непроходимыми для татарской конницы⁹². Татарское войско продолжало двигаться на запад, но, дойдя до определенного места, «Игнача креста... за 100 верст (108 километров) до Новагорода», повернуло на юг. Новгород был пощажён⁹³.

Только еще один город оказал какое-то сопротивление татарам во время первого этапа их похода на Русь⁹⁴, и это был Козельск на Жиздре в северной части Черниговского княжества. Батый окружил город, но в течение семи недель не мог захватить его. Только когда прибыли подкрепления, крепостная стена была проломлена и город пал⁹⁵.

К лету 1238 года татары оставили русские земли. Им требовалось время для отдыха, перегруппировки сил и подготовки к дальнейшим завоеваниям на западе. Кроме того, угроза для них исходила с восточных и южных границ Руси. Судя по имеющимся источникам — в основном по «Истории» Рашида-ад-Дина, — лето и осень 1238 года и зима 1238/39 года были для татар далеко не мирным временем. Со своих стоянок в Кипчакской степи они предпринимали карательные походы на Северо-Кавказскую равнину против черкесов и осетин, совершали набеги в Крым и сражались с половцами, убив троих из их ханов⁹⁶. Не все было спокойно и на восточных границах Рязанского княжества и Суздальской земли: русские летописи упоминают о походах против мордвы, города Муром и к восточным изгибам Клязьмы⁹⁷.

Второй этап нашествия на Русь, на этот раз на южные и юго-западные земли, начался весной 1239 года, когда татары захватили

самый юго-восточный район — Южный Переяславль. Об этой первой военной операции нам известно мало: летописи просто сообщают, что 3 марта 1239 года город Переяславль был взят «копьем» и сожжен и что его жители, включая епископа, были убиты. Находился ли кто-то из князей в городе, оказали ли его жители сопротивление — об этом не упоминается⁹⁸.

Перед тем, как начать наступление на Киев, необходимо было сначала обезвредить Черниговское княжество. До этого момента был взят только один из городов Черниговского княжества — Козельск (1238 год). Летом или ранней осенью 1239 года татарское войско под началом Мунке было послано на запад через южную половину черниговской территории. Число городов, которые были захвачены или обойдены стороной, неизвестно, хотя Глухов к северу от Путивля был в руках татар до взятия Чернигова, а Сосница, Хоробор и Сновск (все к востоку от Чернигова и к северу от реки Сейм) были, по-видимому, захвачены татарами в ходе движения к столичному городу⁹⁹. Вероятно, все города в бассейне реки Сейм (Курск, Рыльск и Путивль) и, может быть, также в низовьях Десны были взяты перед тем, как захватчики подошли к самому Чернигову.

Чернигов был окружен. Татары использовали гигантские катапульты («тараны»), «меташа бо каменем полтора перестрела, а камень а коже можаху 4 мужи силни подняти». Князь Мстислав Глебович, старший из Ольговичей после своего двоюродного брата Михаила Всеволодовича, который в это время все еще княжил в Киеве, попытался защитить город: он вывел все свои войска, чтобы встретить татар в открытом бою. Но его войска были разгромлены, и 18 октября 1239 года город пал. Епископа Порфирия татары пощадили, отвезли в Глухов, а затем отпустили¹⁰⁰.

После падения Чернигова основное татарское войско снова отступило к своим юртам в Кипчакской степи, тогда как боевой отряд под началом Мунке двинулся на юго-запад, в окрестности Киева¹⁰¹. Ипатьевская летопись, которая содержит самую раннюю версию этих событий, повествует, как Мунке, увидев Киев с другого берега Днепра, «удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражданам, хотя е (их) прельстити». Сообщив, что киевляне отказались слушать льстивые речи татар, летописец, не питавший, по-видимому, большой любви и уважения к Михаилу, рассказывает, как тот бежал вслед за своим сыном к венграм, и его сменил сначала Ростислав из Смоленска, а затем Даниил из Западной Руси, который передал Киев в руки воеводы по имени Дмитр. Более поздние версии этой истории добавляют (несомненно, с целью дискредитации Михаила), будто князь приказал казнить татарских послов¹⁰².

Быстрая смена князей в Киеве в течение последних пяти лет вряд ли могла придать уверенности жителям столицы. Встревоженное появлением Мунке и в еще большей степени отбытием одного за другим двух князей, население, наверно, переживало неприятное время в ожидании неизбежного штурма. В это время тактика врага уже была хорошо известна: нападение, отход, наступление.

Во второй половине 1240 года татары снова пришли на Русскую землю. На этот раз они появились с юга. Рашид-ад-Дин описывает, как Батый со своими войсками занял поле «против Руси и людей черных клобуков»¹⁰³, другими словами, против тюркских каракалпачков, которые вместе с берендеями, торками и ковуями осели в районе реки Рось, к югу от Киева, и помогали русским защищать южные границы от набегов кочевников. Из их числа набирались отряды для таких застав, как Торческ. Как долго крепости на Роси держались против татар, нигде не сообщается: русских летописцев интересовала только конечная цель татар.

Горькая история осады и взятия Киева изложена в Ипатьевской летописи. Написанная, по-видимому, свидетелем штурма, близким к воеводе Дмитру, которому в рассказе отводится выдающаяся роль, она изобилует подробностями и почти лишена клишированных оборотов и литературного приукрашивания, что производит отрадное впечатление¹⁰⁴. Татарским войском командовали Батый и, как сообщил киевлянам подозрительно хорошо информированный пленник, захваченный в начале событий, девять других татарских военачальников, в том числе брат Батыя Орда и два будущих великих хана Гуюк и Мунке. Если это войско действительно было столь огромным, как показал пленный, то для него не составило бы труда полностью окружить город и быстро вынудить оборонявшийся отряд сдаться. Осадные орудия были установлены перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Осадные орудия сделали свое дело, и стены упали. Жестокое сражение на обломках разрушенных стен продолжалось в течение одного дня и одной ночи, и вскоре татары прорвались в город. Дружина попыталась занять последний оборонительный рубеж в районе Десятинной церкви в сердце Киева, но, когда стены церкви обрушились под тяжестью горожан, бежавших со всем своим скарбом под ее своды, оборона пала. Это произошло 6 декабря 1240 года, в день памяти Николая Угодника¹⁰⁵. Осада закончилась. Дмитр, раненный в этом сражении, был помилован татарами «мужества ради его».

Завершение русского похода Батыя, по-видимому, не потребовало от татар значительных усилий и не повлекло за собой больших потерь. После падения Киева оставалось завоевать только Волынскую и Галицкую земли, перед тем как напасть на Венгрию и Польшу. Сопротивление на этой территории было сломлено очень быстро: на границе Волынской земли и Киевского княжества только город Колодежин на реке Случь, обладавший сильными естественными укреплениями, и близлежащий Каменец оказали какое-то сопротивление. Кременец, расположенный к юго-востоку от Владимира на Волыни, был обойден стороной. После недолгих осад пали Владимир и Галич¹⁰⁶.

Продолжение истории великого нашествия на Европу хорошо известно, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом¹⁰⁷. Достаточно сказать, что через четыре месяца после падения Киева поляки, венгры и тевтонские рыцари были разгромлены в битве при Лигнице возле Вроцлава 9 апреля 1241 года, а на юге

венгры проиграли сражение под Мохи, возле слияния рек Тиса и Саджо. В Европе началась паника¹⁰⁸. Но, несмотря на призывы венгерского короля к западным правителям, ни из какого края помощь не пришла. В январе 1242 года была захвачена Хорватия, разграблена большая часть далматинского побережья. Казалось, уже ничто не спасет Западную Европу от нашествия. Но 11 декабря 1241 года великий хан Угедей умер — по всей вероятности, от алкогольного отравления. Когда весной 1242 года эта весть дошла до Батыя, он приказал немедленно отступить. Почему? Потому ли, что он хотел повлиять на выборы нового великого хана и «сохранение сильных позиций в монгольской политике представлялось более важным... чем продолжение завоевания Европы»¹⁰⁹, или потому, что ему не хватало сил для поддержания контроля над завоеванными землями? Ответа мы не знаем. Вероятно, обе причины определили это решение. Во всяком случае, Европа была спасена.

Батый вернулся в Кипчакскую степь и разбил свой лагерь в Сарая, возле устья Волги, приблизительно в 100 километрах к северу от Астрахани. Началось так называемое татарское иго. Из Сарая в течение следующих 138 лет ханы Золотой Орды — под этим названием стала известна империя Батыя — осуществляли политический контроль над всеми русскими княжествами, а еще в течение ста лет, с 1380 до 1480 года, продолжали требовать, хотя и не всегда получали, дань от своих русских «вассалов».

Каким образом татарам удалось разгромить Русь так легко и быстро? Во-первых, необходимо, конечно, учесть размер и необычайную силу татарского войска. Завоеватели, несомненно, имели численное превосходство над своими противниками. Но насколько велико было это превосходство, сказать невозможно. Действительно, вероятно трудно дать самую приблизительную оценку численности войск, вторгшихся на Русь и в Европу. С одной стороны, мы имеем туманное «бесчисленные множества», упоминаемое в русских летописях, и гигантские числа, называемые западными источниками; с другой стороны, Рашид-ад-Дин оценивает численность монгольского войска в момент смерти Чингис-хана в 129 000 человек¹¹⁰. Вероятно, приблизительно 120 000—140 000 человек войска находились в распоряжении Батыя в начале его нашествия на Русь. Эта цифра предлагается советским историком В. В. Каргаловым, и она кажется нам разумной, особенно если учесть, что татарские ханы обычно командовали отрядами численностью 10 000 человек (тумен, или тьма по-русски) и что вместе с Батыем пришло от двенадцати до четырнадцати ханов¹¹¹.

Многие источники, как западные, так и восточные — Матфей Парижский, Иоанн де Плано Карпини, венгерский доминиканец Юлиан, персидский историк Джувейни, Рашид-ад-Дин, — оценивая татарских военачальников, говорят об их военном искусстве, о выдающейся стратегии и тактике ведения боя, о тщательно планируемых нападениях, внимании, уделяемом психологической войне, предварительной засылке послов, задачей которых часто было посеять семена раздора среди противников, быстроте и внезапности атак, умении маневрировать, возложении на пеших воинов — мо-

билизованных местных жителей и военнопленных — основной тяжести первого удара, о мастерстве и точности татарских лучников, скорости и выносливости конницы, передовых для того времени способах ведения осады и осадных устройствах (таранах, катапульты, греческом огне), внимании к мельчайшим деталям, строгой дисциплине, действительности разведки и, превыше всего, способности татарского войска обходиться без громоздкой системы снабжения благодаря мобильности и выносливости коней и людей и использованию сушеного мяса и сыра как основы рациона. Складывается, как мы видим, картина военной непобедимости татар, картина, не всегда соответствующая фактам (Рашид-ад-Дин, например, рассказывает о восстании двух «эмиров», Баяна и Чику, в районе Волжской Булгарии и об успешных действиях повстанцев во главе с грабителем, половцем по имени Бахман¹¹²). Тем не менее она подтверждается безусловной высокой боеспособностью татарских туменов, с которой не могли состязаться войска Восточной Европы.

Причины поражений русских в битвах с татарами очевидны. Численность русского войска была, несомненно, меньше, но и здесь невозможно дать сколько-нибудь надежной оценки. Летописи не дают сведений о размерах чьих-либо дружин или отрядов, противостоявших Батюю (за исключением трехтысячного отряда, посланного на юг Юрием после падения Владимира и до сражения на Сити)¹¹³. Неизвестно нам и население русских городов в XIII веке или численность дружин, которые они могли бы выставить. М. Н. Тихомиров, говоря о количестве жителей древнерусских городов, рискует сделать несколько очень приблизительных допущений: 20 000—30 000 для Новгорода, немного меньше для Чернигова, двух Владимиров, Галича, Полоцка, Смоленска, Ростова, Суздаля, Рязани, Витебска и Южного Переяславля, больше для Киева¹¹⁴. Если принять, что каждый крупный город мог выставить, скажем, от 3000 до 5000 человек, то мы получим общую численность порядка 60 000 воинов. Если добавить к этому еще 40 000 из более мелких городов, из числа половцев и различных тюркских союзников, живших на территории Киевского княжества, то результат совпадет с оценкой в 100 000 человек, сделанной С. М. Соловьевым в его «Истории России»¹¹⁵. Но это только приблизительная оценка **потенциальной** численности русских войск. Мы не имеем представления о том, сколько городов или районов на самом деле выставляли дружины — маловероятно, например, что Новгород вообще послал хоть какой-то отряд, ведь точно известно, что никто не пришел на помощь их заставе в Торжке. Поэтому не исключено, что русские смогли собрать половину или четверть — если не меньше — общей численности татарских войск. И опять-таки нет никаких указаний на то, что хотя бы однажды татары столкнулись одновременно с более чем горсткой князей: в битве при Коломне, например, к остаткам рязанских сил присоединился только «передовой отряд» из Суздальской земли, тогда как на реке Сить вместе с великим князем Юрием были только три его племянника из района Ростова — Ярославля и его брат Ярослав из Юрьева.

Русские не имели координационного центра обороны, а связей между городами и районами почти не было. Но что нанесло наибольший ущерб — это полное отсутствие системы разведки. Все русские князья и воеводы могли в лучшем случае надеяться на сведения, полученные от отбившихся и спасшихся случайных лиц, причем информация касалась прежних поражений и общего направления движения татарских войск. Мы знаем только об одном случае получения сведений из допроса захваченного в плен татарина (это произошло в начале осады Киева) — причем трудно избавиться от подозрения, что татарин был подослан. Когда началось нашествие, русские оказались как будто совершенно не подготовленными к нему. Они ничего не знали о татарских методах осады и штурма городов, ведь во время предыдущего похода на Русь в 1223 году татары не осаждали ни больших, ни малых городов. Юрий, как уже говорилось выше, не придавал значения сведениям о тактике и военной силе татар, полученным им раньше от своих восточных соседей на Волге, или если он и принял их во внимание, то ничего не предпринял для организации обороны даже своей собственной территории, Суздальской земли, от неизбежного, как он, несомненно, понимал, вторжения¹¹⁶. Не были приняты меры против вторжения и в Южную Русь: жители Южного Переяславля, Чернигова и Киева, а также Галицкой и Волынской земель имели почти год передышки между нашествием на северо-восток Руси и нападением на Переяславль. Они должны были знать, что их ожидает. И все равно они ничего не сделали.

Но самым слабым местом русских была не столько их военная неподготовленность и неумелость по сравнению с татарами, сколько отсутствие единства между территориями на севере, юге и юго-западе. В то время не было князя, который бы имел действительное влияние на все русские земли. Великий князь владимирский был, наверное, самым могущественным из князей, но его влияние распространялось только на районы, лежавшие в междуречье Волги и Оки, где жили и правили его близкие родственники. Вполне можно допустить, что его старший брат Ярослав из Северного Переславля не всегда был готов подчиниться его воле: нужно помнить, что его не было в битве на Сити и что еще раньше, в 1229 году, он пытался совершить что-то вроде переворота, направленного против Юрия. На юго-востоке Рязань оказалась один на один с врагом. При всех ее тесных связях с Суздальской землей во время правления великого князя Юрия Рязань не получила помощи, когда пришли татары. Не прислал помощи и Чернигов, князья которого были ближайшими родичами рязанских правителей. Что касается южных княжеств, то жестокая междоусобная война, начавшаяся в 1235 году, совершенно разъединила их. Киев, как челнок, переходил из рук в руки между Ростиславичами, Ольговичами, Ярославом из Северного Переславля и Даниилом Романовичем. Ни один князь не обладал достаточной силой, чтобы обеспечить этому княжеству надежную оборону. О каких-либо князьях в Южном Переяславле в источниках не упоминается начиная с 1220 года — для летописцев Владимира, Новгорода и Юго-Западной Руси их как будто не существовало. Правители

Смоленска и Чернигова были изолированы от своих соседей, а их силы были истощены междоусобной войной. Даниил Романович и его брат Василько были целиком поглощены упрочением своей власти в Галицкой и Волынской землях, и Даниил, когда пришло время, и он, наконец, сел в 1240 году на киевский престол, оставил в Киеве своего воеводу, а сам вернулся для защиты Галича. Приходится ли удивляться, что татары не встретили на Руси серьезного военного сопротивления?

Каковы были непосредственные результаты татарского нашествия? Как это часто бывало в ранней русской истории, письменные источники содержат поразительно мало сведений, позволяющих сделать какое-либо обоснованное заключение о реальном ущербе, политическом, культурном или экономическом, нанесенном татарами. Нет никаких указаний на численность потерь среди дружинников или гражданского населения, мы не знаем, сколько было захвачено в плен. Летописцы, путешественники и историки того времени упорно отказываются привести хотя бы преувеличенные цифры: они либо хранят молчание, как в случае с Киевом, либо пугают своих читателей беспомощными гиперболами («Черньци и черници, старья, и попы, и слепья, и хромья, и слукья, и трудоватя (и горбатых, и больных)..., и люди все иссекоша»¹¹⁷. «Татарове... избиша князя и княгню, и мужи, и жены, и дети, черньца и черноризиць, иерея (священников), овы огнемь, а инех мечемь...»¹¹⁸). Путешественники более позднего времени, посол папы Иоанн де Плано Карпини и францисканский монах Вильгельм Рубрук, правда, говорят о пленных, уведенных в кочевье или в рабство, а восточные историки (Рашид-ад-Дин, Ибн-ал-Асир), как и Иоанн де Плано Карпини, сообщают о том, что татары систематически угоняли опытных ремесленников и мастеровых из завоеванных городов. Археологические данные о физическом уничтожении и культурном притеснении слишком скудны, чтобы дать сколько-нибудь реальную картину состояния русских городов и сельской местности после нашествия. Советский историк Б. А. Рыбаков в своем фундаментальном труде «Ремесло Древней Руси» пишет, что русские земли «были в значительной степени обескровлены... по целому ряду производств мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубение и опрошение ремесленной промышленности во второй половине XIII в.». Его выводы базируются, в основном, на отсутствии в захоронениях XIII и XIV веков таких предметов, как украшенные пряслицы, бусы, амулеты и браслеты, исчезновении глиняной посуды, керамики и эмалевых изделий, характерных для археологического слоя XII и начала XIII века¹¹⁹.

Конечно, строительство соборов, церквей и монастырей на северо-востоке Руси замедлилось в период после нашествия и было далеко не столь бурным, как в XII и начале XIII столетия. Но строительство никогда не прекращалось полностью: в крупных городах работали архитекторы и каменщики, есть свидетельства о большом строительстве во Владимире и в Ростове во второй половине XIII века.

Более того, вскоре возникли новые архитектурные школы в Твери и Москве, где в XIV веке строительство расцвело¹²⁰.

Внутренняя торговля пришла в серьезный упадок по причине разорения городских ремесел и неспособности городов удовлетворить потребности деревень¹²¹; но и этот вывод базируется, в основном, на сообщениях Иоанна де Плано Карпини, Рашид-ад-Дина и Ибн-ал-Асира, согласно которым ремесленников и мастеровых угоняли из завоеванных городов, что находит очень незначительное подтверждение в археологических данных. Что касается сельского хозяйства, то мало что свидетельствует о том, что оно сколько-нибудь пострадало. Действительно, как указывает Б. А. Рыбаков, татары осмотрительно оставили крестьян в покое, чтобы те могли, говоря словами Ипатьевской летописи, «орют пшеницу и проса»¹²².

Как оценить масштаб разрушений? Как видно из описания похода Батыя на Русь, городами, которые мы твердо можем считать захваченными татарами и, очевидно, пострадавшими от этого, были Рязань, Владимир, Торжок на северо-востоке, Козельск, Южный Переяславль, Чернигов, Киев, Колодежин и Каменец на юге, Галич и Владимир на Волыни на юго-западе. Относительно остальных одиннадцати городов, про которые сообщается, что они были захвачены татарами или лежали на их пути, нет никаких свидетельств в пользу того, что они каким-то образом пострадали, — в самом деле, захватчики могли просто обойти стороной многие из них¹²³. Даже о тех городах, про которые есть основания считать, что они действительно **были** захвачены, отсутствуют данные, свидетельствующие о полном разрушении. Правда, Иоанн де Плано Карпини, путешествовавший в районе Киева пять лет спустя после падения города, говорит, что от Киева «почти ничего не осталось, в настоящее время (1245 год) в нем едва насчитывается 200 домов, а его население содержится в полном рабстве», но тут же сообщает, что татары «разрушили всю Русь»¹²⁴. Летопись, которая содержит столь яркое описание взятия Киева (Ипатьевская), не упоминает ни о разрушении каких-либо зданий, ни даже о массовом избиении жителей; сообщается только о проломе городских стен и о падении — из-за скопления людей на хорах — стен Десятинной церкви. Что касается северных летописей, то Лаврентьевская упоминает о падении матери городов русских в двух коротких предложениях, а Новгородская Первая и вовсе игнорирует это событие. Те же летописи не содержат никаких упоминаний о Чернигове или Южном Переяславле в период после нашествия. Создается впечатление, что после нашествия у северных летописцев еще более сузился кругозор и они считали эти два города, а заодно Киев и Смоленск лежащими теперь вне сферы их интересов. Действительно, за вторую половину XIII века мы практически не имеем сведений ни об одном из южнорусских районов, ни о том, какие князья, если они были, правили там: вероятно, большая часть русских земель перешла непосредственно под контроль татар¹²⁵.

Рязань, по-видимому, частью была разрушена; в компилятивной «Повести о разорении Рязани» упоминается, что «великая церковь» (Успенский собор) «погоре и почернеша»¹²⁶, хотя в единственной

летописи, сообщающей некоторые подробности о взятии Рязани, говорится только об избиении жителей, и то словами обычных клише. Что касается самого Владимира, то о материальном разрушении почти нет свидетельств. Хотя великий Успенский собор был якобы сожжен в 1238 году, он еще стоял и в нем совершалась служба в следующем году, когда там хоронили великого князя Юрия¹²⁷. Ничто не указывает и на то, что пострадали другие главные церкви города: Александр Невский был похоронен в церкви монастыря Рождества Богородицы в 1263 году¹²⁸, и нигде не упоминается о повреждении построенного в 1190 году Всеволодом III дворцового Дмитриевского собора.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в Северо-Восточной и Южной Руси **были** разрушения в результате нашествия Батыя. Но трудно сказать, как долго продолжалась разруха. В замечательно короткое время все вернулось в свою (или почти в свою) колею. В Рязани, например, старший из уцелевших князей, Ингварь Ингваревич, который, к счастью для него, находился в Чернигове во время нападения Батыя, быстро начал деятельность по восстановлению княжества. Финал «Повести о разорении Рязани» описывает последствия нашествия таким образом: «Благоверный великий князь Ингвар Ингваревич... сяде на столе отца своего... И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеши, и люди собра. И бысть радость христианом, их же избави Бог... от безбожнаго зловернаго царя Батыя»¹²⁹.

А. Л. Монгайт, советский археолог и историк Рязани, подтверждает, что Рязань была быстро восстановлена и что, несмотря на то что некоторые ремесла были уничтожены, а торговые связи ослаблены, это княжество вскоре вернулось к нормальной жизни¹³⁰. Летописцы северо-востока Руси рисуют похожую картину восстановления и подъема при новом великом князе владимирском, Ярославле Всеволодовиче, и подчеркивают, что период, последовавший за событиями 1238 года, был в Суздальской земле спокойным. Действительно, летописцы как Новгорода, так и Владимира проявляют больше интереса к деятельности Ярослава и его сына Александра на западе, чем к последствиям нашествия на остальную Русь. В целом это совершенно не похоже на застой и болезненно медленное восстановление после разрушительной войны. «Великое освящение» дворцовой Борисоглебской церкви в Кидекше возле Суздаля в 1239 году¹³¹, успешные действия Александра Невского на северо-западе (победы над шведами и немецкими рыцарями в 1240 и 1242 годах соответственно), разгром Ярославом литовцев, вторгшихся на территорию Смоленска в 1239 году — все это свидетельствует либо о способности русских быстро восстановить свое хозяйство на севере, либо о том, что Суздальская земля не была поставлена на колени татарским нашествием.

Что касается влияния нашествия на связи Руси с внешним миром, то опять мы имеем слишком мало данных, позволяющих сделать какое-либо обоснованное заключение по этому вопросу. Можно предположить, что торговые связи Руси с Западом пострадали не столько из-за татарских опустошений в 30-х годах XIII века, сколько

по причине участвовавших после нашествия нападений со стороны западных соседей Руси: шведов, немцев и литовцев,— что сделало затруднительным использование торговых путей к морю. И все же торговля с Западом как из Новгорода и Смоленска, так и через эти города, каждый из которых не пострадал от татар, потерпела, по-видимому, относительно небольшие изменения, особенно торговля с Балтикой, т. е. с Ригой, Готландом и Любеком, что подтверждается различными торговыми договорами второй половины XIII века. Еще труднее установить, в какой степени сократилась или увеличилась в результате нашествия восточная торговля. Некоторые историки считают, что уничтожение Волжской Булгарии временно прервало движение товаров по Волге¹³² — основному пути торговли с востоком,— но мало что свидетельствует о прекращении ввоза и вывоза по маршруту Волга—Каспий из Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка и Витебска на западе, Владимира и Суздаля на северо-востоке¹³³.

Итак, мы имеем картину Руси, испытавшей еще один удар степных захватчиков, более грозных, более подготовленных как в военных, так и в мирных делах и более стойких, чем печенеги или половцы. Но Русь вовсе не была такой сокрушенной, разоренной и деморализованной, какой ее пытаются изобразить многие историки нашего времени. Действительно, мало что слышно о южных землях: Киеве, Чернигове и Переяславле второй половины XIII века, но это не обязательно свидетельствует о физическом разрушении или экономическом застое, а скорее, о прекращении потока информации, перерыве или исчезновении киевского летописания и разрыве политических и культурных связей между Суздальской землей и югом Руси. Ничто не говорит и о массовом переселении людей из уязвимых южных земель в относительно безопасную северную часть районов как прямое результате нашествия Батыя. Если такой сдвиг населения Руси действительно имел место, то, по всей вероятности, он произошел ближе к концу столетия, когда дал о себе знать эффект от повторяющихся карательных набегов татар.

В северо-восточных районах, в новгородских землях, на обширных просторах к северу от Волги, где впоследствии возникли новые важные центры и где, в конце концов, происходило политическое и культурное развитие Московии, образ жизни претерпел, по-видимому, незначительные изменения. В самом деле, в период после нашествия социально-политическая структура Суздальской земли и Новгорода осталась в целом такой же, какой она была раньше, во всяком случае, в первые годы после нашествия. Но, как будет видно в следующих главах, посвященных, в основном, Северо-Западной Руси, присутствие татар Золотой Орды вскоре дало себя знать.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначально монголы были одним из племен, населявших современную Монголию. В XII в., однако, они были разгромлены своими соседями татарами. Названия

«монгол» и «Монголия» сохранились благодаря тому, что Чингис-хан сам был монгольского происхождения. В русских источниках того времени для обозначения монголов на Руси применялся только термин «татары», который используется и в этой книге.— См.: *Ve g n a d s k y. The Mongol and Russia*, p. 11—12. Ср.: *S p u l e r. Die Goldene Horde*, p. 11, p. 1.

² Тизенгаузен, т. 1, с. 25—26. Эта информация повторяется персидским историком Рашид-ад-Дином.— См.: *Р а ш и д - а д - Д и н*, т. 1, кн. 2, с. 229.

³ См.: Плетнева, с. 299. Ибн-ал-Асир говорит, что после поражения на Северном Кавказе «кипчаки» бежали в «Русь» (Тизенгаузен, т. 1, с. 26). Известно, когда Мстислав женился на дочери Котяна.

⁴ Восточные источники (Ибн-ал-Асир и Рашид-ад-Дин) не сообщают сколько-нибудь ценной информации.

⁵ Подчеркивается униженный характер поражения половецкого передового отряда под началом некоего Яруна перед главной битвой, а также уничтожение половцами после сражения каждого десятого из бежавших русских, «а иных... ис коня, а и иных ис порта» (т. е. иных затем, чтобы захватить их коней, а иных — чтобы взять их одежду).

⁶ Вплоть до 1200 г. *Ипат* сосредоточена на делах Киева. С 1200 г. и до своего окончания она описывает почти исключительно деятельность наследников Романа Мстиславича из Галицкой и Волынской земель, особенно его старшего сына Даниила.

⁷ Подробный анализ источников см.: *Fennell. The Tatar Invasion of 1223*. О датировке см.: *Б е р е ж к о в*, с. 317—318. Основные летописные соображения содержатся в: ПСРЛ, т. 1, стб. 445—447; НПЛ, с. 61—63, 264—267; ПСРЛ, т. 2, стб. 740—745; т. 5, с. 202—207. Литературную оценку «Повести о битве на Калке» (т. е. история татарского нашествия 1223 г.) см. в: *Fennell and Stokes. Early Russian Literature*, p. 81—88.

⁸ НПЛ, с. 62, 265. Компилятор Никоновской летописи XVI в. пошадил скромность читателя, заменив «и девкы» на «и прочаа» (ПСРЛ, т. 17, с. 89).

⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 742.

¹⁰ О Зарубе см.: *Т о л о ч к о*. Киев, с. 143—146.

¹¹ НПЛ, с. 62, 265.

¹² НПЛ, с. 62, 266.

¹³ Двенадцатидневный, как считает Ибн-ал-Асир (Тизенгаузен, т. 1, с. 27).

¹⁴ Город был построен Святополком Изяславичем в 1095 г. на месте, где стоял бывший город-крепость Витичев, в 20 км к югу от Треполя.— См.: *Т и х о м и р о в*, *Древнерусские города*, с. 55; *Т о л о ч к о*, *Киевская земля*, с. 35—36; *е г о ж е*. Киев, с. 141.

¹⁵ ПСРЛ, т. 5, с. 204.

¹⁶ НПЛ, с. 63, 266.

¹⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 447. 60 000 (!) киевлян — согласно *Ник* (ПСРЛ, т. 10, с. 92).

¹⁸ НПЛ, с. 63, 267.

¹⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 741.

²⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 447.

²¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 743.

²² *Бродники* были из крайнего северо-восточного района половецких степей (см.: *П л е т н е в а*, с. 298—299). Они, очевидно, перебежали к татарам на какой-то стадии сражения, и, несмотря на клятву их начальника спасти Мстислава Романовича и двух других князей, его соратников, державших холм над Калкой, *бродники* позволили татарам захватить укрепления, поубивать всю дружину и пировать на досках, положенных на корчившиеся тела трех князей, пока те не умерли (НПЛ, с. 63, 266—267).

²³ Перед самой битвой половецкий передовой отряд бежал в беспорядке, «попоташа... станы русских князей» (НПЛ, с. 63, 266).

²⁴ Мелкое княжество, расположенное на самой южной границе Киевской земли.

²⁵ См.: *Р а п о в*, с. 196.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 92, 93.

²⁸ Всего, по-видимому, спаслось девять князей: трое Ростиславичей, четверо Ольговичей, один из западно-русских князей (Мстислав Ярославич Луцкий) и Даниил Волынский.

²⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 746, 753.

³⁰ *П л е т н е в а*, с. 299—300; *Ф е д о р о в - Д а в ы д о в*, с. 27—28, 41—42.

³¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 446; с. 61, 264. Ср. описание их происхождения у Матфея Парижского (М а т у з о в а, с. 113, 138).

³² ПСРЛ, т. 1, стб. 234, 235—236.

³³ НПЛ, с. 63, 267.

³⁴ В 1226, 1228 и 1232 гг. В 1239 г. мордва совершила набег на Нижний Новгород.— См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 448—449, 450—451, 459. О русско-мордовских отношениях в 20—30-х годах XIII в. см.: К у ч к и н. О маршрутах, с. 44—45.

³⁵ 1224 г.: Юрий послал Всеволода, цель не указана (ПСРЛ, т. 1, стб. 447); 1224 г.: Василько с Юрием в Торжке (НПЛ, с. 64, 268); 1226 г.: Василько и Всеволод с Юрием против курского князя Олега (ПСРЛ, т. 1, стб. 448); 1228 г.: Юрий послал Василька против мордвы (там же, стб. 450); 1232 г.: все трое с Ярославом против Серенска (там же, стб. 459).

³⁶ 1227 г.: Василько взял в жены дочь черниговского князя Михаила (ПСРЛ, т. 1, стб. 450); 1228 г.: Всеволод женился на дочери Олега Святославича (из Курска?) в Южном Переяславле (ПСРЛ, т. 25, с. 122).

³⁷ 1227 г.: Всеволод послан править в Южном Переяславле (ПСРЛ, т. 1, стб. 450).

³⁸ Там же, стб. 448—449.

³⁹ Там же, стб. 451. Он вернулся в Юрьев в 1230 г. и все еще находился там в 1234 г. (там же, стб. 455, 460).

⁴⁰ Там же, стб. 451—452.

⁴¹ НПЛ, с. 61, 63—64, 263, 267.

⁴² Юрий взял в жены сестру Михаила Агафью в 1211 г. (ПСРЛ, т. 1, стб. 345).

⁴³ НПЛ, с. 64, 268.

⁴⁴ 1216 г.: брат Юрия Владимир женился на дочери черниговского князя Глеба (ПСРЛ, т. 1, стб. 438); 1227 г.: племянник Юрия Василько Константинович взял в жены дочь Михаила Черниговского (там же, стб. 450); 1228 г.: племянник Юрия Всеволод Константинович женился на дочери Олега Святославича из Курска и Новгорода Северского, старшего члена из младшей ветви Ольговичей (Там же, т. 25, с. 122). О курском князе Олеге см.: D i m n i k. Russian Princes and their Identities, p. 158—165.

⁴⁵ В 1226 г. Юрий со своими племянниками Васильком и Всеволодом Константиновичами «ходи в помощь Михаилу Всеволодичю на Олга Курьскаго». Юрию удалось миром уладить эту, очевидно, внутрисемейную вражду среди Ольговичей (ПСРЛ, т. 1, стб. 448).

⁴⁶ Описание похода 1232 г. против Серенска на Черниговской территории не указывает на то, что Михаил участвовал в сражении (ПСРЛ, т. 1, стб. 459). Ср., однако, *НП* под 6739 (1231) годом, где сообщается, что Ярослав сражался с Михаилом в районе Серенска и Мосальска (НПЛ, с. 71, 280).

⁴⁷ Не исключено, что наследником престола стал псковский князь Владимир Мстиславич (единственный выживший двоюродный брат Мстислава Давидовича, не считая киевского князя Владимира Рюриковича), или, что более вероятно, это был сын Мстислава Давидовича Ростислав, присутствовавший, по-видимому, в качестве смоленского князя на совете в Киеве в 1231 г.

⁴⁸ ПСРЛ, т. 1, стб. 450.

⁴⁹ Там же, стб. 453—454.

⁵⁰ В 1225 или 1226 г. трое из Ростиславичей (псковский князь Владимир Мстиславич, его сын Ярослав и его брат торопецкий князь Давид) помогли Ярославу отбить крупное литовское вторжение, направленное против Торжка, Торопца, Смоленска и Полоцка (НПЛ, с. 64, 269; ПСРЛ, т. 1, стб. 447—448).

⁵¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 455—456.

⁵² ПСРЛ, т. 2, стб. 753.

⁵³ Там же, стб. 766. В благодарность за это Владимир отдал Даниилу город Торческ.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 457.

⁵⁵ НПЛ, с. 70, 278.

⁵⁶ Там же, с. 68, 274—275.

⁵⁷ Там же, с. 71, 280.

⁵⁸ Должность *тысяцкого* была передана Борису Негочевичу во время волнений, предшествовавших повторному вызову Михаила (НПЛ, с. 67, 273).

⁵⁹ В 1225 г. Михаил оставил Новгород вскоре после прибытия (НПЛ, с. 64, 268—269). В 1229 г. он опять уехал вскоре после прибытия, но вернулся в 1230 г. только для того, чтобы снова отбыть в Чернигов (там же, с. 68, 69, 275, 276).

⁶⁰ НПЛ, с. 70, 278.

⁶¹ Там же, с. 71—72, 280—282.

⁶² Там же, с. 73, 284.

⁶³ Описание сражения вокруг Чернигова в 1235 г. (дается под 1234 годом) и последовавшего перемирия явно относится к захвату Чернигова татарами в 1239 г., как описано в *Ипат* (под 1237 годом), *НН* (под 1239 годом) и *С* (под 1239 годом) (ПСРЛ, т. 2, стб. 772; т. 4, с. 222—223; т. 5, с. 218—219).— См.: Dimnik. The Siege of Chernigov in 1235.

⁶⁴ «Изяслав» в *Н* (НПЛ, с. 74, 284) и *Ипат* (ПСРЛ, т. 2, стб. 772—774) без указания отчества; «Изяслав Мстиславич» в *НН* и *С* (там же, т. 4, с. 214; т. 5, с. 210); «Изяслав Мстиславич, внук Романа» в *М* (там же, т. 25, с. 126); «Изяслав Мстиславич Смоленский» в *Ник* (там же, т. 10, с. 104). Однако почти не может быть сомнений в том, что Изяслав был членом младшей ветви Ольговичей и на самом деле внуком Игоря Святославича из Новгорода Северского и Чернигова. Ошибка предполагаемого свода 1448 г., отраженная в *НН* и *С*, явно перешла в последующие своды.— См.: Dimnik. Russian Princes and their Identities, p. 107—170; The Struggle for Control over Kiev.

⁶⁵ М. Димник (Dimnik. The Struggle for Control over Kiev, p. 35), однако, считает, что Михаил посадил на престол не своего двоюродного брата Изяслава Владимировича, а Изяслава Мстиславича, племянника Владимира.

⁶⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 772—774; НПЛ, с. 73—74, 284—285.

⁶⁷ НПЛ, с. 74, 285. Согласно *Ипат* под 1225 годом (ПСРЛ, т. 2, стб. 777), он взял Киев у Владимира — об этом не упоминается в *Н*. См., однако, статью М. Димника (The Struggle for Control over Kiev, p. 37), который считает, что Ярослав получил Киев в результате соглашения между Даниилом и великим князем Юрием, причем Юрий «вынудил Владимира оставить Киев».

⁶⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 777.

⁶⁹ Там же, стб. 777—778 (под 1235 годом).

⁷⁰ Саксин — это древний хазарский город Итиль.— См.: Черепнин. Монголо-татары, с. 190; Ноопан. Suzdalia's Eastern Trade, p. 372—373; Федоров-Давыдов. Кочевники, с. 149—150.

⁷¹ Тизенгаузен, с. 27—28.

⁷² Может быть, хазары.— См.: Черепнин. Монголо-татары.

⁷³ ПСРЛ, т. 1, стб. 453. Этот поход упоминается также персидским историком Джувейни (Juva'ini. The History of the World-Conqueror, vol. 1, p. 190) и арабом ибн-Василем (Тизенгаузен, с. 73). См. также: Allsen. Prelude to the Western Campaigns.

⁷⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 459; т. 25, с. 125.

⁷⁵ Татищев, т. 4, с. 370; т. 3, с. 227.

⁷⁶ «Джаман», согласно Рашиду-ад-Дину,— возможно, искаженное «Яик».— См.: Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 57—59.

⁷⁷ Черепнин. Монголо-татары, с. 191. См. также сообщение венгерского монаха Юлиана (Аннинский, с. 83 и далее), перечисляющего завоевания «языческих царств»: Saskiam (саксинийцы), Fulgariam (булгары)... Megowiam (мари), Morgapum Regnum (мордва); Рашид-ад-Дин: покорение *бокшей* и *буртов* (мордвы) (Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 59); Juva'ini. The History of the World-Conqueror, p. 249.

⁷⁸ Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 58—59.

⁷⁹ Подробный анализ русских источников см: Fennell. The Tale of Baty's Invasion.

⁸⁰ Ранний список датируется XVI в., но «Повесть» явно отражает фрагменты, написанные не позднее XIII в.— См.: «Воинские повести», с. 9—19; Fennell and Stokes. Early Russian Literature, p. 88—97; История русской литературы X—XVII веков, с. 161—167.

⁸¹ «Юрь же сам не поиде, ни послуша князин рязаньских молбы, но сам хоте особь брань створити» (НПЛ, с. 74—75, 286). Та же летопись, однако, утверждает, что Юрий послал некоего Еремея с передовым отрядом («в сторожих»), который под Коломойй соединился с рязанским князем Романом Ингваревичем и был разбит татарами (Там же, с. 75, 287). *Л* сообщает, что вместе с Еремеем был сын Юрия Всеволод (ПСРЛ, т. 1, стб. 460).

⁸² «Воинские повести», с. 12. В «Повести» также упоминается «Ижеславец» — возможно, Ижеславль между Белгородом и Пронском на реке Проня. Заметим, что и «Повесть», и Никоновская летопись XVI в. утверждают, что битва между рязанцами

и татарами состоялась до осады Рязани.— См. там же, с. 11—12; ПСРЛ, т. 10, с. 105—106.

⁸³ НПЛ, с. 75, 287.

⁸⁴ Взят в плен, согласно *Л*, убит, согласно: Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 59. Значительно более позднюю версию захвата Москвы см.: Горский И. К вопросу.

⁸⁵ Согласно *Н1*, однако, Юрий сначала направился в Ярославль и двинул оттуда ударный отряд в 3000 человек, который был окружен врагом. Тогда Юрий занял позиции для сражения (вероятно, под Ярославлем), но, когда татары приблизились, бежал к реке Сити.

⁸⁶ К этому описанию в *Л* добавлен фрагмент, описывающий попытку татар сломить дух сопротивления владимирцев — они провели своего главного пленника, князя Владимира Юрьевича, перед стенами города. Этот эпизод, однако, вызывает сомнения — Рашид-ад-Дин сообщает, что Владимир был убит в Москве. Вероятно, этот фрагмент был добавлен в более позднее время к исходной летописной версии, как и многие другие литературные гиперболы.— См.: Fennell. The Tale of Baty's Invasion, p. 46—48.

⁸⁷ Содержится только в *Ипат* (ПСРЛ, т. 2, стб. 779).

⁸⁸ Подробное текстологическое исследование истории пленения и казни Василька см.: Fennell. The Tale of the Death.

⁸⁹ Согласно *Ипат*, татарами командовал Бурундай, войско которого окружило дружины Юрия. *Ипат* также намекает на неосмотрительность Юрия, указывая, что нападение было для него неожиданным («Юрь... не имеючи сторожен») (ПСРЛ, т. 2, стб. 779).

⁹⁰ В «Сказании о смерти Василька», как-то неловко включенном в описание битвы на Сити в *Л*, Василька, в конце концов, погребают вместе с обезглавленным телом Юрия. М. Д. Приселков считал, что, поскольку в ранних русских войнах враги редко отрубали головы, Юрий был предан и убит своими людьми.— См.: Fennell. The Tale of the Death. p. 36, p. 8.

⁹¹ Датировку см.: Бережков, с. 270—271.

⁹² Ср.: Каргалов, с. 108—109.

⁹³ НПЛ, с. 76, 288—289. В. В. Каргалов считает, что только ударный конный отряд двигался на запад от Торжка до Игнача-креста (Каргалов, с. 107).

⁹⁴ В «Сказании о Меркурии Смоленском», написанном не ранее конца XV в. и основанном большей частью на местных преданиях, рассказывается, как юноша по имени Меркурий спас Смоленск от татарского отряда. Однако ни один из источников не содержит указаний на то, что татары проходили в районе Смоленска.— См.: Русские повести XV—XVI веков, с. 106—107; История русской литературы X—XVII веков, с. 169—170.

⁹⁵ Сообщается в *Ипат* (ПСРЛ, т. 2, стб. 780—781) и у Рашид-ад-Дина (Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 60). Версия *Ипат* в каком-то смысле противопоставляет героизм жителей Козельска, возглавляемых неким князем Василием, трусливому поведению Всеволода во Владимире («Всеволод убояся, бе бо и сам млад») — еще одна попытка этой южной летописи очертить северных князей.

⁹⁶ Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan, p. 60. В. В. Каргалов считает, что татары вторглись в Крым зимой 1239/1240 г.— См.: Каргалов, с. 114.

⁹⁷ После захвата Переяславля и Чернигова в 1239 г. (ПСРЛ, т. 1, стб. 469—470). Муром был сожжен, как и город Гороховец, расположенный непосредственно к востоку от впадения Клязьмы в Оку. Поздний Тверской сборник (ПСРЛ, т. 15, стб. 374) сообщает, что Городец Радилон на Волге был взят в это же время, но в отношении Гороховца это, вероятно, ошибка.

⁹⁸ ПСРЛ, т. 1, стб. 469; т. 2, стб. 781—782. Датировка дается в Псковской Первой и Второй летописях (т. 1, с. 11; т. 2, с. 79) и в *ПСРЛ*. т. 16, стб. 56.

⁹⁹ На самом деле в *Ипат* сообщается, что они были захвачены в 1234 г., но некоторые элементы запутанной записи под 6742 годом явно указывают на татарское нашествие 1239 г.— См.: Dimnik. The Siege of Chernigov in 1235 (см. выше, прим. 63).

¹⁰⁰ Наиболее полное описание черниговского похода дается в *Н1V* и *С1*. Обе летописи восходят к фрагментарным описаниям, содержащимся в *Ипат* под 1234 и 1237 годами (ПСРЛ, т. 4, с. 222—223; т. 5, с. 218—219; т. 2, стб. 772, 782). *Л* кратко повествует о захвате Чернигова и добавляет, что «князи ихъ выехаша въ Угры, в Венгрию» —

вероятно, этот эпизод на самом деле относится к побегу Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава из Киева (в начале 1240 г., но в *Ипат* приводится под 1238 годом). О дате падения Чернигова см.: ПСРЛ, т. 16, стб. 51; ПЛЛ, с. 12.

¹⁰¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 469. Заметим, что, согласно *HIV* и *CI* (ПСРЛ, т. 4, с. 223; т. 5, с. 219), татары «придоша с миром к Киеву и смиришеся с Мстиславом и с Владимиром и с Даниилом». Этот финал, который также замыкает описание осады Чернигова в 1235 г. *Ипат*, представляется помещенным здесь ошибочно: трудно понять, что князья Чернигова, Смоленска и Галича делали в Киеве в конце 1239 г. См., однако: Dimnik. *The Siege of Chernigov in 1235*, p. 401—403.

¹⁰² ПСРЛ, т. 2, стб. 782; ср. т. 25, с. 131; т. 20, с. 158; т. 23, с. 77; т. 10, с. 116,— т. е. версия «свода 1472—1479 гг.».

¹⁰³ Rashid ad-Din. *The Successors of Genghis Khan*, p. 69.

¹⁰⁴ См.: Пашуто. *Очерки*, с. 85—86. Описание из *Ипат* повторяется с незначительными изменениями в *HI*, *CI*, *M*, *E*, *Льв* и *Нук*. *HI* не упоминает о взятии Киева, а *L* ограничивается несколькими словами.

¹⁰⁵ Согласно Рашид-ад-Дину, осада длилась девять дней (Rashid ad-Din. *The Successors of Genghis Khan*, p. 69). Более поздние русские источники сообщают, что она продолжалась «10 недель и 4 дни», с 5 сентября до 19 ноября.— См.: ПСРЛ, т. 16, стб. 51; ПЛЛ, с. 12; ПЗЛ, с. 81.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 786. Повторение в *HIV*, *CI*, *M*, *E*, *Льв*, *Rashid ad-Din* (*ibid.*, p. 69).

¹⁰⁷ Описание похода Батые на запад см.: Verнадский. *The Mongols and Russia*, p. 52—58; Пашуто. *Монгольский поход*; Spuler. *Die Goldene Horde*, p. 20 et seq.; Grousset. *L'Empire des Steppes*, p. 330—333.

¹⁰⁸ См. Матфеев. *Парижского (Матузова, с. 110 и далее)*. Он сообщает, что в Ярмуте в 1238 г. было затоваривание сельди: заморские купцы были слишком напуганы монгольской угрозой и не приезжали в Англию (там же, с. 111, 136).

¹⁰⁹ Verнадский. *The Mongols and Russia*, p. 58.

¹¹⁰ Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 266.

¹¹¹ Каргалов, с. 74—75.

¹¹² Rashid ad-Din. *The Successors of Genghis Khan*, p. 57, 58; Allsen. *Prelude to the Western Campaigns*.

¹¹³ НПЛ, с. 76, 288.

¹¹⁴ Тихомиров. *Древнерусские города*, с. 139—141.

¹¹⁵ Соловьев, т. 3, с. 23—24.

¹¹⁶ Согласно венгерскому доминиканцу Юлиану, который путешествовал в землях Волжской Булгарии в 1237—1238 гг., Юрий узнал от перехваченных им татарских послов в Венгрию, что татары собираются напасть на Венгрию, победить Рим и пойти еще дальше на запад.— см.: Аннинский, с. 88, 106.

¹¹⁷ В Суздале (ПСРЛ, т. 1, стб. 462).

¹¹⁸ В Рязани (НПЛ, с. 75, 287).

¹¹⁹ Рыбаков, с. 525—538.

¹²⁰ Воронин, т. 2, с. 131—138.

¹²¹ Verнадский. *The Mongols and Russia*, p. 343; Рыбаков, с. 534.

¹²² Рыбаков, с. 525; ПСРЛ, т. 2, стб. 792.

¹²³ Воронин считает, что Ярославль, Ростов, Углич, Кострома, Северный Переяславль, Тверь «и другие города» сдались без боя и не были разрушены татарами (Воронин, т. 2, с. 130).

¹²⁴ *The Mongol Mission*, p. 30.

¹²⁵ Грушевский, с. 447 и далее.

¹²⁶ «Воинские повести», с. 15.

¹²⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 467—468.

¹²⁸ НПЛ, с. 84, 312.

¹²⁹ «Воинские повести», с. 18—19.

¹³⁰ Монгайт. *Рязанская земля*, с. 355—359. В XIV в. столица была перенесена в Переяславль Рязанский. Основными причинами были беспокойная обстановка в Старой Рязани и частые набеги татар. Переяславль был хорошо защищен окружающими его лесами.— См.: Монгайт. *Старая Рязань*, с. 28.

¹³¹ Церковь была построена в 1152 г. и освящена (вероятно, после строительных переделок) ростовским епископом Кириллом (ПСРЛ, т. 1, стб. 469).

¹³² Например: Каргалов, с. 210—211.

¹³³ См.: Лимонов.

ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ (1238—1263)

Борьба за власть в 1238—1252 годах

В течение тринадцати лет после битвы на реке Сить татары не беспокоили Северную Русь. Они не совершили ни одного военного нападения ни на одного из потомков Всеволода III или их ставленников, во всяком случае, в источниках об этом ничего не сообщается. В результате князья получили прекрасную возможность враждовать между собой, устраивать свои дела, защищаться от врагов с запада и даже время от времени вмешиваться в дела своих прежних южных соседей. Впрочем, в первые четыре года (1238—1242) татары воевали в других местах: на юге и юго-западе Руси и в Восточной Европе — и не имели ни возможности, ни времени контролировать положение на покоренных русских землях. Но в течение десяти лет после основания своей столицы и ставки в Сарае на Волге хан Батый и его сын Сартак, хотя и зорко следили за своими ставленниками-князьями, заставляли русских князей (по крайней мере номинально) подтверждать свое право на княжение, представляя на суд хана свои верительные грамоты. Татары не проявляли стремления вмешиваться в управление Владимиром, Суздаем, Ростовом или Новгородом. Они не совершали карательных набегов. Нет никаких упоминаний даже о татарских представителях или войсках, размещенных в основных городах на севере Руси. Возможно, это объясняется послушанием русских, их нежеланием раздражать татар в те годы, их выжидательной политикой; или опять-таки это может свидетельствовать о неготовности татар на этой стадии осуществлять твердый военный и экономический контроль над русскими. Во всяком случае, что касается татарской политики на Руси, это был период пассивности. По всей видимости, русские в то время сами решали, как им жить.

Выше уже говорилось, что жизнь на северо-востоке и северо-западе Руси шла, в общем, тем же чередом, что и до нашествия. Конечно, некоторые города нуждались в восстановлении разрушенных и сожженных домов, а также в какой-то мере в заселении местностей, пострадавших от татар, в восстановлении населения. Однако прежние князья правили в прежних районах; прежние летописи велись в прежних центрах — Владимире, Ростове и Новгороде; прежние враги нападали на прежние территории вдоль западных границ. О связях с южными и юго-западными районами Руси мы имеем еще

меньше информации, чем до нашествия, что, возможно, объясняется фрагментарным и случайным характером южных источников: киевское летописание, если оно вообще существовало после 1240 года, очень слабо отражено в позднейших сводах, а великая Галицко-Волынская (Ипатьевская) летопись сообщает только то, что имеет отношение к Даниилу из Западной Руси и его, как правило, бурным отношениям со странами Восточной Европы.

Это был, однако, период скорых решений и стремительных изменений ситуации. Снова потомки Всеволода III были разделены на две группировки, стремившиеся к достижению противоположных политических целей. Но на этот раз вопрос заключался не в том, кто должен править в Суздальской земле или в каком центре должна быть сосредоточена власть — во Владимире или в Ростове. Вопрос стоял теперь иначе: каким должно быть отношение Всеволодовичей к татарам — сопротивляться или подчиниться? И какой должна быть их политика по отношению к Западной Европе? От ответа на эти вопросы зависело будущее Руси. Более того, фактический разрыв между севером и югом Руси, почти полное прекращение политических и культурных связей между Владимиром и южными княжествами, а также глубокая вовлеченность Даниила Галицкого в местные и восточноевропейские дела и его освобождение от прежней зависимости от Киева — все это знаменовало собой начало изоляции большей части того, что когда-то было Киевским государством.

Чтобы понять систему распределения земель и порядок передачи власти от князя к князю на северо-востоке Руси, необходимо помнить, кто из потомков Всеволода III выжил в событиях 1237—1238 годов и каким было их положение в 1238 году. После смерти Юрия и трех его сыновей великим князем владимирским стал Ярослав, старший из его уцелевших братьев. Сорока восьми лет от роду, он был самым опытным в политике и стойким из всех Всеволодовичей. Большая часть предшествующей деятельности Ярослава прошла в его вотчине в Северном Переславле, которая к этому времени включала город Тверь на западе и граничила с новгородскими землями. В 20-х и 30-х годах он приобрел огромный опыт, управляя Новгородом при посредстве своих сыновей Федора и Александра и без их помощи, имея дело с непокорными горожанами и разрушая замыслы своего предприимчивого и честолюбивого врага, черниговского князя Михаила. Неудивительно, что никто не оспаривал принятие им владимирского престола. Два его брата, Святослав и Иван, не причиняли ему беспокойства. Святослав, которому в 1213 году уже была пожалована вотчина в Юрьеве Польском и который тихо прожил там четверть столетия, в 1238 году получил город и район Суздаля в знак его старейшинства — он был следующим претендентом на престол во Владимире. Иван, в течение сорока лет вообще не имевший никакой вотчины, получил мелкий район Стародуб на Клязьме, которым до своей смерти в 1228 году владел его брат Владимир и который в то время был не занят¹.

Что касается следующего поколения — внуков Всеволода III, — то здесь для нас представляют интерес только две ветви этого рода:

потомки Константина Ростовского и потомки великого князя Ярослава. Вспомним, что старший сын Константина Василько был казнен татарами после битвы на реке Сить в 1238 году. Принадлежавшая ему главная часть вотчины Константина, Ростов, отошла не к его старшему брату, а в соответствии с правом первородства (которое начиная с 1238 года и до конца XIII века, по-видимому, соблюдалось потомками Константина) к его старшему сыну Борису, тогда как северный район, Белоозеро, отошел к его второму сыну Глебу. Судьба второго сына Константина, Всеволода Ярославского, неизвестна; вероятно, он умер в 1238 году или вскоре после этого — о нем ничего не сообщается после короткого упоминания в летописи о том, что он сражался на Сити. Его старший сын Василий, очевидно, стал княжить в Ярославле². Его третий сын Владимир, единственный, о котором известно, что он пережил события 1238 года, княжил в Угличе до своей смерти в 1249 году³. Таким образом, три ветви потомков Константина правили в обширной северо-восточной части Суздальской земли: старшая ветвь — в Ростове и Белоозере, средняя — в Ярославле, младшая — в Угличе.

Нам известно очень мало подробностей о жизни детей великого князя Ярослава до 1238 года. Старший из них, Федор, умер в 1233 году в возрасте 14 лет. Александр, родившийся около 1220 года⁴, провел большую часть своего детства и юности в Северном Переяславле, а кроме того, подолгу жил в Новгороде со своим отцом и старшим братом. В 1236 году Ярослав оставил его единственным правителем в Новгороде, когда сам отправился на юг попытаться установить свою власть в Киеве. Александр, очевидно, оставался в Новгороде еще в течение четырех спокойных лет — новгородский летописец не упоминает о каких-либо волнениях в городе, пока в 1240 году молодой князь не оставил его, вступив в конфликт с горожанами. О других сыновьях Ярослава: Андрее, Константине, Ярославе, Данииле и Михаиле — летописи впервые упоминают в 1239 году, сообщая, что они пережили татарское нашествие⁵. Это же относится к сыну Святослава Дмитрию. Сын Ивана Михаил упоминается только Татищевым под 1276 и 1281 годами — он княжил в Стародубе⁶, унаследованном им, по всей видимости, от своего отца.

Единственный внешний признак татарского присутствия, как уже указывалось выше, состоял в том, что все эти правители суздальских вотчин были обязаны время от времени отправляться в ставку Золотой орды в Сарая, чтобы выразить преданность хану и получить подтверждение своего права на княжение в том или ином районе. Всего за 1242—1252 годы суздальские князья совершили не менее девятнадцати визитов к Батыю или его сыну Сартаку, а в четырех случаях были вынуждены предпринять долгое и трудное путешествие из Сарая к великому хану в Каракорум. Два ростовских князя совершили три поездки между 1242 и 1250 годами, вероятно, для того, чтобы упорядочить смену владений, происходившую в то время. Источники сообщают, что в Орду были призваны также три южных князя: один был там убит и за это мученичество канонизирован (Михаил Черниговский в 1246 году)⁷, другой прибыл для выражения особой преданности хану (Даниил Волынский и Галицкий в 1245

году)⁸, а третий был по неизвестной причине отправлен в Каракорум (Олег Рязанский в 1243 году)⁹. Это правило распространялось и на великого князя владимирского, и Ярослав ездил дважды: в 1243 году для подтверждения права на владимирский престол («Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке», — сказал ему, как сообщают, Батый)¹⁰ и в 1245 году вместе с двумя своими братьями и двумя ростовскими князьями. Во второй свой приезд он был послан в Каракорум.

Ярослав прожил после татарского нашествия на Суздальскую землю еще восемь лет. За этот период только в 1239 году он проявил какие-то признаки прежней воинственности, столь характерной для его деятельности до татарского нашествия. В этом году он напал на Каменец на реке Хомора возле границы Киевского княжества и Волынской земли. Цель этого необычного похода на столь удаленный от Суздальского Владимира город становится ясной, если вспомнить, кто захватил его в то время. Оказывается, там находился не кто иной, как Михаил Черниговский, княживший в этот период в Киеве. Он вывез свою жену с ее свитой в эту самую западную заставу на территории Киевского княжества — оставаться в столице становилось все более опасно. В самом Каменце княжил двоюродный брат Михаила Изяслав Владимирович, которого четырьмя годами раньше Михаил временно ставил на киевский престол. Нападение Ярослава удалось, что неудивительно, поскольку Михаил едва ли мог предполагать что-либо столь неожиданное от своего давнего, но к этому времени далекого врага, которого он недавно вытеснил из самого Киева. Михаилу удалось бежать в Киев, но Каменец был взят, кроме того, Ярослав захватил жену Михаила и несколько его бояр и отправил их во Владимир¹¹. Это был акт личной мести, лишенный политической целесообразности, и он почти ничего не дал Ярославу: он не захватил в плен своего старого врага, и даже если бы это ему удалось, то мало бы что изменилось: дни Михаила как политика в Южной Руси были к тому времени сочтены.

Военные успехи Ярослава на этом не закончились. Ближе к концу 1239 года он (возможно, по пути из Каменца) дрался с литовцами, вторгшимися на земли Смоленска. Об этом сражении сообщается только, что Ярослав разгромил литовцев и «князя их ял (пленил)» (имя литовского князя не указывается); но запись в летописи добавляет, что он «смольняны урядив (то есть устроил дела в Смоленском княжестве)» и «князя Всеволода [Мстиславича] посади на столе»¹². Это вмешательство во внутренние дела Смоленска (очевидно, Ярослав уладил там какие-то династические проблемы, может быть, заменил Святослава Мстиславича, последнего известного нам правителя Смоленска, на его брата) знаменовало собой не только упадок могущества Ростиславичей, переставших быть силой, с которой нужно считаться, но также и признание ими власти великого князя владимирского.

Однако это было фактически последнее из выступлений Ярослава, упомянутых в летописях, и последний случай, когда князь Суздальской земли влиял на смоленские дела. Кроме поездок в Орду в 1243 и 1245 годах, летописи больше о нем не упоминают. Трудно сказать,

каковы были результаты первой поездки Ярослава, помимо подтверждения его старейшинства среди русских князей. Возможно, он получил в свое ведение не только районы Суздальской земли, но также и Киев — оказывается, что назначенный им правитель, некто Дмитрий Ейкович, обосновался там в 1245 году¹³. Но об этой его киевской эпопее ничего больше не сообщается.

О событиях, связанных с его второй поездкой в Золотую Орду в 1245 году, сообщается только в двух источниках (в летописи Владимира и у монаха Иоанна де Плано Карпини, посланного папой Иннокентием IV в Монголию), причем с такой предельной краткостью, что любое объяснение этих событий может быть только гипотетическим. Мы знаем только, что Ярослав был вызван Батыем, что он поехал с двумя братьями и тремя племянниками, что был послан дальше, в столицу империи Каракорум в Монголии, что двигался он с огромной свитой, большая часть которой погибла по дороге, и что он либо умер на обратном пути (версия русской летописи), либо был отравлен в Каракоруме 30 сентября 1246 года вдовой великого хана Угедая (версия Иоанна де Плано Карпини)¹⁴. Исследователи выдвигали различные объяснения. Советский историк В. Т. Пашуто, например, считает, что тот факт, что Ярослав, по-видимому, согласился на переговоры с курией, вполне мог послужить причиной для отравления, если таковое имело место. Другой причиной могло стать желание великого хана Гуюка и его матери иметь своего собственного ставленника на владимирском престоле¹⁵. Американский историк Г. Вернадский указывает на «напряженность отношений» между новым великим ханом Гуюком (сыном Угедая) и Батыем и на возможность того, что Гуюк рассматривал Ярослава как инструмент в руках Батая и, следовательно, «считал необходимым избавиться от него без лишнего шума»¹⁶. Нельзя исключить и такую возможность, что Ярослав на самом деле просто умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло со многими из его свиты по дороге в Каракорум. В целом версия об отравлении, выдвинутая посланником Иннокентия IV в Монголии, выглядит наиболее вероятной: в конце концов, Иоанн де Плано Карпини находился там в это время, и для него не составило бы труда получить сведения от спутников Ярослава. Что касается остатков собственной великокняжеской летописи Ярослава, то ее лаконичное сообщение о том, что он «престался во иноплеменицех, ида от кановичь (т. е. из Каракорума)», являет собой, по всей видимости, попытку летописца того времени (или, что более вероятно, позднейшего редактора) избежать любого упоминания об участии татар в его смерти — типичное проявление нежелания обидеть татар или включить в летопись какие-либо сведения, которые могут быть истолкованы татарами как оскорбительные.

Если последние шесть лет правления Ярослава были отмечены нехарактерной для него бездеятельностью, можно сказать, пассивностью с его стороны, то те же годы прошли под знаком взлета его сына Александра. Это были годы энергичной деятельности Александра Ярославича на западе и северо-западе: Ярослав, очевидно, доверил сыну оборону границ Новгорода и Пскова.

Еще до татарского нашествия напряженность в этих районах возрастала. В первые три десятилетия XIII века немецкие рыцари из католического ордена Ливонских Меченосцев (позднее, в 1237 году, они соединились с Тевтонским орденом) постепенно продвигались на восток, обходя с севера Западную Двину, в современную Эстонию¹⁷ (называемую в то время Чудь) и Ливонию (на территории современной Латвии). Но никаких нападений на русские земли с начала XIII века и до татарского нашествия не зафиксировано: большая часть военной деятельности немецких рыцарей была направлена либо против местных балтийских племен, либо против постоянно усиливавшегося Литовского государства. Со своей стороны литовцы проявляли все большую и большую воинственность, и в русских летописях в 20-е и 30-е годы XIII века зафиксированы их частые нападения на земли Новгорода, Полоцка и Смоленска. Эти нападения, однако, не были частью какого-то плана, не ставили литовцы своей целью и присоединение русских земель. Скорее это было похоже на набеги с целью захвата пленных и разграбления деревень.

Настоящая экспансия Литвы, можно сказать, началась в 1238 году, когда правителем стал Миндовг (Миндаугас). Его политикой было постепенное проникновение на соседние территории, и хотя он не добился успеха (ему не удалось закрепиться на землях Новгорода и Пскова), тем не менее он представлял для Александра большую угрозу, чем немцы на севере. Дело в том, что действительно уязвимыми русскими районами в то время были не Новгород и Псков и даже не северная часть Смоленского княжества, а развалившееся Полоцкое княжество, на территории которого бесчисленные литовские ударные отряды совершали набеги в период до татарского нашествия, и старые земли Турова и Пинска на северо-восточных границах Волинской земли. Важное значение Полоцкого княжества, зажатого между, с одной стороны, Смоленском, где в 1239 году дало себя знать установление власти Ярослава, и, с другой стороны, Литвой, прекрасно понимал Александр — в 1239 году он взял в жены Александру, дочь старшего из полоцких князей, Брючеслава. Свадьба состоялась не в самом Полоцке, но, что существенно, в самом северном городе на Смоленской территории, Торопце, т. е. в одном из ключевых городов в обороне Новгородской и Смоленской земель от набегов литовцев¹⁸. И Александр поддерживал тесные связи с семьей своей жены в Полоцке. Мы знаем, что его первый сын находился в самом восточном городе Полоцкого княжества — Витебске, откуда в 1245 году в преддверии крупномасштабного литовского вторжения Александр перевез его в безопасный Новгород¹⁹.

Но ни Александр, ни Ярослав ничего не смогли сделать, чтобы спасти Полоцк от литовцев. Проводимая Миндовгом жесткая политика централизации и превращение им земель некоторых крупных феодалов в свои вассальные поместья привела к междоусобной войне между Миндовгом и его племянниками, князьями Жемайтии, расположенной на северо-западе Литвы. Печальные обстоятельства этой войны, в которую были вовлечены тевтонские рыцари и Даниил Волинский и Галицкий и которая привела к временному обращению Миндовга в христианство и принятию им короны от архиепископа

рижского, здесь не рассматриваются. Необходимо только отметить, что эта война закончилась в начале 50-х годов, сын Миндовга Войшелк (Вайшвилкас) заключил мир, по условиям которого Черная Русь (самый западный район Полоцкого княжества, расположенный в бассейне верхнего Немана и его притоков) была признана частью Литвы²⁰. Это было началом значительного расширения Литвы за счет старых земель Киевской Руси: позднее, в XIII веке и в начале XIV века, остатки Полоцкого княжества, западная часть того, что когда-то было Турово-Пинским княжеством в верховьях Припяти, и северный треугольник Волынской земли с Берестьем (Брестом) в среднем течении Буга — все эти земли были присоединены к Литве.

Александр был не в силах помешать постепенному переходу Полоцкого княжества в зависимость от Литвы, но ему по крайней мере удалось положить конец регулярным нападениям литовских отрядов на границы Новгорода и Пскова. После двух нападений в 1239 году на Камно (Белый Камень)²¹ и Смоленск он построил ряд укреплений вдоль реки Шелони²², к юго-западу от Новгорода, чтобы защитить город от нападений с юга. В 1245 году произошло крупнейшее по тому времени и самое решительное из вторжений в русские земли. Начавшееся как набег на Бежичи (к востоку от Новгорода) и Торжок, это нападение переросло в грандиозный поход на восточные и южные районы Новгородской земли. Вместе с войском из Новгорода под началом Александра с литовцами сражались дружины из Пскова, Твери и Дмитрова. Состоялись две главные битвы, у Жижеца (современной Жижицы) и Усвята (современных Усвят), соответственно к северу от Смоленска и к востоку от Полоцка. Более восьми литовских «княжицовъ (князьков)» было убито, и все награбленное ими в этом походе было взято обратно²³. До того как Александр принял владимирский престол в 1252 году, зафиксировано еще только одно литовское вторжение — это произошло в 1248 году, когда был убит брат Александра Михаил и «судальский князи» разгромили литовцев у Зубцова недалеко от границы Смоленского княжества²⁴.

Оценка, данная современниками борьбе Александра с язычниками-литовцами, наилучшим образом отражена, вероятно, в одном из фрагментов его «Жития». Описывая вымышленное, по-видимому, вторжение непосредственно после битвы на Чудском озере в 1242 году, автор «Жития» пишет: «В то же время умножися языка литовскаго и начаша пакостити волости Александрове; он же выезда [на встречу] и избиваше я. Единою ключися ему выехати, и победе 7 ратии едином выездом, и множество князеи их изби, а овех рукама изыма; слугы же его, ругающесе, вязахуть их к хвостом коней своих; и начаша оттоле блюстися имени его»²⁵.

Еще более превозносит автор «Жития» успехи Александра в борьбе против шведов и немцев. Две относительно мелкие победы — над шведами на Неве в 1240 году (отсюда прозвище Невский, данное ему летописцем XV века) и над немецкими рыцарями на льду Чудского озера — доведены в «Житии» до эпических размеров. Описание этих событий сделано по лучшим агиографическим образцам: с молитвами, видениями святых Бориса и Глеба, поддержкой ангелов

с воздуха, клише и гиперболами. По всей вероятности, «Житие» было написано или составлено спустя приблизительно сорок лет после описываемых событий. Оно было создано человеком, имевшим веские основания быть настроенным против Запада, особенно против католического Запада, — а именно митрополитом Кириллом. Кирилл начинал печатником (канцлером) у галицко-волынского князя Даниила. В 1246 году Даниил послал его к вселенскому патриарху на посвящение в сан митрополита киевского. От трех до пяти лет провел Кирилл в Никее (Константинополь был все еще занят римлянами) и в конце концов вернулся не на юго-запад, а на север Руси, где и оставался в течение последних тридцати лет своей жизни твердым сторонником Александра во всех его начинаниях. Неудивительно, что после пребывания в, наверное, самом антикатолическом городе мира и зная, что его бывший хозяин Даниил, начавший заигрывать с курией в 1246 году, кончил тем, что принял корону от папы, Кирилл в своем стремлении добиться причисления Александра к лику святых просто обязан был прославлять в герое «Жития» выдающегося деятеля православной веры, великого борца против католической агрессии²⁶.

Достоверные факты о борьбе Александра с Западом несколько отличаются от тех, что приводятся в «Житии». В первой половине июля 1240 года шведский отряд, в который входили шведы, *мурмане* (норвежцы — возможно, речь идет о нескольких норвежских рыцарях) и финны, пришедший «с князем и с пискупы», высадился на берегах Невы. Почему шведы решили совершить вторжение именно в этой точке, сказать трудно. Советский историк И. П. Шаскольский, специализирующийся на русско-скандинавских отношениях раннего периода и всюду обнаруживающий «западную угрозу», считает, что вторжение было частью согласованного плана, вынашиваемого шведами, немцами и датчанами под верховным руководством папы. Рассчитывая на слабость русских после татарского нашествия, они надеялись (и здесь И. П. Шаскольский ссылается на Новгородскую Первую летопись — единственный русский источник, помимо «Жития» Александра) закрепиться на берегах Невы и Ладожского озера, а затем двинуться на юг и завоевать Новгород и его земли²⁷. Однако нет никаких свидетельств в пользу согласованности действий шведов, немцев и датчан, ничто не указывает и на то, что описываемые события были чем-то большим, чем продолжение противоборства между русскими и шведами за управление Финляндией и Карелией²⁸.

Битва состоялась 15 июля и закончилась победой войск Александра, которые он в спешном порядке собрал в Новгороде и в районе Ладоги. «Множество много их паде», — сообщает летопись о врагах, но также упоминает о примечательно малых потерях новгородцев — двадцать человек. Эта странность и тот факт, что ни летопись Суздальской земли (Лаврентьевская), ни один из шведских источников не содержат никаких упоминаний об этом событии, позволяет предположить, что «велика сеча» была не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами из происходивших время от времени в XIII

и XIV веках. Удивительно в самом деле, что шведы «в силе велице» и присутствие в их войске «князя» и «епископов» остались совершенно незамеченными всеми летописцами, исключая новгородского²⁹.

Новгородцы были благодарны Александру за помощь в защите от нападений шведов, но тем не менее в Новгороде (равно как и в Пскове) у него были противники. Последовавшие в 1240—1242 годах события ясно это показали. В год битвы на Неве отряд немецких рыцарей, поддержанный местными жителями Южной Эстонии и княжившим в Пскове Ярославом Владимировичем, захватил важную крепость Изборск, расположенную к юго-западу от Пскова. Псковичи пытались выбить захватчиков из города, но немцы устояли, а затем двинулись на Псков и, когда посадник (связанный, по-видимому, с Ярославом Владимировичем) открыл им ворота, заняли этот город.

Ярослав Владимирович и немцы имели поддержку и в самом Новгороде: не успел Александр вернуться с Невы, как в городе «бысть крамола велиа». В чем была суть «крамолы», ни в одном из источников не сообщается, но она послужила причиной того, что Александр рассорился («роспревъся») с новгородцами и в гневе отбыл в Переславль «с матерью и с женою, и со всею двором своим (т. е. с войском и администрацией)»³⁰. «Немецкая партия», если таковая была, явно праздновала победу. Зимой того же года немцы совершили ряд решительных набегов на север новгородской территории. Действуя в районе реки Луга, они взяли город Тесов, расположенный в 35 километрах от Новгорода, и построили крепость в Копорье, к востоку от устья Луги и приблизительно в 16 километрах от Финского залива. Как обычно, новгородцы не смогли обойтись без князя, который бы повел их войско вместе со своей дружиной. К великому князю Александру были отправлены посланники с настоятельными просьбами о возвращении. Ярослав предложил им своего второго сына Андрея. Новгородцы отказались и сделали еще одну попытку, на этот раз успешную. Но когда в 1241 году Александр к радости антинемецкой группировки прибыл в Новгород, он предпринял крутые меры: повесил «многа крамолники» в Новгороде, а захватив Копорье, казнил там местных «предателей», помогавших немцам³¹.

Псков был источником еще большей угрозы по сравнению с немецким присутствием на севере, и Александр, на этот раз со своим братом Андреем, двинулся на Псков сразу после того, как вернул себе Копорье. Город был взят без труда, и Александр, развивая успех, пересек границу и вторгся на эстонско-немецкую территорию. Столкновение было неизбежным. После того как новгородский передовой отряд потерпел серьезное поражение, Александр и Андрей стянули свои силы, как сообщают некоторые источники, на лед Чудского озера. Немецкие рыцари, поддерживаемые набранными эстонцами, атаковали русских, построившись боевым порядком клином вперед, проникли в глубь оборонительных линий русских, но были разгромлены (5 апреля 1242 года). Пленные были отправлены в Псков. Позднее в этом же году немцы согласились освободить все русские земли, которые они в то время занимали, и обменяться пленными³².







Богоматерь Белозерская. Первая четверть
XIII в.

Оранта. Первая треть XIII в. Ярославль.
Фрагмент.

◀ Богоматерь Белозерская. Первая четверть
XIII в. Фрагмент.



Оглавный Деисус. Первая половина XIII в. ►

Оглавный Деисус. Первая половина XIII в.
Фрагмент. ►

Оглавный Деисус. Первая половина XIII в.
Фрагмент.







Архангел Михаил. Первая четверть XIII в.



Резьба Дмитриевского собора во Владимире. 1199 г.



Резьба Дмитриевского собора во Владимире. 1199 г.
Фрагмент.



Дмитрий Солунский на троне.
Первая половина XIII в.

Храм Рождества Богородицы в Суздале. 1222— 1225 гг. ►





Капители южного портала Рождественского собора в Суздале.

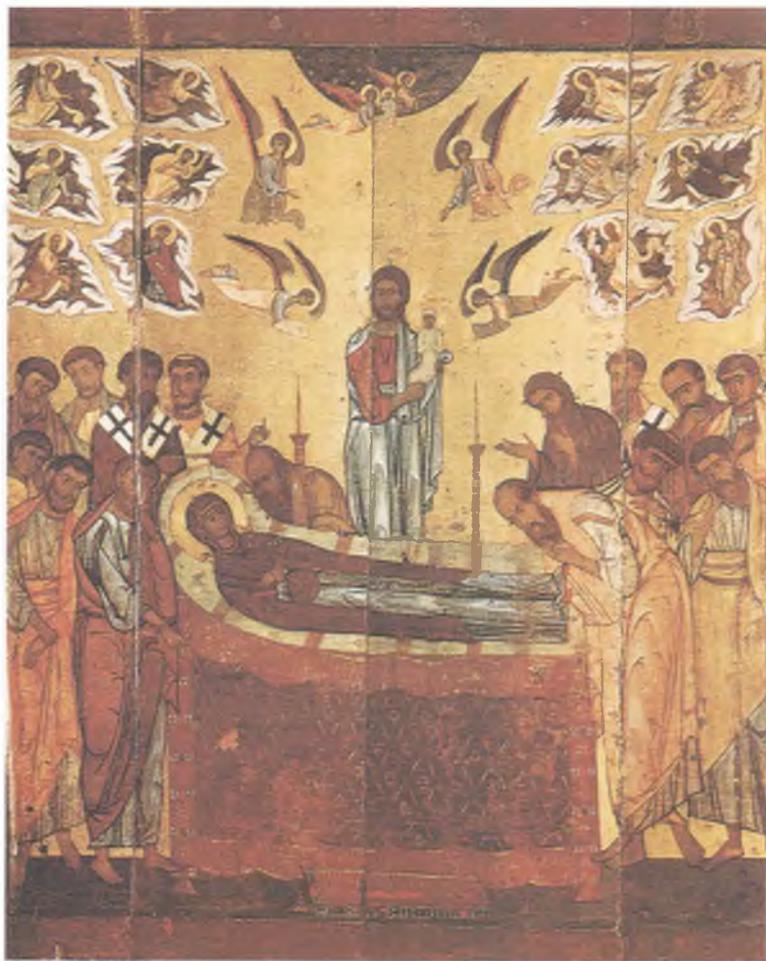


Врата южного портала Рождественского собора в Суздале. Деталь. Двуглавый орел.



Врата южного портала Рождественского собора в Суздале. Деталь. Человек в пугах.





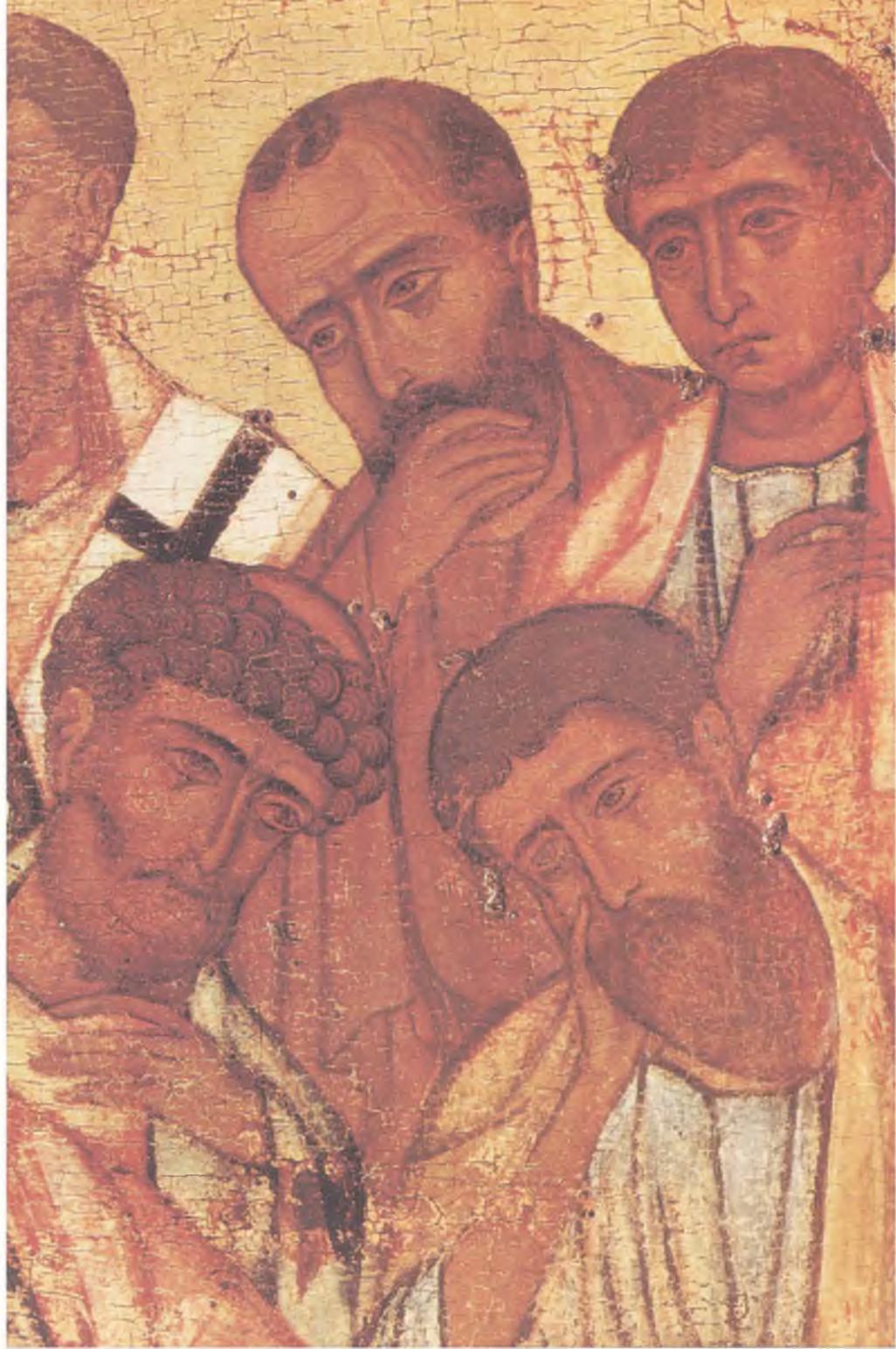
Успение Богоматери из Киевской Десятинной церкви. Первая треть XIII в. (?). Киев.

Успение Богоматери из Киевской Десятинной церкви. Первая треть XIII в. Фрагмент. ►

Успение Богоматери из Киевской Десятинной церкви. Первая треть XIII в. Фрагмент. ►

◀ Храм Рождества Богородицы в Перыньском скиту в Новгороде. 20-е годы XIII в.



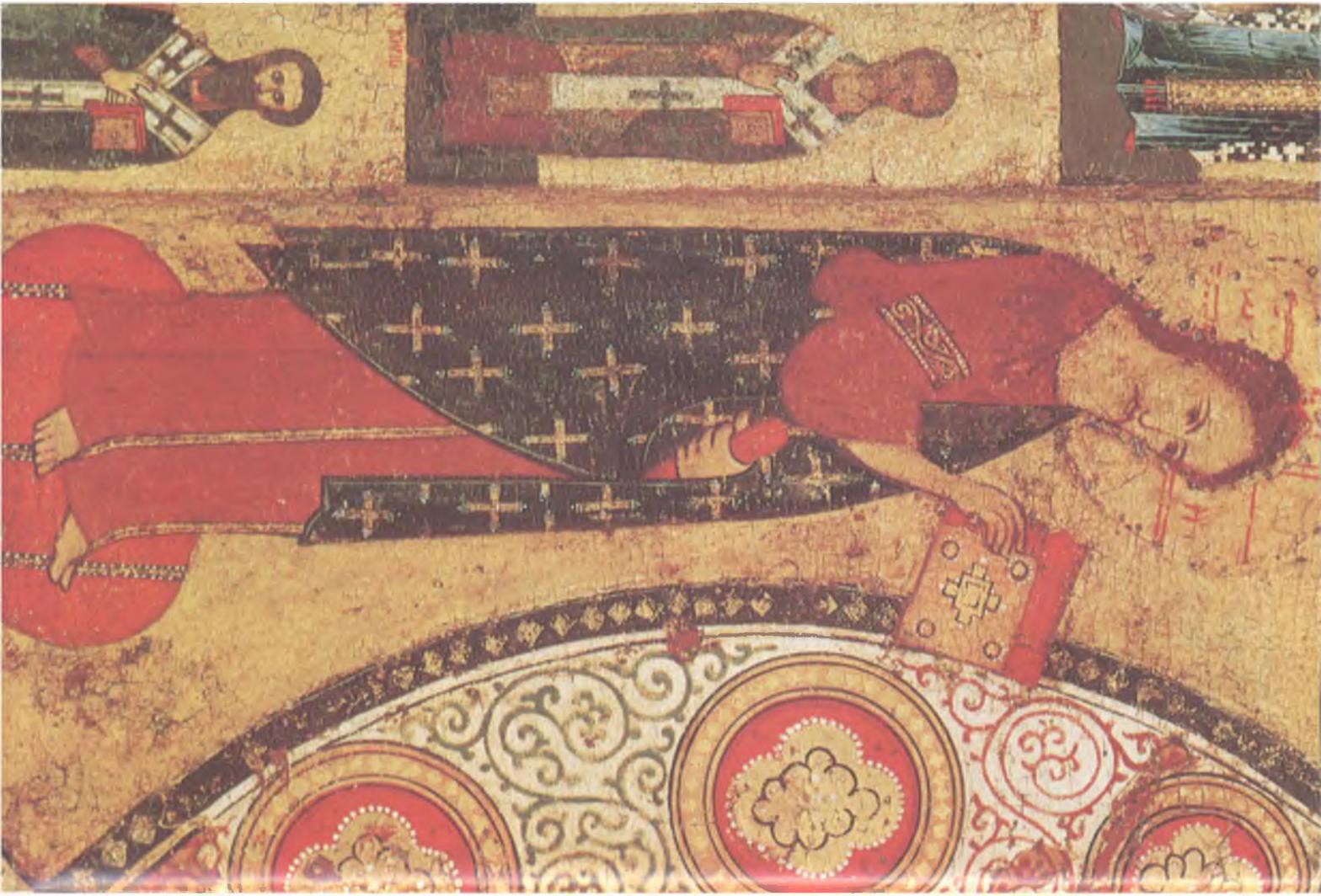


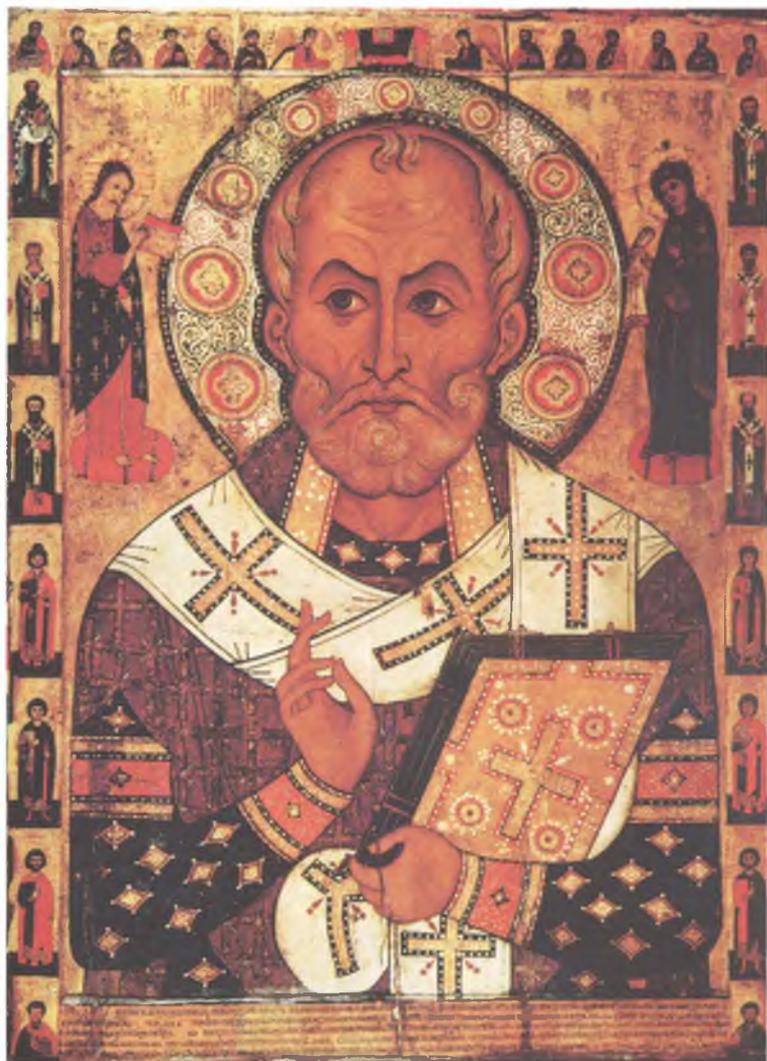


Иоанн Лествичник, Георгий и Власий.
Новгород. Вторая половина XIII в.

Храм Николы на Липне в Новгороде. 1294 г. ►







Никола на Липне. Около 1294 г.

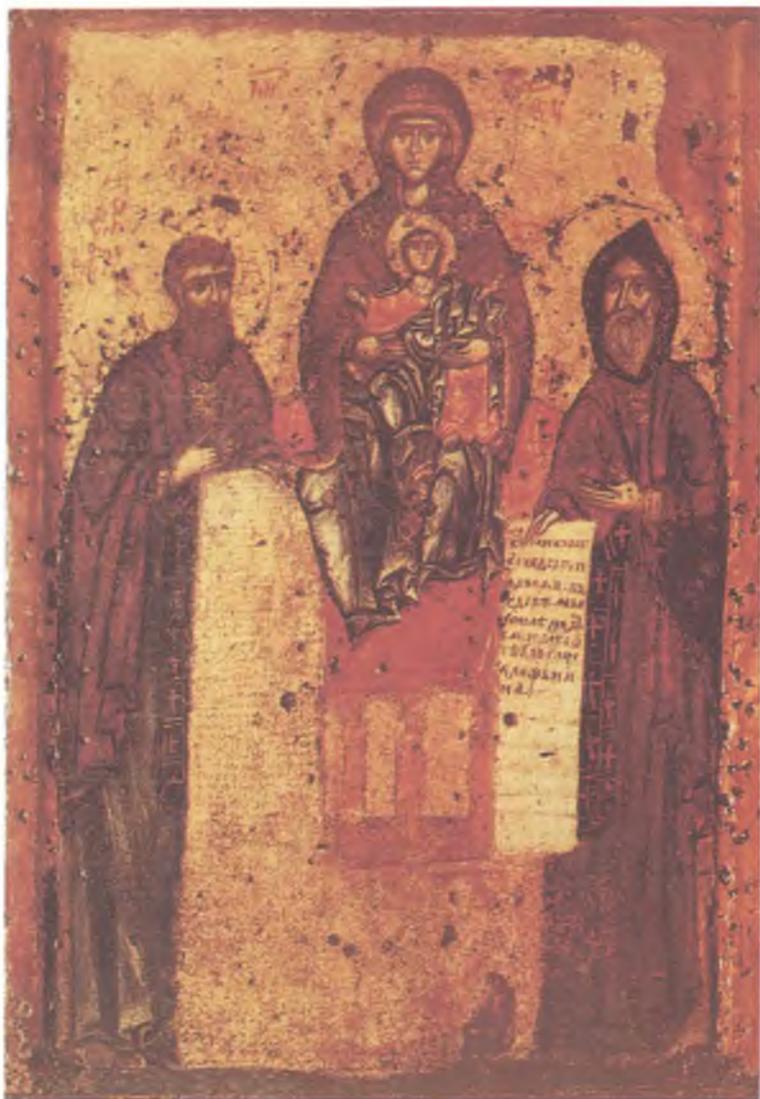
◀ Никола с избранными святыми. XIII в.



Илья Пророк в пустыне. Псков. Вторая половина XIII в.



Илья Пророк в пустыне. Псков. Фрагмент.



Богоматерь Свенская. Около 1299 г.





Георгиевский собор в Юрьеве Польском. 30-е годы XIII в.



Перекресток мостовых Великой и Холопьевой улиц на уровне слоев XIII в.





Каменная иконка с изображением Симеона Столпника и Ставрокия. Обрат: св. Георгий. Новгород. Первая половина XIII в.



Каменная иконка с изображением Симеона Столпника и Ставрокия. Обрат: св. Георгий. Новгород. Первая половина XIII в.

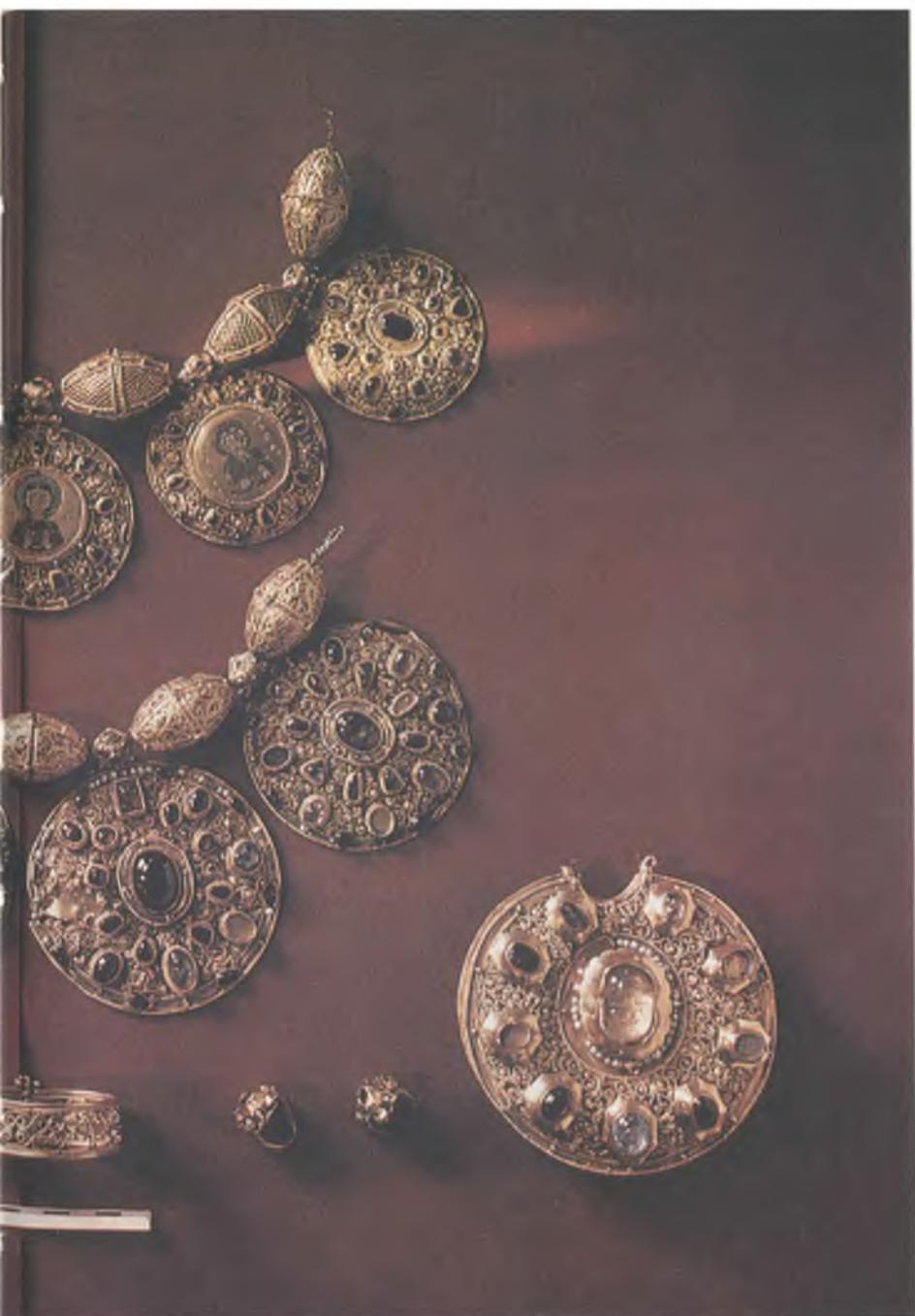


Шахматные фигурки. Новгород. XIII в.

◀ Братская могила в Рязани. Декабрь 1238 г. Фото В. П. Даркевича.



Бармы из рязанского клада 1822 г. Слайд В. П. Даркевича.





Кресты-энколпионы (складни). Конец XII — начало XIII в.





Цера (табличка для обучения грамоте).
Оборот. Новгород. XIII в.



Амулет-привес,
изображающий конька.
Новгород. XIII в.



Амулет-привес с набором
инструментов. Новгород.
XIII в.



Накладная бляха с изображением зверя. Новгород. XIII в.



Кожаная маска. Новгород. XIII в.

Шлем князя Ярослава Всеволодовича. ▶

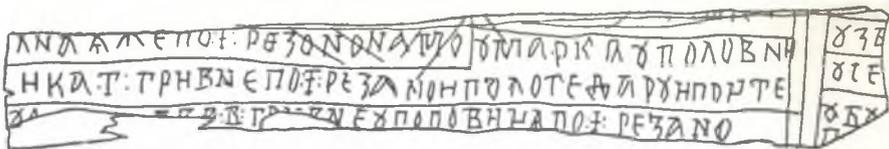




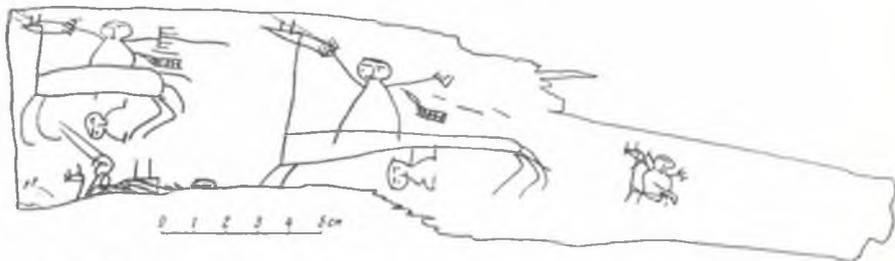
Печати Александра Ярославича Невского.



Печать князя Святослава Всеволодовича с изображением архангела Гавриила.



Берестяная грамота из раскопок в Новгороде № 215. Прорись.



Берестяная грамота из раскопок в Новгороде № 210. Прорись.
Рисунки Онфима.

СРНОДАНА. ТЪШАТА. СЪМЪМЪМОМЪ.
ПРОВОДАСТВО. ПРОВОРОИ. И ПРОВОДА
МРЕ. И НАДЪЩЕ. И КЪМЪ. СРЪКРОВА
ЛЪ. АМОИСТА. ТЪШАТИНА. И КЪМЪ
ВЪМЪМЪ. СВОБОДНА. ТЪШАТЪ. ВЪАТИ.
ИРОЩЕ. ПУУЛИЛА. ПРОВОМЪЖИ. СЪХЪ.
ГОЛЪМЪ. НАДОБЪ. И КЪМЪ. ТЪШАТА. И
ТЪШАТЪ. И КЪМЪ. АНАТОМЪ. ПОСЛУСИ.
ДЪДЪ. ЛОПЪ. ДОРОЖКА. ДОМОСЛАВЪ.
ВЪКЪШКЪМЪ. БОЯМЪ. КУЗМА. ЛОИ. РОВИ
УЪ. ЖИДНО. ЖИДНОВИ. ИВАМЪ. СМО
ЛМАНИНЪ. А КТОСИ. РАДЪ. ПЕРЕСТУЛИ
ТА. И КЪМЪ. ВАН. ТЪШАТА. ТА. И. ТОГЪДА. И
Р. ГРН. СРЪКРА. АПАЛЪ. ДОВМО. ТОВА
И СЪЩЕ.

Рядная Тешаты. Псков. XIII в.

Так закончилось то, что многие историки называют одной из величайших побед русских в XIII веке: сокрушением крестового похода тевтонских рыцарей против Новгорода и Пскова, разгромом немцев, героической обороной западных границ от папской агрессии, решающим поворотом в отношениях между Русью и Западом и т. д. Многие из описаний самой битвы (в «Житии» и в позднейших летописных версиях) украшены подробностями, представляющими собой не более чем плод авторского воображения: численность участников явно преувеличивается, приводятся сравнения с победами Моисея над Амалеком и Давида над филистимлянами. Псковичей укоряют за то, что они позволили немцам захватить их город, и предупреждают, что если они когда-нибудь забудут о ратном подвиге Александра, то уподобятся «жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми (хлебами) печеными».

Но была ли эта победа столь великой? Явилась ли она поворотным моментом в русской истории? Или это просто митрополит Кирилл или кто-то другой, написавший «Житие», раздул значение победы Александра, чтобы скрасить в глазах своих современников последовавшее раболепствование Александра перед татарами? Как обычно, источники того времени не помогают ответить на такого рода вопросы. Наиболее полное описание битвы содержится в Новгородской Первой летописи, что касается отражения этого эпизода в летописи Суздальской земли, то в ней не сохранилось никаких фрагментов из личных великокняжеских хроник Александра, а значение всего события преуменьшено, причем настолько, что героем оказывается не Александр, а его брат Андрей. «Великий князь Ярослав посла сына своего Андреа в Новъгород Великий в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковом (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцю своему с честью»³³.

О масштабу сражения мы можем судить, только анализируя приводимые сведения о потерях, на этот раз — со стороны противника: Новгородская Первая летопись сообщает, что «паде чюди (эстонцев) бещисла, а немец 400, а 50 руками яша (взято в плен)». Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей³⁴ и, вероятно, многие, если не большинство из них сражались в этот момент с другими врагами в Курляндии под началом ландмейстера ливонского Дитриха фон Грюнгина³⁵. Во всяком случае, древнейший и наиболее оригинальный западный источник, Ливонская рифмованная хроника, написанная в последнем десятилетии XIII века, сообщает, что только двадцать рыцарей погибло и шестеро попали в плен. Свидетельство Ливонской хроники не дает оснований считать это военное столкновение крупным сражением, даже если принять во внимание стремление автора к стыдливому преуменьшению потерь своей стороны.

Хотя претензию Александра представить себя могучим защитником русских против немецкой и особенно папской агрессии с

запада, нельзя рассматривать с той серьезностью, с какой это пытаются делать многие советские историки, особенно те, кто писал во время и непосредственно после второй мировой войны³⁶, тем не менее он показал себя умелым, проницательным и твердым политическим и военным деятелем в последние пять лет жизни его отца. Александр покидал Новгород, предоставляя ему право самому определять свою судьбу, когда сталкивался с сильной политической оппозицией, и быстро возвращался для защиты новгородских границ, когда в этом возникала необходимость. Если бы Ярослав пережил двух своих братьев, Святослава и Ивана, Александр вполне мог наследовать у своего отца титул великого князя, согласно закону наследования старейшинства. Но в 1246 году Ярослав умер в Монголии, после чего последовал период жестоких конфликтов между дядей и племянником, между братом и братом. В который раз неспособность князей — на этот раз относительно тесно связанного семейного гнезда Всеволодовичей — жить в мире друг с другом привела к их ослаблению и к нарушению политической стабильности в Суздальской земле.

События, происходившие в течение трех лет после смерти Ярослава, описываются и трактуются в различных источниках очень противоречиво³⁷. Произошло следующее: Святослав Всеволодович, как и ожидалось, наследовал великокняжеский престол (1247), когда известие о смерти Ярослава достигло Суздальской земли. О его кратком правлении мы знаем только, что он «сыновци (племянники) свои посади по городом, якож бе им отец урядил Ярослав» — другими словами, он просто выполнил волю Ярослава в распределении вотчин между его сыновьями. На следующий год после получения великокняжеского престола Святослав был изгнан, но не своим младшим братом Иваном (судьба которого после того, как он в 1245 году отправился в Золотую Орду, неизвестна) и не старшим сыном Ярослава Александром, а вторым по старшинству его сыном Андреем. Ни в одном из источников не сообщаются причины этого первого нарушения порядка горизонтального наследования старейшинства, первого с тех пор, как в 1216 году Константин Всеволодович занял великокняжеский престол во Владимире. Наиболее вероятно, что это был насильственный захват власти, военный переворот, хотя неизвестно, где Андрей собрал войско и какую вотчину он получил от своего отца. Фактически ничего неизвестно о ранних годах жизни Андрея, кроме того, что он родился вскоре после 1220 года и был послан Ярославом сражаться с немцами в 1242 году.

Андрей вряд ли мог рассчитывать на то, что его старший брат Александр легко смирится с захватом престола младшим братом и что Святослав будет тихо оставаться в тени. Ни Александр, ни Святослав не имели достаточно сил, чтобы справиться с Андреем без поддержки татар, но и Андрей не мог удерживать престол, не подтвердив своего права на него. В результате все трое независимо друг от друга предприняли путешествие в Сарай. Первым поехал Андрей, вскоре за ним — Александр. Батый переправил обоих братьев в столицу Каракорум в Монголии. Что дальше

произошло, сказать трудно. Очевидно, там шли горячие споры, в результате которых регентша, вдова Гуюка, решила дать Андрею право на великокняжеский престол во Владимире, а Александр получил «Киев и всю Русьскую землю (т. е. всю Южную Русь)». Мы можем только догадываться о причинах, по которым был поддержан младший сын Ярослава. Гипотеза В. Т. Пашуто не лучше и не хуже других: по его мнению, регентша Огуль-Гамиш была настроена враждебно по отношению к Батью и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддерживала Андрея³⁸. Что касается Святослава, то о нем больше почти ничего не слышно. Осенью 1250 года, через три года после изгнания, он отправился попытать свое счастье в Сарай. После этого о нем сообщается только, что он умер в феврале 1253 года³⁹.

Зимой 1249 года Андрей и Александр вернулись на Русь. Несмотря на свое назначение на киевский престол, Александр поехал с Андреем во Владимир, а на следующий год отправился в Новгород⁴⁰. Нам ничего практически неизвестно о пятилетнем правлении Андрея в качестве великого князя. В источниках нет никаких указаний на стычки Андрея с кем-либо из братьев, и если ему действительно приходилось бороться за сохранение престола (а усомниться в этом трудно), то его личные или более поздние летописцы позаботились о том, чтобы в записи не просочилось и следа этих раздоров. О его личной жизни мы знаем только, что зимой 1250/51 года митрополит Кирилл обвенчал Андрея с дочерью волынского-галицкого князя Даниила.

Хотя источники хранят молчание, выводящее из себя историков, очевидно, что в последние три года правления Андрея назревала беда. Кризис разразился в 1252 году. События этого года таковы: Александр отправился в Орду, оттуда была послана двойная экспедиция татар, одна — под руководством Неврюя против Андрея, другая — под руководством Куремши против Даниила Галицкого⁴¹. Последний без труда отразил нападение татар, а Андрей и его брат Ярослав были разгромлены в сражении при Северном Переславле (май или июль 1252 года). Андрей, не найдя убежища в Новгороде, бежал в Швецию, а Александр вернулся во Владимир со «старейшинством над всеми своими братьями», чтобы сесть на великокняжеский престол. Таковы факты, которые можно восстановить по многочисленным источникам, большая часть которых содержит фрагменты, сохранившиеся от различных великокняжеских летописей, т. е. личных летописей Андрея, Святослава, Александра и Ярослава Ярославича. Что касается фактов, то их более чем достаточно, а вот мотивы, которыми руководствовались два основных противника, Андрей и Александр, можно понять только с помощью дедукции.

Большинство источников, подвергшихся исправлениям, подчас неуклюжим, в более позднее время с целью оправдать деятельность Александра изображают Андрея несчастной жертвой обстоятельств. Разгромленный татарами у Переславля, он, как показано в летописях, не имел иного выхода, кроме как бежать из страны. Рассказ в Лаврентьевской летописи — занятая и бес-

порядочная смесь летописи Александра и незначительных фрагментов летописи Андрея — повествует, что еще до появления татар Андрей держал совет со своими советниками и решил лучше «бежати, нежели цесарям (ханам) служити». Покритиковав Андрея за слабость его правления, компилятор Никоновской летописи XVI века, с той же необремененностью вопросами хронологии событий, вкладывает в уста Андрея трогательную маленькую речь, якобы произнесенную им до сражения. «Господи! Что есть доколе нам меж собою бранитися и наводити друг на друга татар (но пока никто еще этого не сделал!), лутчи ми есть бежати въ чюжую землю, неже дружитися и служити татаром». Но даже в этих искаженных и большей частью вымышленных описаниях есть намеки на истинные мотивы Андрея: «...лутчи ми... (не) дружитися и служити татаром». Эти слова, несомненно, выражают стремление Андрея сопротивляться татарскому давлению, его нежелание сотрудничать с ханами и быть зависимым от них; и в этом он был не одинок. Все источники подчеркивают тесный союз между Андреем и его братом Ярославом (который также потерпел поражение в битве у Переславля); не случайно, что карательный отряд против тестя Андрея Даниила был послан одновременно с походом под руководством Неврюя. Таким образом, нам не остается ничего иного, как принять, что сопротивление Золотой Орде исходило по крайней мере от двух из старейших князей Суздальской земли при поддержке правителей Волынской и Галицкой земель. Один признанный советский ориенталист даже утверждает, что между 1249 и 1252 годами произошло вооруженное восстание, подавленное ханом при молчаливом попустительстве Александра⁴².

А что же такого совершил Александр в 1252 году? Конечно, ни один из летописцев не посмел возложить на него и тени вины за разгром братьев, так же как позднее, в XIV веке, никто из льстивых московских летописцев не рискнул и заикнуться об ответственности Ивана I за разорение Твери татарами в 1283 году⁴³. Но стечение таких событий, как путешествие Александра в Орду и карательный набег во главе с Неврюем, с одной стороны, военная акция между его прибытием в Сарай и триумфальным выездом во Владимир — с другой, почти не оставляют сомнений в соучастии Александра. Русский историк XVIII века В. Н. Татищев подтверждает нашу догадку, цитируя, по-видимому, ранний источник, не попавший в летописи: в этом отрывке Александр жалуется сыну Батая Сартаку на своего брата за то, что тот «сольстив хана, взя великое княжение под ним (Александром), яко старейшим... и тамги хану платит не сполна»⁴⁴.

Александр с триумфом вернулся во Владимир, где его встретили «у Золотых ворот митрополит и вси игумени и гражане и посадиша и на столе отца его Ярослава», и «бысть радость велика в граде Володимери и во всей земли Суждальской»⁴⁵. Его возвращение знаменовало конец борьбы между наследниками Всеволода III и начало новой эпохи подчинения Руси татарскому господству. Андрей и его сторонники сошли с политической сцены, хотя отметим, что Андрей позже вернулся из Швеции и получил

от Александра вотчины в Суздале и Нижнем Новгороде после того, как между братьями произошло что-то вроде примирения, а союзник Андрея Ярослав в конце концов стал великим князем во Владимире. Но тем не менее организованному сопротивлению татарам со стороны русских князей на долгое время пришел конец. Настало время реальной зависимости Руси от Золотой Орды, которое продолжалось еще в течение ста с четвертью лет. Так называемое *татарское иго* началось не столько во время нашествия Батыев на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев.

Четырнадцать лет, прошедшие между победой татар над Юрием Всеволодовичем на реке Сити и разгромом его племянников Андрея и Ярослава под Переславлем, были отмечены, как указывалось раньше, еще одним крупным изменением структуры всей Руси, а именно фактическим прекращением политических отношений между северными и южными русскими жителями. О связях Владимира и Киева в этот период мы знаем только, что в 1245 году в Киеве, согласно не всегда достоверным сведениям из Ипатьевской летописи, правил ставленник великого князя Ярослава боярин Дмтр Ейкович. В 1248 или 1249 году, однако, Александр получил от вдовы Гуюка номинальную власть над Киевом. Но известно, что он так никогда туда и не поехал. Вместо этого он вернулся из Монголии княжить во Владимир и Новгород⁴⁶. С тех пор нам ничего не известно о политических связях между Суздальской землей и югом Руси⁴⁷, в источниках нет никаких упоминаний о каких-либо посольствах в старую столицу, сохранялись лишь формальные связи между главой православной церкви, который оставался «митрополитом киевским и всея Руси», и его епархией. Киев и вся Южная Русь как будто выскользнули из рук правителей Северо-Восточной Руси, и даже князя Волынской и Галицкой земель почти не проявляли интереса к своему восточному соседу. Чуть больше столетия понадобилось Литве, чтобы прибрать к рукам большую часть старого Киевского государства на юге, а также восточную половину Волынской земли. С тех пор борьба за контроль над богатыми украинскими землями тянулась веками, то и дело вовлекая Москву в истощающие войны с Западом.

Начало правления Александра Невского явилось во многих смыслах крутым поворотом в истории Руси.

Правление Александра Невского (1252—1263)

Короткое правление Александра Ярославича в качестве великого князя Владимирского не принесло неожиданностей. Оно было отмечено именно той самой политикой уступок, которая естественно вытекала из предшествующей деятельности Александра: крепкие связи с татарами из Золотой Орды и подчинение любому требованию хана; решительные действия в отношении Запада, бескомпромиссность по отношению к католической церкви и твердая

поддержка православной церкви, не лишенная смысла политика в отношении оппозиционных элементов в Новгороде, незамедлительное подавление малейших признаков восстания или оппозиции против его собственной или татарской политики, твердый контроль над своими родичами. Его стиль правления в точности соответствовал тому, который можно восстановить задним числом из пышных славословий автора «Жития», кем бы он ни был, написанного лет через двадцать после смерти Александра. К сожалению, более достоверные источники, летописи, не случайно изобилуют пропусками за этот период, как, впрочем, и за предшествующий, — не потому, что это время было эпохой большего культурного бесплодия, нежели любой другой период русской истории, но по причине своеобразных последствий горизонтальной системы наследования старейшинства. Тот факт, что титул великого князя вслед за Александром наследовали сначала два его брата (один из которых, несомненно, был настроен враждебно по отношению к нему), затем два его сына, а затем сын враждебно настроенного брата, означает, что отдельные фрагменты личной летописи Александра были сначала уничтожены или исправлены, затем восстановлены, а затем снова уничтожены или исправлены. Неудивительно поэтому, что большинство сведений о его правлении исходит не из летописи Владимира, а из несколько более объективной Новгородской летописи. «Житие», как и можно было ожидать, ничего не добавляет к тому, что известно из летописей. В самом деле, в этом произведении до предела сжато или просто опущено все, что может быть истолковано как хотя бы бросающее тень на образ Александра.

Даже несмотря на захват Андреем великокняжеского престола во Владимире в 1249 году, Александр никогда не сталкивался с проблемой наследования в связи со своими родичами, ростовской ветвью Всеволодовичей, потомками Константина. В соответствии с любопытным законом «наследования старейшинства» о (котором нельзя сказать, что он строго соблюдался применительно к престолу во Владимире в течение большей части XIII столетия) право старейшинства, т. е. право быть великим князем, переходило горизонтально от брата к брату, а когда очередное поколение князей выбывало, престол переходил к старшему сыну старшего брата. Однако дети тех князей, которые умирали раньше своих отцов или своих правящих дядьев, оказывались вместе со своими потомками навсегда лишены права наследования великокняжеского престола. Именно это произошло со старшей ветвью Всеволодовичей. Два старших сына Константина, Василько Ростовский и Всеволод Ярославский, умерли в 1238 году; в результате все их потомки оказались за чертой претендентов на владимирский престол. Что касается третьего сына, Владимира Угличского, он умер в 1249 году, т. е. раньше Святослава, который, хотя и потерял престол годом раньше, дожил до 1253 года. Следовательно, дети Владимира также были, по-видимому, исключены из числа наследников титула великого князя. Поскольку все дети Юрия умерли в 1238 году, не оставив наследников, открылся путь для потомков

Ярослава, и, действительно, титул великого князя владимирского, позднее московского и всея Руси, оставался в руках этой ветви рода до конца XVI столетия. Никто из потомков Святослава или Ивана никогда не претендовал на золотой престол, они по какой-то причине были также исключены из числа наследников.

Трудно сказать, какими именно были отношения между Александром и потомками Константина, князьями Ростова, Ярославля, Углича и Белоозера. Удалось ли им образовать совершенно отдельную часть княжеского рода со своими собственными правами, своими собственными узам вассальной верности? Или они находились в той или иной форме зависимости от великого князя владимирского? Источники не сохранили никаких упоминаний о договорах, и можно только делать предположения о характере их взаимоотношений. По нашему мнению, потомки Константина находились в определенной форме зависимости и подчинения по отношению к великому князю. Прецедентом для этого послужили события 1227 года, когда великий князь Юрий сместил своего племянника Всеволода Константиновича, отослав его править в Южный Переяславль, как будто тот был его сыном или младшим братом. И во время правления Александра происходило нечто подобное: в 1256 году он послал старшего князя, Бориса из Ростова, в Золотую Орду с деликатной миссией «просити за» Андрея, вернувшегося год назад из Швеции⁴⁸. Спустя два года Борис вместе с другими князьями поехал в Орду под началом Александра, а в 1259 году он вместе с Александром и Андреем прибыл в Новгород для проведения татарской переписи. Во всех этих событиях Борис участвовал как подчиненный Александра.

Два дяди Александра, Святослав и Иван, не причиняли ему беспокойства, по крайней мере в летописях об этом не упоминается. Святослав после бесплодной поездки в 1250 году в Орду, по всей видимости с жалобой на захват престола племянником, умер в начале 1253 года. Своему единственному сыну Дмитрию он оставил только небольшую родовую вотчину в Юрьеве Польском, затерянном между Владимиром и Переславлем; Суздаль был либо оставлен им при принятии престола во Владимире, либо Святослав потерял его, когда был изгнан в 1249 году⁴⁹. Что касается Ивана, то он умер после 1247 года, вероятно, даже после 1264-го. Его фигура была столь незначительной, что летописи даже не упоминали о его смерти, хотя обычно летописцем фиксировались все кончины князей и переходы престола к наследникам. Сын Ивана Михаил унаследовал от отца Стародуб на Клязьме, расположенный к востоку от Владимира,— самое маленькое из всех княжеств Суздальской земли.

Два брата Александра, Андрей и Ярослав, играли более значительную роль. Потерпев поражение от татар в 1252 году, Андрей бежал в Новгород, рассчитывая найти там поддержку среди противников Александра. Но он неправильно оценил настроения в городе: начиная с 1242 года в Новгороде не было открытого противоборства с Александром, кроме того, в 1251 году новый

архиепископ Далмат был посвящен в сан митрополитом в присутствии Александра. Не исключено, что и должность посадника в то время находилась в руках представителя «великих» бояр, которые позднее составили основу сторонников Александра в городе. Во всяком случае, новгородцы совершенно не собирались досаждать защитнику своих границ. После неудачи в Новгороде Андрей отправился в Псков, где ему был оказан более дружественный прием и позволено дожидаться прибытия его жены, которой удалось покинуть Владимир и бежать от татар. Из Пскова Андрей поехал в Ревель (Таллин) на Балтийском побережье, а уже оттуда отбыл в безопасную католическую Швецию.

Судьба брата и союзника Андрея Ярослава была менее счастливой. После сражения под Переславлем в 1252 году татары захватили в плен его детей, а жену и военачальника убили. Так или иначе, Ярославу удалось вернуться в свою вотчину Тверь, расположенную рядом с границей Новгородской земли. Но даже там он не был в безопасности и в начале 1254 года был вынужден бежать. Сначала Ярослав направился «с своими бояры» к Ладоге на севере Новгородской земли, рассчитывая, может быть, соединиться с Андреем. Но по какой-то причине его планы изменились, и от Ладоги он повернул к Пскову, в котором всегда были готовы с радостью принять любого, кто враждебно настроен по отношению к правящей в Новгороде группировке или к великому князю владимирскому. Прибытие Ярослава в Псков совпало по времени с коренным изменением «душевных привязанностей» правящих слоев в Новгороде в связи, может быть, с назначением нового посадника Ананьи, представителя боярской группировки, настроенной против Александра. Новгородцы привезли Ярослава из Пскова и посадили на новгородский престол, согнав с него сына Александра Василия, чем продемонстрировали открытое неповиновение великому князю. Это был момент кризиса и мятежа в Новгороде. Что потом произошло с Ярославом, точно неизвестно. Летописец просто сообщает, что о Ярославе говорили, будто он бежал из Новгорода. Во всяком случае, о нем ничего не слышно в течение примерно трех лет. По всей вероятности, он вернулся в Тверь, и между ним и Александром произошло что-то вроде примирения⁵⁰.

Александр вряд ли мог рассчитывать на спокойное управление Суздальской землей, когда два его брата открыто выступали против него. Андрей и Ярослав явно пользовались существенной поддержкой среди населения княжеств Суздальской земли, а также Новгорода и Пскова. Жители бывших городов (это стало очевидным некоторое время спустя) открыто не желали подчиняться политике уступок, проводимой Александром, и поддерживаемому им татарскому контролю над их жизнями и имуществом. Более того, шведское вторжение или, что еще хуже, совместное немецко-шведское вторжение с участием Андрея при поддержке со стороны Ярослава внутри страны — вот уж с чем Александру совсем не хотелось бы столкнуться в начале своего трудного, неустойчивого правления. Единственным выходом из создавшегося положения

было заключить мир с братьями, что Александр и сделал при первой возможности.

Сначала нужно было договориться с Андреем. Чтобы убедить его вернуться, необходимо было найти достаточно сильный побудительный мотив, и, по всей видимости, приманкой послужил Суздаль, освобожденный незадолго до этого дядей Андрея Святославом. Андрей вернулся на Русь в 1255 году и был тепло принят Александром. Согласно «Истории» В. Н. Татищева, единственному источнику, в котором упоминается о возвращении Андрея, Александр отдал ему Суздаль не с легкой душой. Дело не в том, что он опасался потенциальной силы своего брата на суздальском престоле (примирение было, по всей видимости, полным), а в том, что Александру не удалось получить от хана благосклонного одобрения этому возвращению⁵¹. Прошло еще два года, прежде чем княжение Андрея в Суздале было узаконено: в 1255 году Александр был слишком занят волнениями в Новгороде, и только в 1256 году он смог послать ростовского князя Бориса в Орду с просьбой к новому хану Улагчи о «прощении» Андрея и одобрении его княжения⁵². Тем временем Андрей получил дополнительно Городец на Волге и Нижний Новгород, недавно основанный его дядей Юрием на самой восточной границе Суздальской земли, он прибыл туда для официального принятия власти в 1256 году⁵³. С этого момента и до его смерти в 1264 году об Андрее Суздальском ничего не слышно⁵⁴. Мы знаем только, что он дважды сопровождал своего старшего брата в деликатных миссиях: в Золотую Орду в 1258-м и в Новгород в 1259 году для оказания помощи татарским сборщикам дани. Александр превратил его из опасного противника и мятежника в угодливого служилого князя.

Жизнь Ярослава после неудачи в Новгороде в 1255 году во многом сходна с тем, что произошло с Андреем после его возвращения из Швеции. В 1258 году он едет вместе с Александром в Золотую Орду. На следующий год у Александра хватило здравого смысла не брать Ярослава с собой в непростую миссию в Новгород, но в 1262 году Ярослав сопровождает сына Александра Дмитрия в походе против Юрьева⁵⁵. Больше о нем ничего не слышно до его восшествия на владимирский престол в 1263 году.

Если Александр приходилось быть очень осмотрительным в своих отношениях с двумя братьями, то с православной церковью в течение всего его правления у него были самые тесные связи. Сотрудничество с митрополитом Кириллом оставалось непоколебимым — вряд ли Александр мог где-нибудь найти более преданного союзника. Когда Александр в 1252 году приехал из Орды во Владимир, митрополит Кирилл встречал его со всей церковной свитой, он же венчал его на великое княжение, сопровождал его даже в одном из военных походов⁵⁶, затем похоронил Александра со всеми почестями, произнес над его телом погребальную речь («зашло) солнце Суздальской [земли]») ⁵⁷. Кирилл большую часть времени прожил в городе Александра Владимире, а не в центре епархии Киеве. И что самое важное, он создал в 1261 году епархию в Сарае, столице Золотой Орды, установив таким образом постоян-

ную связь между ханом и православной церковью в Суздальской земле, а также удобный дипломатический канал связи с Византийской империей⁵⁸. В целом русская православная церковь смотрела скорее на Восток, чем на Запад. «Житие» Александра содержит один любопытный и достаточно символический эпизод, который очень хорошо показывает политическую и идеологическую ориентацию православной церкви того времени. «Некогда же,— повествует автор «Жития»,— приидоша к нему послы от папы из великого Рима, ркуще: папа наш так глаголет: слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика, сего ради прислахом к тебе от двоюнадесят кординалу два хыреша, Агалдада и Гемонта, да послушаеши учения их о законе божиим». Ответ Александра на это предложение об обращении в католицизм был, как и следовало ожидать, резким и прямым: «Си вся добре съведаемь, а от вас учения не приемлем»⁵⁹.

Ориентация русской православной церкви на Восток объясняется просто. Православное духовенство могло потерять все в результате обострения отношений с татарами и вряд ли много могло приобрести от тесных связей с Западом. Церковь была единственным институтом, который не подлежал переписи, с самого начала церковь была освобождена от уплаты дани и воинской повинности. Когда в 1257 году татарские «численици (переписчики) исцетоша (сосчитали, описали) всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую» и разделили население страны на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч с целью определения числа плательщиков дани и рекрутов для монгольских войск, церковные служители были особым образом исключены из переписи: «Толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан (слуги, церковные судьи, тчецы, певцы или, может быть, просто младшее духовенство), [тех], кто зреть на святую Богородицу и на владыку»⁶⁰. Точно неизвестно, включали ли названные категории всех, кто проживал в церковных и монастырских усадьбах, или же они подразумевали любого, кто работал в церкви или монастыре,— во всяком случае, эта запись в летописи явно показывает широкую степень защиты для церковного клира и церковной собственности. Эти привилегии, позднее включенные в различные татарские ярлыки, означали, что православная церковь имела такие свободу и защиту, которые были неведомы другим слоям русского общества. С учетом этих обстоятельств вряд ли можно было ожидать от церкви чего-либо, кроме безоговорочной поддержки Александра в проведении его протатарской политики и создания в его «Житии» образа великого предводителя православия перед лицом папской агрессии.

Военные столкновения с Западом, по крайней мере те немногие, что попали в летописи того времени, были прямым подолжением прежней деятельности Александра: те же враги (литовцы, немцы, шведы) и во многом те же зоны противоборства — Смоленское княжество на западе и северо-западные районы Новгородской земли. Ничего как будто не изменилось в этих странно безрезультатных пограничных стычках: как и прежде, источником наибольшей опасности и разорений были литовцы. Они проникали в глубь Нов-

городских земель (Торжок, 1258 год) и территории Смоленского княжества (Торопец, 1253 год, Смоленск, 1258 год). Но эти набеги ни к чему не приводили, и, наконец, в 1262 году политика великого князя Миндовга в отношении Суздальской земли коренным образом переменилась. В этом году он разорвал все отношения с Римом и с тевтонскими рыцарями и заключил договор с Александром⁶¹, в результате которого соединенное литовско-полоцкое войско вместе с русскими штурмовало Юрьев (Тарту, Дерпт). Только убийство Миндовга, его племянника Товтивила (Таутвиласа) Полоцкого и двух из его сыновей (после чего великим князем литовским стал сын Миндовга Войшелк) положило конец этому обещавшему стать плодотворным союзу⁶².

Немецкие рыцари были менее активны. Единственным их военным предприятием было неудачное нападение на Псков в 1253 году⁶³. Да и в этом случае инициатива находилась, по всей видимости, в руках русских. Они не только перешли в контрнаступление через реку Нарова в 1253 году после того, как выбили немцев из Пскова, но девять лет спустя предприняли крупное и очень успешное вторжение на немецкую территорию. В походе под номинальным командованием юного сына Александра Дмитрия приняли участие новгородский, тверской, полоцкий и литовский отряды. Соединенным силам удалось взять Юрьев (Тарту, Дорпат) — один из самых восточных на немецкой территории городов в Южной Эстонии, расположенный к западу от Чудского озера⁶⁴. Это было серьезное поражение тевтонских рыцарей.

Шведы могли соревноваться с немцами в бездеятельности. Единственный раз они появились на русской границе в 1256 году, когда, возможно, в ответ на призыв папы Александра IV к общему крестовому походу против «язычников» Восточной Европы⁶⁵ они попытались построить крепость на реке Нарова вместе с финскими союзниками (емь и сумь) и, возможно, с отрядом датчан⁶⁶. Новгородцы успели только послать в Суздальскую землю за войском и мобилизовать свои собственные силы. Этого было достаточно, чтобы испугать шведов, которые, «услышавше, побегоша за море». Той же зимой Александр повел войско, состоявшее из дружин Суздальской земли и Новгорода, сначала на Копорье, а затем в Южную Финляндию. Этот поход как-то странно и туманно описывается в Новгородской летописи: митрополит сопровождал Александра до Копорья; новгородцы «не ведяху, где князь идет»; «и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи»; тем не менее русским дружинам удалось убить и захватить в плен значительное количество финнов, «и придоша... вси здорови» (летописное клише, обычно употреблявшееся для обозначения неудачного похода). Даже если этот поход не достиг тех целей, ради которых он был предпринят, то по крайней мере он отбил у шведов охоту совершать набеги на русскую территорию еще на четверть столетия.

Ни связи Александра с членами его рода, ни его курс по отношению к православной церкви, ни военные походы не воссоздают целостной картины его общеполитической линии, его подхода к краеугольным проблемам эпохи, его ответов на жгучие вопросы то-

го времени: какое место должна занимать Русь в Монгольской империи? Каким должно быть отношение Суздальской земли, Новгорода и Пскова к ханам Золотой Орды? Должен ли великий князь владимирский как фактический сюзерен Новгорода и всех земель к северу от Оки бороться за независимость от Сарая и Каракорума и пытаться объединить всех русских людей в сфере своего влияния с конечной целью низвергнуть господство Золотой Орды? Или он должен подчиняться требованиям ханов, сколь бы унижительными они ни были, избегать любых военных столкновений с татарами и таким образом получить разрешение на некоторое количество ограниченной свободы во внутренних делах великого княжества? Чтобы понять позицию Александра (или, быть может, обстоятельства, в которых он находился) и попытаться прояснить общую цель государственной политики, если ее можно так назвать, мы должны изучить действия Александра в Новгороде в кризисные годы: 1255-й, 1257-й и 1259/60-й — и проанализировать его отношение к великому восстанию 1262 года в северных городах Руси.

О внутренних конфликтах в Новгороде в десятилетие, следовавшее за битвой на Чудском озере (1242 год), ничего неизвестно. Летописец не упоминает ни о каких «распрях» или «мятежах» в городе за эти десять лет. Создается впечатление, что «изменническая» деятельность настроенных против Александра группировок в начале 40-х годов XIII века была на какое-то время совершенно подавлена решительными действиями Александра. Факты, однако, указывают на то, что в Новгороде сохранялась серьезная оппозиция в отношении Александра и его политики, особенно среди тех слоев населения, которые были заинтересованы в крепких связях с Западом. До принятия титула великого князя, пока Александр оставался номинальным правителем города, оппозиция не могла и не смела ничего предпринять, поскольку большую часть времени Александр проводил либо в самом Новгороде, либо в своей расположенной неподалеку вотчине Переславле, откуда мог быстро подавить едва зарождающиеся волнения. Но когда вскоре после принятия великокняжеского престола владимирского в 1252 году он посадил своего старшего сына Василия на княжение в Новгород⁶⁷, враждебные элементы в городе осознали, что пришло время действовать. В то время Василию не могло быть многим больше двенадцати лет — Александр взял в жены полоцкую княжну Александру в 1239 году.

Благоприятная возможность не заставила себя долго ждать. Как уже упоминалось выше, в начале 1254 года брат Александра Ярослав, который был союзником Андрея в 1252 году, бежал из своей вотчины в Твери и после короткого стояния на Ладоге двинулся на Псков. Из Пскова в 1255 году он был призван в Новгород членами враждебной Александру группировки, которые изгнали Василия и посадили вместо него на княжеский престол Ярослава. Ответ Александра последовал незамедлительно: он собрал войско и пошел на Новгород. Новгородский летописец сообщает о существовании двух различных группировок в городе. С одной стороны, были «великие» бояре, сторонники Александра, с другой — «меньшие» бояре, ведомые посадником Ананьей Феофилактовичем, кото-

рых поддерживали простые люди («чернь»), зажиточные горожане («житьи») и купцы — именно они добились изгнания Василия и приглашения Ярослава, который, к слову сказать, бежал из города при первых признаках опасности. Александр немедленно объявил свое требование: выдать «ворогов». Обе стороны, стянув дружины, провели вече в разных частях города, на которых выработали свои программы и обсудили контртребования. Сначала «меньшие» бояре были полны решимости «стати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину», тогда как «великие» бояре готовились «побети меншии, а князя [Александра] въвести на своеи воли». Так или иначе, кровопролития не произошло, возможно, благодаря вмешательству архиепископа. Столкнувшись с решительным противодействием со стороны «меньших» бояр, Александр снял свое условие о выдаче всех «врагов» и потребовал только, чтобы ему был выдан Ананья. Если же требование не будет удовлетворено, угрожал Александр, то он больше не будет новгородским князем («ино аз вам не князь»), другими словами, разорвет свой договор с городом и пойдет на Новгород войной («ратью»). В процессе переговоров, на которые от Новгорода были посланы архиепископ и *тысяцкий*, Александр смягчил требование: Ананья обязан был оставить должность посадника. Это компромиссное решение было принято. Посадником был назначен ставленник «великих» бояр Михаил Степанович, внук сторонника Суздальской земли Твердислава. Александр с триумфом вошел в город, где его встретил «архиепископ Далмат со всем иереискымъ чиномъ», и «седе... на своемъ столе». Однако, когда Александр уезжал из Новгорода, он не стал назначать своего сына наместником на целый год; Александр мог доверить новому посаднику поддержание порядка в Новгороде⁶⁸.

Трудно переоценить значение событий 1255 года в Новгороде. На этот раз это была не просто очередная стычка между враждующими группировками по вопросу о том, кто должен стать князем в Новгороде и кто должен быть приглашен для защиты его границ. Это было эхо кризиса 1252 года, когда встал вопрос: каким должно быть отношение русских к татарам — бороться или подчиниться? Удивительна в этой связи очевидная сила оппозиции Александру. Три дня, отделявшие последнее требование великого князя от предпоследнего, город балансировал на грани войны. Обе стороны в полной боевой готовности ожидали начала сражения, и «меньшие» бояре, которых явно поддерживало большинство горожан, были готовы положить свои жизни «за правду новгородскую». Очень важен и тот факт, что именно Александр и «великие» бояре были вынуждены в конце концов пойти на компромисс. Восстание новгородцев продемонстрировало Александру опасность положения внутри страны и силу оппозиции его политике уступок. Нельзя исключить, что только в результате событий 1255 года он позволил Андрею вернуться из Швеции. Случайно или нет, но в единственном источнике, сообщающем о возвращении Андрея, в «Истории» Татищева, это эпизод помещен после описания событий в Новгороде.

Хотя Александру удалось мирно решить проблемы со своими братьями и вернуть их в отчий дом, его противоборство с Новго-

родом было далеко от завершения. Вскоре произошло еще более серьезное выступление оппозиции против великого князя. На этот раз оно имело прямое отношение к поддержке Александром действий татар: в 1257 году состоялась первая упоминаемая в источниках татарская перепись Руси. Перепись началась со «всей земли Суздальской», другими словами, охватила все княжество, подчиненные великому князю владимирскому, и районы Муром и Рязани. В единственном источнике, зафиксировавшем это событие (Лаврентьевской летописи), не упоминается о каком-либо сопротивлении, просто сообщается, что переписчики («численици») сосчитали («исщетоша») население, чтобы определить размеры дани и число военных слуг, назначили ответственных за группы в десять, сто, тысячу и сто тысяч человек («десятники, и сотники, и тысящники, и темники») — по-видимому, русских, а не татар, поскольку летопись не упоминает об их национальности, — и освободили духовенство от переписи.

Само собой разумеется, что татары не собирались ограничивать перепись Суздальской землей, Муромом и Рязанью. То же самое должно было произойти с Новгородом, и летом того же года в город пришло известие о предстоящем прибытии численников и их намерении наложить дань на горожан, а также установить таможенный налог («тамга»), очевидно, в форме процента на купеческий капитал. Эта новость вызвала в городе волнения. «Смятошася люди черес все лето», — сообщает летописец. Установлению порядка не способствовало и то, что бывший посадник Ананья «умре» (был убит?) 15 августа, а его преемник Михалко Степанович был казнен в начале зимы — оба эти события явились, несомненно, прямым результатом «смуты». Явно напрашивается вывод, что Михалко был убит в отместку за смерть его предшественника. Летописец, сторонник Ананьи и «меньших» бояр, добавляет к описанию гибели Михалки горький пересказ Притчи Соломона 28.10: «Аще бы кто добро другу чинил, то добро бы [для него] было; а копя под другом яму, сам ся в ню вьвалить». Сын Александра Василий и его советники также были на стороне «меньших» бояр. Как только татарские переписчики, сопровождаемые самим великим князем, прибыли в Новгород, Василий бежал в Псков.

Если Александр ожидал, что перепись окажется простым делом, то он глубоко заблуждался. Татары стали «просити... десятины, тамгы», но встретили резкий отказ. Вместо этого новгородцы осыпали татарских численников дарами для хана и каким-то образом убедили их уехать. Дружина Александра была слишком малочисленна, чтобы обеспечить перепись силой. Однако князь остался в городе после отбытия численников и определил соответствующее наказание своему сыну, советникам своего сына и непокорным новгородцам. Василий был взят под стражу в Пскове и с позором отправлен обратно в Суздальскую землю. Некто Александр, по всей видимости воевода личной охраны Василия, был казнен вместе со своей дружиной, а тем, кто «Василья на зло повел», отрезали носы либо выкололи глаза. И снова летописец добавляет умозаключение, на этот раз иронического свойства: «Всяк бо злыи зле да погыбнетъ». Оставив по себе жесто-

кую память о том, что неповиновение карается казнью или увечьем, Александр вернулся в свою столицу. Новым посадником стал некто Михаил Федорович, привезенный с Ладоги,— перед ним стояла неблагоприятная задача восстановить в Новгороде какое-то подобие порядка⁶⁹.

У Александра не могло быть и тени сомнения, что он будет призван татарами к ответу за свою неудачу в Новгороде. Посланные хану дары и жестокая расправа Александра с теми, кого он считал виновным в неподчинении татарам, вряд ли могло удовлетворить Золотую Орду. В следующем, 1258 году Александр был вызван в Орду — на этот раз не один, а с двумя своими в прошлом непокорными братьями Андреем и Ярославом и с Борисом Ростовским, старшим из потомков Константина. Наивно было бы рассчитывать на то, что не раз и не два правленная летопись Владимира и Ростова, единственная, в которой упоминается об этой поездке в Золотую Орду, приведет какое-либо объяснение или сообщит подробности того, что произошло, кроме констатации факта о том, что князя «чтивше [хана] Улавчия (Улагчи, сына и наследника Сартака) и вся воеводы и отпущени быша (не «с честью», заметим) в свою отчину»⁷⁰. Нашему удивлению не было бы предела, если бы почтительный автор «Жития» Александра хотя бы упомянул об этом эпизоде. Нетрудно, однако, самим догадаться о причинах, вызвавших эту встречу, и об указаниях, полученных князьями в Сарае. События следующего года слишком ясно указывают и на то, и на другое.

Новгородцы получили предостережение о том, что должно было произойти. В конце 1259 или в начале 1260 года⁷¹ в город прибыл посол из Владимира и пригрозил: или примите переписи, или вы будете завоеваны («уже полки на Низовьской земли (т. е. в Суздальской земле)»). Новгород согласился впустить татар. Вскоре они прибыли в сопровождении Александра, его брата Андрея и Бориса Ростовского⁷² — другими словами, тех же князей, что ездили в 1258 году в Орду, за исключением Ярослава Тверского: в связи с его прошлым союзом с непокорными элементами в Новгороде Александр считал более разумным не брать с собой Ярослава. Русские князья со своими дружинами и татарские отряды стояли в ожидании в Городище, крепости на берегу Волхова, расположенной к югу от города, пока численники делали свое дело. Несмотря на формальное согласие, новгородцы восстали, как только татары начали собирать дань и проводить перепись. «Бысть мятежь велик в Новегороде,— сообщает новгородский летописец,— и по волости много зла учиниша, беруче туску (налог) оканьным татаром»⁷³, что указывает на то, что сначала татары собирали дань в сельской местности.

Новгородцы разделились на две группировки: «меньшие» бояре, простые люди («чернь») и купцы не желали подчиниться; «великие» бояре горели желанием повиноваться Александру и заставить своих противников не выступать против переписи. Горожане взяли за оружие, и татары были уstraшены их действиями. «Даи намъ сторожи, ать не избыють нас»,— жаловались татары Александру, который ответил им тем, что приказал «стеречи их сыну посадничю

и всем детям боярьским (т. е. младшим служилым людям) по ночем». Снова Новгород находился на грани междоусобной войны, и, только когда Александр и «оканьнии татарове» пришли в Новгород из Городища, сопротивление прекратилось. «И почаша,— завершает летописец свой рассказ,— ездити оканьнии по улицам, пишуче дома христьяньскыя; зане навел Бог за грехы наша ис пустыня звери дивныя ясти силных плъти (плоть) и пити кровь боярьскую». На этот раз Александру удалось заставить новгородцев повиноваться воле татар. Подати были собраны, перепись завершена. Нам неизвестно, в какой мере это было началом регулярного обложения Новгорода данью и сколько людей в результате переписи город поставлял в монгольские войска. Но хан Золотой Орды мог быть доволен преданным сотрудничеством со стороны Александра: Новгород, наконец, подчинился — пусть только номинально — власти этих «окаянных» татар⁷⁴.

Трудно сказать с уверенностью, насколько настроения недовольства, проявленные новгородцами, были характерны для жителей Суздальской земли. Конечно, летописцы Владимира и Ростова, сообщая о «числе» населения в 1257 году, не упоминают ни о каком сопротивлении татарским численникам или самому Александру. Но необходимо помнить, что Лаврентьевская летопись, в которой сообщается о переписи, отражала **собственную** великокняжескую летопись Александра того периода. И даже если она правилась его наследником (а в былые времена противником) Ярославом Тверским, то в последние десятилетия XIII века она, вероятно, была восстановлена более или менее близко к первоначальной форме сыновьями Александра. Так что не приходится удивляться простому, без всяких подробностей сообщению о том, что численники «исщетоша всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую». Однако было ли сопротивление этим «диким зверям», этим «окаянным» татарам или не было? Великое восстание 1262 года дает ответ на этот вопрос.

Сбор дани и набор рекрутов в татарские войска происходил в Северо-Западной Руси начиная с переписи 1257 года, но только начиная с 1262 года мы знаем какие-то подробности о причиняемых при этом страданиях и о реакции населения на сборщиков податей. Лаврентьевская летопись дает самую раннюю и наиболее живую картину событий 1262 года⁷⁵. Это было чисто народное восстание. В крупных городах — Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле — были созданы вече⁷⁶, и как будто в едином порыве люди прогнали татар. Методы сбора податей стали невыносимыми: помимо использования таких общих выражений, как «велика пагуба», «насилъе», «беды», летописец обвиняет татар, которых он без разбору называет и мусульманами («басурмане»), и язычниками («поганые»), не только в том, что они заставляли тех, кто не мог собрать денег для уплаты дани, отрабатывать или угоняли их в рабство («роботяще резы»), но и в том, что они разбивали семьи, угоняя людей на службу в монгольские войска или на рынки рабов («многы души крестьяньскыя раздно ведоша»). Дополнительный свет на методы сбора податей проливает история «преступника» Зосимы, бывше-

го монаха, обращенного в мусульманство. Он служил в Ярославле у некоего Кутлу Бега, который был представителем⁷⁷ хана Золотой Орды. С помощью Кутлу Бега Зосима «творяше хрестьяном велику досаду»; не исключено, что он даже пытался выжать подати из духовенства — о нем говорится, что он «кресту и святым церквам поругаяся». Когда горожане Ярославля «на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша иных избиша, тогда и сего безаконного Зосиму» казнили и бросили его тело псам и воронам.

Очевидно, что это было массовое восстание, которому предшествовали локальные и отчасти согласованные вспышки сопротивления — маловероятно, что выступления против татар произошли спонтанно сразу во всех городах Суздальской земли. Никоновская летопись, пытаясь как-то приукрасить князей, изображает их вдохновителями восстания: «Князи же русстии согласившеся межи собою и изгнаша татар из градов своих»⁷⁸; а Устюжская летопись XVI века добавляет к краткому сообщению о восстании полностью вымышленную, сочиненную в лучших традициях фольклора фразу о сборщике податей по имени Буга, которому русская наложница («взял... девицу насилем за ясак (в уплату подати) на постелю») сообщила о «грамоте» от князя Александра Ярославича, что татар бити»⁷⁹. Но князья, и в том числе, конечно, Александр, не вдохновляли, не возглавляли и не поддерживали народное движение⁸⁰: самый ранний источник (Лаврентьевская летопись) и слова не проронил об участии князей, а автор «Жития», горевший желанием изобразить будущего святого в наиболее героическом и патриотичном ореоле, вообще не упоминает об этом восстании, не говоря уже об участии в нем Александра.

Какими бы ни были взаимоотношения между монгольскими правителями в то время — а это был очень сложный и напряженный период⁸¹, — Берке, наследник Улагчи в Золотой Орде, не мог оставить восстание безнаказанным. В связи с конфликтом с ильханом Персии Хулагу и войной в Закавказье Берке нуждался в войсках и надеялся на рекрутов из Руси. Из всех русских летописей только Софийская Первая рассказывает о непосредственных результатах восстания и об избииении, устроенном татарами на Суздальской земле. Войска были посланы, чтобы взять «христиан» (т. е. русских) в плен. «Бе же тогда нужда велика от иноплеменик (т. е. татар), и гоняхуть христиан вельще [вместе] с собою воинствовати»⁸².

Александру ничего не оставалось, как отправиться в Золотую Орду. По всей вероятности, Берке вызвал его, чтобы Александр объяснил свою неспособность держать в повиновении жителей городов Суздальской земли. «Житие» и единственная летопись, в которой упоминается причина поездки, сообщают, что Александр отправился в Орду к хану, «дабы отмолити людии от беды тоя». Что подразумевается под «беды тоя», становится ясным из предшествующей фразы: «...гоняхуть христиан вельще [вместе] с собою воинствовати»⁸³. Насколько ему удалось достичь этих целей: спасти русских от наказаний за убийство сборщиков дани и отговорить хана от массовой мобилизации в Суздальской земле, — источники не говорят. Мы знаем только, что Берке держал Александра в Орде зимой

1262/63 года и что князь там заболел. Ни в одном из источников об отравлении не упоминается. Александр возвращался по Волге, в Нижнем Новгороде сделал короткую остановку. Затем, вместо того чтобы вернуться в свою столицу Владимир по Оке и Клязьме, Александр отправился дальше вверх по Волге к Андрею в Городец. Там, приняв схиму (высшая степень монашеского послушания), он умер 14 ноября 1263 года⁸⁴. Митрополит и все духовенство встретили похоронную процессию в Боголюбове, бывшем в свое время резиденцией великих князей, и перевезли тело Александра в расположенный неподалеку Владимир, где похоронили его 23 ноября в монастыре Рождества Богородицы. Надгробная речь митрополита, приводимая в «Житии», была короткой, но запоминающейся: «Чада моя, разумеите (знайте), яко уже заиде (зашло) солнце Суздальской [земли]».

Какие выводы можно сделать из всего того, что мы знаем об Александре, его жизни и правлении? Был ли он великим героем, защитником русских границ от западной агрессии? Спас ли он Русь от тевтонских рыцарей и шведских завоевателей? Стоял ли он непоколебимо на страже интересов православия против посягательства папства? Спасла ли проводимая им политика уступок Северную Русь от полного разорения татарами? Диктовалось ли его самоуничтожение, даже унижения перед татарами в Золотой Орде самоотверженным стремлением к спасению Отчизны и обеспечению ее устойчивого будущего? Мы, конечно, никогда не узнаем истинных ответов на эти вопросы. Но те факты, которые можно выжать из коротких и часто вводящих в заблуждение источников, даже из умолчаний «Жития», заставляют нас серьезно подумать, прежде чем ответить на любой из этих вопросов утвердительно. Ведь не было согласованного плана западной агрессии ни до, ни во время правления Александра; не было и опасности полномасштабного вторжения, хотя папство, немцы, шведы, датчане и литовцы могли полагать, что Северная Русь окончательно была ослаблена татарским нашествием, что на самом деле не соответствовало действительности. Александр делал только то, что многочисленные защитники Новгорода и Пскова делали до него и что многие делали после него,— а именно устремлялись на защиту протяженных и уязвимых границ от отрядов захватчиков. Нет никаких свидетельств в пользу того, что папство имело какие-то серьезные замыслы относительно православной церкви и что Александр сделал что-либо для защиты ее единства. На самом деле он и не думал порывать с католическим Западом даже после 1242 года: он собирался женить своего сына Василия на дочери норвежского короля Хаакона Кристине, готовил несколько договоров с немцами, заключил один договор с Норвегией, принимал посольства из северных и западных европейских стран, отвечал на папские буллы⁸⁵. Действительно, православная церковь многим ему обязана, но не сохранением своих земель и собственности и не освобождением духовенства от обложения данью и мобилизации. Религиозная терпимость была неотъемлемой частью монгольской политики еще со времен Чингис-хана, и ханы Золотой

Орды, будь они язычники или мусульмане, всегда проявляли понимание и даже щедрость по отношению к церквам в тех землях, которые находились под их властью, Александру не было нужды просить Батюга, Сартака или Берке за русскую церковь. Тем не менее православная церковь считала себя обязанной своим привилегированным положением Александру — об этом свидетельствует преданность митрополита великому князю, местная канонизация Александра в монастыре Рождества Богородицы во Владимире⁸⁶ и льстивые славословия «Жития».

И наконец, можно задать вопрос: привела ли проводимая Александром политика уступок (каковой она, несомненно, являлась) хоть к какому-нибудь улучшению положения русских при татарском господстве? Нужно признать, что источники не сообщают ни о каких карательных набегах в течение долгого времени после похода Неврюя 1252 года; неповиновение Новгорода и восстание 1262 года оставалось некоторое время безнаказанным; вмешательство со стороны татар в местные русские дела было минимальным; за время правления Александра нет никаких свидетельств даже о пребывании татарских чиновников или военных отрядов на русской территории. Но можно ли все это приписать политике Александра? Не было ли это скорее результатом занятости татар в других местах: в Литве, в Южной Руси и особенно в Иране?

Без сомнения, как уже говорилось в предыдущей главе, вмешательство Александра в 1252 году, его роль в разгроме татарами двух его братьев фактически положили конец действительному сопротивлению русских князей Золотой орде на многие годы вперед. Деятельность Александра во время его правления не может изменить нашей оценки его места в русской истории.

И все же сопротивление продолжалось. Оно не прекратилось с поражением Андрея и Ярослава и явно проявилось во враждебности Новгорода к Александру, в восстании 1262 года. Александр не сделал ничего, чтобы поддержать этот дух сопротивления Золотой орде. Требуется беспредельная щедрость сердца, чтобы назвать его политику самоотверженной.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О получении Суздаля и Стародуба Святославом и Иваном соответственно см.: ПСРЛ, т. 25, с. 130; т. 2 (изд. 1843 г.), с. 338 (Густынская летопись). В. Н. Татищев, однако, пишет, что Иван получил Стародуб в 1212 г. (Татищев, т. 4, с. 342).

² Согласно Л, он был похоронен в Ярославле в 1249 г. (ПСРЛ, т. 1, стб. 472). МАК, которая в описании событий 1239—1419 гг. восходит к суздальско-ростовскому источнику, называет его «Васлеи... Ярославъскыи» (там же, стб. 523). Он умер, не оставив сына, и, хотя у него был брат Константин, убитый татарами в 1255 или в 1257 г. (Ваугартен. Généalogies, vol. 2, p. 62), вместо него в Ярославле стали править его вдова Ксения и дочь Мария. Около 1260 г. Федор Ростиславич, брат смоленского князя Глеба и правитель Можайска, расположенного в восточной части Смоленского княжества, взял Марию в жены и стал князем в Ярославле.— См.: ПСРЛ, т. 10, с. 153—154.

³ ПСРЛ, т. 1, стб. 472, 523.

⁴ Только В. Н. Татищев (т. 4, с. 359) называет дату его рождения — 30 мая 1220 г.

⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 469 (также в *HIV, CI, MAK*). Младший сын Василий родился в 1241 г.

⁶ Татищев, т. 5, с. 52, 56.

⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 471; стб. 795 (под 1245 годом); НПЛ, с. 298—303.

⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 805—808 (под 1250 годом).

⁹ ПСРЛ, т. 4, с. 228.

¹⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 470.

¹¹ О нападении на Каменец см.: ПСРЛ, т. 1, стб. 469; т. 2, стб. 782 (под 1238 годом); т. 30, с. 90 (Владимирский летописец — единственный источник, упоминающий о присутствии Михаила в городе: «... а князь Михаил утече»). Несколько иную версию дает Димник (*Dimnik. Kamenes*, p. 26, 31—32).

¹² ПСРЛ, т. 1, стб. 469; т. 25, с. 130.

¹³ ПСРЛ, т. 2, стб. 806.

¹⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 471; *The Mongol Mission*, p. 58, 65.

¹⁵ Пашуто. Очерки, с. 268—269. Что касается отношений Ярослава с Римом, то В.Т. Пашуто упоминает буллу папы Иннокентия IV Александру Невскому (*Historica Russiae Monumenta*, vol. 1, p. 68—69).

¹⁶ *Vergadsky. The Mongols and Russia*, p. 148.

¹⁷ По заключенному в 1238 г. в Стенсби договору, северная половина Эстонии должна была находиться под управлением датчан, тогда как южная отходила к Тевтонскому ордену.

¹⁸ НПЛ, с. 77, 289. См. также: Пашуто. Образование, с. 376.

¹⁹ НПЛ, с. 79, 304.

²⁰ Подробности см.: Пашуто. Образование, с. 377 и далее.

²¹ ПЛ, с. 13; ПЛ, с. 21,81.

²² НПЛ, с. 77 («городищи»), 289 («городец»).

²³ НПЛ, с. 79 (под 1245 годом), 304 (под 1246 годом).

²⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 471—472. В.Т. Пашуто (правда, не очень убедительно) считает набеги 1245 и 1248 гг. одним и тем же событием, а запись в *Inpat* под 1252 годом (в той ее части, где Миндовг послал «сыновца своего Тевтевила и Едвиды [из Жемайтии]... на Русь воевать ко Смоленску» (ПСРЛ, т. 2, стб. 815), относящейся к этому походу (Пашуто. Образование, с. 377—378).

²⁵ ПЛ, с. 14; Бегунов. Памятник, с. 173, 192.

²⁶ Анализ «Жития» Александра Невского см.: *Fennell and Stokes. Early Russian Literature*, p. 107—121.

²⁷ Шаскольский. Борьба Руси, гл. VII. См. также: его же. Папская курия; и его же. Новые материалы.

²⁸ Ср., однако: *Christiansen. The Northern Crusaders*, p. 128.

²⁹ См.: НПЛ, с. 77. Описание из «Жития» см.: ПЛ, с. 11—13; Бегунов. Памятник, с. 162—168, 188—191.

³⁰ НПЛ, с. 78, 294—295; ПСРЛ, т. 10, с. 123.

³¹ НПЛ, с. 78, 295; ПСРЛ, т. 10, с. 125.

³² НПЛ, с. 78—79, 295—296; ПЛ, с. 13 (приводится дата 1 апреля); ПЛ, с. 13—14, 82; ПСРЛ, стб. 470; т. 5, с. 226—229.

³³ ПСРЛ, т. 1, стб. 470.

³⁴ Ледовое побоище, с. 227.

³⁵ *Tumler P.M. Der Deutsche Orden*, p. 266—267. Заметим, что, согласно описанию в *CI* (и фильму Эйзенштейна «Александр Невский»), магистр ордена участвовал в сражении (ПСРЛ, т. 5, с. 227).

³⁶ Орден Александра Невского, установленный Екатериной I в 1725 г., был воскрешен Сталиным 29 июля 1942 г. — в разгар крупнейшего наступления немцев.

³⁷ Подробный анализ источников см.: *Fennell. Andrej Jaroslavic*.

³⁸ Пашуто. Очерки, с. 271.

³⁹ ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

⁴⁰ Александр был во Владимире в то время, когда умер его двоюродный брат Владимир Константинович Угличский (27 декабря 1249 г.) и сын другого двоюродного брата, Василия Всеволодович Ярославский (8 февраля 1250 г.) (ПСРЛ, т. 1, стб. 472). О его прибытии в Новгород см.: НПЛ, с. 80, 304.

⁴¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 829, под 1255 годом.

⁴² Гумилев. Поиски, с. 381.

⁴³ См.: Fennell. The Emergence, p. 105 et seq.

⁴⁴ Татишев. т. 5, с. 40.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

⁴⁶ В. Н. Татишев пишет, что из Новгорода Александр собирался отправиться в Киев, но новгородцы отговорили его «татар ради» (Татишев, т. 5, с. 39).

⁴⁷ Поздняя Густынская летопись называет Александра в момент его смерти «князь московский (!) и киевский», а Ярослава Ярославича — «князь киевский» (ПСРЛ, т. 2, изд. 1843 г., с. 342—344).

⁴⁸ *Л* просто сообщает: «Князь же Борис поеха в татары, а Олександр князь послал дары. Борис... приеха в свою отчину с честью» (ПСРЛ, т. 1, стб. 474). В. Н. Татишев, однако, утверждает, что Александр «посла послы своя (с Борисом)... просити (прошения) за Андрея» и что Борис «прошение испроси и возвратися со многуо честью» (Татишев, т. 5, с. 42).

⁴⁹ Святослав получил Юрьев Польский в 1213 г. Суздаль он получил в 1238 г.

⁵⁰ О передвижении Ярослава между 1252 и 1255 гг. см.: ПСРЛ, т. 1, стб. 473—474; НПЛ, с. 80—81, 307.

⁵¹ Татишев, т. 5, с. 42.

⁵² Там же.

⁵³ ПСРЛ, т. 1, стб. 474; Татишев, т. 5, с. 42.

⁵⁴ Татишев называет его «князь великий Андрей Ярославич Суздальский» (там же), тогда как *T* в 1264 г. сообщает: «... преставися князь Андрей Суждалский, сынъ Ярославль» (ТЛ, с. 328). Заметим, что *Л* прерывается в середине описания событий 1263 г.

⁵⁵ НПЛ, с. 312 (только Комиссионный список).

⁵⁶ НПЛ, с. 81, 309 (под 1256 годом).

⁵⁷ ПЗЛ, с. 15; Бегунов. Памятник, с. 178, 194.

⁵⁸ Это было фактически объединенное с Южным Переяславлем епископство. Феогноста, преемника первого епископа Митрофана, именовали «епискуп Русьскаго Переяславля и Сарая» (ТЛ, с. 330, под 1269 годом).

⁵⁹ ПЗЛ, с. 14—15; Бегунов. Памятник, с. 175—176, 193. Миссия этих двух легатов была связана, вероятно, с буллой папы Иннокентия IV Александру в 1248 г. (см. прим. 15).

⁶⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 475.

⁶¹ НПЛ, с. 83, 312; Пашуто. Образование, с. 382.

⁶² См.: НПЛ, с. 84, 313; Пашуто. Образование, с. 382—385.

⁶³ НПЛ, с. 80, 307.

⁶⁴ НПЛ, с. 83, 311—312.

⁶⁵ Шаскольский. Борьба, гл. 8, разд. 2.

⁶⁶ НПЛ, с. 81, 308—309. Вместе с «свеи, и емь, и сумь» пришел некто Дидман, который в указателе НПЛ охарактеризован как «вассал Дании» (там же, с. 576).

⁶⁷ В 1253 г. Василий уже вел новгородские дружины против литовцев под Торопцом (НПЛ, с. 80, 307).

⁶⁸ НПЛ, с. 80—81, 307—308.

⁶⁹ О событиях 1257 г. в Новгороде см.: НПЛ, с. 82, 309. О переписи в Суздальской земле, Рязани и Муроме см.: ПСРЛ, т. 1, стб. 474—475. О монгольской переписи на Руси см.: Allen. Mongol Census Taking.

⁷⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 475. Эта запись повторена (хотя уже без упоминания о Ярославе) под 1257 годом (там же, стб. 474). Интересно отметить, что ни свод 1448 г. (т. е. *HIV* и *CI*), ни *M* не упоминают об этой, третьей для Александра поездке в Сарай.

⁷¹ Первая запись под 6767 годом (1 марта 1259г.—28 февраля 1260 г.) сообщает о затмении луны, которое действительно имело место 1 декабря 1259 г. Последующие записи относятся к переписи.—См.: Бережков, с. 271.

⁷² ПСРЛ, т. 1, стб. 475: последняя запись под 6766 годом, т. е. на год раньше.

⁷³ Одну из интерпретаций неясного термина «туска» см.: Veġpadsku. The Mongols and Russia, p. 220—221.

⁷⁴ О событиях 1259—1260 гг. в Новгороде см.: НПЛ, с. 82—83, 310—311.

⁷⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 476.

⁷⁶ *CI* добавляет к этому списку Переславль (Залесский) (ПСРЛ, т. 5, с. 190); *HIV* дает «по всемь градом Руским» (там же, т. 4, с. 233).

⁷⁷ Л дает термин «титям» (или «титам» в Т), который был непонятен компилятору свода 1448 г.: СІ добавляет «послом»; НIV содержит только сокращенную версию МАК.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 10, с. 143.

⁷⁹ ПСРЛ, т. 37, с. 30.

⁸⁰ Ср., однако, точку зрения А. Н. Насонова (Насонов. Монголы и Русь, гл. 2, с. 50 и далее).

⁸¹ См.: Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 71 et seq.; Насонов. Монголы и Русь; Spuler. Die Goldene Horde, p. 39 et seq.

⁸² ПСРЛ, т. 5, с. 190. Второе предложение повторено в «Житии» Александра.— См.: П2Л, с. 15; Бегунов. Памятник, с. 177, 193.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ТЛ, с. 328; НПЛ, с. 83, 312; ПСРЛ, т. 1, стб. 524; т. 5, с. 191; П2Л, с. 15; Бегунов. Памятник, с. 177—178, 193—194.

⁸⁵ См.: Пашуто. Очерки, с. 246.

⁸⁶ Полная канонизация состоялась только в 1547 г.— См.: Клепинин. Александр Невский, с. 179 и далее; Голубинский. История канонизации, с. 65, 100.

НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Последние потомки Ярослава (1263—1277)

Александр оставил непростое наследство. К моменту его смерти Новгород едва оправился от насильно проведенной Александром переписи, а северные города Суздальской земли еще хранили память о том страдании и унижении, в которое их повергли сборщики дани. Если бы он прожил дольше и успел изменить систему наследования так, чтобы право на великокняжеский престол надежно оставалось в руках его сыновей и не перешло к его братьям, тогда он по крайней мере мог бы укрепить власть правителя Владимира. Но Александр умер молодым, 43 лет от роду. Не исключено, что он был отравлен, как его отец (по крайней мере так утверждали) и как, возможно, его брат Ярослав,— все трое умерли, «ида из Татар». В момент смерти Александра его старший сын Василий, опозоривший себя зимой 1259/60 года во время волнений в Новгороде в связи с переписью, пребывал, можно сказать, в состоянии политического забвения, из которого так никогда и не вышел. Второму сыну Александра, Дмитрию, которого великий князь готовил на смену Василию, не могло быть многим больше десяти лет (это в лучшем случае), когда он был посажен «на столе» в Новгороде в 1260 году¹. Единственная надежда для Суздальской земли заключалась в том, чтобы разрушить традицию горизонтального наследования и создать сильное семейное гнездо, в котором власть передавалась бы от отца к старшему сыну, но этого Александр добиться не смог. Мало того, что он оставил страну в хаосе, обреченной подчиняться слабому правителю до тех пор, пока сохранялась система горизонтального наследования,— после его смерти Северная Русь оказалась в состоянии большей зависимости от Золотой Орды по сравнению с тем, что было, когда Александр наследовал престол в 1252 году.

Когда Александр умер, Северной Русью управляла слабо связанная федерация князей. В старом княжестве Константина Всеволодовича, включавшем Ростов, Ярославль, Белоозеро и Углич, правила наиболее однородная группа князей, а именно внуки Константина и Федор Ярославич из Можайска, который в результате брачного союза получил Ярославль около 1260 года (см. выше, гл. 5, прим. 2). Район Переславля Залесского был семейным владением детей Александра Невского, а сам город являлся центром

княжения и основным местом пребывания Дмитрия Александровича, который к моменту смерти Александра продолжал оставаться также и новгородским князем. Где (если вообще где-либо) правили другие дети Александра, неизвестно. Василия по-прежнему было не видно, не слышно (возможно даже, что он находился в заключении) вплоть до его смерти в 1271 году. Что касается Андрея, которому было не больше восьми лет в то время, и двухлетнего Даниила, будущего правителя Москвы, то вряд ли отец обеспечил их чем-то перед тем, как умереть². Вторая по величине вотчина в Суздальской земле, расположенный в восточном течении Волги район Суздаля, Городца и Нижнего Новгорода, находилась к этому времени во владении брата Александра Андрея и его сына Юрия. В самом западном княжестве, в Твери, правил второй брат Александра, Ярослав. В оставшихся мелких районах Стародуба, Юрьева Польского, Северного Галича и Костромы правили соответственно семьи двух дядьев Александра (Святослава и Ивана Всеволодовичей), его племянник (Давид Константинович) и его младший брат Василий.

Эта семья явно не отличалась сплоченностью, поэтому неудивительно, что, как только Александр умер, титул великого князя стал предметом раздоров между старшими пережившими его братьями. Ни Андрей Суздальский, ни Ярослав Тверской не были, по-видимому, названы Александром в качестве наследников великокняжеского престола. Оба отправили своих послов в Золотую Орду с просьбой к хану Берке решить этот вопрос. Андрей как подстрекатель к сопротивлению татарам в 1252 году был потенциально опасен для завоевателей, и выбор Берке, естественно, пал на более молодого Ярослава, который получил право на великокняжеский престол должным порядком. Во время своего короткого правления (1264—1271)³ Ярослав испытывал неодолимые трудности, когда ему нужно было собирать своих родичей и их дружины. Ни разу никто из правителей Ростова, Ярославля, Белоозера и Углича не собрался под его знамена — с начала правления Ярослава и до его смерти в 1271 году в летописях практически нет упоминаний о совместных выступлениях князей. В крупном походе войск Суздальской земли, предпринятом в начале 1268 года с целью захватить город Раковор (Раквере) в Северной Эстонии, теми немногими князьями, которых Ярослав и новгородцы сумели убедить принять участие в походе со своими дружинами, были Дмитрий Переславский, два сына Ярослава — Святослав и Михаил Тверской, Юрий Суздальский (его отец Андрей умер в 1264 году), Константин Ростиславич (младший смоленский князь) и Довмонт Псковский. Заметно было отсутствие Василия Костромского, и, действительно, два года спустя, в 1270 году, он открыто выступил против своего брата Ярослава в великом «мятеже» в Новгороде. Тот же недостаток единства преследовал и Василия во время его правления (1272—1277), особенно в ходе жестокой войны за Новгород в 1273 году между Дмитрием Александровичем, Василием и сыном Ярослава, с одной стороны, и Святославом — с другой.

Недостаток сплоченности нельзя назвать неожиданным в этот странный сумеречный период беспомощности власти, можно даже сказать, безвластия. Ни Ярослав, ни Василий не обладали достаточно сильными характерами, чтобы установить твердый контроль над своими племянниками и двоюродными братьями, а заодно и над Новгородом и Псковом. То же самое относится и к двум сыновьям Александра Невского, Дмитрию и Андрею, правление которых пришлось на последние два десятилетия XIII века. Кроме того, никто из них не прожил достаточно долго, чтобы хоть приблизиться к цели, которую они, очевидно, себе ставили,— объединению Суздальской земли. Но главную причину слабого правления удаленными от Владимира районами следует искать не только в далеко не ничтожных целях великих князей, не в краткости их пребывания на великокняжеском престоле, даже не в последствиях пагубной политики Александра Невского, но скорее в том, что ни один из наследников Александра в XIII столетии не имел у себя в тылу достаточно крепкой и надежной вотчины, чтобы опереться на нее в проведении своей политики. Во-первых, они не были ограничены узкоместными интересами. Ярослав и Василий не могли осуществлять великокняжеское правление, сидя в Твери и Костроме, точно так же как позднее Дмитрий и Андрей во время своего пребывания на великокняжеском престоле не могли править Суздальской землей из Переславля и Городца. Это означало, что они не имели возможности подолгу оставаться в своих городах, с тем чтобы развивать и расширять собственные провинциальные районы, создавать крупные могущественные центры влияния, которые в конце концов смогли бы (как Москва в XIV веке) разделить великокняжеский престол с Владимиром и правление которыми могло бы передаваться исключительно в рамках одной княжеской семьи. Во-вторых, их княжества могут быть охарактеризованы лишь как остальные — и в экономическом, и в военном отношениях — по сравнению со многими другими вотчинами в 60-х и 70-х годах XIII века.

Ранняя история города и района Твери нам толком неизвестна. Основанная только в конце XII века в месте слияния реки Тверцы (основной речной путь из Новгорода к Волге) и самой Волги, Тверь была поначалу самым западным городом района Переславля. За первую половину XIII века о Твери сообщается только, что в 1209 году здесь был опорный пункт объединенного похода сил Суздальской земли против Мстислава Мстиславича в Новгороде. К 1215 году Тверь уже была частью княжества Северный Переславль, оставленная, по-видимому, Всеволодом III своему сыну Ярославу в 1212 году⁴. Наиболее вероятной датой выделения Твери в отдельное княжество можно считать 1247 год, когда великий князь Святослав «сыновци (племянники) свои посади по городом»⁵, согласно завещанию Ярослава Всеволодовича: очевидно, Ярослав Ярославич получил крупную западную часть Переславской вотчины своего отца. О размерах Тверского княжества в то время мы ничего не знаем, но, поскольку за всю историю Твери как независимого княжества источниками не сообщают ни о каких тер-

риториальных приобретениях ее правителей, то границы этого княжества в XIII веке, по всей вероятности, совпадали с его границами в XIV и XV веках. Оно простиралось по обе стороны верхнего течения Волги от Кашина на востоке до Зубцова на западе. На юге целиком на его территории протекала река Шоша, южный приток Волги, и важный приток Шоши река Лама, берущая свое начало от новгородской заставы Волока Ламского. На востоке Тверь была связана с Северным Переславлем по реке Западная Нерль, которая сливалась с Волгой у Кснятина. Нам ничего не известно о каких-либо важных событиях, происшедших в этом княжестве во время правления Ярослава Ярославича или его сына Святослава, умершего в первой половине 80-х годов XIII века, если не считать основания тверского епископства незадолго до смерти Ярослава в 1271 году⁶.

О Костроме нам известно еще меньше. Расположенная к востоку от районов Белоозера и Ярославля, к юго-западу от Северного Галича и к северу от Суздаля, удаленная Костромская земля никогда, по-видимому, не считалась собственной вотчиной ни одной из ветвей рода. Правда, Василия Ярославича именовали «князь костромской», и после его смерти это княжество держал некоторое время, наверное, Андрей Александрович Городецкий, а потом его племянник Иван Дмитриевич, но вполне может быть, что Кострома считалась просто придатком к великому княжеству владимирскому, как это было с Переславлем в конце XIII столетия. В любом случае Василий Ярославич никогда не развивал Кострому в качестве своего военного опорного пункта. Слишком удаленная от бассейнов Клязьмы и Оки и от Новгородской земли, Кострома оставалась на политических задворках в течение последних десятилетий XIII века.

По нашему твердому убеждению, между великим князем владимирским и его родичами в Суздальской земле должно было существовать что-то вроде соглашения, хотя и не записанного в XIII веке: договоренность обязывала последних оказывать великому князю военную помощь при необходимости, а его в ответ — защищать их интересы, например оборонять границы от внешней агрессии и от нападений соседей. Но если не считать систему военной взаимопомощи, то отношения между членами княжеской семьи вовсе не были сплоченными. И речи не могло быть о том, чтобы великий князь вмешивался во внутренние дела на территориях его родичей; власть великого князя распространялась только на его собственное княжество и (в случае, если он был признан «князем новгородским») на Новгородскую землю. Более того, любые соглашения, которые могли существовать между князьями, никоим образом не гарантировали подчинение старшему члену рода, который был в конце концов не более чем первым среди равных (*primus inter pares*), номинальным главой разобщенной федерации княжеств.

Беспомощность правления двух последовавших за Александром Невским великих князей владимирских становится особенно заметной на фоне той роли, которую играли татары Золотой Орды

в 60-х и 70-х годах XIII века. Даже описание поставления Ярослава в Сарае на великое княжение (содержащееся, правда, только у В. Н. Татищева, но от этого не менее правдоподобное) не только указывает на то, что право на великое княжение выдавалось исключительно Золотой Ордой, но также свидетельствует о том, что хан к этому времени уже разработал что-то вроде церемонии этого акта. «Егда прииде Ярослав во Орду, и хан прият его с честью, даде ему доспех и повеле обвестити его по чину на великое княжение. Коня же его повеле вести Володимеру Резанскому да Ивану Стародубскому, бывшим тогда во Орде. И августа месяца [1264 года] отпусти его с послом своим Жанибеком и с ярлыком на великое княжение»⁷.

Но гораздо более важным, чем театрализация церемонии возведения в великие князья (если таковая действительно была), является тот факт, что татары в это время начали участвовать в военных делах русских. В 1269 году источники впервые упоминают о татарском чиновнике, принявшем участие в русском зарубежном походе. Новгородская Первая летопись описывает, как Ярослав и новгородцы затевали большой поход против Ревеля (Таллина) в Датской Эстонии. Святослав, старший сын Ярослава, был послан в «Низовьскую землю» (т. е. в Суздальскую землю) «полком копить»⁸. «Совкупи всех князии и полку бещисла и приде в Новъгород; и быше ту баскак велик володимирьский, именем Амраган». Каковы были функции баскаков на ранней стадии татарского господства, доподлинно неизвестно: вероятно, баскаки, как и в более поздние времена, были старшими татарскими чиновниками, размещенными в различных центрах стратегического значения, и в их задачи входило поддержание порядка, пресечение волнений и общий надзор за сбором податей. Для этих целей они, вероятно, имели под своим началом татарские отряды или смешанные русско-татарские силы. Очевидно, «великий баскак владимирский» был главным представителем татар в Суздальской земле. Это первый баскак, упоминаемый в русских источниках, если не считать Кутлу Бега, энергично действовавшего в 1262 году в Ярославле. Вероятно, Амраган находился в составе войска Святослава в качестве ханского сторожевого пса, а может быть, и в качестве советника главнокомандующего; его присутствие означало, что этот, и, несомненно, другие зарубежные походы предпринимались с одобрения татар и фактически под их контролем.

Однако простое присутствие баскака в русском войске в 1269 году и близко не может сравниться по значимости с двумя инцидентами, когда русские фактически призвали татарские отряды в помощь для решения своих политических споров. В 1270 году, в начале великого мятежа в Новгороде, Ярослав, обиженный упорным нежеланием новгородцев пригласить его своим правителем, послал в Орду *тысяцкого* Ратибора Клуковича с перечнем жалоб на новгородцев и с просьбой прислать военную помощь. Согласно «лживому слову» Ратибора, как выразился небеспристрастный летописец, новгородцы проявляли неповиновение хану, а именно отказывались участвовать в уплате дани, которую Ярослав

и его люди якобы пытались собрать. Ратибору удалось убедить хана в злодеяниях новгородцев — вряд ли он мог подобрать более убедительный аргумент для татарских властей в Сарае, — и в помощь Ярославу было послано войско. Оно повернуло обратно на полдороге благодаря действиям Василия Ярославича, брата Ярослава, который отправился в Орду в сопровождении двух новгородских бояр. «Новгородци прави, — сказал он хану, — а Ярослав виноват». Хан поверил Василию и приказал войску возвращаться в Сарай. Новгородский кризис был вскоре разрешен вмешательством митрополита, и татарские войска не применялись для того, чтобы убедить новгородцев подчиниться Ярославу. И все же была сделана первая запись о том, что русский князь обратился в Орду за военной помощью.⁹

Три года спустя, в 1272 или 1273 году, два русских князя, Василий Ярославич, наследовавший после своего брата Ярослава великокняжеский престол во Владимире, и сын Ярослава Святослав Тверской, сражались против княжившего в то время в Новгороде Дмитрия Александровича, объединив свои силы с татарскими отрядами. Это была полномасштабная война с Дмитрием и Новгородом. И снова присутствовал Амраган, «великий баскак владимирский». «Князь велики Василей Ярославичь... с великим баскаком володимерским... и со [своим зятем] князем Айдаром и с многими татари царевыми воеваша Новгородцкиа власти (волости, земли) и возвратишася со многим полоном в Володимерь»¹⁰. В это же время другой татарский отряд под началом Святослава также атаковал район Новгорода. «Князь велики тферский Святослав Ярославич... иде с татари царевыми, и воеваша Новгородцкиа власти: Волок, Бежичи, Вологду, и со многимъ полоном возвратишася во Тферь»¹¹. Давление было в самом деле столь сильным, что новгородцы заставили Дмитрия Александровича сдать город Василию. «Смутишася новгородцы, — пишет Никоновская летопись XVI века, — и бысть страх и трепет на них, глаголюще: „Отвьсюду намъ горе! Се князь велики володимерский, а се князь велики тферский, а се великий баскак царев (ханский) с татари и вся Низовскаа (т. е. Суздальская) земля на насъ“»¹². Еще бы новгородцам не испытывать страха и трепета: дело ведь было не только в том, что создалось очень запутанное положение, — привлечение татарской военной помощи слишком хорошо напоминало те времена, когда князь воевал против князя с помощью печенегов, половцев и других степных кочевников в течение трех предшествующих столетий, что не в последнюю очередь способствовало губительному ослаблению Русского государства.

Как бы нестабильность власти двух наследников Александра Невского ни доказывалась примерами нарастающего участия татар в русских делах, она еще ярче иллюстрируется теми огромными трудностями, с которыми оба они столкнулись на северо-западе — в Новгороде и в меньшей степени в Пскове. Как всегда, твердая власть над Новгородом была жизненно важна для каждого, кто правил во Владимире, — жизненно важна для экономики Суз-

дальской земли и жизненно важна для обороны северо-западных границ, — а события последних пятидесяти или около того лет показали, как трудно зачастую было великому князю добиваться и сохранять эту власть. Правда, Ярослав Всеволодович и его семья начиная с 1233 года были признаны единственными поставщиками князей для Новгорода: никогда больше не стоял вопрос о том, чтобы призвать или принять кого-либо из представителей других княжеских родов, даже из числа других потомков Всеволода III. И действительно, великий князь всегда добивался успеха за счет грубого военного давления. Но снова и снова стычки между ведущими новгородскими родами, или недовольство деспотичным правлением, или несогласие по вопросам обороны земли приводили к внутреннему сопротивлению и вынуждали очередного великого князя покидать город.

Если в первые тридцать лет XIII века мы фиксируем признаки движения к независимости Новгорода, то во вторые тридцать лет новые настроения стали очевидными — они выражались в решительных попытках сопротивления наиболее невыносимым проявлениям княжеской власти. Как было показано в предыдущей главе, Александр Невский при всем своем влиянии и опыте в новгородских делах испытывал огромные трудности в осуществлении твердой власти над городом; только благодаря поддержке «великих» бояр ему удалось разрешить кризис 1255 года, и только за счет военной силы (и угрозы военных репрессий со стороны татар) он преодолел последовавшие в 1257 и в 1259/60 году кризисы.

И все же при всем очевидном стремлении новгородцев ограничить княжеские полномочия и твердо противостоять его власти еще слишком рано говорить о Новгороде как о «республике». Правда, договорные отношения между великим князем и городом возникли не позднее времени княжения в Новгороде Ярослава Всеволодовича, если не еще раньше. Но тем не менее влияние князя на военные, юридические, экономические и административные вопросы жизни Новгорода в течение большей части XIII века было еще столь существенным, что, воспользовавшись выражением выдающегося историка Новгорода В. Л. Янина, можно говорить только о «двоевластии», о каком-то разделении власти между городом (посадник, *тысяцкий*), архиепископом и князем. Однако для того, чтобы понять, в какой степени была ограничена власть великого князя во второй половине XIII века, необходимо изучить отношения между Владимиром и Новгородом во время правления Ярослава Ярославича и Василия Ярославича.

В течение последних трех лет правления Александра Невского в качестве великого князя и почти целого года после его смерти Новгород не знал никаких внутренних неурядиц. Никто не пытался прогнать князя. Летопись сообщает нам прозаические (если не считать военных действий в 1262 году) данные о жестоких морозах, строительстве и ремонте церквей и о разрушительном пожаре — обычные события, которые летописец имел обыкновение записывать в спокойные времена или когда ничто во внешнем мире

не вызывало его любопытства. Когда Александр в начале 1260 года закончил перепись, он чувствовал достаточную силу, чтобы оставить юного сына Дмитрия в княжеских палатах в качестве символического представителя в напоминание новгородцам о своем близком присутствии в Переславле или Владимире. И хотя новгородский летописец сообщает, что Дмитрий возглавлял в походе крупное соединенное войско, захватившее Юрьев осенью 1262 года, фактическим главнокомандующим был брат Александра Ярослав, а последовавший договор с немцами подписал сам Александр¹³.

Не только горькая память о не лишенном смысла обращении Александра с новгородцами во второй половине 50-х годов XIII века охраняла внутренний мир в Новгороде с 1260 по 1264 год, но также и то, что Михаил Федорович, ставший в 1257 году посадником вместо убитого Михалки Степановича, возглавлял исполнительную власть в городе в течение последних трех лет жизни Александра. В качестве предводителя «великих» бояр он помогал Александру заставить новгородцев подчиниться татарской переписи в 1260 году, а его сын — заметим, по приказу Александра — защищал татар по ночам от нападений горожан. Неудивительно поэтому, что с марта 1260 по март 1261 года «бысть тишина все лето»¹⁴, если воспользоваться летописным клише, обозначающим бедный событиями год, и в течение последовавших трех лет ничто не тревожило мир в этом городе. Оппозиция не могла поднять головы.

Известие о неожиданной смерти Александра должно было достичь Новгорода в конце ноября 1263 года. Тем не менее в течение еще почти года ничего не изменилось: очевидно, Михаил Федорович и его правящая группировка выжидали, кому будет пожалован ярлык на великое княжение: Андрею Ярославичу, старшему из выживших братьев Александра, или Ярославу Тверскому. Осенью 1264 года они узнали имя великого князя. К тому времени Андрей уже умер (ни одна летопись не указывает причину или обстоятельства его смерти, приводится только год — 1264-й)¹⁵, и ярлык получил Ярослав. В сентябре он вернулся из Сарая и был торжественно возведен на владимирский престол представителем хана. Присутствие в Новгороде Дмитрия, племянника нового великого князя, теперь могло быть только помехой для посадника и его сторонников. Новгородцы знали Ярослава: десять лет назад он был приглашен противниками Александра, «меньшими» боярами, княжить в Новгороде, и теперь Михаил Федорович не имел ни малейшего желания обострять противоречия ни со своими политическими противниками в городе, ни с новым великим князем, что неизбежно бы произошло, если бы он продолжал предоставлять убежище сыну Александра. Склонный к сотрудничеству и благожелательный правитель во Владимире был предпочтительнее, нежели раздоры между боярами или намечавшаяся борьба, возможно, даже открытые вооруженные столкновения по вопросу о том, кто будет князем в Новгороде. Они выпроводили Дмитрия, «выгнаша новгородци князя» — так сообщает местный летописец; «зане князь еще мал бяше» — выдвигалось в качестве причины. К Ярославу

была отправлена делегация в составе сына посадника и «лучших бояр» просить его быть их князем. Он с готовностью согласился, и 27 января 1265 года новгородцы посадили Ярослава на престол¹⁶. Вскоре после этого он взял в жены дочь одного из местных бояр¹⁷.

Первое время своего правления в Новгороде Ярослав целиком был занят составлением проекта договора с городом. Трудно точно указать дату, когда закончились обсуждения и были произнесены клятвы с каждой стороны, но текст этого договора — самый ранний из сохранившихся документов такого рода¹⁸ — убеждает нас, что новгородцы не теряли времени даром, оказывая давление на Ярослава, с тем чтобы он принял их условия. По нашему мнению, это было не первое соглашение, заключаемое между князем и Новгородом; в самом первом пункте оговаривается, что Ярослав «целует крест» на тех же условиях, что и его отец. И действительно, в более поздних соглашениях (1267 и 1269 годы) упоминаются предыдущие договоры, которые заключали его «деди и отец». Трудно, конечно, определить, какие именно пункты относительно объема княжеской власти внесены в 1265 году в новое соглашение. Однако очевидно, что договор с Ярославом носит более ограничительный характер по сравнению с неизвестными нам ранними документами этого рода: трудно представить Александра Невского или Ярослава Всеволодовича соглашающимися на все, на что Ярослав Ярославич был вынужден согласиться. Из текста договора с Ярославом Ярославичем ясно, что Александр обходился с новгородскими владениями достаточно бесцеремонно: «А что твои брат (Александр) отьяль был позже (луга) у Новагорода, а того ти, княже, отступитися».

Помимо того, что новгородцы вынудили Ярослава принять условия предыдущих соглашений, они настояли еще и на том, что князь не должен вмешиваться в дела города и его независимых волостей, дотошно перечисленных в договоре. Никакая часть новгородской территории не могла быть присвоена князем, никакая земля не могла быть отдана им кому-либо, и вообще любой вопрос о владениях Новгорода не мог решаться без согласия посадника. Высылка новгородских граждан в Суздальскую землю была строго запрещена, равно как и то, чтобы князь, его жена, его бояре и его дворяне владели или управляли любой территорией, признанной составной частью новгородских волостей.

Договор, однако, не был чисто ограничительным. Княжеские владения (к сожалению, не сообщается ни об их размерах, ни о том, где они находились) оставались княжескими владениями, и он мог поступать с ними по своей воле. Его дворяне имели свободу передвижения по всей новгородской территории, возможно, для осуществления каких-то функций, связанных с правосудием (в договоре ничего не говорится о судебных ограничениях), или для сбора налогов (даров) для князя, которыми облагался каждый район, — количественные данные опять-таки не указываются. Но что самое важное, в двух пограничных заставах — Волоке Ламском и Торжке, — где для обороны западных границ были размещены дружины Суздальской земли¹⁹, управление осуществлялось

совместно представителями Новгорода и *тиунами* (надсмотрщиками) великого князя.

Это был унижительный договор, вряд ли побуждавший Ярослава оставаться в Новгороде подолгу, хотя он и был женат на местной девушке. Более того, явно назревало столкновение с городскими властями. Двумя годами раньше в результате междоусобной войны в Литве, которая вспыхнула вслед за убийством великого князя Миндовга и его племянника Товтивила Полоцкого²⁰, сын последнего Константин бежал вместе со своим окружением в Новгород, с которым он имел крепкие связи. В 1262 году Константин вместе со своим отцом и литовским отрядом участвовал в успешном походе на Юрьев, сражаясь на стороне соединенных русских сил, и теперь в качестве советника по литовским делам должен был располагать определенной поддержкой и влиянием среди бояр. Так что когда приблизительно в 1265 году в Пскове неожиданно объявилась группа из трехсот языческих беженцев из Литвы, в которой были мужчины, женщины и дети, то новгородцы (действуя, несомненно, по совету Константина) решили, что самый удобный способ решить проблему — это просто казнить всех до одного. Очевидно, беженцы представляли группировку противников Миндовга и Товтивила. Но Ярослав решительно поддержал их. Его сын Святослав, которого он назначил правителем Пскова, устроил все так, чтобы они могли отправлять свои культы, а сам Ярослав каким-то образом смог не допустить, чтобы новгородские власти предприняли что-либо против беженцев. Он отказался выдать их новгородцам²¹.

Что затем произошло с Константином и его людьми в Новгороде и какова судьба трехсот литовцев в Пскове, нам неизвестно. Но этой стычки Ярослава с новгородскими властями было, вероятно, достаточно, чтобы убедить его оставить город и назначить Юрия, сына своего старого союзника Андрея, вместо себя в качестве князя-наместника. Однако это было еще не все.

В 1266 году еще одна партия литовцев объявилась в Пскове. На этот раз ими руководил грозный Довмонт (Даумантас), князек с юго-восточной окраины Литвы, района Нальши, но, вероятно, не связанный родственными узами с Миндовгом и его семьей. Довмонт был одним из зачинщиков междоусобной войны в Литве (убийство Миндовга в 1263 году не обошлось без его участия), а позднее он впал в немилость у сына Миндовга Войшелка, который в 1264 году выдвинулся как самый могущественный князь в Литве. Довмонт бежал на Русь с явным намерением воевать с Войшелком и его вассалами в Полоцке, который в это время фактически находился в зависимости от Литвы. Он поселился в Пскове «с дружиною своею и с всем домом своим»²², изгнал оттуда Святослава Ярославича и, подобно прошлогодним беженцам, принял христианство²³.

Год еще не закончился, как Довмонт выступил в первый из многих своих боевых походов с псковскими дружинами. Целью был Полоцк, где правил некто Ердень, мелкий литовский князь и ставленник Войшелка. Небольшой боевой отряд, всего лишь

270 псковичей, захватил жену Ерденья (которая случайно оказалась теткой Довмонта) и ее детей, преследовал и нанес серьезное поражение Ерденью, под началом которого было семьсот человек, и с победой вернулся домой, потеряв в походе только одного воина²⁴. Не успокоившись на этом, Довмонт зимой 1266/67 года выступил во второй поход против литовцев — на этот раз никаких подробностей о военных действиях не сообщается²⁵.

Отношение к Довмонту и его окружению правившей в Новгороде боярской группировки было в целом благоприятным. Литовцы в Пскове явно представляли собой группу совершенно иного политического веса, нежели триста прошлогодних беженцев. Константин, которому Миндовг приходился двоюродным дедушкой, повстреченно исчез с политической сцены: может быть, он уехал из Новгорода с Ярославом. Во всяком случае, великий князь был решительно настроен вышибить чужака, который уже не только недвусмысленно продемонстрировал свою военную мощь, но также бесцеремонно сместил Святослава с княжеского престола в Пскове. Второй раз за два года Ярослав столкнулся с новгородскими властями. В начале 1267 года он прибыл в Новгород с войском из Суздальской земли, «хотя ити на Пльсков (Псков) на Довмонта». На этот раз уже новгородцам удалось не допустить, чтобы Ярослав что-либо предпринял. «Новгородци же възбраниша ему,— писал местный летописец,— князь же отосла полкы назадъ»²⁶.

Если в начале 1267 года поведение новгородцев поразило Ярослава своей дерзостью, то их дальнейшие действия выглядели уже прямым шагом к расколу. Не испросив разрешения у Ярославова представителя Юрия и явно в пику великокняжеской политике в отношении Довмонта, новгородцы предприняли вместе с псковичами военный поход. Результаты похода как такового не представляют интереса — доподлинно мы знаем только, что он был направлен «на Литву» и завершился успешно. Важно то, что возглавлял поход не Юрий, а простой боярин, некий Елевферий Сбыславич (на которого позднее Ярослав жаловался новгородцам) и сам Довмонт. Трудно было придумать что-либо, что могло сильнее рассердить великого князя²⁷.

По всей вероятности, в это время новгородцы вынудили Ярослава подписать второй договор с ними, подобный договору 1265 года: многие статьи обоих документов совпадают. Но на этот раз ограничений княжеской власти стало больше. Ярославу было запрещено вмешиваться в дела новгородских земель, в которых Александр Невский или его сын Дмитрий чувствовали себя хозяевами. Он должен был воздерживаться от насилия, столь характерного для княжения Александра. Особо было оговорено, что он не должен вмешиваться в дела новгородской волости Бежецкий Верх (Бежичи), который граничил с землями Ярославля, Углича и Твери. Очевидно, Ярослав пытался просочиться на эту уязвимую пограничную территорию, поскольку в договоре было зафиксировано, что он не должен владеть землями в Бежецком Верхе (Бежичах), не должен нарушать законные привилегии, пожалованные его предшественниками Бежецкому Верху и району Обонежья (между озе-

рами Ладога и Онега), и не должен уводить силой никого из жителей этих земель ²⁸.

События следующих двух лет не способствовали тому, чтобы рассеять недовольство Ярослава Новгородом или недоверие новгородцев к Ярославу и его племяннику Юрию. Это были годы энергичной военной деятельности. Невзирая на призывы Довмонта, новгородцы обращали свои взоры не столько на Литву, сколько на расположенную к западу от Пскова Эстонию, южная половина которой находилась под твердой властью тевтонских рыцарей, тогда как северная половина, от Ревеля (Таллина) до Нарвы, принадлежала датчанам с 1238 года. Ближайшими целями новгородцев были балтийский порт Ревель и замок Раковор (Раквере, Везенбург), построенный датчанами в 1252 году на полпути между Ревелем и Нарвой ²⁹.

Первый поход, предпринятый в 1267 году, закончился полной неудачей. Войску не доставало предводителя и четко разработанного стратегического плана. Новгородцы посоветовались с Юрием — вспомнив вдруг, что он является представителем великого князя, — но не смогли определить направления первого удара: Литва, Полоцк или датская Эстония? Наконец войско выступило на запад вдоль по реке Шелони, держа курс на Литву или Полоцк, но несогласие между военачальниками нарастало. Войско остановилось, вернулось несколько назад вниз по Шелони и двинулось на северо-запад. Форсировав Нарову, новгородцы осадили крепость Раковор, но взять ее не смогли. Они вернулись в Новгород, окончательно разочаровавшись в племяннике великого князя ³⁰.

Завоевание Раковора и в дальнейшем Ревеля по-прежнему, однако, считалось выполнимой задачей, и в конце 1267 года новгородцы предприняли полномасштабный поход. На этот раз они, наученные горьким опытом, не стали советоваться с Юрием и обратились за советом к посаднику Михаилу. Собранное войско было столь огромным, а камнеметные орудия, свезенные для ремонта в усадьбу архиепископа, столь впечатляющими, что тевтонские рыцари даже прислали послов, просивших новгородцев не нападать на их земли (т. е. на Южную Эстонию) и обещавших не вмешиваться, если удар будет направлен на Ревель и Раковор, — это обещание они потом нарушили. Военными действиями в январь-феврале 1268 года, которые очень подробно описаны непосредственным свидетелем событий в Новгородской Первой летописи ³¹, руководил князь Дмитрий Александрович из Переславля, лучший из русских военачальников того времени. Были дружины из Твери, Смоленска и Пскова, а также местные новгородские силы. В составе войска были Довмонт и Юрий, а также сам посадник. Но, несмотря на тщательную подготовку и огромное войско, поход завершился неудачей. Юрий, далеко не самый любимый персонаж новгородского летописца, бежал с поля боя, посадник Михаил был убит, а *тысяцкий* пропал без вести. Раковор выстоял. Ярослав, позволивший двоим из своих сыновей отправиться в этот поход, едва ли мог быть доволен таким исходом.

Ярослав чувствовал себя стесненным условиями договора, был

раздражен бесцеремонным обращением с его племянником Юрием и обеспокоен бесплодными, приводившими только к потерям сражениями на западных рубежах. В июне 1269 года он прибыл в Новгород собственной персоной, чтобы выразить свое недовольство. Ярость сквозит в словах, вложенных в его уста летописцем: «Мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розъратилися (нарушили мир) с Немци». Он возложил всю вину на трех ведущих бояр, один из которых, Елевферий Сбыславич, захватил место Юрия и возглавил поход против литовцев в 1267 году. Ярослав предложил конфисковать их имущество. Насколько обе стороны были близки к окончательному разрыву, видно из дальнейших событий. Новгородцы, ведомые посадником Павшей Онаньичем, сменившим Михаила, встали стеной за трех бояр; Ярослав пригрозил разорвать все отношения и «из города ехать». Новгородцы попытались предотвратить его отъезд, что могло вылиться в объявление войны, ссылаясь, но как-то неубедительно на то, что они «еще бо не добре ся бяху умирили (не закончили мирные переговоры) с Немци» — имелись в виду переговоры с тевтонскими рыцарями, последовавшие за безуспешным нападением немцев на Псков в мае 1269 года. В конце концов Ярослав потерял терпение и уехал из города. Только посланные к нему архиепископ и несколько крупнейших бояр смогли убедить его смягчить свой гнев и вернуться. Одним из условий возвращения он поставил назначение *тысяцким* своего близкого сторонника Ратибора Клуковича вместо пропавшего без вести в раковорском походе Кондрата³².

Конфликт между Новгородом и великим князем Ярославом был еще далеко не исчерпан. До конца 1269 года мир был неустойчивым, страсти кипели с обеих сторон; предстояло выработать очередное соглашение. На этот раз тон представителей Новгорода был чуть более дружелюбным: «А что, кнѣже, тебе было гнева на посадника и на весь Новгородъ, то ти, кнѣже, все нелюбье отложити и от мала и от велика, не мщати ти ни судом, ни чим же... А до владыкы (архиепископа), отча нашего, гнева ти не держати». Две следующие статьи, однако, вводили новые ограничения на княжеские права: «А бес посадника ти, кнѣже, суда не судити» — сильное ограничение по сравнению с теми судебными правами, что были у него раньше; кроме того, на новгородцев теперь не распространялись законы Суздальской земли, если они находились вне ее территории³³.

Во взглядах на внешнюю политику Ярослав не сходиллся с новгородцами. После того как датчане упросили новгородцев отказаться от еще одного крупного похода против Северной Эстонии, согласившись уступить Новгороду реку Нарову³⁴, Ярослав переключил свое внимание на Карелию, это яблоко раздора между Швецией и Новгородом, расположенную к северу от Невы и к западу от Ладожского озера. Но на этот раз новгородцы отказались принять участие в походе, и Ярослав был вынужден распустить большое войско, собранное им для вторжения в Эстонию.

Дело явно шло к крупному столкновению между великим князем и Новгородом. Кризис разразился в 1270 году. Новгород раз-

делился на две неравные партии, причем большинство бояр выступали против Ярослава. События разворачивались традиционным порядком. Сначала было созвано вече, а в результате один из сторонников Ярослава был убит, другие бежали в княжескую усадьбу на Городище под Новгородом. На вече был составлен список жалоб: Ярослав злоупотреблял своими охотничьими правами, незаконно отбирал чужое имущество, изгонял иностранных купцов, совершал «насилие» (что под этим подразумевалось, не разъясняется). Ярославу было предложено уходить, и, когда он попытался урезонить вече и даже пообещал исправиться, ему пригрозили силой: «Али идем весь Новгород прогонит тебе». Ярославу ничего не оставалось, как уйти.

Однако он не собирался отдавать Новгород без борьбы, да и Новгород не мог себе позволить долго оставаться без князя. Обе стороны предприняли шаги, чтобы выправить положение. Новгородцы обратились к Дмитрию Александровичу, призывая его на княжение, тогда как Ярослав послал Ратибора Клуковича в Сарай с просьбой о военной поддержке, которая бы укрепила собираемое им в Суздальской земле войско. Ни то, ни другое обращение успеха не имело. Дмитрий отказался: вряд ли он мог идти на риск войны со своим дядей; а миссия Ратибора к хану была скомпрометирована братом Ярослава Василием Костромским, который впервые появился на политической сцене, чтобы убедить хана в том, что правда была на стороне новгородцев и что Ярослав сам во всем виноват. Но ни великий князь, ни новгородцы не хотели уступать. Новгородцы возвели укрепления вокруг города — верный признак их серьезных намерений — и заняли оборонительные позиции на реке Шелонь. Ярослав двинулся к городу Русе на реке Полисть с войском Суздальской земли, которое включало дружины из Смоленска и из вотчины Дмитрия Александровича Переславля. Ярослав предпринял последнюю попытку решить дело миром: он дал новгородцам знать, что все князья Суздальской земли стоят на его стороне, но что он все-таки готов простить им обиды. Проку от этого не было — новгородцы непреклонно стояли на своем. «Поеди... а тебе не хотим», — повторили они.

Если бы дело дошло до сражения, то Ярославу и силам Суздальской земли не составило бы труда разгромить новгородцев, которые, помимо местных дружин и отрядов из северных волостей, возможно, могли рассчитывать только на помощь Василия Костромского, численность войска которого нам неизвестна. Но Ярослав, как оказалось, не нуждался в силе оружия. У него было более действенное средство в лице митрополита. Когда два войска стояли друг против друга в ожидании начала боев, в Новгород пришло послание от митрополита Кирилла. Он ручался за искренность намерений Ярослава отказаться от «всего [плохого]», повелевал новгородцам воздержаться от кровопролития и, согласно одной из версий, угрожал новгородцам, если они не послушаются митрополита, самой страшной карой — отлучением от церкви³⁵. Это был не первый случай, когда митрополит ввязывался в политическую борьбу³⁶, но это был первый, и единственный, зафиксированный

в XIII столетии эпизод, когда глава церкви не только выступил на стороне великого князя, но и добился цели, применив угрозу отлучения. Этот случай был предвестником той будущей поддержки, которую получали московские правители от митрополитов в XIV веке.

Вмешательство церкви принесло победу. Ярослав был восстановлен на новгородском престоле в присутствии двух послов хана³⁷, подчинившись, правда, всем условиям, выдвинутым Новгородом. Он согласился выполнять требования соглашения, выработанного в конце 1269 года, и принять дополнительные ограничения его власти: новгородские купцы могли теперь вести свои дела «по Суздальской земли без рубежа, по цареве (ханской) грамоте» (по-видимому, речь идет об уступках, которых добился от хана Менгу-Тимура Василий Костромской). Запрещалась насильственная высылка людей из Новгорода в Суздальскую землю или из Суздальской земли в Новгород, а все заложники, находившиеся в плену у Юрия, Ярослава, жены Ярослава и людей Ярослава, должны были быть освобождены³⁸.

В этом последнем столкновении между Новгородом и Ярославом явно начал вырисовываться образ будущих взаимоотношений Новгорода и великого князя. Правда, Ярослав как будто привлек на свою сторону могущественную фигуру Дмитрия Александровича Переславского и пользовался поддержкой некоторых из князей Суздальской земли, по крайней мере он так заявлял. Но Новгород продолжал укреплять свое положение и приобретал все большую и большую независимость от великого князя. Бояре противостояли князю более сплоченно, чем в любой более ранний период истории Новгорода; не было и признаков поддержки великого князя со стороны «великих» или «меньших» бояр. Юрия, которого Ярослав оставил вместо себя наместником Новгорода, изгнали из Пскова. Но что важнее всего, власть великого князя была резко ограничена рядом соглашений, заключенных между сторонами. Если первый договор 1265 года был для Ярослава и так достаточно ограничительным, то последовавшие за ним еще больше урезали его привилегии и права. Ко времени последнего принятия правления в 1270 году Ярослав и шагу не мог ступить без ведома посадника, его судебные права были урезаны, и он не имел никаких новых возможностей увеличить свое богатство за счет Новгорода. Он почти превратился в наемника, взятого для обороны границ и неспособного диктовать истинным правителям Новгорода, какую внешнюю политику им проводить.

Новгородцы вряд ли обрадовались возвращению Ярослава, но выбора у них не было. Митрополит грозил отлучением, а эту угрозу они не могли игнорировать. Присутствия представителей Менгу-Тимура было достаточно, чтобы Ярослав должным порядком воссел на новгородский княжеский престол, однако неудивительно, что он покинул город, как только все формальности были соблюдены. На этот раз Ярослав чувствовал себя настолько в силе, что рискнул оставить вместо себя простого боярина, некоего Андрея Воротилавича, который сотрудничал с ним на ранних стадиях мятежа 1270 года. Непопулярный у новгородцев Юрий, по всей видимости,

был отослан обратно в свою вотчину в Суздаль. Что касается Пскова, то Ярослав послал некоего «князя Айгуста» (Аугустуса?), чтобы заменить им Довмонта³⁹. Кто такой Айгуст, нам неизвестно — возможно, литовский князь из числа противников Довмонта⁴⁰, — но его правление было недолгим. Весной 1271 года Довмонт уже отражает очередное из ставших обычными нападение тевтонских рыцарей на земли псковичей⁴¹.

Несмотря на то что новгородский вопрос был на время улажен, мир на северо-востоке Руси не обещал быть долгим. Ярослав и его брат Василий находились в ссоре. Дмитрий Александрович, несмотря на его юные годы, был фигурой, с которой следовало считаться: его старший брат Василий перестал играть какую-либо роль в политической жизни Суздальской земли со времени изгнания из Новгорода в 1260 году, а после его смерти в начале 1271 года Дмитрий стал старшим из внуков Ярослава Всеволодовича и первым претендентом на великокняжеский престол после смерти его дядьев Ярослава и Василия. Но в интересы хана не входило позволить трем старшим князьям самим довести до конца спор из-за престола, поэтому в 1271 году все трое были вызваны в Орду. В источниках не записано, что там произошло: мы знаем только, что зимой того же года Ярослав умер, «ида из Татар» — эта фраза применялась в связи со смертью великого князя уже в третий раз только за последние четверть века, — и что Василий Костромской был возведен на владимирский престол⁴².

Если даже Менгу-Тимур одобрил возвышение Василия и выдал ему ярлык на великое княжение, это вовсе не гарантировало прочного мира. Камнем преткновения был, как и следовало ожидать, Новгород. Хотя Троицкая летопись снова, как и шесть лет назад по отношению к Ярославу, утверждает, что Василий «бысть князь великий володимерский и новгородцкий», принятие его Новгородом было далеко не решенным вопросом. И Василий, и Дмитрий, «хотя сести на столе», послали каждый своих представителей в Новгород. После рассмотрения их предложений бояре призвали не великого князя, а Дмитрия, который и «седе на столе» 9 октября 1272 года⁴³. Выбор новгородцев пал на Дмитрия не только потому, что он был популярен и хорошо известен в городе, поскольку «правил» им с 1259 по 1264 год и участвовал в походах на Юрьев и Раковор в 1262 и 1268 годах соответственно; были также и другие причины. В. Н. Татищев дает ключ к пониманию истоков нежелания новгородцев принять Василия. «Князь великий Василий... посла в Новгород наместники своя и повеле грамоты брата своего Ярослава отринуть, рекий: «Не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего ся испокон не повелось...» А новгородцы реша: «Ты, княже, тогда сам намо тако удумал (явное указание на поездку Василия в Орду в 1270 году), а чему ныне винишь? И не хочешь, княже, на том крест целовати, ино ты намо не князь, а мы себе князя добудем»⁴⁴.

Хотя другие источники не упоминают о требованиях Василия, версия Татищева, по нашему мнению, не является плодом его воображения и представляется довольно правдоподобной. Нежелание

Василия княжить в Новгороде на тех же условиях, которые был вынужден принять его брат, было, несомненно, главной причиной, определившей выбор бояря в пользу Дмитрия.

На этот раз войны было не избежать. Василий не собирался просто так уступать Дмитрию. Как только известие о восшествии Дмитрия на новгородский престол достигло Василия, он предпринял попытку запугать новгородцев: занял Торжок, сжег там несколько зданий и посадил в городе своих представителей или правителей (*тиунов*, *наместников*). В то же время он послал дружину под началом воеводы по имени Семен в поход против удаленных от Новгорода волостей⁴⁵. Когда стало ясно, что военные действия не принесли заметного результата, он призвал татарские войска. Племянник Василия Святослав Тверской с войском, состоявшим из тверичей и татар, напал на пограничные районы Волока Ламского, Бежичей и Вологды, а сам Василий «с великим баскаком володимерскимъ... и с многими татарами царевыми» вторгся на новгородскую территорию. В это же время на новгородцев было оказано экономическое давление: все новгородские купцы, которым случилось оказаться в то время во Владимире, Твери и Костроме, были арестованы, а их товары конфискованы. В результате в Новгороде произошло резкое повышение цен на зерно⁴⁶.

Война и нехватка продовольствия заставила новгородцев зашевелиться. Им ничего не оставалось, как предпринять ответные действия, и зимой 1272/73 года Дмитрий и все новгородские силы, какие ему удалось собрать, выступили на восток, на Тверь, ближайший район Суздальской земли. Однако перед тем, как решиться на военное столкновение с соединенными силами татар и Суздальской земли, Дмитрий послал трех старших бояря (среди них одного будущего посадника) к Василию во Владимир. Они поставили перед великим князем четыре условия: вернуть все захваченные новгородские районы, прекратить попытки завоевания новгородского престола, освободить всех арестованных купцов и заключить мир. Эти условия были совершенно неприемлемыми, и Василий, уверенный в своем военном превосходстве и своем неотчуждаемом праве великого князя на новгородский престол, отверг их. От победы его отделял один шаг. Когда Дмитрий и его войско прибыли в Торжок на пути в Тверь, весь город, управляемый *тиунами* Василия, поднял восстание против Дмитрия и Новгорода. Горожане натерпелись уже достаточно. Запуганные татарами и своими соседями из Суздальской земли («вся Низовская земля на нас» — такие слова вложил в их уста редактор Никоновской летописи), они примкнули к Василию. У Дмитрия не было иного выхода, как оставить Новгород и вернуться в Переславль, что он и сделал в январе 1273 года. Он княжил в Новгороде всего лишь три месяца⁴⁷.

Таким был конец невзгод Новгорода, по крайней мере на какое-то время. Должны были, конечно, последовать некоторые перестановки. Когда Дмитрий оставил Новгород, бежал и Павша Онаньич, бывший посадником с 1269 года, но позднее в том же году он помирился с Василием и был восстановлен в должности. *Тысяцкий* Ратибор Клукович, миссия которого в Орду в 1270 году была столь

успешно сорвана Василием, был арестован, а виновные в *крамоле* наказаны⁴⁸. Но кроме этих мер, ничего не было сделано для разрешения тех противоречий, которые оставались между Василием и Новгородом. Василию не было предъявлено никаких новых требований, и сам Василий не пытался изменить условия соглашения, подписанного его братом: во всяком случае, никаких новых договоров не составлялось. До конца правления Василия в качестве великого князя спокойствие Новгорода не было потревожено ничем, что могло бы заслужить упоминания в летописях.

Василий прожил еще четыре года. За это время не было больше ни междоусобных войн, ни признаков вражды между правителями Северо-Восточной Руси. Но последние четыре года его правления были отмечены существенным и исключительно пагубным ростом зависимости русских от Золотой Орды, другими словами, усилением господства татар над Суздальской землей. Численность татарских войск, размещенных в то время в стране, была значительной; на это указывает та легкость, с которой и Василий, и его племянник Святослав смогли вызвать татарские подкрепления для борьбы против Новгорода в 1272 году. Но если эти подкрепления подчинялись русским военачальникам и действовали только в их интересах, то татарские отряды, участвовавшие в неудачном совместном русско-татарском нападении на Литву в 1275 году, совершенно игнорировали русских военачальников и действовали по своему усмотрению, принося немалый ущерб тем русским землям, через которые они прошли как до, так и после сражений в Литве. «Того же (1275) лета ходиша татарове и Руссии и князи на Литву, не успевше ничто же, възвратишася назад. Татарове же велико зло и многу пакость и досаду сътвориша христианом (т. е. русскому населению), идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее створиша, по волостем, по селом двory грабяще, кони и скоты и имене отъемлюще, и где кого стретили, облупивше нагого пустять...»⁴⁹

Конечно, этот фрагмент Троицкой летописи мог быть добавлен к первоначальному сообщению в начале XV века, когда эта летопись была скомпилирована, но заключительная фраза — «это я написал так, чтобы люди помнили и учились на этом» — выглядит принадлежащей современнику описываемых событий. Похоже на то, что в 1275 году началась целая серия разорительных военных походов, предпринимавшихся татарами независимо от русских князей.

Еще более угрожающим выглядело растущее недовольство татар русскими князьями. В 1275 году Василий был вызван в Орду; он взял с собой дань татарам. Согласно «Истории» В. Н. Татищева, единственному источнику, в котором приводятся более или менее правдоподобные сведения об этом эпизоде, хан счел размер собранной дани слишком малым⁵⁰. Василий возразил ему, что число плательщиков подати соответствует последней переписи, в результате чего хан приказал провести вторую перепись всей Русской земли, исключая духовенство. В этот раз летописи ничего не сообщают о реакции русских княжеств на перепись. Противодействия переписчикам те не оказывали. И действительно, большинство лето-

писей вообще не упоминает о переписи⁵¹. Сопrotивлению пришел конец.

Василий возвратился из Орды в 1276 году. В январе 1277 года, тридцати пяти лет от роду, он умер, не оставив наследников, и был похоронен в своем городе Костроме. В событиях правления Василия и его брата в полную силу проявило себя политическое наследие Александра. Ни Ярослав, ни Василий не сумели предпринять действительных шагов к укреплению власти великого князя или каким-то образом обеспечить будущее независимого государства на северо-востоке Руси. Среди потомков Всеволода III остро ощущался недостаток истинного единства. Новгородцы постепенно добивались самостоятельности своего местного войска, пытаясь поставить назначение князя-наемника в меньшую зависимость от оборонительных нужд; они старались разрешить противоречия между боярами, наносившие в прошлом ущерб сопротивлению политике князя; они ограничивали деятельность князя письменными соглашениями; и они вырабатывали систему, которая в конце концов привела к установлению *Совета господ*, состоявшего из представителей пяти районов города (*концов*) и к ежегодному назначению посадников. Все это сильно уменьшало риск междоусобных столкновений среди различных группировок, поддерживавших того или иного претендента на престол, заметно ограничивало возможный произвол правителя Новгорода и прокладывало путь к тому, что можно назвать олигархической республиканской формой правления.

Ни Ярослав, ни Василий не сделали ничего, чтобы распространить свое влияние к югу или к западу от Суздальской земли. Правда, за этот период западные рубежи новгородских владений и вся граница Суздальской земли остались нетронутыми, а нападения тевтонских рыцарей на псковскую территорию заметно ослабли. Но все это время Литовское государство, переживавшее период становления, набирало силу, проникая и мирными, и военными путями в глубь северо-западных районов старого Киевского государства и устанавливая свою власть на этнически русских территориях Полоцка, Черной Руси (т. е. в землях, омываемых верхним течением Немана), в северной части Волынской земли (районы Берестья и Дорогочина) и на западной половине того, что когда-то было Турово-Пинским княжеством⁵². Воспользовавшись беспомощностью правителей Суздальской земли, Миндовг спокойно закладывал основы огромного Литовского государства, которое позднее включило большую часть Белоруссии и Украины. Если бы Довмонт получал помощь и поддержку в осуществлении своих литовских авантур, то границы Восточной Европы в XIV и XV веках могли бы иметь совершенно другие очертания. Но, как уже было показано, Ярослав активно препятствовал планам Довмонта и был готов поддерживать его военные начинания только в Северной Эстонии, оказавшиеся в конце концов бесплодными.

Однако наиболее пагубным последствием политики Александра Невского явилось все усиливавшееся присутствие татар в Суздальской земле. Вопрос о сопротивлении татарскому господству

уже больше не стоял. Вместо этого русские стали обращаться в Орду за военной помощью для решения своих внутренних раздоров, а татары начали проявлять возрастающий интерес к русским делам и осознавать, что можно безнаказанно грабить богатства Русской земли. Последняя четверть XIII столетия была свидетелем ряда особенно разорительных татарских нападений, набегов и вторжений.

Междоусобная (civil) война и татарское господство (1277—1304)

В течение двадцати семи лет, непосредственно предшествовавших началу великой борьбы за преобладание на северо-востоке Руси между соперничавшими Московским и Тверским княжествами, продолжался политический упадок, упомянутый в предыдущем разделе. Большинство негативных черт, присущих периоду правления двух наследников Александра Невского, усугубилось в мрачное время междоусобной войны и усиления татарского господства. Ни один из двух великих князей, преемников Василия Ярославича на владимирском престоле, не имел ни силы, ни решимости, ни способности, ни даже удачи, чтобы объединить князей Суздальской земли или чтобы бросить вызов растущему влиянию семьи их брата Даниила Московского или их двоюродного брата Михаила Ярославича Тверского. Не удалось им создать и свои династии. К 1304 году их семьи угасли: наследники по мужской линии и Дмитрий, и Андрея к этому времени уже умерли⁵³.

Князьям Суздальской земли, как и прежде, недоставало единства. К концу этого периода, правда, появились признаки могучих союзов князев, образованных как бы на пробу, но эти союзы в основном просуществовали недолго и были направлены, несомненно, не против внешних врагов, а против политических противников в самой Суздальской земле.

Но самым явным признаком ослабления власти великого князя была всевозраставшая покорность татарскому хану. Вторжения, набеги, захваты, частые вызовы князей в Орду и прежде всего горячее желание русских князей призывать на помощь татарские войска для достижения своих собственных политических целей — все это показывает беспомощность и кабальную зависимость Северо-Восточной Руси в конце XII столетия⁵⁴.

Когда в 1277 году Василий Ярославич умер, не оставив потомства, генеалогический маятник качнулся обратно к семье его старшего брата, и великокняжеский престол наследовал племянник Василия Ярославича, старший из выживших сыновей Александра Невского, Дмитрий Переславский. Потомки старшей ветви Всеволодовичей, внуки и правнуки Константина Ростовского, были, как указывалось выше, отлучены от наследования и никогда не считались претендентами на великокняжеский престол, да и сами никогда не заявляли о своих на него правах. Что касается князей из небольших, не имевших особого значения районов Юрьева Польского

и Стародуба, где правили потомки Святослава и Ивана Всеволодовичей, то они тоже, как мы полагаем, не входили в число претендентов на наследование великокняжеского престола⁵⁵.

Со смертью Василия Ярославича мало что изменилось в распределении русских земель между княжескими семьями. Северные княжества Ростова, Ярославля, Белоозера и Углича оставались независимыми от великого князя владимирского — там, как и прежде, правили потомки Константина Всеволодовича. Наследовав престол во Владимире, Дмитрий Александрович сохранил за собой к тому времени уже считавшийся его вотчиной Северный Переяславль. Его следующему по старшинству брату, Андрею, пришлось довольствоваться отдаленным районом Городца на Волге, который в свое время был выкроен из бывших владений суздальского князя и теперь неудобным клином отделял Суздаль от расположенного на востоке и зависимого от Суздаля Нижнего Новгорода, вотчины сыновей Андрея Ярославича, Юрия и Михаила⁵⁶. Москва, Тверь и Северный Галич (к которому был добавлен отдаленный от Галича район Дмитрова, расположенный к западу от Переяславля) оставались в руках прежних владельцев: младшего брата Дмитрия Даниила, сыновей Ярослава Ярославича и малозначительного князя Давида Константиновича соответственно. Что касается Костромы, то трудно сказать, что произошло с этим районом после смерти Василия в 1277 году. Одно время там скрывался, а затем был убит воевода Андрея Александровича Семен Тонилович (1283); спустя десять лет сын Дмитрия Иван «седе на престоле Костромы», а в 1303 году сын Андрея Борис умер в этом городе. Очевидно, район Костромы образовывал часть великокняжеской территории, и великий князь распоряжался им по своему усмотрению. Большую часть этого периода в Новгороде княжил либо сам великий князь, либо его ставленник, тогда как Псковом по-прежнему правил престарелый и решительный литовский князь Довмонт, доживший до 1299 года.

Очень мало известно о землях, раскинувшихся к югу от Оки. Смоленском продолжали править члены рода Ростиславичей. Федор Ростиславич из Можайска, ставший в 1260 году князем в Ярославле, породнился с потомками Константина (см. выше, гл. 5, прим. 2) и, таким образом, унаследовал в 1280 году смоленский престол после своих старших братьев Глеба (ум. в 1277) и Михаила (ум. в 1279). Он оставался правителем обоих княжеств до 1297 года, когда его племянник Александр Глебович выгнал его из Смоленска. Рязань и Муром, расположенные к юго-востоку от Владимира, находились, видимо, под управлением каждый своего княжеского рода и были довольно независимы от Владимира. Что касается земель Киева, Чернигова и Южного Переяславля — сердца старого Киевского государства, — то мы практически не имеем сведений об их истории в последней четверти XIII века. Там были остатки княжеских семей, особенно черниговского рода, но, по всей видимости, большая часть юга Руси находилась под строгим контролем татар и для нее была характерна сильная раздробленность территории.

Юго-Западная Русь в течение последней четверти XIII столетия перестала привлекать внимание летописцев севера; во всяком случае, они совершенно не упоминали о старых княжествах Волынской и Галицкой земель. Только Ипатьевская летопись продолжала вести свой путаный и беспорядочный рассказ о потомках Даниила и Василька Романовичей. Отсутствие у летописцев Северной Руси интереса к этому району, расположенному на юго-западе Руси, на самом деле неудивительно. Суздальская земля находилась далеко от Волынской и Галицкой земель, была отделена от них землями Смоленска и старого Турово-Пинского княжества; династические браки, связывавшие потомков Всеволода с потомками Романа, больше не заключались; вся политическая энергия Волынской и Галицкой земель поглощалась отношениями с их соседями: литовцами на севере, поляками и венграми на западе, татарами на юге.

С тех пор как в 1260 году военачальник хана Берке Бурундай опустошил Волынскую и Галицкую земли, эти два княжества стали фактически вассалами Орды. Спротивление татарам прекратилось. И все же какое-то время князья сохраняли частичную независимость от хана и его наместников, хотя и были обязаны получать от хана право на свой престол⁵⁷. Когда в 1264 году умер Даниил, Юго-Западная Русь была поделена между его сыновьями Шварном и Львом и братом Васильком, который сохранил за собой столицу Волынской земли Владимир. Шварн, державший восточную часть Галицкой земли и значительную часть земель на западном берегу верхнего течения Буга, одно время правил еще и Черной Русью: он получил этот район в верхнем течении Немана от своего литовского родственника Войшелка, но после смерти Шварна в 1267 году эти земли отошли обратно к Литве. Из других потомков Романа самым могущественным стал Лев Данилович, правивший большей частью Галицкой земли и землями на западном берегу Буга. Его отношения с Литвой были в целом мирными. Правда, великий князь Тройден (Трайденис) однажды захватил Дорогочин на реке Буг, но в 1279 году Лев вернул себе город с помощью татар. Отсутствие серьезных столкновений с литовцами объясняется тем, что большую часть этого периода Литва была полностью занята борьбой с Тевтонским орденом. Фактически в последние три десятилетия XIII века Литва не сделала никаких других территориальных приобретений за счет Волынской и Галицкой земель. Что касается татар, то их господство на юго-западе Руси значительно укрепилось во время их опустошительных набегов 1286 и 1287 годов. Это резко подорвало власть русских князей и в конце концов привело к потере ими своих владений, отошедших к их северным и западным соседям. Но господство татар над Юго-Западной Русью постепенно исчезло только к середине XIV века. В это время Галицкая земля и отдельные районы на западе Волынской земли отошли к Польше, тогда как великий Ольгерд Литовский присоединил остатки Волынской земли, включая ее столицу Владимир⁵⁸.

Чтобы понять причины политического упадка Северо-Восточной Руси в последней четверти XIII века, растущей зависимости русских князей от татар и пагубных междоусобных войн, предшествовавших возвышению Михаила Тверского в великие князья в 1304 году, мы должны кратко рассмотреть политическую ситуацию в причерноморских степях в этот отрезок времени. История премников хана Берке, умершего в 1267 году, сложна и интригующа. Даже последовательный рассказ о том, что происходило, позволяет считать это время междоусобной войны среди Джучидов эпохой упадка. Но при всех внутренних столкновениях ханам удавалось поддерживать все укреплявшееся господство над русскими князьями, усиливать свое влияние в Венгрии и распространять его на Балканы. Но сколь ни приходилось Кипчакской Орде распылять свои силы в 80-х и 90-х годах XIII века, русские были совершенно неспособны воспользоваться ситуацией, сулящей возможность ослабления власти их господ с юга.

Во время ханства внука Батыя, Менгу-Тимура, правившего в Сарае с 1267 (год смерти Берке) по 1280 год, возшла звезда еще одного джучидского князя. Звали его Ногай, он был правнуком Джучи, но по младшей ветви рода. Его орда происходила из района реки Яик, впадающей в Каспийское море к востоку от Волги, а главная зона его деятельности лежала в западной части Золотой Орды — на северных берегах Черного моря и на Балканах. Постепенно он создал огромную империю, которая простиралась на запад от Днестра и охватывала земли болгар, валахов в нижнем течении Дуная, молдаван и позднее сербов. Он кочевал вдоль северного побережья Черного моря. Войска Ногай воевали в Закавказье, Трансильвании, Сербии, Бессарабии и Малой Азии. Временами он имел тесные дипломатические связи с Египтом и Константинополем. Две княжны из его рода были замужем за венгерским королем Ласло IV, тогда как сам он был женат на незаконнорожденной дочери императора Михаила VIII Палеолога⁵⁹. Приходится ли удивляться, что этот невероятный энергичный завоеватель, этот чингис-хан причерноморских степей, стал соперником своих родичей в Сарае, избранных должным порядком кипчакских ханов?

Распад Золотой орды на две части (великий раскол) началось в 1280 году, когда Туда-Менгу наследовал от своего брата Менгу-Тимура титул хана Золотой Орды, а Ногай сам поставил себя фактическим соправителем. Постепенно Туда-Менгу терял опору, отдавая значительную часть власти в руки своему племяннику по имени Тула-Бука (Телебуга в русских источниках), который в 1287 году сам стал ханом после отречения Туда-Менгу. Отношения между Тула-Букой и Ногаем вскоре испортились. Оба похода Тула-Буки против персидских ильханов в 1288 и 1290 годах, целью которых был захват Азербайджана, закончились неудачей и привели к еще одному расколу: на этот раз враги Тула-Буки в Сарае противопоставили ему сына Менгу-Тимура Токту. Тула-Бука пригрозил Токту арестом, и тот нашел прибежище у Ногай. Ногай и Токту, объединившись, в 1291 году убили Тула-Буку, и

Токту был провозглашен ханом. Токту, однако, был иного замеса, чем его двоюродный брат или его дядя. Поставив себе целью быть единственным правителем среди татар причерноморских степей, он создал свой войско, укрепил свое господство на Руси и в 1293 или в 1294 году повел свои войска против Ногая, однако был разбит и только в 1299 году снова выступил против Ногая. На этот раз Ногай был убит, а его войско разгромлено. Это был конец периода двоевластия в кипчакских степях. Токту стал единственным ханом в Золотой орде. Орда его соперника распалась. Правление Токту (до 1312 года) и его племянника Узбека (1312—1341) знаменовало собой «апогей монгольского правления на Руси»⁶⁰.

Необычайно жестокие междоусобные столкновения, разразившиеся на Руси в 80—90-х годах XIII века и в первые несколько лет XIV века, на первый взгляд, происходили по причине соперничества различных князей и княжеских группировок. Это выглядело, как огромная семейная ссора из-за власти и земель без малейших признаков стремления к общему благу. Но причиной особой жестокости этой борьбы была в значительной мере политика татар, и ход событий на Руси прямо зависел от колебаний маятника власти в кипчакских степях.

Междоусобная война началась не сразу после смерти Василия. В течение почти пяти лет князья не воевали друг с другом; ни одна летопись даже не упоминает о начавшемся соперничестве за великокняжеский престол между старшими сыновьями Александра Невского Дмитрием и Андреем. Оба уже достигли возраста, позволявшего править великим княжеством: Дмитрию было не меньше 27 лет, а Андрею, вероятно, уже исполнилось 22 года⁶¹. Похоже на то, что Дмитрий взял дело в свои руки и как старший претендент на престол просто объявил себя великим князем. Во всяком случае, он не ездил в Золотую орду за ярлыком, и нет никаких свидетельств в пользу того, что послы хана «посадили его на престол», как это обычно делалось. Большинство остальных князей были вызваны в Сарай в 1277 году, но не для того, чтобы получить подтверждение в качестве правителей своих вотчин⁶², а для того, чтобы получить указание принять участие в кавказском походе под началом Менгу-Тимура⁶³. Андрей был в числе этих князей — вот объяснение, почему право Дмитрия на великокняжеский престол не оспаривалось в первые два или три года его правления. Это было на руку Дмитрию, поскольку в то время он был большей частью сильно занят в Новгороде. К 1281 году Дмитрий наилучшим для себя образом уладил все дела на западе и вернулся в Суздальскую землю. Тогда-то и разразилась буря.

В 1281 году Андрей Александрович отправился в Орду. Цель его путешествия заключалась, возможно, в том, чтобы выразить свое почтение новому хану Туда-Менгу, но не только в этом — он также попросил ярлык на великое княжение. Туда-Менгу отнесся к нему благосклонно и послал Андрея обратно на Русь с татарским войском. К Андрею присоединилось несколько князей — Троицкая летопись упоминает Федора Ростиславича Ярославского, Ми-

хаила Ивановича Стародубского и Константина Борисовича Ростовского. Соединенные силы начали разорять и грабить Русскую землю. Районы Мурома, Переславля, Владимира, Юрьева Польского и Суздаля пострадали первыми. Затем войско двинулось на север, к району Ростова, а на западе дошло до Твери и Торжка, опустошив эти земли. Троицкий летописец, оставивший самое подробное описание этой, как он выражается, «первой рати Андрея» и сильно настроенный против Андрея, дает себе полную волю и нагнетает атмосферу ужаса, мучений и гибели, обрушивая поток довольно стертых клише: мужчин, женщин и детей убивают или угоняют в неволю; монахинь и попадей насилуют; города, деревни, монастыри и церкви разоряют; иконы, книги, драгоценные камни и церковные чаши (потиры) разграбляют; «и баше велик страх и трепет на христианском роде»⁶⁴. Конечно, эти картины всеобщей гибели и разрушения, обычно повторяющиеся на страницах ранних летописей, нельзя воспринимать буквально. Тем не менее яркость и живость, присущие описаниям этих эпизодов, по силе не уступают рассказам о нашествии Батые 1237—1240 годов. «Первая рать Андрея» была, вне сомнения, одним из крупнейших татарских набегов в XIII столетии.

Дмитрий не мог оказать Андрею действенного сопротивления. Каким-то образом ему удалось бежать из Переславля. Понимая, что Новгород вряд ли предложит ему убежище, он укрылся в крепости, построенной им в предыдущем году в Копорье, расположенной к северо-западу от Новгорода. Но и там он не мог чувствовать себя в безопасности. Новгородцы ясно дали понять, что от них он помощи не дождется, однако позволили ему бежать из страны. 1 января 1282 года Дмитрий уехал «через море», очевидно, в Швецию, последовав тридцатилетней давности примеру своего дяди Андрея. Даже его зять, великий Довмонт Псковский, не мог спасти его, хотя Довмонта и удалось перевезти многие из богатств Дмитрия из Копорья на Ладогу, которую Довмонт захватил в тот день, когда уехал Дмитрий⁶⁵. В феврале 1282 года новгородцы окончательно определились в своих симпатиях. Они сравнивали крепость Дмитрия с землей, выбив оттуда тех его последователей, которые еще там оставались, и послали во Владимир за новым великим князем. Андрей времени не терял; он отпустил татарское войско обратно в Орду, приехал прямо в Новгород и был торжественно возведен на престол⁶⁶. Его положение, однако, никак нельзя было назвать устойчивым.

Татарский поход 1281 года вряд ли мог внушить населению Суздальской земли любовь к Андрею. Как и следовало ожидать, Дмитрий скоро вернулся, вне всякого сомнения, вместе со шведскими подкреплениями⁶⁷ в свою бывшую столицу Переславль, которую по прибытии своем заново отстроил и укрепил. Беженцы текли в Переславль рекой, что очень тревожило Андрея, который оставил Новгород и вернулся во Владимир, поскольку, как объясняет Троицкая летопись, «бояше бо ся брата своего князя Дмитрия, бе бо в то время в Переславли»⁶⁸. Андрей никак не мог, учитывая скудные местные военные силы, противостоять угрозе Дмит-

рия, первой целью которого было вернуть контроль над Торжком, а затем отвоевать Новгород. Новгородский посадник Семен Михайлович, сопровождавший Андрея во Владимир, был послан в Торжок с указаниями не признавать и не пускать людей Дмитрия или поставленных им правителей. Сам Андрей уехал в свою вотчину Городец на Волге и оттуда снова отправился в Сарай.

Второе путешествие Андрея к Туда-Менгу было столь же успешным, сколь и первое. Чтобы добавить весомости своей просьбе, Андрей пожаловался на то, что его старший брат якобы пренебрежительно относится к хану и не только не собирается подчиняться татарам, но также — тут Андрей и не мог придумать преступления страшнее — не хочет платить дань⁶⁹. Его доводы возымели немедленное действие. Туда-Менгу дал ему другое войско, и с ним Андрей стал опустошать те же русские районы, что и прежде. Снова маятник успеха качнулся обратно к Андрею. Дмитрий понимал, что при всей прочности его положения в Переславле он не сможет выстоять против своего брата, татарского войска, новгородцев и большинства русских князей. И действительно, в начале 1282 года объединенное войско, состоявшее из новгородских, тверских и московских дружин, выступило против Дмитрия и уже было собиралось штурмовать Переславль, но после пяти дней переговоров, пока два войска стояли напротив друг друга под Дмитровом, отказалось от этого⁷⁰. Дмитрий же, воспользовавшись расколом среди татар, стал искать поддержки у Ногая.

Дмитрий поехал к Ногаю и вернулся на Русь с еще одним татарским войском. Брат пошел против брата, оба при поддержке соперничавших татарских отрядов. Наступивший хаос лишь ясно продемонстрировал неспособность обоих братьев сделать что-либо большее, чем призывать на помощь внешние силы, шведов или татар, в непрекращающейся борьбе за власть. Хаос был столь велик, что современная тем событиям летопись Суздальской земли, симпатизировавшая Дмитрию, и Новгородская летопись, которая в то время, когда еще была свежа память о прошлых конфликтах Новгорода с Дмитрием, благоволила Андрею, дают различные и противоречащие друг другу описания того, что в действительности произошло. Противоположное отношение летописцев к событиям того времени естественным образом отражает чувство крайнего беспокойства и смятения, охватившее всю Северную Русь.

Первой реакцией Андрея на возвращение Дмитрия из орды Ногая было сохранить дружбу с Новгородом. Он встретился в Торжке с посадником Семеном Михайловичем и подписал договор, согласно которому Андрей не должен был отступаться от Новгорода, а Новгород со своей стороны не должен был искать себе иного князя, кроме Андрея⁷¹. Но, как это часто бывало в XII веке, военной поддержки Новгорода вряд ли могло хватить, чтобы перевесить чашу весов на сторону Андрея. Татарского войска Дмитрия и той поддержки, которую он смог получить от шведов или от других княжеств Суздальской земли, оказалось недостаточно, чтобы заставить Андрея отступить не только от Новгорода, но и от великокняжеского престола во Владимире. И все же Нов-

город отказался принять Дмитрия; потом новгородцам пришлось дорого заплатить за свое упорство. Зимой 1283/84 года «все князья» под началом Дмитрия и Андрея вместе с татарским войском вторглись в Новгородскую землю. Это был один из тех редких случаев во второй половине XIII века, когда «вся земля Суздальская» объединилась против Новгорода, и это был единственный случай, когда для этого использовалась поддержка татар. И, конечно, успешно. После «многого зла» и ритуального предания огню городов и деревень был заключен мир. Дмитрий снова стал не только великим князем, но также и правителем Новгорода⁷².

Не вызывает сомнений, что Андрей отступил перед Дмитрием только под нажимом — и очень мощным, и если Дмитрий надеялся, что, вернув себе великокняжеский престол, он приобрел мир и спокойствие, то он жестоко ошибался. Андрей вовсе не собирался сдаваться в этой борьбе за власть, тем более после того, как он узнал о судьбе своего старшего боярина Семена Тониловича. Семен, согласно, по крайней мере, настроенной против Андрея Троицкой летописи, был злым гением Андрея, его «споспешником и пособником», «кормольником лъстивым»; именно он был одним из тех, кто разделял ответственность за призвание первого татарского отряда в помощь Андрею в 1281 году, и он же был одним из военачальников, если не главнокомандующим второго татарского войска, пришедшего на Русь в 1282 году. Сам Дмитрий ясно осознавал роль Семена и после своего утверждения великим князем послал двух бояр в Кострому, где Семен нашел пристанище после капитуляции своего господина. Никоновская летопись дает живое описание допроса Семена боярами, возможно вымышленное, но тем не менее внушающее нам доверие. Бояре обвинили Семена в том, что он «поднимал еси царя ординскаго и приводил еси татаръ на нашего господина великого князя Дмитрея Александровича». Семен свою вину отрицал и советовал палачам обратиться за ответом к его господину, Андрею: «Той вам о всем отвещаетъ»⁷³. Бояре, как и следовало ожидать, казнили его, несмотря на его клятвы.

Убийство Семена Тониловича всколыхнуло новую волну междоусобной вражды и вооруженных столкновений. Андрей снова отправился в Золотую орду и в 1285 году вернулся на Русь с уже третьим по счету татарским войском. Программа действий была во многом той же, что и прежде. Андрей и татары прошли огнем и мечом по деревням и селам. На этот раз, однако, они столкнулись с более действенным сопротивлением. Дмитрию удалось объединить вокруг себя своих двоюродных братьев: они выбили татарское войско из страны и захватили в плен нескольких бояр Андрея⁷⁴.

После провала третьего татарского нашествия в течение приблизительно восьми лет было относительно спокойно, за этот период в источниках не упоминается о столкновениях между братьями. Дмитрий последовательно укреплял свое положение. В 1286 году он породнился с одним из ростовских князей, Дмитрием Борисовичем, женив своего сына Ивана на его дочери⁷⁵. Только Тверь подавала какие-то признаки неудовольствия; но в 1287 году Дмитрий вместе с Андреем, Даниилом Московским, Дмитрием Бори-

совичем и новгородцами выступил на Тверь походом. Город Кашин в восточной части княжества подвергся девятидневной осаде, а соседний Кснятин сожжен. Дмитрий Александрович, как видно, распространил теперь свою власть на всю Северо-Восточную Русь ⁷⁶.

Похоже было, что проблемы Дмитрия решены, особенно после того, как его покровитель Ногай объединился с сыном Менгу-Тимура Токту и в 1291 году они скинули сарайского хана Тула-Буку. Но, как уже упоминалось выше, Токту не имел ни малейшего желания делить власть с Ногаем, и вскоре он объявил себя верховным правителем восточных кипчакских степей. В это же время на Руси Андрей энергично сколачивал новый союз против Дмитрия. Растущая сила Токту в Сарае и успехи Андрея в привлечении на свою сторону ряда князей, горевших желанием столкнуть Дмитрия с обоих его престолов, привели, в конце концов, к самой серьезной вспышке междоусобной войны со времен первого похода Андрея. И снова это были не два русских войска, сошедшиеся на поле боя, а крупное татарское нашествие, призванное на Русскую землю одной из сторон для захвата власти силой татарского оружия.

«Дюденева рать», как в летописях называли это крупнейшее татарское нашествие 1293 года, была страшной и жестокой. Троицкая летопись, как и применительно к событиям 1281 года, использует все известные клише для описания ужасов, творимых захватчиками. Даже новгородский летописец, которого никак не заподозришь в плохом отношении к подстрекателю этого нашествия Андрею, перечисляя разграбленные татарами «безвинные города», не мог не воскликнуть: «О, много бяше пакости христианом». Опять все началось с поездки Андрея к хану. Это было его четвертое появление в Орде с подобной целью. В этот раз его сопровождали все князья Ростовской земли ⁷⁷, а также ростовский епископ. Очевидно, заключенный в 1286 году союз Дмитрия Александровича с Дмитрием Борисовичем Ростовским был к этому времени уже накрепко забыт. Андрей изложил ставший, наверное, уже привычным перечень жалоб на своего брата. Сначала хан хотел послать за Дмитрием ⁷⁸, но его отговорили от этого и убедили в том, что нужно действовать немедленно. Татарским войском в этот раз командовал некий Дюдень (Тудан? ⁷⁹), которого новгородский летописец называет братом хана Токту.

Нашествие развертывалось по привычному образцу. Несколько городов были атакованы, осаждены или разрушены объединенным татаро-русским войском: в числе пострадавших городов названы Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев Польский, Переяславль, Москва, Коломна, Можайск, Дмитров, Углич, Волок Ламский. Не соит и говорить, что вотчина Андрея Городец была обойдена стороной, так же как и принадлежавшие ростовским князьям северные города. В начале нашествия было ясно, что самая тяжкая участь должна была выпасть на долю Переяславля. В городе началась общая паника. Многие горожане бежали, а близлежащие города и деревни были оставлены их жителями. Дмитрий вместе со своим войском ушел из Переяславля и бежал на запад до самого Пскова.

«Замыется (была в смятении) вся земля Суздалская», — писал компилятор Троицкой летописи.

Тверь была последним городом Суздальской земли, который Андрей с татарами намеревался захватить. Город был переполнен беженцами из уже разоренных районов, и его жители были в глубокой тревоге, поскольку их князь и военачальник Михаил Ярославич уехал в это время в Орду — несомненно, с целью искать поддержки у Ногая. К счастью, он вернулся как раз вовремя, чтобы спасти свой город и княжество, — Андрей и Дюдень, услышав о его возвращении, не решились на нападение. Вместо этого они пошли на пограничный город Волок Ламский, избрав его в качестве зачина для вторжения на новгородскую территорию. Волок был взят, а все те его жители, кто сумел бежать в леса, были окружены. Понимая, что нападения не миновать, новгородцы предприняли единственно возможный для своего спасения шаг. Они подкупили татар, и те оставили Волок — подобно тому, как тридцать шесть лет назад новгородцы подкупили татарских переписчиков (численников), чтобы они уехали из Новгорода. Не теряя времени, новгородцы попросили Андрея снова стать их князем. Андрею этого было достаточно, и он отослал татарское войско обратно в степи, а сам поехал в Новгород, где был возведен на престол во второй раз в своей жизни⁸⁰.

Поход Дюденя завершился, но раздоры и стычки между князьями продолжались и продолжались. Во-первых, не был решен вопрос о беглом великом князе. Что он должен был делать? Остаться в Пскове не имело смысла. Последней надеждой Дмитрия было объединиться со своим недавно обретенным союзником Михаилом Ярославичем Тверским и затем вернуться в Переславль. Дмитрий едва добрался до Твери, по дороге чуть было не попав в руки Андрея, который отправился в Торжок с отрядом новгородцев, чтобы перехватить своего брата и соперника. Правда, с обзорм Дмитрию пришлось навсегда расстаться, но и только. Война могла вспыхнуть снова, но, как это столь часто бывало в последней четверти XIII века, когда русские сходились лицом к лицу с русскими без поддержки татар, братья пошли на взаимные уступки и заключили некое подобие мира⁸¹. Дмитрий еще раз уступил великое княжение своему брату, а в ответ ему была возвращена его старая вотчина Переславль, которую в феврале 1294 года занял Федор Ростиславич, княживший и в Ярославле, и в Смоленске⁸². Но Дмитрию больше не суждено было увидеть свою столицу. По дороге он умер у Волока Ламского. Ни в одной из летописей — даже в летописи Суздальской земли, проявлявшей к Дмитрию нечто похожее на сочувствие, описывая перипетии его борьбы с Андреем, — не содержится хотя бы упоминаний о его доблестях. Переславль отошел к сыну Дмитрия Ивану, ранее посаженному своим отцом на княжение в Кострому⁸³. Уезжая из Переславля по повелению великого князя, Федор Ростиславич в припадке уязвленного самолюбия сжег город до основания⁸⁴. Для завершения своего в высшей степени успешного предприятия Андрею оставалось решить еще только одну задачу: наказать и подавить Тверь. Исполнено это было очередным

татарским ханом или князем (летописцы называли его «царь» или «царевич») по имени Токтомер (Ток-Темир?)⁸⁵, который пошел на Тверь «и велику тягость учинил людем, овех посече, а овех в полон поведе»⁸⁶. Подавив Тверь (как потом оказалось, только на время), Андрей Александрович достиг, наконец, вершины своего могущества. Не осталось никого, кто был бы способен оказать ему сопротивление, — или, по крайней мере, положение вещей в то время выглядело таковым.

Андрею удалось продержаться в качестве великого князя в течение еще десяти лет, но его дни как верховного правителя были сочтены. Сила Андрея заключалась в том, что Ногай не хотел или не мог поддерживать его противников. Слабость Андрея была двойкой: во-первых, единственными его союзниками, помимо татар из Золотой орды, были ростовские князья, потомки Константина, никто из которых не имел ни достаточно политического авторитета, ни оснований для превосходства над другими князьями Суздальской земли; во-вторых, то, что он лебезил перед сарайскими ханами и опирался на их военную помощь, привело к опустошительным татарским нашествиям и вызвало невиданные дотоле страдания и глубокое негодование среди населения Северной Руси, что укрепило в его политических противниках решимость сильнее сплотить свои ряды для борьбы с великим князем. Более того, как уже упоминалось выше, Андрей не имел могущественного центра, который стал бы основой и надежным тылом для его деятельности. Его вотчина Городец была слишком удалена и, очевидно, по-прежнему испытывала недостаток населения⁸⁷. Кроме того, Андрей почти не имел времени позаботиться о своей вотчине, не говоря уже о том, чтобы пожить там и укрепить ее ресурсы и войско. В столичном городе Владимире и в Новгороде он проводил больше времени, чем на восточных окраинах Суздальской земли. Противостоявшие ему князья, напротив, не жалели сил для укрепления своих владений и, не имея дел в Новгороде или Владимире, могли сосредоточиться на развитии местных ресурсов. В последнее десятилетие XIII века на роль истинных центров могущества и влияния в Северо-Восточной Руси стали выдвигаться Тверь и Москва. Княжившие в этих городах Михаил Ярославич и Даниил Александрович вместе с сыном прежнего великого князя Иваном Дмитриевичем вскоре доказали Андрею силу своего союза.

Можно, конечно, задать вопрос, каковы были политические цели Андрея после овладения великокняжеским престолом. Ответ, по нашему мнению, может быть только один: Андрей понимал необходимость сильной вотчины, расположенной близко к центру власти в Суздальской земле. Городец был слишком в стороне. То же самое относится и к Костроме (находившейся, вероятно, в распоряжении великого князя с тех пор, как умер Василий Ярославич), куда в конце концов Андрей посадил княжить своего сына Бориса. Единственной вотчиной, на которую он, по его разумению, имел полное право и которая соответствовала его замыслу создать могучие семейные владения, был Переславль — старый оплот Дмитрия, исключительно плодородный и стратегически важный район⁸⁸. Мно-

гие внутренние раздоры, омрачавшие межкняжеские отношения в последние десять лет правления Андрея, были связаны с Переславлем, в котором после смерти Дмитрия княжил его сын Иван.

Озабоченный прежде всего Переславлем, Андрей в 1295 году отправился к Токте. На этот раз ему не удалось убедить хана помочь ему войском для разгрома противников. Вместо этого он вернулся на следующий год на Русь с полномочным послом хана. Тут же во Владимире был созван съезд «всем князем русским».

Летописи описывают его так, как будто это было сражение: «и сташа супротиву себе, со единой стороны князь великий Андрей, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростославич, князь Костянтин Ростовьский со единого, а с другую сторону противу сташа князь Данило Александровичъ Московский (двоюродный) брат его князь Михаило Ярославичъ Тферский, да с ними переяславци с единого». И действительно, дело чуть не дошло до кровопролития; только вмешательство владимирского и сарайского епископов удержало князей от того, чтобы решить вопрос о Переславле силой оружия.

Достигнутое на владимирском съезде решение о том, что Переславль остается вотчиной Ивана Дмитриевича, было для Андрея совершенно неприемлемым. Он попытался взять своих противников на испуг, намереваясь напасть сначала на Переславль (Иван Дмитриевич к тому времени уже отправился в Сарай для получения ярлыка на княжение), а затем на Москву и Тверь. Но Даниил и Михаил остановили его у Юрьева Польского, и обе стороны, проявив традиционное нежелание сражаться без поддержки татар, заключили мир и подтвердили решения Владимирского съезда⁸⁹. В это же самое время положение Андрея в Новгороде было существенно ослаблено договором, заключенным между Тверью и Новгородом, согласно условиям которого Новгород согласился помогать Твери, «аже будетъ тягота... от Андрея, или от татарина, или от иного кого» — другими словами, если Андрей или татары нападут на Тверь, — тогда как Михаил обязался помочь, «кде будетъ обида Новугороду». Довольно существенно, что Михаил назвал в качестве своих союзников («один есмь с ...») своего старшего двоюродного брата Даниила Московского и Ивана (Переславского?)⁹⁰.

Несмотря на то что в 1296 году Андрею не удалось лишить Ивана его «вотчины» ни силой убеждения, ни силой оружия, он до конца своей жизни не оставлял надежды закрепиться в Переславле. В 1298 году он снова попытался захватить этот город и снова был отброшен совместными усилиями Даниила и Михаила⁹¹. В 1300 году Андрей созвал второй съезд, на этот раз в маленьком городке Дмитрове, расположенном к западу от Владимира и равноудаленном от Москвы и Твери. Обсуждался вопрос о распределении княжеств, или, другими словами, кому же держать Переславль. Была «смута великая», и, хотя Иван и Михаил не достигли соглашения по какому-то неназванному вопросу⁹², Ивану было достаточно поддержки Даниила Московского, чтобы сохранить власть в Переславле вопреки противодействию со стороны Андрея и, возможно, также Михаила. Это указывало на быстрый рост влияния московского князя. Конечно, у Даниила не было ни ма-

лейшего желания бескорыстно укреплять положение своего племянника в Переславле; скорее, это был тонкий политический ход с его стороны, продиктованный желанием заслужить благодарность от жителей этого района и их князя Ивана.

Андрей все еще не терял надежды заполучить Переславль. В мае 1302 года, как только Иван Дмитриевич умер, не оставив потомства, Андрей быстро поставил в городе своих заместителей, а сам поспешил в Орду, чтобы заявить там свои притязания на освободившийся престол. Но он опоздал. Промосковский компилятор содержащегося в Троицкой летописи рассказа о смерти Ивана, пытаясь, несомненно, оправдать последовавший захват Москвой района Переславля, сообщает, что Иван «благослови в свое место князя Данила Московского в Переяславли княжити; того бо любяше паче инех». Неизвестно, правда это или нет, но летописец сообщает, что, как только Андрей уехал в Сарай, приехал Даниил и быстро заменил ставленников великого князя своими людьми⁹³. Да, Андрей проиграл окончательно, он больше не мог надеяться захватить Переславль. Даже после смерти Даниила в 1303 году ситуация не стала для Андрея более благоприятной. Согласно опять-таки Троицкой летописи, жители Переславля немедленно сделали выбор в пользу старшего сына Даниила Юрия; они так сильно хотели, чтобы Юрий защищал их в случае возможного нападения со стороны Андрея, что даже отказались отпустить Юрия в Москву на похороны отца⁹⁴. Не приносили теперь успеха Андрею и поездки в Орду. Когда в конце 1303 года Андрей вернулся из Орды с ханскими посланцами, он созвал еще один съезд князей, на этот раз в самом Переславле. Но родственники и на этот раз обошли Андрея. Согласно ханским *ярлыкам*, зачитанным на съезде, Юрий твердо оставался правителем в Переславле, который с тех пор московские князья никогда не упускали из рук⁹⁵.

27 июля 1304 года Андрей умер, и началась новая эпоха соперничества между князьями. На этот раз главные действующие лица — князья тверские и московские — были фигурами совершенно иного масштаба, нежели братья и сыновья Александра Невского. Это уже не была борьба между князьями, не имевшими, по-видимому, ни крепких корней, ни достаточно сильных вотчин, чтобы позволить им выдвинуть постоянную программу семейных притязаний на верховный престол. Борьба теперь развернулась между княжескими династиями, способными проводить собственную политику, опираясь на крепкий тыл в виде могущественных наследственных вотчин, и которым не приходилось полагаться только на красоты Владимира и торговые преимущества Новгорода.

Основным центром междоусобной войны, продолжавшейся, то затухая, то вспыхивая с новой силой, с 1281 до 1304 года и растерзавшей Суздальскую землю на части, был неугомный Андрей Александрович. Однако северо-западные районы Ростова, Углича, Ярославля и Белоозера сравнительно несильно пострадали от жестоких татарских набегов, которые из-за неспособности Андрея править без поддержки татар снова и снова обрушивались на центральные районы Суздальской земли. Хотя время от времени правители

этих мелких земель ввязывались в межкняжеские столкновения, обычные для Суздальской земли, повседневное управление их отчинами имело мало общего с соперничеством за владимирский престол или с борьбой за Переславль. И все же их конфликты и их княжества были во многом уменьшенной копией конфликтов сыновей Александра Невского и княжеств этих последних.

Ростов, давняя столица Константина Всеволодовича, был крупнейшим из городов и наиболее важным политическим центром Руси. После смерти Константина Ростов остался в руках старшей ветви его рода: сначала там княжил старший сын Константин Василько, а затем сын Василька Борис. Когда в 1277 году Борис умер, его брат Глеб, получивший в свое время отдаленную вотчину в Белоозере на севере, занял Ростов. Но когда Глеб умер год спустя, там стали совместно править сыновья Бориса Дмитрий и Константин. Начались долгие и мучительные семейные раздоры, то затухавшие, то разгоравшиеся с новой силой в течение четырнадцати лет, что не могло не ослабить княжество, перешедшее, в конце концов, под контроль татар. Как в ссоре, захлестнувшей двух старших сыновей Александра Невского, так и здесь один из братьев, Константин, не гнушался татарской военной помощью для достижения своих политических целей, тогда как другой брат, Дмитрий, занимал твердую антитатарскую позицию. Первая стычка между братьями в 1281 году чуть было не привела к вооруженному столкновению, но была улажена миром благодаря ростовскому епископу Игнатию⁹⁶. Однако год еще не успел закончиться, как Константин уже участвовал в первом татарском походе Андрея, когда среди прочих был разграблен город Ростов — прямое указание на то, что в это время Дмитрий Борисович был единоличным правителем Ростовского княжества. Связи Константина с татарами сослужили ему хорошую службу. Когда его двоюродный дядя из младшей ветви рода Роман Владимирович Угличский умер в 1285 году, не оставив наследника престола, Углич вернулся к двум старшим членам этого княжеского рода. На этот раз Константин, благословенный, без сомнения, ханом Туда-Менгу, занял Ростов, а Дмитрий вынужден был довольствоваться меньшим по размерам Угличским княжеством. Но Дмитрий пока не собирался отказываться от борьбы за власть. Он связал себя союзом с великим князем Дмитрием Александровичем, выдав свою дочь замуж за его сына в 1286 году и приняв участие в походе на Тверь в следующем году. Два года спустя Дмитрий Борисович выбил из Ростова своего брата Константина, который в свой черед был сослан в Углич. Возвращение Дмитрия в Ростов совпало по времени (или послужило причиной) с всплеском антитатарских настроений среди населения: собралось вече, в результате которого многочисленные татары, присутствие которых в городе можно объяснить только тем, что их пригласил Константин, были изгнаны из Ростова. Взяв себе за образец поведение Андрея Александровича, Константин поспешил в Сарай жаловаться на своего брата. Ему не так повезло, как Андрею, — что неудивительно, ибо в Орде царила неразбериха, — и в Углич он вернулся без татарского войска⁹⁷.

Несмотря на феодальные распри, продолжавшиеся целое десятилетие, братья так или иначе умудрились просуществовать друг с другом еще четыре года. Очевидно, было выработано какое-то соглашение (*modus vivendi*), поскольку в 1293 году все князья старой Ростовской земли, даже Дмитрий Борисович, последовали за Андреем Александровичем в Орду и приняли участие в опустошительном походе Дюденя на Русь. Несмотря на то что Константин был сторонником Андрея, ему не удалось удержать татар от нападения на Углич. Однако ему не пришлось долго ждать своего часа: в 1294 году, когда умер Дмитрий Александрович, а его брат Андрей опять стал великим князем, смерть настигла и Дмитрия Борисовича. Он умер, не оставив наследника, и Константин снова стал ростовским князем, а в Углич посадил княжить своего сына. *Persona grata* в Золотой орде, в 1302 году он взял в жены татарскую княжну и оставался в Ростове до своей смерти в 1307 году. Его поддержка Андрея (он был его сторонником на съезде во Владимире в 1296 году) и постоянная готовность призвать себе на помощь татарское войско были столь же пагубными для Ростова, как и бездарная политика Андрея для Суздальской земли.

Белоозеро оставалось в стороне от борьбы за ростовский престол. Дмитрий Борисович, правда, пытался очернить своего дядю Глеба Васильковича Белозерского, когда последний умер в 1278 году. Через девять недель после его смерти епископ Игнатий приказал выкопать останки из ростовского собора⁹⁸, пытаясь тем самым показать, что покойный и его потомки не имеют более прав на ростовский престол, и размежевать позицию Дмитрия от заискиваний Глеба перед татарами; — «служаша им» — так характеризует Глеба его в остальном хвалебный некролог⁹⁹. В следующем году Дмитрий отобрал те части района Белоозера, которые теперь принадлежали сыну Глеба Михаилу¹⁰⁰. Но кроме этих двух эпизодов, об отношениях между Белоозером и Ростовом нам больше ничего неизвестно. Либо летописцы утратили интерес к этому княжеству после смерти Глеба, либо никаких столкновений не было. Во всяком случае, к концу XIII века Белоозеро фактически отделилось от других княжеств, некогда составлявших единое родовое наследие Константина Всеволодовича.

То же произошло и с Ярославем. Федор Ростиславич, правивший почти сорок лет (1260—1299) этим полученным им посредством женитьбы княжеством, по-видимому, не имел тесных связей с Ростовом, Угличем или Белоозером¹⁰¹. За время своего длительного правления Федор Ростиславич нечасто бывал в Ярославле — он проводил время то в Золотой орде, то сражаясь на стороне татар в русских и иных землях, то управляя Смоленским княжеством, которое он приобрел после смерти своего брата Михаила в 1279 году и которое он номинально «держал» до 1297 года, пока его племянник Александр Глебович не отобрал у него Смоленск «клястию (хитростью)»¹⁰². Подобно Белоозеру, Ярославль выпал из родового наследия Константина Всеволодовича и оставался независимым до окончательного поглощения его Москвой в XV веке.

При всей их независимости друг от друга правители Ростова —

Углича, Белоозера и Ярославля были связаны между собой одинаковыми взаимоотношениями с Золотой ордой. Все князья, исключая только Дмитрия Борисовича, отличались нежеланием или неспособностью оказать хотя бы малейшее сопротивление татарскому давлению и готовностью считать любого хана своим господином. Сказанное вовсе не означает, что население этих городов разделяло мнение князей: народный мятеж 1289 года в Ростове, например, завершившийся изгнанием татар из города (пускай и с одобрения Дмитрия), похоже, повторял массовые восстания, захлестнувшие Суздальскую землю в 1262 году и не имевшие от князей никакой поддержки.

Может быть, князья не имели другого выхода? Может быть, их поведение определялось не дошедшими до нас договорами с ханами? Так или иначе, они вели себя так, как будто располагали еще меньшей свободой, чем князья в других частях Суздальской земли. Хан был их хозяином. Они сражались на стороне татар в иных землях: четверо из них участвовали в кавказском походе 1277 года (см. прим. 62, 63); двое, Федор Ярославский и Михаил Белозерский, помогли подавить антитатарское восстание дунайских болгар в 1278 году¹⁰³; они были в составе первого татарского похода Андрея в 1281 году; они последовали за Андреем в Орду в 1293 году, после чего помогали Дюденю опустошать Суздальскую землю. Не исключено даже, что они участвовали во всех трех упоминаемых источниками татарских набегах на Литву (1279, 1282 и 1289 годы)¹⁰⁴. Дважды их епископ ездил в Орду «за причет церковный (по делам духовенства)»¹⁰⁵. Трое из них были женаты на татарских княжнах¹⁰⁶ — что стало обычным делом только в XIV веке. А один из них, Федор Ростиславич Ярославский и Смоленский, провел многие годы при дворе хана, женился на его дочери, был ханским виночерпием и фаворитом, рассматривался ханом как его *улусник и служебник* и, если можно верить его агнографу (Федор был впоследствии причислен к лику святых), получил тридцать шесть городов и был отослан обратно в Ярославль с татарским войском¹⁰⁷.

Что касается других районов Северной Руси, то об их истории в последней четверти XIII века почти ничего не известно. Суздаль, Северный Галич, Дмитров, Юрьев Польский, Стародуб и Муром как будто и не существовали для летописцев того времени. Молчание источников, однако, совсем неудивительно. Помимо Новгорода свои собственные летописи велись только во Владимире и в Ростове. Какие-то попытки вести погодные записи делались в Москве и Твери. Фрагменты летописей были занесены во Владимиро-Ростовский свод, который позднее вошел в Лаврентьевскую и Троицкую летописи, равно как и сохранившиеся фрагментарные церковные записи о делах и перемещениях высшего духовенства. Только одной территории, лежавшей вне сферы власти великого князя владимирского, удалось вести какое-то подобие летописания — это была Рязань; но уцелели лишь немногие рассказы рязанского происхождения о двух татарских нашествиях (1278 и 1288 годов)¹⁰⁸ и о нападении Даниила Московского (1300 год)¹⁰⁹.

При последних двух потомках Ярослава связи между Новгородом и великим князем стали постепенно ослабевать. Новгород неуклонно прокладывал свой путь к еще далекой пока независимости. Однако без военной поддержки ему было пока не обойтись, если не для защиты западных рубежей, то хотя бы для сопротивления господству татар и сопровождавшему его разорению. Татарская угроза постоянно нависала над новгородцами с тех пор, как Александр Невский поддержал перепись силой оружия в 50-х годах XIII века: Ярослав Ярославич был на волосок от того, чтобы призвать татарское войско для усмирения Новгорода в 1270 году, а в 1272 году Василий привел-таки татар, чтобы опустошить эту землю и прогнать своего племянника. Вот почему в Новгороде постоянно должен был находиться князь — или его ставленник — вместе с войском.

Во время первого правления Дмитрия Александровича в качестве великого князя его отношения с Новгородом были безоблачными. Он по-прежнему пользовался авторитетом князя, которого новгородцы дважды призывали на княжение, но который никогда не пересекал их рубежи во главе татарского войска, и с городскими властями он успешно сотрудничал. В начале 1278 года Дмитрий провел в высшей степени успешный совместный поход сил Новгорода и Суздальской земли в Карелию — обширную территорию с размытыми границами, расположенную между Ладожским озером и шведской Финляндией и простиравшуюся дальше на север. Объединенные силы под началом Дмитрия «казни корелу и взя землю их на щит». В том же году Дмитрий получил разрешение построить крепость в городе Копорье у Финского залива, возможное прибежище и перевалочный пункт по пути в Швецию на случай междоусобной войны и вынужденного бегства¹¹⁰.

Поворотной точкой в отношениях Дмитрия с Новгородом стал 1280 год, когда между великим князем и городом вспыхнула ссора. В источниках ничего не сообщается о причинах, а только лишь о последствиях. Попытка архиепископа утихомирить Дмитрия успеха не имела, и зимой 1280/81 года он вторгся в Новгородскую землю с суздальским войском. И опять, как это часто бывало, когда русские противостояли русским, из этого вторжения ничего не вышло. Так или иначе, был заключен мир. Но нападение не прошло бесследно. Новгородцы больше не приглашали Дмитрия в князья, более того, они отказали ему в убежище во время первого татарского похода Андрея, сравняли с землей его крепость в Копорье, призвали в князья его брата в 1282 году. Новгородцы приняли Дмитрия на княжение только тогда, когда сила обстоятельств и крайняя степень военного давления вынудили их это сделать в 1283—1284 годах. Второй период правления Дмитрия (1284—1294) прошел большей частью при полном молчании осторожного новгородского летописца, который почти не упоминает о деятельности князя, — трудно даже сказать, находился ли он в основном в Новгороде в это время или же его заменял там его наместник. Правда, Дмитрию удалось заставить новгородцев пойти вместе с его войском походом на Тверь в 1287 году, но, с другой стороны, в городе

произошли три сильнейших восстания (1287, 1290, 1291 годов), что указывает на жестокую борьбу между боярскими группировками, поддерживавшими Дмитрия и противостоявшими ему¹¹¹.

Последнее правление Андрея в качестве новгородского князя (1294—1304), напротив, было почти столь же тихим и спокойным, как и первое (1281—1284). Был, правда, договор между Новгородом и Тверью (заключенный между 1295 и 1298 годами), в котором «Андрей или татары» были названы возможными врагами Твери, и был также один случай, когда во время отсутствия Андрея новгородцы прогнали его наместников и призвали на короткий срок Даниила Московского¹¹². Но все обошлось, и Новгороду никогда не пришлось защищать Тверь от Андрея. При Андрее не было тех неистовых восстаний, что омрачили последний срок княжения Дмитрия, не было договоров, накладывавших дополнительные ограничения на княжескую власть. И со стороны великого князя не исходило никаких угроз применить насилие. Вместо этого Андрей исполнял свои обязанности по обороне новгородских рубежей, помогая новгородцам в их периодических столкновениях со шведами и датчанами¹¹³. Возможно, новгородцы старались держаться поскромнее с Андреем, памятуя о его умении призывать татарские войска для ведения своих войн. Во всяком случае, они тихо перетерпели своего последнего в XIII веке князя, может быть даже с толикой почтения. По крайней мере местный летописец не проявлял того неприятия по отношению к Андрею, какое было направлено на его брата.

Вполне дружественные, как мы видим, отношения Новгорода с Андреем не были шагом назад в медленном, но неуклонном движении города к независимости. Начиная с 1294 года вводился новый порядок выборов посадника. До этого времени не был определен срок пребывания посадника в должности: он мог занимать ее всю жизнь, пока его физически не устранили или, как это часто бывало, до тех пор, пока князь не требовал его смещения. Теперь посадники избирались ежегодно из числа учрежденного *совета господ*, члены которого пожизненно представляли каждый из пяти *концов* (административных районов) Новгорода. Сам факт, что такой *совет* был создан и что ни один боярин не занимал должность посадника столь долго, сколь долго он желал или был в состоянии ее занимать, уже означал, что боярская община в городе стала более сплоченной и более управляемой и что теперь существовал орган, способный к более согласованным, чем прежде, действиям против какого-нибудь беспокойного князя. И все же настоящая солидарность бояр была делом будущего, поскольку пока что не было системы **регулярной** смены посадников. Эта должность не переходила ежегодно от одного *конца* к другому, а оставалась в руках тех претендентов, которые были достаточно могущественны, хитры или богаты, чтобы повлиять на выборщиков. И действительно, в период с 1294 по 1304 год посадниками большей частью были поочередно сменявшие друг друга братья Семен и Андрей Климовичи¹¹⁴. Новгород еще не стал республикой, но находился на пути к ней.

¹ Дата рождения Дмитрия в источниках не упоминается. Согласно русскому генеалогу XVIII в. Т. С. Мальгину, Дмитрий родился в 1250 г. (М а л ь г и н, с. 292), но, когда он в 1260 г. был оставлен княжить в Новгороде, ему было, по нашему мнению, больше 10 лет.

² «Степенная книга» XVI в. сообщает, что Даниил получил Москву от Александра (ПСРЛ, т. 21, с. 296); согласно западнорусской Супрасльской летописи, к 1303 г. Даниил правил в Москве только одиннадцать лет (ПСРЛ, т. 17, с. 27); *НЛ*, однако, упоминает Даниила как независимого князя московского в 1283 г.: «Данило... с москвичи» (НПЛ, с. 325). Согласно *Тв. сб.*, под 1408 годом, тиуны Ярослава Ярославича правили в Москве семь лет, а Даниила «воскормил» Ярослав (ПСРЛ, т. 15, стб. 474); другими словами, Москва была частью великого княжества Владимирского с 1264 по 1271 г.— См.: К у ч к и н. Роль Москвы.

³ В. Н. Татищев сообщает, что в августе 1264 г. он отбыл из Орды, а в сентябре был возведен на престол во Владимире (Т а т и щ е в, т. 5, с. 44). Андрей умер приблизительно в 1264 г. (ТЛ, с. 328).

⁴ В 1212 г. Ярослав схватил в Твери двух новгородцев (НПЛ, с. 53, 252). Согласно второй редакции татищевской «Истории», Ярослав получил «Переславль, Тверь и Волок» (Т а т и щ е в, т. 3, с. 186). В первой редакции, однако, упоминается только Переславль (там же, т. 4, с. 342).

⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 471. «Ярослав князь тферьский» (там же, стб. 473).

⁶ Первым епископом был Симеон. Он похоронил Ярослава в Твери (ТЛ, с. 331).

⁷ Т а т и щ е в, т. 5, с. 44. Кто такой Владимир Рязанский, неизвестно. Иван Стародубский был, вероятно, единственным оставшимся в живых дядей Ярослава.

⁸ Слово *полк* у летописцев обычно обозначает воинское подразделение, реже — поход.

⁹ НПЛ, с. 88—89. В 1270 г. два татарских посла снова исполнили церемонию возведения (*посажения*) Ярослава на новгородский престол.— См.: ГВНП, с. 11.

¹⁰ Только в *Ник* (ПСРЛ, т. 10, с. 151). Запись под 1273 годом — подробная и мало похожая на чисто литературный вымысел — отражает, вероятно, несохранившийся новгородский или тверской источник. Айдар также упоминается под 1269 годом (там же, с. 147) как зять Амрагана.

¹¹ Снова об участии татар упоминается только в *Ник* (там же). Ср.: НПЛ, с. 322.

¹² ПСРЛ, т. 10, с. 151, Ср.: НПЛ, с. 322.

¹³ НПЛ, с. 312; ГВНП, № 29, с. 56—57.

¹⁴ НПЛ, с. 83, 311.

¹⁵ ТЛ, с. 328 (заметим, что в *Л* отсутствуют записи с 1263 по 1284 г.).

¹⁶ НПЛ, с. 84, 313.

¹⁷ ТЛ, с. 328.

¹⁸ Напечатано в: ГВНП, № 1, с. 9—10.

¹⁹ См.: З и м и н, с. 104—105.

²⁰ См.: П а ш у т о. Образование, с. 383 и далее.

²¹ НПЛ, с. 85, 314.

²² ПЗЛ, с. 16.

²³ В. Т. Пашуто считает, что на самом деле он прибыл с 300 литовскими беженцами в 1265 г. (П а ш у т о. Образование, с. 384).

²⁴ ПЗЛ, с. 16—17; НПЛ, с. 85, 314—315.

²⁵ НПЛ, с. 85, 315.

²⁶ НПЛ, с. 85, 315. Согласно *Ник*, Ярослав оставил своего племянника Дмитрия Александровича в Новгороде (ПСРЛ, т. 10, с. 145). Это выглядит маловероятным, поскольку в 1267 г. новгородским князем был Юрий и Новгородские источники не упоминают об этом. *Ник* также добавляет, что в 1267 г. в Новгороде было восстание («мятеж усобной»), не упоминаемое опять-таки в *НЛ*.

²⁷ НПЛ, с. 85, 315. Более поздние летописи (*НЛВ* и *Ник*) добавляют, что был убит Ердень (ПСРЛ, т. 4, с. 236; т. 10, с. 145).

²⁸ ГВНП, № 2, с. 10—11. В договоре упоминаются посадник Михаил и *тысяцкий* Кондрат, ставшие впоследствии жертвами второго Раковорского похода (1268 г.). Следовательно, этот договор должен был быть заключен между 1265 г. и 23 января 1268 г. (в этот день Михаил и Кондрат выступили из города вместе с войском). Обсуждение ранних договоров с Ярославом см.: Ч е р е п н и н. Русские феодальные архивы, т. 1, с. 251—266.

²⁹ См.: Christian sen. The Northern Crusaders, p. 108.

³⁰ НПЛ, с. 85, 315.

³¹ Там же, с. 85—87, 315—318.

³² Там же, с. 87—88, 318—319.

³³ ГВНП, № 3, с. 11—13. Л. В. Черепнин (Черепнин. Русские феодальные архивы, т. 1, с. 263—266) считает, что последние три статьи договора, напечатанного в ГВНП, были добавлены в 1270 г. после второго крупного столкновения с Ярославом.

³⁴ НПЛ, с. 88, 319.

³⁵ См. версии, восходящие к своду 1472—1479 гг. (*М, Е, Льв и Ник*; ПСРЛ, т. 25, с. 149; с. 23, с. 88; т. 20, с. 167; т. 10, с. 149). Исходное описание *мятежа* (без угрозы отлучения) содержится в НПЛ, с. 88—89, 319—321.

³⁶ Например, см. выше, с. 110.

³⁷ На обороте договора 1269—1270 гг. написаны слова «Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря (хана Менгу-Тимура) сажат Ярослава с грамотою», т. е. очевидно, что с ярлыком на княжение (ГВНП, с. 11).

³⁸ Это были три последние статьи договора (ГВНП, № 3), которые, по мнению Черепнина, были добавлены в 1270 г. (см. выше, прим. 33).

³⁹ НПЛ, с. 89, 321.

⁴⁰ Пашуто. Образование, с. 54, 387.

⁴¹ ПСРЛ, т. 4, с. 241; т. 5, с. 197; ПЗЛ, с. 17, 85.

⁴² ТЛ, с. 331.

⁴³ НПЛ, 89—90, 321—322.

⁴⁴ Татищев, т. 5, с. 50.

⁴⁵ НПЛ, с. 322; ПСРЛ, т. 10, с. 151.

⁴⁶ ПСРЛ, т. 10, с. 151.

⁴⁷ НПЛ, с. 322, 471 («седев 3 месяца, выиде из града»); ПСРЛ, т. 10, с. 151—152.

⁴⁸ О бегстве Павши, временной замене его Михаилом Мишиничем и восстановлении в должности см.: НПЛ, с. 322. О Ратиборе и «крамольниках» см.: Татищев, т. 5, с. 51.

⁴⁹ ТЛ, с. 332—333.

⁵⁰ «По полугривне с сохи (т. е. с единицы обложения податью), а в сохе числиша 2 мужи работники» (Татищев, т. 5, с. 51). См. также: Кочин. Сельское хозяйство, с. 92—93.

⁵¹ *Ник, НIV* и «Летописец Никифора вскорее» — последние два под 1273 годом, явно ошибочная датировка (ПСРЛ, т. 10, с. 152; т. 4, с. 219; Тихомиров. Забытые произведения).

⁵² См.: Пашуто. Образование, с. 386 и далее; Алексеев. Полоцкая земля, с. 285 и далее.

⁵³ Но см.: Кучкин. Нижний Новгород, с. 239.

⁵⁴ Каргалов, с. 167—168.

⁵⁵ Сын Святослава Дмитрий умер раньше своего двоюродного брата Василия Костромского; его потомки, таким образом, потеряли право на наследование. Сын Ивана Михаил, однако, был еще жив в 1281 г. (ТЛ, с. 339), но ни он, ни его потомки никогда не заявляли своих претензий на великокняжеский престол.

⁵⁶ Ср., однако, точку зрения В. А. Кучкина, который считает, что в конце XIII века Нижний Новгород был частью района Городца (Кучкин. Нижний Новгород, с. 239).

⁵⁷ См.: Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 158—159.

⁵⁸ Подробное исследование истории Волынской и Галицкой земель с момента смерти Даниила и до конца XIII века см.: Пашуто. Очерки, с. 289—302.

⁵⁹ Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 164 et seq.; Meyendorff. Byzantium, p. 36.

⁶⁰ Meyendorff. Byzantium, p. 68. О событиях 1280—1300 гг. см.: Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 174—189; Spuler. Die Goldene Horde, p. 64—77; Федоров Давыдов. Общественный строй, с. 68—74.

⁶¹ Мальгин, с. 296,— единственное «свидетельство» о дате его рождения.

⁶² *Ник* сообщает, что они отправились в Орду « каждо (с заботой) о своих княжениах» (ПСРЛ, т. 10, с. 154), но это, вероятно, более позднее добавление к исходному описанию из Т.

⁶³ В феврале 1273 г. они взяли «славный град Ясьскын (осетинский) Дедаков (Орджоникидзе)» — См.: Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 173 (ТЛ, с. 334).

⁶⁴ ТЛ, с. 338—339. Автор описания в *Н* явно благоволит к Андрею и просто сообщает, что «Андреи... вздыну рать татарскую, и взяша Переяславль на щит» (НПЛ, с. 324). В описании, содержащемся в *Н* и *С*, приводятся имена двух татарских военачальников «Ковкады и Алчедая» (ПСРЛ, т. 4, с. 244; т. 5, с. 199).

⁶⁵ Путаный рассказ о деятельности Довмонта содержится в НПЛ (с. 324), *Н* и *С* (ПСРЛ, т. 4, с. 244; т. 5, с. 200). *Н*ик придает чуть больше смысла всему этому эпизоду (ПСРЛ, т. 10, с. 159—160).

⁶⁶ ТЛ, с. 338—339; НПЛ, с. 324; ПСРЛ, т. 10, с. 159—160.

⁶⁷ См.: Т а т и щ е в, т. 5, с. 57.

⁶⁸ ПСРЛ, т. 25, с. 154.

⁶⁹ ПСРЛ, т. 10, с. 160.

⁷⁰ НПЛ, с. 325 (под 1283 годом); ПСРЛ, т. 25, с. 154; т. 10, с. 160 (оба под 1282 годом).

⁷¹ НПЛ, с. 325 (под 1284 годом).

⁷² Там же, с. 325—326 (под 1284 годом).

⁷³ ПСРЛ, т. 10, с. 161.

⁷⁴ Упоминается только в *Н* и *С* (и производных летописях), но отсутствует в *Т* и *Н* (ПСРЛ, т. 4, с. 246; т. 5, с. 201).

⁷⁵ ТЛ, с. 344.

⁷⁶ Там же, с. 344 (под 1287 годом), с. 326 (под 1289 годом). Самое подробное описание содержится в *Н*ик под 1288 годом (ПСРЛ, т. 10, с. 167).

⁷⁷ Дмитрий и Константин Борисовичи (только в *Н*), Михаил Глебович Белозерский и Федор Ростиславич Ярославский (и Смоленский). Наиболее полное описание этого похода содержится в: *Т*, *Л*, *Н*, *Н*И, *Н*И, *С*И, *М*АК и *Н*ик. См.: ТЛ, с. 345—346; ПСРЛ, т. 1, стб. 483, 527; т. 4, с. 248; т. 5, с. 201—202; т. 10, с. 168—169; НПЛ, с. 327. Заметим, что *Н*ик, явно ошибочно, добавляет «Иван Дмитриевич (сын Дмитрия Александровича)» к перечню князей, сопровождавших Андрея.

⁷⁸ Только в *Н*ик (ПСРЛ, т. 10, с. 169).

⁷⁹ S p u l e g. Die Goldene Horde, p. 73—74.

⁸⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 483, 527; ТЛ, с. 346—347. См. также: Б е р е ж к о в, с. 120—121.

⁸¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 483; НПЛ, с. 328. Согласно *Н*И, Дмитрий послал епископа тверского Андрея и Святослава на переговоры. Однако Святослава Ярославича, старшего сводного брата Михаила, к 1294 г., вероятно, уже не было в живых, поскольку Михаил явно был старшим князем в Твери.

⁸² О занятии Федором Ростиславичем Переяславля см.: ТЛ, с. 346; ПСРЛ, т. 1, стб. 483 (где вместо Переяславля ошибочно указан Ярославль).

⁸³ Упоминается только в *Н*И, *М*АК и *Н*ик (ПСРЛ, т. 4, с. 248; т. 1, стб. 527; т. 10, с. 170).

⁸⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 484; ТЛ, с. 347.

⁸⁵ См.: S p u l e g. Die Goldene Horde, p. 74, п. 51.

⁸⁶ ТЛ, с. 346; ПСРЛ, т. 1, стб. 483.

⁸⁷ О Городце см.: К у ч к и н. Нижний Новгород, с. 234—235.

⁸⁸ О важном значении Переяславля см.: С а х а р о в. Города, с. 34 и далее; Т и х о м и р о в. Древнерусские города, с. 413—415.

⁸⁹ О поездке Андрея в Орду в 1295 г., съезде князей во Владимире и неудачном нападении на Переяславль см.: ПСРЛ, т. 1, стб. 494; т. 4, с. 249; т. 5, с. 202; т. 10, с. 171; ТЛ, с. 347—348. Заметим, что *С*им начинает описание событий 1296 г. словами: «...бысть рать татарская, прииде Олекса Неврюн...» (ПСРЛ, т. 18, с. 83). *Н*И и *С*И поясняют, что Неврюем звали посла Токты.

⁹⁰ Тверская версия договора напечатана в: ГВНП, № 4, с. 13—14. Дата не приводится, но договор был, вероятно, заключен, когда Андрей отсутствовал в Новгороде, т. е. между 1295 и 1298 гг. Ср., однако, точку зрения Л. В. Черепнина (Ч е р е п н и н. Русские феодальные архивы, т. 1, с. 266—270). В. А. Кучкин считает, что *Иван*, упоминаемый в тверской копии договора (ГВНП, № 4), был сыном Даниила Московского, что он в конце 1297 г. был послан в Новгород своим отцом после того, как новгородцы временно прогнали наместников Андрея, и что договор был заключен между 1 сентября 1296 г. и 28 февраля 1297 г. (К у ч к и н. Роль Москвы).

⁹¹ Упоминается только в *Н*И и *С*И (ПСРЛ, т. 4, с. 250; т. 5, с. 202).

⁹² Ростовская летопись (*М*АК) туманно упоминает о вооруженном столкновении между Иваном и Константином Ростовским в 1301 г., вероятно, по поводу границ. Дело было улажено епископом Симеоном (ПСРЛ, т. 1, стб. 528).

⁹³ ПСРЛ, т. 1, стб. 486; т. 4, с. 252; т. 5, с. 203—204; ТЛ, с. 350.

⁹⁴ ТЛ, с. 351.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, с. 338.

⁹⁷ О событиях 1289 г. в Ростове (возвращение Дмитрия, изгнание татар и поездка Константина в Орду) сообщается только в МАК (ПСРЛ, т. 1, стб. 526). в Ник Константин назван князем угличским в 1289 г. (ПСРЛ, т. 10, с. 168).

⁹⁸ ТЛ, с. 337. В 1280 г. Игнатий был за это отлучен от церкви митрополитом Кириллом, но получил прощение после того, как за него вступился Дмитрий Борисович.

⁹⁹ ТЛ, с. 335.

¹⁰⁰ Там же, с. 336.

¹⁰¹ За исключением того, что его дочь вышла замуж за Михаила Белозерского в 1278 г. (ТЛ, с. 335).

¹⁰² О принятии им смоленского престола см.: ТЛ, с. 337; о возвращении Александра см.: ПСРЛ, т. 4, с. 250; т. 5, с. 202. По-видимому, во время своего призрачного «правления» в Смоленске Федор очень часто назначал вместо себя наместников из смоленского княжеского рода для управления княжеством.— См.: В а и т г а г т е н, Généalogies, p. 97—98.

¹⁰³ ТЛ, с. 335. В. В. Каргалов (гл. 3) сообщает о цели похода, не упоминаемой в русских источниках.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 10, с. 157, 161, 168.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. 15, стб. 405; т. 1, стб. 525 (-МАК).

¹⁰⁶ Федор Ростиславич (ПСРЛ, т. 21, с. 309); Константин Борисович (1302 г.) и Федор Михайлович Белоозерский (1302 г.).— См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 528 (-МАК).

¹⁰⁷ См.: ПСРЛ, т. 21, с. 307—311. Его жизнеописание см.: С е р е б р я н с к и й. Древнерусские жития, с. 222—234. По всей видимости, Федор провел в Орде по крайней мере шесть лет: три года до женитьбы и три — после (у него родились два сына). Вероятно, он жил там где-то между 1281 (первый татарский поход Андрея) и 1293 гг. (возвращение Федора в Орду вместе с Андреем Александровичем).

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. 10, с. 156, 167. В 1288 г. нападениям подверглись также Муром и земли мордвы.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. 10, с. 173; т. 1, стб. 486.

¹¹⁰ НПЛ, с. 323.

¹¹¹ Там же, с. 326, 327.

¹¹² См.: К у ч к и н. Роль Москвы, с. 60—62.

¹¹³ НПЛ, с. 91, 328, 330, 331.

¹¹⁴ См.: Я н и н. Новгородские посадники, с. 165 и далее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со смертью Андрея Александровича умерла целая эпоха. На землях Руси, раздираемых феодальными сварами, пришел конец эры, по-видимому, крайней, свинцово-мрачной безнадежности и бесцельности, когда правители как будто утратили всякие ориентиры. Это был конец эпохи хаоса разьединенности, раздробленности, слабосильных стремлений, военной неподготовленности и беспомощности. Слабость Руси XIII столетия была вызвана не столько внешними факторами или так называемым *татарским игом*, сколько преступным консерватизмом, органически присущим правившим княжеским родам, их нежеланием и неспособностью изменить устаревший, трещавший по всем швам порядок, вопиющей бездарностью большинства князей. К 1304 году великий князь на Руси имел меньше авторитета и меньше реальной власти в вопросах общенационального значения, нежели когда-либо прежде. Бывшая Киевская империя лежала в развалинах. Она была в прошлом, и значительно позднее наступит время, когда ее станут оплакивать и вспоминать о ней с сожалением и какой-то ностальгией. Юго-Западная Русь была целиком обращена к Восточной Европе и к концу столетия почти не имела связей с Суздальской землей. Нигде не обнаруживалось и намека на процветающую экономику. Исключение — Новгород. Единственно известные связи с внешним миром, помимо торговых отношений с Востоком, осуществлялись либо новгородскими и в меньшей степени смоленскими купцами с Западом, либо православной церковью с измученной и грозящей вот-вот рухнуть Византией, да и то очень редко и нерегулярно. Всякому, кто обладал бы в то время знанием общего положения дел, могло показаться, что у Руси (или скорее у Суздальской земли и Новгорода) есть только два возможных варианта будущего. Первый — быть физически подавленной Кипчакской ордой, впасть в политическое забвение (подобно Киеву и Чернигову после 1240 года) и в конце концов быть поглощенной растущей и агрессивной Литвой. Второй — возродиться под руководством твердого и решительного правителя или княжеского рода, который сумел бы использовать политику татар, а не просто уповал бы на ханов как своих военных союзников, подобно своим предкам, полагавшимся на половцев.

Что исчезло к концу столетия? Прежде всего безнадежно устаревшая к тому времени система передачи правления по старейшинству, которая в течение двух с половиной веков подтачивала единство Руси. Принцип горизонтального наследования — брат наследует от своего брата главный престол страны либо рода, затем сыновья старшего брата, за которыми следуют сыновья второго по старшинству брата, и т. д. — надежно гарантировал только беспомощное правление и политическую разьединенность. И все-таки большинство потомков Ярослава Владимировича, прозванного Мудрым, по-видимому, так или иначе признали и приняли этот принцип, а многие из них даже пытались придерживаться его, иногда с недоверием и часто модифицируя его¹. Во второй половине XI века круг оставшихся в живых Рюриковичей из киевской конфедерации фактически сократился до трех старших сыновей Ярослава, и кому-то могло показаться идеальной формой правления, когда в Киеве, великом княжестве, правил триумвират, состоявший из потомков «мудрого» правителя, столпов родовой преданности, — страной правил *не один человек*, а целый *род*. Но казавшаяся жизнеспособной Ярославу (если это он ее устанавливал), а потом его сыновьям, система эта была обречена. По прошествии двадцати лет триумвират был истерзан внутренними стычками. И хотя система горизонтального наследования рассматривалась как основной принцип наследования, и большую часть этого периода она соблюдалась при передаче престола в Киеве и отдельных вотчинах (и даже в младших ветвях отдельных княжеских родов), тем не менее она не могла не давать время от времени сбоев. Чем больше разрастался род, тем менее возможным становилось следовать таким сложным правилам. Но кто из князей, от Изяслава до Андрея, за два с половиной столетия существования этого принципа пытался изменить его или отменить вовсе? Пожалуй, никто. Ни Владимир Мономах, ни Всеволод III, ни Ярослав Всеволодович, если назвать только трех из самых реалистично мыслящих и практичных правителей, казалось, не предпринимали никаких шагов, за исключением ограничения права наследования престола их детьми и внуками, резко сокращая тем самым число претендентов. Но этот же горизонтальный порядок соблюдался внутри их *родов*. Дело выглядит так, как будто они не могли освободиться от него.

Исходная цель такого порядка наследования — обеспечить мирную передачу власти, при этом подразумевалось, что государством правит род как *целое*. Наивно было бы ожидать, что чувство родовой преданности сплотит всевозрастающее число потомков Ярослава Мудрого, что двоюродные братья и племянники будут как само собой разумеющееся признавать власть «главы» рода, который вполне мог находиться в очень дальней степени родства. Эта система неизбежно порождала и подогревала жадность и зависть, приводила к новым и новым виткам междоусобной войны. Князь сражался с князем либо за киевский или владимирский престол, либо за владение поближе к столице той или иной вотчиной. Кроме того, происходил естественный процесс выбывания — целые ветви рода исключались из борьбы за верховное положение или по решению старейшего князя, или по той причине, что глава ветви умирал раньше своего

правлящего брата или дяди. Раздробленность страны возрастала. К концу XIII века процесс измельчания княжеств, усиления раздробленности шел уже полным ходом в Суздальской земле: более дюжины княжеств фактически отделились от Владимира, а их правители не входили в число претендентов на великокняжеский престол. Сильная центральная власть отсутствовала, не существовало и внушительной военной силы, как не было их накануне монгольского нашествия, да и в любое другое время в XIII веке. О сопротивлении сильному внешнему врагу нечего было и думать. Суздальской земле просто повезло: ее потенциальные враги были в тот период заняты другими делами. Литва, например, консолидировала свои приобретения на территориях, некогда составивших западную часть древнего Киевского государства, а Тевтонский орден покорял прибалтийские племена. Суздальская земля могла надеяться только на то, что либо православная церковь с помощью митрополита обеспечит особый путь объединения страны, и существует несколько драгоценных свидетельств того, что это происходило в XIII веке, либо на то, что порядок горизонтального наследования отомрет естественной смертью.

Случилось последнее. Как неоднократно указывалось выше, ни один из великих князей владимирских XIII века не имел возможности укрепить свою собственную вотчину настолько, чтобы она стала неоспоримым верховным княжеством Суздальской земли. В одних случаях вотчины были слишком незначительными, такими, как Юрьев Польский, например, или даже Суздаль. В других — ранняя смерть или какое-то постоянное невезение не давали великим князьям развивать свои владения и превращать их, скажем, в такие могущественные центры, как Переяславль (вотчина Ярослава Всеволодовича, Александра Невского и Дмитрия Александровича). Уже в последние годы XIII века Москва и Тверь, великолепно расположенные со стратегической, экономической и географической точек зрения, быстро и уверенно развивались. В обоих городах правили умные, решительные и волевые князья. Оба княжества еще не были затронуты процессом дробления, к 1304 году Москва увеличила свою территорию почти втрое, присоединив районы Переславля, Коломны и Можайска. Все, что было необходимо для возникновения сильного централизованного государства, это одному из княжеств поглотить большинство остальных княжеств Суздальской земли и захватить территорию Владимира, самого великого княжества, а с ним и великокняжеский титул. В конце концов Москва добилась верховного положения. К 1371 году Дмитрий Донской заставил татар и русских князей в Суздальской земле признать его «великим князем московским и владимирским»². Другими словами, «великое княжество» стало его **отчиной**, т. е. неотчуждаемым владением потомков Даниила Московского. В своем завещании 1289 года Дмитрий Донской уже благословил старшего «сына своего, князя Василья, своею отчиной, великим княземъ»³.

Старый порядок был сломлен. Правда, в начале XIV столетия титул великого князя владимирского дважды переходил к тверскому княжескому дому (1304—1318, 1322—1327) и один раз — к внуку

Андрея Суздальского (1327—1331). Впоследствии еще один потомок Андрея Суздальского, Дмитрий Константинович, держал великокняжеский престол короткое время (1360—1362). Но в течение трех четвертей XIV века титул великого князя и все, что с ним было связано, твердо находилось в руках потомков Даниила Московского и переходило от брата к брату только в том случае, когда правитель не имел сына. Начиная с Ивана II (1353—1359) и до угасания этой линии в конце XVI века наследниками отцов были старшие сыновья. Этот порядок был нарушен лишь в короткий период междоусобной войны в середине XV века. Право перевородства вытеснило архаичный порядок горизонтального наследования.

Ослабление власти великих князей в XIII веке, от могущественного Всеволода III до беспомощного Андрея Александровича, и угасание центростремительных тенденций отчетливо отразились и иллюстрируются фактом постепенного усиления позиций Новгорода по отношению к его правителям. По-видимому, в первые тридцать лет XIII века Новгород располагал определенной долей независимости и даже власти в выборе князя-наемника, подобно тому как это было в XII столетии. Это, в частности, означало, что княжение в Новгороде не было привилегией какой-либо одной ветви княжеского рода. В период между 1200 и 1230 годами в Новгороде княжили представители семьи и Всеволода III, и Ростиславичей из Смоленска, и Ольговичей из Чернигова. Правда, новгородцы могли (и часто пользовались такой возможностью) прогнать слабого князя, и это безусловно можно считать признаком силы. Но в период до 1230 года князей в Новгород назначали сильные внешние правители, или же они сами занимали новгородский престол; в любом случае это постоянно приводило к сокрушительным столкновениям между боярскими группировками Новгорода — сторонниками соперничавших родов. Сильный князь на новгородском престоле мог диктовать городу свои условия, и в целом власть князей в первые три десятилетия XIII века не ослабевала сколько-нибудь заметно. Боярство же большей частью пребывало в состоянии хронического раскола и потому не могло оказать действенного или продолжительного влияния на новгородского князя. Во время последнего чередования на новгородском престоле Всеволодовичей и Ольговичей (1224—1230) можно заметить чуть-чуть больше сплоченности среди бояр, чуть-чуть больше стремления ограничить власть князя и потребовать от него должного соблюдения военных обязательств. Но еще пройдет немало времени, прежде чем сплоченность бояр проявить себя на деле и станут возможными активные шаги, ограничивающие власть князя.

За два с половиной десятилетия после татарского нашествия 1237—1238 годов Новгород оказался не способен укрепить свое положение или совершить сколько-нибудь значительный рывок к независимости, мало что указывает и на усиление сплоченности бояр. В период сразу после нашествия, когда на западных и северо-западных границах несколько усилилось давление со стороны тевтонских рыцарей, литовцев и шведов, в городе зарождается пронемецкая группировка бояр. Более того, непрекращавшиеся размолв-

ки между Александром Невским и Новгородом явно указывают на соперничество между боярами в то время. Раскол между соперничавшими группировками становится еще более очевидным во время правления Александра Невского на великокняжеском престоле. Вспомним, как «меньшие» бояре поддерживали его брата Ярослава в 1255 году и вместе с большинством населения противостояли двум попыткам проведения переписи в конце 50-х годов XIII века, а «великие» бояре твердо держали сторону Александра во всех его начинаниях. Всякие усилия новгородцев утвердить свою независимость Александр решительно пресекал: восстание 1255 года было подавлено, сопротивление переписи сокрушено. Александр был не из тех, кто стерпел бы даже малейший намек на сопротивление в непокорном Новгороде. И все же он с трудом преодолевал кризисы, с которыми ему приходилось сталкиваться. В Новгороде явно обнаруживались стремление и достаточные силы, чтобы отвергнуть наиболее невыносимые требования князя. Настроение менялось.

И только когда Александра сменила череда более слабых и менее решительных правителей, сопротивление княжескому правлению возросло до такой степени, что князья были вынуждены пересмотреть свои взаимоотношения с городом. На права князя были наложены жесткие ограничения; составлялись договоры, увеличивавшие власть посадника и урезавшие власть князя; и бояре наконец достигли между собой некоего согласия, если не сплоченности, установив олигархический *совет господ*, из состава которого ежегодно назначались посадники.

Хотя правители XIV века были несравненно сильнее своих предшественников и могущество великого князя имело более крепкую основу, чем у любого из братьев и сыновей Александра Невского, тем не менее независимость Новгорода продолжала возрастать, а влияние князя или его наместника ослабевало. В целом история Новгорода в XIV веке отмечена новым духом самоуверждения, временами даже с долей пренебрежения к великому князю. Правители Москвы и Твери еще могли применить крайние меры и применяли их, чтобы запугать Новгород, например, лишить город поставок зерна, перекрыв реку Тверцу, или захватить заложников. Но Новгород оставался негибачимым. Время присоединения давно прошло.

Но при все растущей уверенности Новгорода в своих силах первая половина XIV века была свидетелем многих стычек между боярами. С 1304 до 1331 года, когда исход борьбы за великокняжеский престол между Москвой и Тверью был еще не решен, новгородские бояре разделились на промосковскую и протверскую группировки. Во время правления Ивана I (1331—1340), известного своей нерешительностью в делах, касавшихся Новгорода, основными действовавшими силами были те, кто поддерживал Москву, и те, кто обращал свои взоры на Литву. При Семене Гордом (1340—1353), который держал город более цепко, чем его отец (хотя ослабленная пролитовская группировка продолжала существовать), бояре были разделены узкоэтническими интересами в погоне за землями и властью. Все это отрицательно сказывалось на власти посадника и ослабляло роль боярства в системе управления. *Совет господ* едва

ли мог действительно противостоять князю, когда его члены боролись за власть между собой. В 50-х годах XIV века, наконец, была установлена новая система *коллективного посадничества*, согласно которой шесть посадников избирались пожизненно, а один, старший посадник, выбирался ежегодно. Еще сохранялся какой-то элемент соперничества среди претендентов на власть, но главные основания для обескровливающей борьбы между боярскими группировками были теперь фактически устранены. Полное обновление всей правящей верхушки Новгорода, как назвал этот процесс один советский историк⁴, знаменовало собой начало «боярской», или «олигархической», республиканской, формы правления в Новгороде. Это был самый крупный из когда-либо сделанных шагов к независимости города и его волостей. Если бы новая республика могла создать достаточно сильное войско, чтобы отражать нападения врагов с запада, независимость Новгорода стала бы полной.

На конец XIII столетия пришелся не только упадок системы горизонтального наследования на Руси и продвижение Новгорода к независимости. Пошла на убыль власть татарской Орды, находясь в вассальной зависимости от которой было позорно и бессмысленно. Если междоусобные стычки между князьями и несовершенство системы наследования власти способствовали установлению татарского господства над Южной и Северной Русью, то проводимая Александром Невским политика уступок надолго сохранила эти унижительные для Суздальской земли отношения с Сараем. Вторая половина XIII века была, как показано в предыдущих главах, эпохой постепенно возраставшего татарского давления — нашествия, набегов, оккупации, унижения. Этот режим татарского гнета укрепился в последнее тридцатилетие века отчасти и в результате политики Александра Невского. Но вина за тяготы татарского господства на Руси лежит и на преемниках Александра, которые без колебаний следовали его примеру, призывая татарские войска на Русскую землю для достижения своих политических целей. Им, конечно, приходилось платить за «помощь», участвуя в войнах татар, бессильно взирая на то, как войска призванных ими пришельцев опустошают их земли, мирясь с обременительным присутствием татарских чиновников и татарских отрядов в своих городах и деревнях. Население сопротивлялось татарам; свидетельством тому — народные восстания 1262 и 1289 годов, но, как указывалось выше, сопротивление это никогда не направлялось самими князьями. Они были неспособны к борьбе или слишком напуганы и не могли сделать ничего, чтобы ослабить страдания народа. Может быть, они в конце концов просто привыкли к этому позорному положению?

В XIV веке уже начало проявляться новое отношение к татарам. Правда, им по-прежнему делали уступки князья, по-прежнему хлопотали о своих делах в Орде и беззастенчиво чернили при этом своих соперников, кланчили у ханов военную помощь для своекорыстных целей. Однако теперь суздальские правители действовали с большей целеустремленностью и разумом. Сделки с татарами заключались уже не просто с целью снискать расположение или

устранить соперника, но и прочнее укорениться, с тем чтобы обезопасить себя от татарских набегов и прекратить междоусобицы феодальные свары. Делалось это не без искусства и расчета и приносило успех. Многие изменилось в начале 30-х годов XIV века, когда Москва выиграла борьбу за верховное положение. После 1331 года татары больше никогда не подстрекали русских князей к соперничеству. Москва получила возможность процветать и направлять свои силы на сопротивление Литве. И только в конце 70-х годов XIV века «оборонительные» настроения русских по отношению к татарам сменились на активно наступательные. Москва стала силой, способной противостоять Золотой орде на равных — или почти на равных — условиях.

В начале XIII века наблюдателю из Суздальской земли могло показаться, что все те обширные земли, которые в прошлом составляли Киевское государство, можно каким-то образом удержать вместе. Великий князь владимирский, по представлению многих, был деятелем, способным остановить усугубление раздробленности, угрожавшей Руси в течение большей части XII века. Правда, и в первые годы XIII столетия Смоленск, Чернигов, Волынская и Галицкая земля были втянуты в казавшуюся бесконечной борьбу за контроль над Киевом и югом Руси. Но на Южную Русь вездесущий Всеволод III из Владимира оказывал сильное влияние. Он был признан и уважаем южнорусскими князьями, даже внушал им страх, и часто оказывался главным действующим лицом при разрешении их конфликтов. Это позволяло добиваться некоторого равновесия в соотношении сил, но не более того. Со смертью Всеволода III в 1212 году влияние великого князя владимирского на Южную Русь как будто испарилось. Сыновья Всеволода III — Константин и Юрий, всецело захваченные борьбой за власть на севере Руси, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на события в Киеве, Чернигове и Смоленске. В течение двадцати с лишним лет на южные княжества не влияла политика великих князей владимирских. Стабильность положения достигалась благодаря ловкости и сплоченности Ростиславичей и закату Ольговичей. Что касается Волынской и Галицкой земель, то ни Ольговичи, ни Ростиславичи, если не считать временных территориальных приобретений, успеха не имели. Не удалось было сбыться и далеко идущим планам Даниила Романовича объединить Киев и Галицкую землю. После 1212 года Юго-Западная Русь постепенно отпала и от Киева, и от Суздальской земли.

Окончательный разрыв отношений севера и юга Руси произошел во время татарского нашествия. После 1240 года, если не считать sporadических перемещений митрополита между его престолом в Киеве и Владимиром на Клязьме, Суздальская земля фактически не имела связей с Киевом и Черниговом. А после распада в начале 50-х годов XIII века недолгого союза между Даниилом Романовичем и Андреем Ярославичем Волынская и Галицкая земли разорвали все отношения с севером: их будущее было связано со странами Восточной Европы.

После татарского нашествия только одному из южнорусских регионов удавалось вести хоть и ненадежную, но свою собствен-

ную жизнь — речь идет о Рязанском княжестве. Каким-то чудом оно не было поглощено Литовским государством заодно с Киевом и Черниговским княжеством. Не удалось присоединить его целиком и Москве, и Рязань сохраняла свою независимость до XVI века. Так или иначе, Рязанскому княжеству удалось пережить XIV столетие, претерпевая бесчинства татарских войск, проходивших через его территорию на север.

В XIV веке разрыв между севером и югом Руси еще не исчез. Вся Южная и Юго-Западная Русь находилась вне сферы влияния Москвы и Твери. Район за районом Южная Русь, от Волынской и Галицкой земель на западе до Киева, Чернигова и Южного Переяславля на востоке, перешла в «объятия» Литвы и Польши, а затем очень медленно, болезненно, по частям возвращалась обратно Московским государством в ходе следующих столетий.

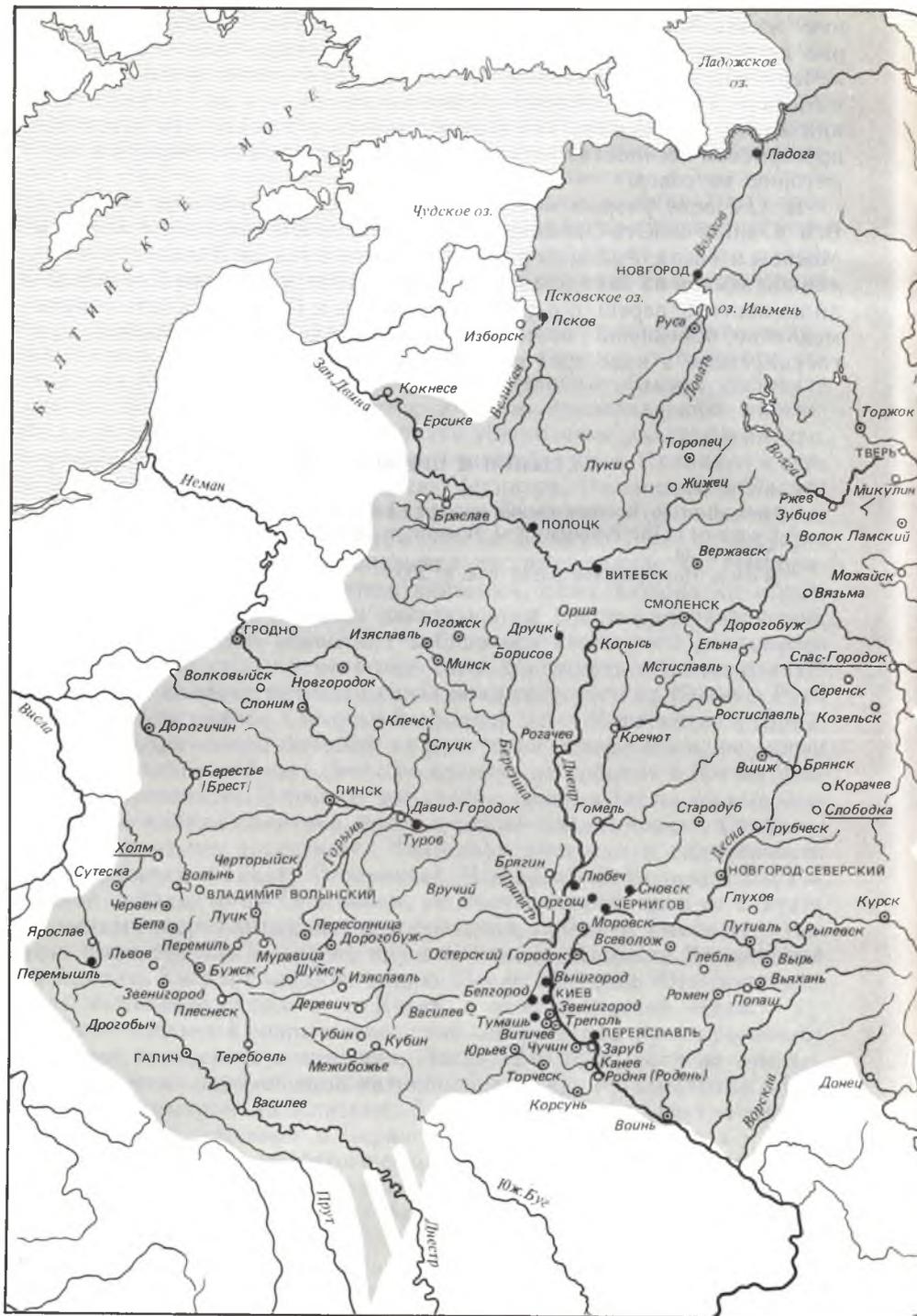
ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несколько иную точку зрения см.: Stokes. The System of Succession.

² Feppell. The Emergence of Moscow, p. 306; ДДГ, с. 22.

³ ДДГ, с. 34.

⁴ Янин. Новгородские посадники, с. 200.



Ладожское оз.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЬЕ

Чудское оз.

новгород

Псковское оз.

оз. Ильмень

Волга

Зан-Двина

Кокнесе

Ерсике

Вешкакс

Псков

Руса

Домья

Луки

Торопец

Жичеи

Торжок

ТВЕРЬ

Ржев

Зубов

Микулин

Волок Ламский

Неман

Брслав

полоцк

Витебск

Вержавск

Можайск

Вязьма

Гродно

Изяславль

Минск

Логожск

Друцк

Орша

Копьсь

Смоленск

Ельня

Мстиславль

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Волковыйск

Слоним

Новгородок

Дорогичин

Берестье (Брест)

Холм

Сутеска

Червен

Бела

Львов

Перемышль

Звенигород

Дрогобыч

Плеснеск

Галич

Теребовль

Василев

Клечск

Слуцк

Пинск

Давид-Городок

Туров

Вручый

Брянск

Триглава

Остерский Городок

Белгород

Василев

Тумаиш

Юрьев

Торческ

Курсунь

Войнь

Розачев

Кречют

Гомель

Стародуб

Трубческ

Любеч

Оргош

Моравск

Всеволож

Вышгород

киев

Звенигород

Треполь

Витичев

Чучин

Заруб

Канев

Родня (Родень)

Борисов

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Ельня

Мстиславль

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Путчалы

Рылевск

Глебль

Вьяхань

Поляцк

Донец

Торопец

Жичеи

Ржев

Зубов

Волок Ламский

Можайск

Вязьма

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Торопец

Жичеи

Ржев

Зубов

Волок Ламский

Можайск

Вязьма

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Торжок

ТВЕРЬ

Микулин

Волок Ламский

Можайск

Вязьма

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Торжок

ТВЕРЬ

Микулин

Волок Ламский

Можайск

Вязьма

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Курск

Торопец

Жичеи

Ржев

Зубов

Волок Ламский

Можайск

Вязьма

Смоленск

Дорогобуж

Спас-Городок

Серанск

Козельск

Брянск

Корачев

Слободка

Трубческ

Новгород Северский

Глухов

Торопец

Жичеи

Ржев

Зубов

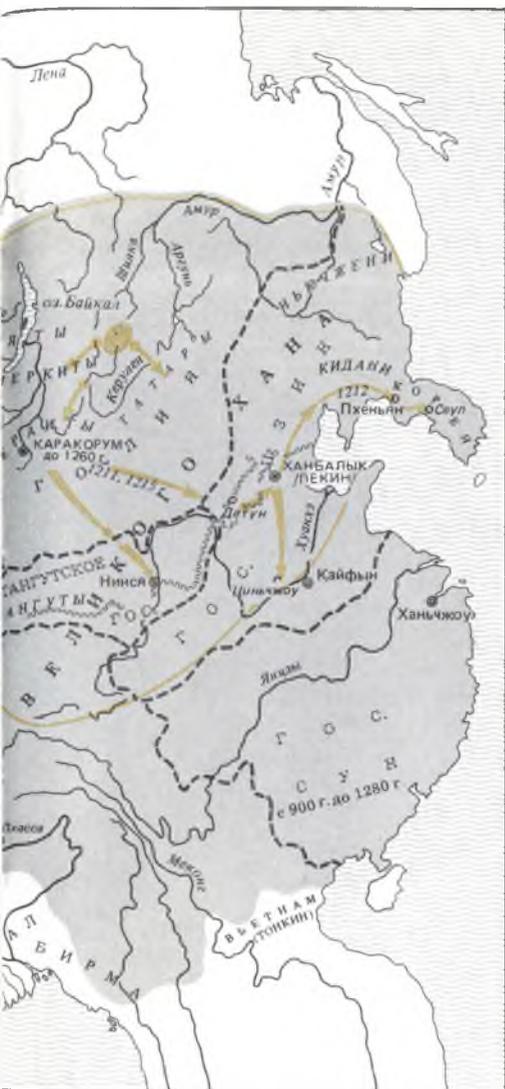
ОСНОВНЫЕ РУССКИЕ ГОРОДА XIII В.
(составлена на основании карты А. В. Кузы)



-  Территория Руси
-  X в. — начала XI в.
-  XI в. — начала XII в.
-  середины XII-XIII вв.
- ГОРОДЕЦ Столицы русских княжеств и земель XIII в.
- Устюг Прочие города
- Ростов Городища

НАРОДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ В XIII В. И ПОХОДЫ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК ДО 1236 Г.

(составлена на основании карты И. А. Голубцова)



 Территории монгольских государств (улусов) XIII в.

Примерные границы

 монгольских улусов

 государства найманов

 владений Чингис хана ко времени его смерти

 русских княжеств

 Примерные границы и названия государств, завоеванных монголами

 Примерный район кочевий Темучина (до курултая 1206 г.)

Основные завоевательные походы

 Чингис хана (Темучина)

 его сыновей и полководцев

 Великая китайская стена

● САМАРКАНД Столицы монгольских государств в XIII в.

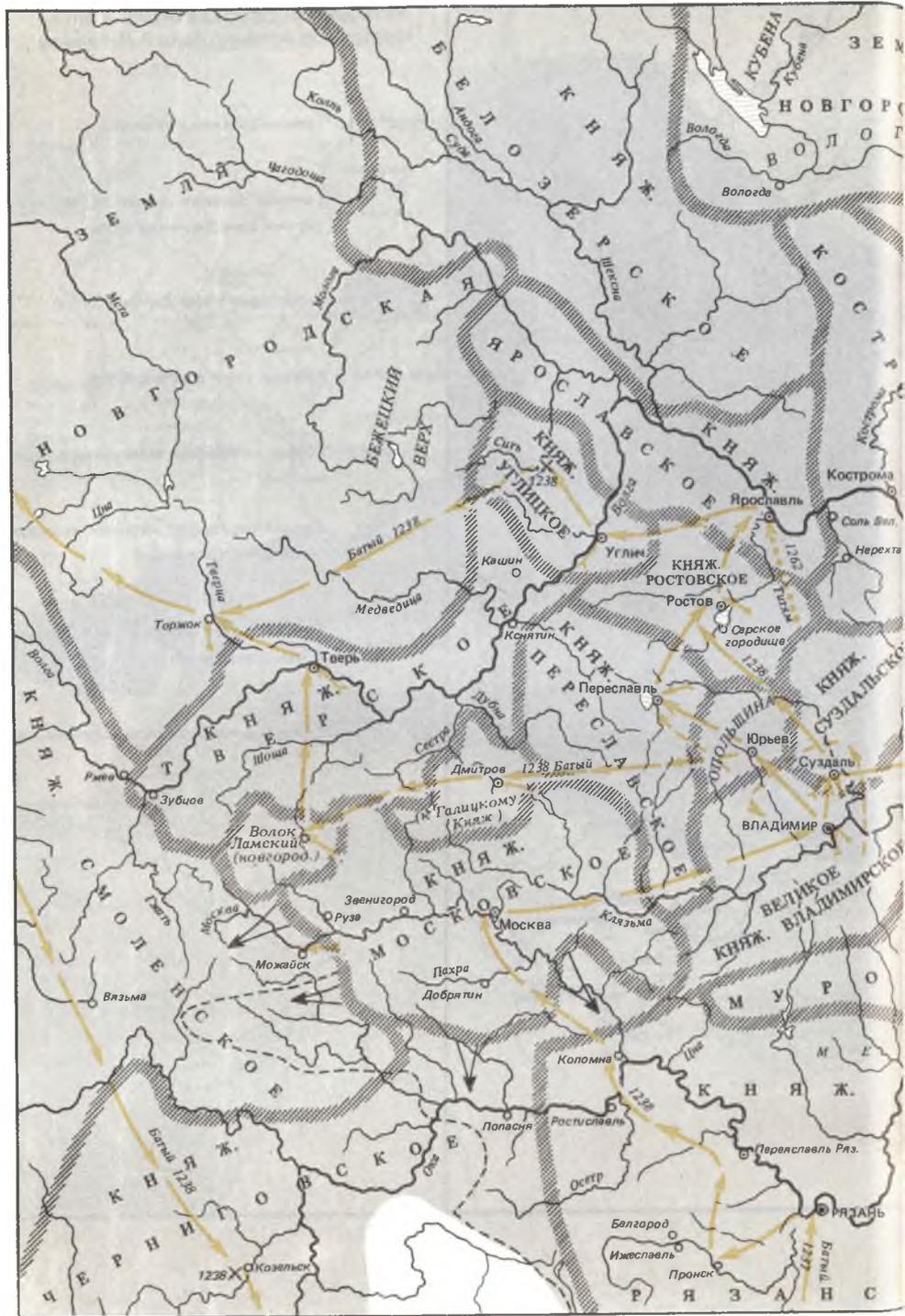
◎ Кашгар Столицы государств, завоеванных монголами

○ Дели Прочие города

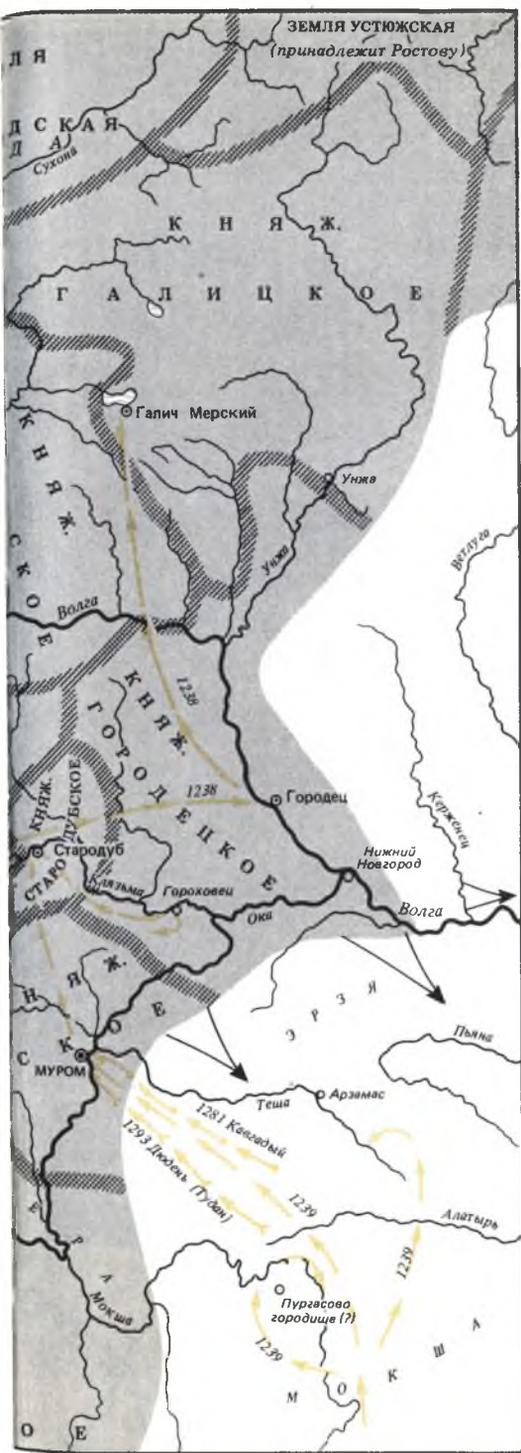
× Место битвы на р. Калке

KIRGIZY Названия племен и народов





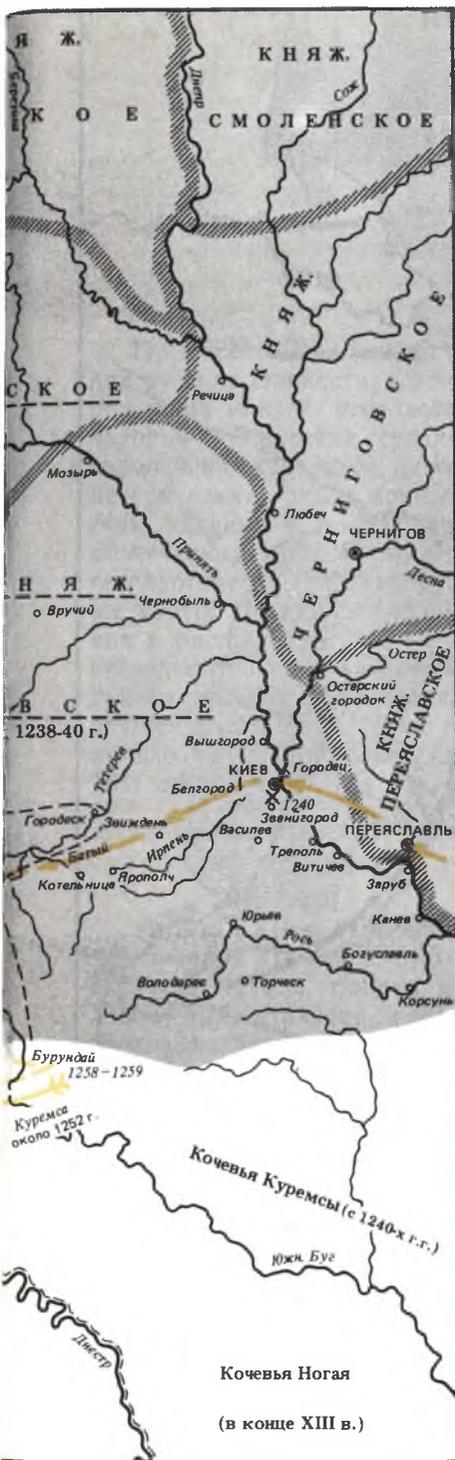
**СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ С 1200 Г. ДО 1305 Г.
И МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ**
(составлена на основании карты И. А. Голубцова)



-  Территория Северо-Восточной Руси перед монгольским нашествием
-  Границы русских княжеств и земель
-  Основные направления расширения границ северо-восточных княжеств
-  Границы территории, захваченной рязанскими князьями
-  Владимир Столицы русских княжеств, существовавших до XIII в.
-  Ростов Центры земель, а также столицы княжеств, возникших в XIII в.
-  Руза Прочие города
-  Основные походы
-  Батия в 1237-1238 гг.
-  Монголов на мордовские земли в 1239 г.
-  Неврюя в 1252 г.
-  приход посла Титяма на Ярославль в 1262 г.
-  Кавгадыя в 1281 г.
-  Дюденыя в 1293 г.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ И МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.

(составлена на основании карты И. А. Голубцова с поправками Н. Н. Коринного)



-  Территория Южной Руси перед монгольским нашествием
-  Границы русских княжеств и земель
-  Границы временных владений князя Даниила Романовича
- КНЯЖ.** Княжества, находившиеся в зависимости от князя
- КИЕВСКОЕ** Киевского князя Даниила Романовича

Римскими цифрами обозначены составные части Волынской земли

- I — земля Берестейская
- II — собственно Волынское княжество
- III — земля Червенско-Холмская
- IV — земля Бельзская
- V — княжество Луцкое

 Территория Литовского княжества к концу княжения Миндовга (1263г.)

 Граница Полоцкого княжества с Литвой до завоевательных походов Миндовга

 Границы государств в 60-х годах XIII в.

 Границы удельных княжеств и земель

-  КИЕВ Столицы русских княжеств
-  Бельз Центры составных частей Волынской земли
-  Туров Крупные города
-  Брянск Прочие города

Примечание. Подчерком показаны города, в которых были разрушены укрепления по требованию Бурундая в 1259 г.

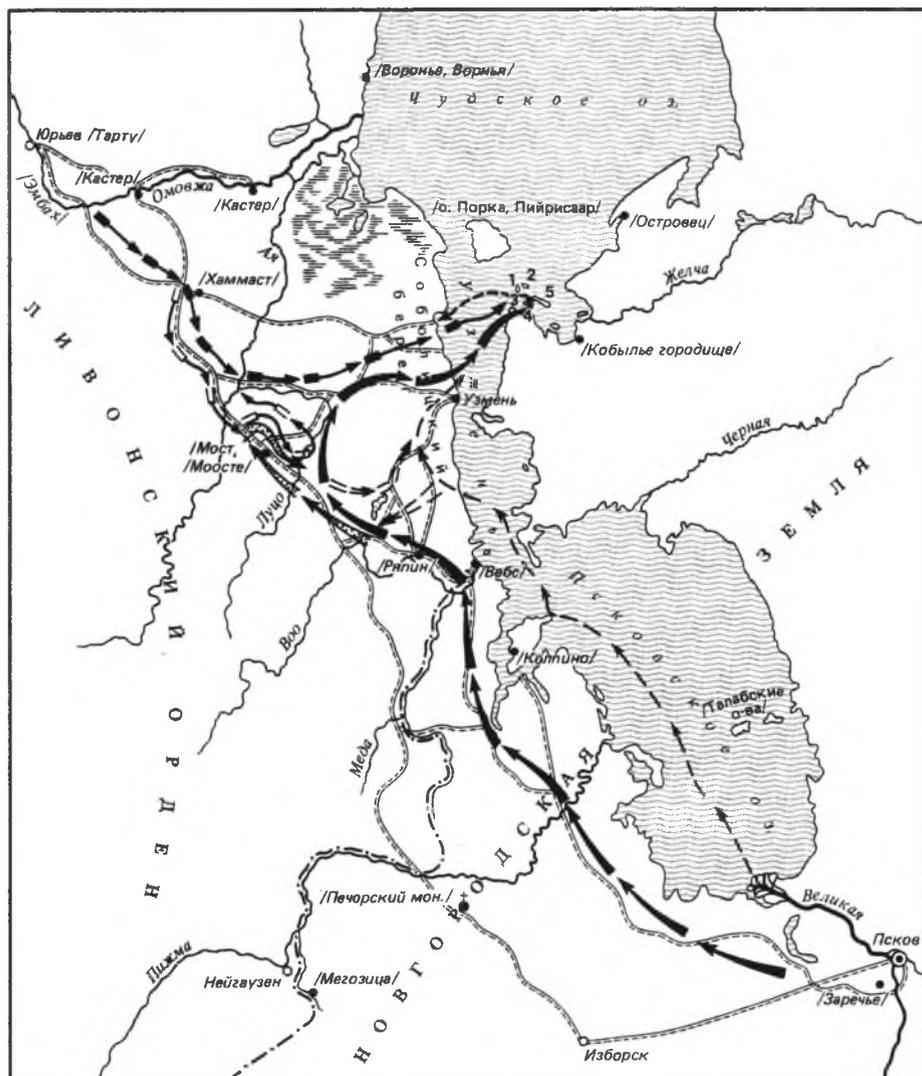
Основные походы

-  Батя в 1240 г.
-  возвращение Маимана и Балая из Венгрии в 1242 г.
-  Куремсы около 1259 г.
-  Бурундая и русских войск в 1258 г. и 1259 г.
-  литовских войск
-  венгерских войск и частей галицких бояр
-  польских князей

 1242 Места и даты важнейших сражений

 Балтийско-Черноморский речной путь (с ответвлениями)

Кочевья Ногай
(в конце XIII в.)



ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ 5 АПРЕЛЯ 1242 Г.
(составлена на основании карты И. А. Голубцова)



Предполагаемое направление похода войск Александра Невского



Примерное движение русского разведывательного отряда



Примерное направление движения немецких главных сил



Движение немецкого разведывательного отряда



● /Вебс/ Населенные пункты, их названия и дороги по позднейшим данным



Возможное иное направление похода войск Александра Невского и его разведки к "мосту"

Острова в районе сражения /позднейшие названия/:

1 — Лежнец, 2 — Озерец, 3 — Станок, 4 — Вороний, 5 — Городец

ПРИЛОЖЕНИЯ

Профессор Дж. Феннел посвятил свою книгу политической истории русских княжеств, и основная канва событий — войны, смерти и рождения князей, посольства и разделы наследства — почерпнуты автором из русских средневековых летописей, записок западноевропейских хронистов, путевых заметок католических миссионеров и исторических трудов монгольских и арабских писателей. В английском издании к тексту книги приложены справочные материалы, облегчающие труд читателя: краткие аннотации русских летописей, генеалогические таблицы русских князей и монгольских ханов, а также карты. По нашему мнению, справочный раздел требует уточнения и расширения, для того чтобы, во-первых, полнее представить исследовательскую лабораторию автора, описав весь комплекс материалов, на которых построена книга, и, во-вторых, указать источники, опущенные автором. Ниже приводятся краткие характеристики различных групп источников, содержащих сведения по истории Руси XIII столетия.

1. Летописи

События XII в. записывались в нескольких независимых центрах летописания Южной, Юго-Западной, Северо-Восточной Руси и в Новгородской земле, однако в последующее время часть летописей XIII в. была утрачена, а некоторые, влившись в состав позднейших сводов, подверглись существенному редактированию. Исследователи летописания — А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье, а в недавнее время и Б. М. Клосс — предложили в целом сходную, но различающуюся в частности реконструкцию русского летописания XIII в.¹ Их построениям и следует Дж.

¹ Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; его же. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Л., 1985, т. 40, с. 190—205. Составители комментария выражают признательность Б. М. Клоссу, позволившему использовать материалы своей подготовленной к печати в 1987 г. монографии: Клосс Б. М. Летописные памятники Древней Руси XII—начала XV века (машинописный экземпляр).

Феннел. В основе книги — известия севернорусской Лаврентьевской и южнорусской (галицко-волынской) Ипатьевской летописи. Дж. Феннел, повторяя гипотезу М. Д. Приселкова, выделяет в Ипатьевской семейную летопись Рюрика Ростиславича 1200 г. и Галицко-Волыньскую летопись 1200—1292 гг. Менее обоснованы мысли Дж. Феннела о составе Лаврентьевской летописи на протяжении XIII в.: автор видит в ней сумму личных летописцев великих князей Северо-Восточной Руси, тогда как существует более доказательное построение А. Н. Насонова, выделившего в составе Лаврентьевской общерусский свод 1281 г. Ошибается Дж. Феннел и в ссылке на «владимирские фрагменты» 1207—1220 гг., обнаруженные в Лаврентьевской летописи А. Н. Насоновым: на эти отрывки владимирского летописания впервые обратил внимание А. А. Шахматов, причем владимирские известия простираются не до 1220 г., а до 1234 г.

В отдельных случаях Дж. Феннел восполняет пропуски или умолчания Лаврентьевской летописи на основании Московского летописного свода конца XV в. по Уваровскому списку. Подобное обращение с материалом оправдывается гипотезой А. Н. Насонова, обнаружившего в одном из источников Московского свода — в «своде митрополитов Феодосия — Филиппа» — использование владимирского свода первых десятилетий XIII в. Однако без систематического привлечения родственных Московскому своду летописей — Вологодско-Пермской, Свода 1479 г., Софийской I, Никаноровской, Типографской и др., что позволило бы убедительнее обосновать достоверность приводимых фактов, — уникальные сведения Московского свода за XIII в. продолжают вызывать подозрения и могут оказаться дополнениями позднейших сводчиков. К сожалению, автором не привлечены летописи, отразившие владимирские своды XIII в. и могущие скорректировать известия Московского свода конца XV в.: русские дополнения к «Летописцу вскоре», Типографская, Рогожская; лишь однажды и без указания на время происхождения процитировано сообщение Устюжского летописного свода. Дж. Феннел не обратил внимания на наблюдения А. А. Шахматова, отметившего общие чтения Типографской и Лаврентьевской летописей до 1262 г.

С доверием цитирует автор книги сообщения В. Н. Татищева, не имеющие аналогий в летописях XV—XVI вв. Вопрос о достоверности татищевских известий давно обсуждается учеными, видящими в Татищеве то историографа, дополняющего и самостоятельно толкующего летописные факты, то летописца, компилирующего безусловно достоверные известия летописей XVII в. Если принять в расчет наблюдения С. Л. Пештича и новейшие исследования Б. М. Клосса, основным источником В. Н. Татищева за XIII в. следует признать позднейший Ермолаевский список Ипатьевской летописи, и в таком случае факты «Истории», дополняющие рассказ Ермолаевского списка, нуждаются в строжайшей проверке.

Охарактеризуем важнейшие летописные памятники, используемые в книге Дж. Феннела.

Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, т. 1; далее: *Л*)

Это пергаменная рукопись, законченная перепиской 20 марта 1377 г. Основной писец — монах Лаврентий, работавший по заказу суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. Статьи *Л* обрываются на 1305 г., что дало основание М. Д. Приселкову предположить, что *Л* — копия свода тверского князя Михаила Ярославича, занявшего владимирский великокняжеский стол в 1305 г.

Дж. Феннел лишь в самой общей форме пишет об источниках *Л*, выделяя для XIII столетия известия официальной владимирской великокняжеской летописи и местные ростовские записи. М. Д. Приселков считал ростовский источник *Л* ростовским сводом 1239 г., А. Н. Насонов называл основным источником *Л*, объединившим владимирские и ростовские известия, свод 1281 г., Я. С. Лурье объединение владимирских и ростовских летописцев датирует концом XII — началом XIII в. Б. М. Клосс предлагает выделять три источника свода 1305 г.: владимирскую летопись 30-х годов XIII в. (отразилась в *Л* в статьях 1205—1234 гг.), ростовскую летопись второй половины XIII в. и новгородскую летопись XIII в. (повлияла на известие 1204 г. о взятии крестоносцами Константинополя и на повесть о битве на Калке, опущенную в *Л*, но известную по Троицкой летописи). Три этих источника, согласно гипотезе Б. М. Клосса, были объединены владимирским сводом 1282 г., который создавался при ростовской кафедральной церкви Успения Богородицы.

Дж. Феннел отмечает, что в *Л* включены статьи южнорусского источника (до 1240 г.), близкие к тем, что использованы в Ипатьевской летописи. Эта связь была впервые замечена А. А. Шахматовым, который объяснял ее перекрестными влияниями южнорусского и севернорусского летописаний XII—XIII вв., а также отражением в *Л* и Ипатьевской источника начала XIV в. Впрочем, вторую гипотезу убедительно опроверг М. Д. Приселков.

В известиях *Л* о событиях XIII столетия обнаруживаются пропуски за 1203—1205, 1263—1283 и 1283—1294 гг., которые могут быть восполнены на основании реконструированной М. Д. Приселковым Троицкой летописи, так же как и *Л*, основанной на своде 1305 г.

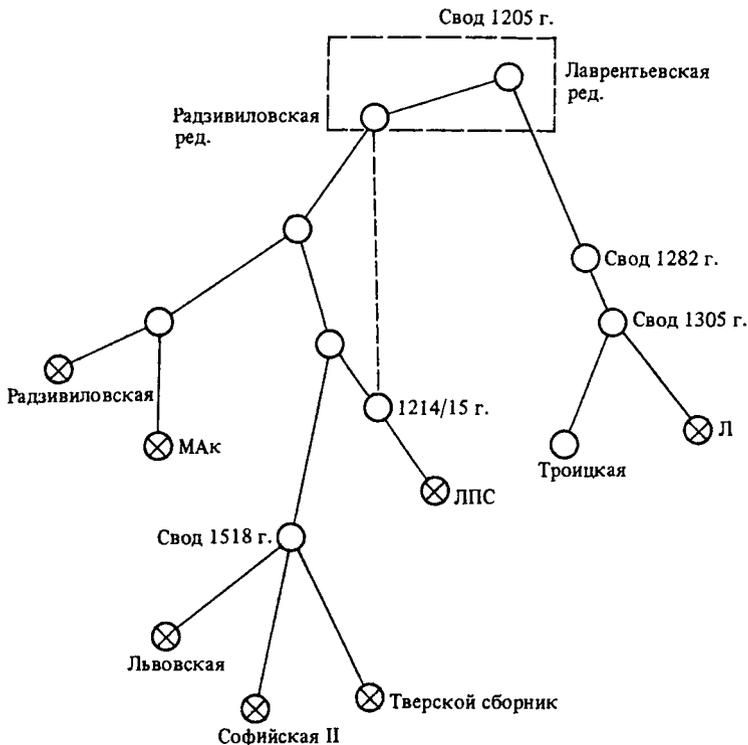
Ипатьевская летопись (ПСРЛ, т. 2; далее *Ипат*)

Ипатьевская летопись содержит три различных компонента: «Повесть временных лет» (до 1117 г.), южнорусский Киевский свод (до 1200 г.) и Галицко-Волынскую летопись (1201—1292 гг.). Соединение галицко-волынского летописания с Киевским сводом 1200 г., возможно, было произведено во Владимире Волынском (наблюдения И. П. Еремина). Заключительные записи *Ипат* посвящены истории Турово-Пинского княжества, т. е., как предполагал А. Н. Насонов, летопись редактировалась в Турово-Пинской земле.

Свод 1200 г., по гипотезе А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, был составлен игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем и, по мысли М. Д. Приселкова, являлся великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича. М. Д. Приселков делит этот свод на три предшествующих летописца: семейную хронику Ростиславичей (1173—1200), летописец князя Южного Переяславля Владимира Глебовича (дovedен до 1187 г.) и черниговский летописец князя Игоря Святославича (1198 — 40-х годов XIII века).

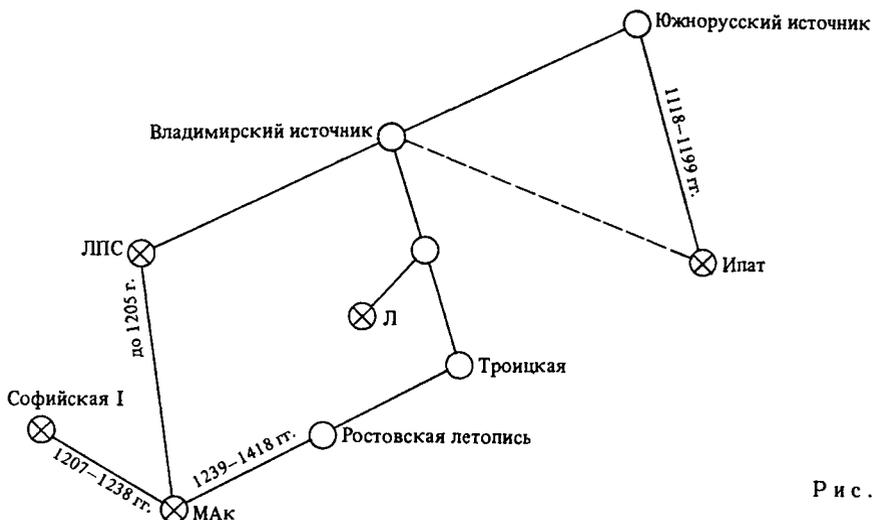
Летописец Переяславля-Суздальского (изд. 1851 г., далее: *ЛПС*)

Летописец сохранился в списке 60-х годов XV в. (дата установлена Б. М. Клоссом), созданном в юго-западных землях. *ЛПС* включает статьи 1138—1214 гг. Дж. Феннел считает, что текст *ЛПС* особенно близок известиям *Л*, однако, как заметил А. А. Шахматов, *ЛПС* теснее связан с Радзивилловской летописью. А. А. Шахматов выявил и черты вторичности *ЛПС* и Радзивилловской по сравнению с *Л*. Б. М. Клосс в неопубликованной работе 1987 г. обосновывает гипотезу о том, что *Л* и *ЛПС* восходят к разным редакциям свода 1205 г., составленным в окружении великого князя Всеволода Большое Гнездо. Стемма Б. М. Клосса: (Рис. 1)

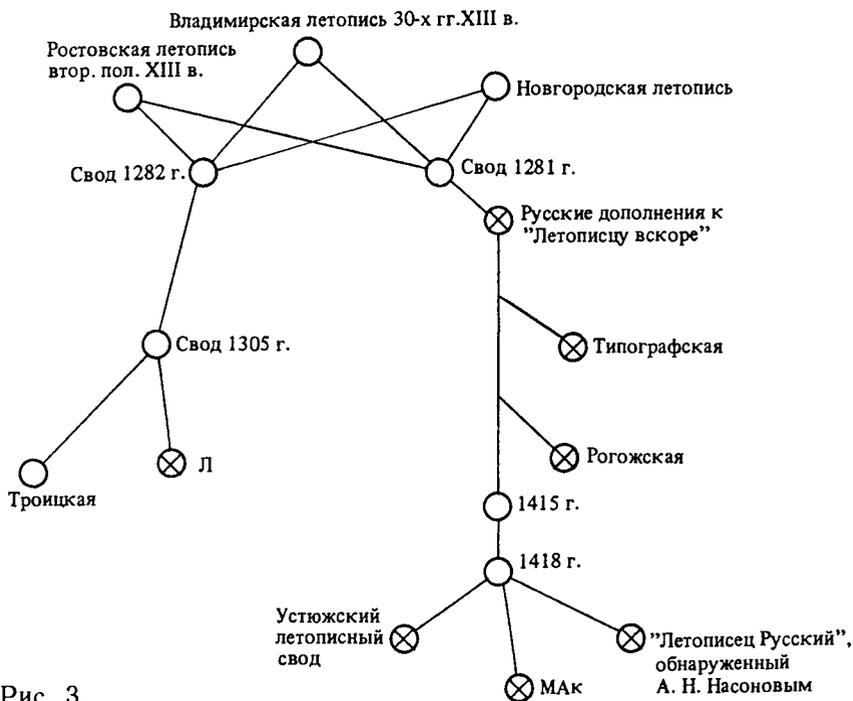


Московско-академическая летопись (ПСРЛ, т. 1, вып. 3, изд. 1928 г.,
далее: МАК)

МАК доведена до 1418 г., и до 1205 г. включительно ее известия сходны с ЛПС. А. А. Шахматов установил, что до 1205 г.



Р и с . 2



Р и с . 3

МАК восходит к общему с Радзивилловской летописью протографу, затем, с 1207 до 1238 г., *МАК* содержит статьи, извлеченные из старшей редакции Софийской I летописи. Известия 1239—1418 гг. составляют фрагмент сокращенного ростовского летописного свода.

Дж. Феннел предлагает читателю стемму, определяющую соотношение ранних летописных сводов. (Рис. 2)

Приведем стемму, предложенную Б. М. Клоссом для объяснения взаимосвязи ростовских известий XIII в. в последующих сводах. (Рис. 3)

Новгородская первая летопись (изд. 1950 г., далее: *НПЛ-Н1*)

Н1 в своей основе содержит летопись, ведущую в канцелярии новгородского епископа (впоследствии архиепископа). Известны два извода *Н1* — старший, доведенный до 30-х годов XIV в. (утрачены известия до 1016 г., 1273—1298 гг.), и младший, продолженный до 40-х годов XV в. (свод 1432 г. с последующими дополнениями вплоть до 1446 г.). В изложении событий XIII в. оба извода близки, однако можно предположить, что младший извод сохранил более ранний вариант текста, использованный при составлении летописи старшего извода.

Гипотетический свод 1448 г.

А. А. Шахматов предположил существование этого свода, составленного на основе новгородского свода 1421 г. и московского митрополичьего свода 1421 г. Условная дата 1448 г., принятая Дж. Феннелом, разделяется не всеми учеными; и сам А. А. Шахматов в своей более поздней работе определял время создания свода 30-ми годами XV в. Гипотеза о существовании свода 1448 г. кажется необходимой для объяснения сходства Новгородской IV и Софийской I летописей, однако более вероятным представляется существование свода первой половины 20-х годов XV в., повлиявшего на старшую редакцию Софийской I летописи и при ее посредстве отразившегося в Новгородской IV летописи.

Московский свод конца XV века (ПСРЛ, т. 25; далее: *М*)

Свод конца XV в. был опубликован М. Н. Тихомировым по рукописи Уваровского собрания ГИМ. При создании *М* использовался протограф Московского великокняжеского свода 1479 г. Свод 1479 г. объединил известия Софийской I летописи (Дж. Феннел осторожнее пишет о влиянии на свод 1479 г. источника Софийской I — гипотетического свода 1448 г., хотя и допускает использование непосредственно Софийской I) и статьи Московского великокняжеского свода 70-х годов XV в. Свод 70-х годов XV в. отразился также в позднейших Ермолинской, Никоновской (1526—1530 гг. — дата установлена Б. М. Клоссом), Львовской (ок. 1560) летописях и в Тверском сборнике.

Дж. Феннел предлагает такую стемму, демонстрирующую взаимоотношение летописей XV в. (Рис. 4)

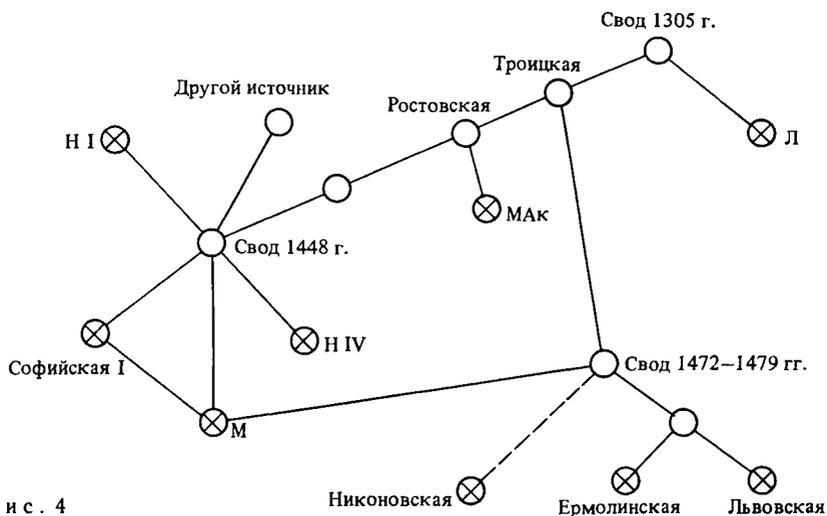


Рис. 4

Я. С. Лурье несколько по-иному представляет соотношение М и родственных сводов. (Рис. 5)

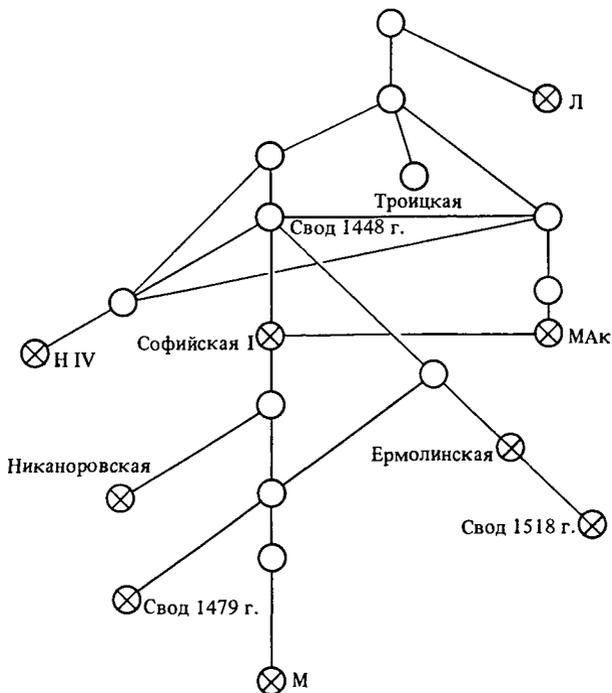


Рис. 5

В книге Дж. Феннела важное место занимают уникальные известия об истории XIII столетия, сохранившиеся в «Истории» В. Н. Татищева 30—40-х годов XVIII в. С. Л. Пештич предположил, что основной комплекс известий Татищева за XIII в. был извлечен из позднейшего списка Ипатьевской летописи, хранившегося в библиотеке князей Голицыных — так называемого Ермолаевского списка начала XVIII в. В неопубликованной монографии 1987 г. Б. М. Клосс окончательно обосновал тезис С. Л. Пештича и показал, что Ермолаевский список восходит к южнорусскому своду конца XIII в. через промежуточные звенья: протограф списка Яроцкого 1651 г., протограф Хронографа Пантелеймона Кохановского 1681 г., Хлебниковский список *Ипат* (последнее обстоятельство установлено А. А. Шахматовым). Другую, отличную от Хлебниковского списка версию свода конца XIII в. сохранил древнейший Ипатьевский список летописи.

2. Западноевропейские, восточноевропейские и восточные хроники

Нарративные источники восточного и европейского происхождения содержат разнообразную информацию о международных отношениях Руси как с ее северо-западными, западными и юго-западными соседями, так и с восточными, а с 1238 г. — с Монгольской империей.

Дж. Феннел выбирает из них наиболее эффектные фрагменты, так сказать, «лакомые кусочки», в связи с собственными представлениями о ходе исторического развития этого времени. Так, в «Хронике» Генриха Латвийского он обнаружил не картину тесных политических связей Западной Руси с народами Прибалтики, о чем свидетельствует существование русских княжеств в Кокнезе и Герцике, но лишь русские заставы в этих пунктах. Подчеркивает он и «катастрофическую» раздробленность Полоцкой земли, о чем якобы тоже сообщает этот хронист.

У восточных авторов Дж. Феннел ищет и, естественно, находит многочисленные сведения относительно военного искусства монголов, их стратегии, тактики осады городов, ведения боя. Данные же относительно политики по отношению к населению захваченных стран не привлекли его внимания. Может быть, отсутствием интереса к этой теме объясняется игнорирование им сообщений «Сокровенного сказания» о назначении наместников в покоренных землях. В 5-й главе книги он вообще обходится без свидетельств восточных авторов, рисующих яркую картину безжалостного уничтожения населения, в условиях которого становилось невозможным сопротивление захватчикам.

Обосновывая тезис о кризисе Руси в XIII в., Дж. Феннел выпускает из поля зрения и те западные источники, которые содержат сведения об участии Руси в международных отношениях Европы

середины XIII в., в том числе и так называемую Великопольскую хронику.

Комплекс иностранных хроник о Руси и ее международных отношениях XIII в. весьма разнообразен и пестр — по языку, употребляемой авторами письменности и т. д. Если европейские авторы вне зависимости от их этнической принадлежности пользовались латынью (это и Альберик из аббатства Трех источников, и Генрих Латвийский, и итальянец Плато Карпини, и француз Рубрук, и анонимный составитель Великопольской хроники), то их азиатские современники или более поздние авторы, писавшие на арабском, персидском, китайском языках, пользовались арабской, уйгурской, китайской письменностью. Иногда монголоязычные памятники сохранялись в китайской транскрипции.

В обзоре хроники расположены в хронологическом порядке их создания, указывается автор, источники сведений — предполагаемые или точно известные, — основные издания и переводы.

«Хроника Ливонии» Генриха Латвийского¹

«Хроника Ливонии» — панегирик «христианским» (читай: немецким) завоевателям ливов, леттов и эстов и главе их — епископу Альберту. Охватывает время деятельности последнего, т. е. конец XII в. — 1225 г. Хроника написана в конце 1225 — апреле 1226 г. Последняя глава — о покорении Эзеля — добавлена в 1227 г.

Создание хроники приписывается некоему священнику Генриху «из леттов», что дало основание называть его латвийским. Вопрос о его этнической принадлежности до конца не решен, но о его занятиях убедительно говорит поразительная начитанность в Священном писании, цитатами из которого наполнена хроника. Свидетель, участник и апологет «обращения» и покорения прибалтийских народов, Генрих пишет в основном на основе собственных впечатлений. Хроника полна реалистических деталей завоевания страны, основания «Братства рыцарства Христова» (позднее названного Орденом меченосцев), сопротивления местных народов в союзе с русским. Очевидна давняя и прочная традиция связей этих народов с русским, длительность существования русских княжеств в Кокнезе (Кукенойсе) и Герцике. Помимо полоцкого князя Владимира, хронист упоминает и других русских князей.

«Сокровенное сказание»²

Написано в 1240 г., отредактировано в середине XIII в.³ в окру-

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938. Наиболее основательное издание хроники подготовлено Л. Арбузовым-младшим и А. Бауэром (Heinrich von Lettland. Chronicon Livoniae. Darmstadt, 1959).

² Сокровенное сказание. Пер. С. И. Козина. М., 1941.

³ Rachelwitz de J. Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols Monumenta Serica, 1965, v. 24, p. 185—206.

жении великих ханов для их собственного пользования или для близких. Автор или авторы опирались на устные предания рода Чингис-хана. Сочинение, носившее панегирический характер по отношению к Чингис-хану, служило не только для прославления основателя династии, но и для воспитания новых ее членов-чингисидов. Рисуя идеальный образ правителя, мудрого и жестокого, авторы не скрывали и его слабостей и недостатков, надеясь, что и на опыте его недостатков можно воспитать достойного правителя. Сказание содержит изложение кодекса чести, судебных и военных установлений, очерк организации государства при Чингис-хане, характеристику политики по отношению к покоренным народам, в том числе и русскому.

Монгольский текст, написанный, как полагают, уйгурицей, во второй половине XIV в. был транскрибирован китайским алфавитом. Тогда же был сделан и сокращенный свободный перевод на китайский язык (Юан-Чао пи-ши — «Тайная история династии Юань»⁴), монгольской династии в Китае (1280—1368), восходящей к внуку Чингис-хана Кубилаю. При династии Минг (1368—1644) была сделана и получила широкое распространение переработка «Сокровенного сказания» в пособие для обучения китайцев монгольскому языку. Одновременно «Сказание» вошло в сборник под названием «Хуа-ии ии-ию», включавший ряд монгольских документов и словарь. В XVII в. «Сказание» было широко использовано в «Алтан тобчи» — «Золотой летописи» Любшана Данджана, написанной на монгольском языке (§ 1—176, 208—265). Впервые оно издано на китайском языке в 1847—1848 гг., в 1866 г. переведено на русский Палладием Кафаровым. В настоящее время существуют переводы почти на все европейские языки. Однако текст П. Пеллиу, которым пользовался Дж. Феннел, доведен лишь до § 185. Вероятно, поэтому и оказались пропущенными сообщения «Сокровенного сказания» о монгольской политике на Руси.

Иоанн де Плано Карпини. «История монголов, именуемых нами татарами»

Один из основателей монашеского Ордена францисканцев, перуджинец Джованни де Плано Карпини, был направлен папой Иннокентием IV в Монголию, чтобы уточнить перспективы завоевательных начинаний монголов в Европе, с одной стороны, а с другой — для того, чтобы попытаться обратить хана в католичество. Рассказ о путешествии в Монголию (Карпини 16 апреля 1245 г. по-

⁴ Иванов А. И. Походы монголов в Россию по официальной китайской истории Юань-ши. — Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Пг., 1914, т. 3, с. 18—19, Pelliot P. Histoire secreete des Mongols. Paris, 1949; The Secret History of the Mongols By Fr. Woodm. Cambr.-Mass., 1982; Tajna Historia mongolow. Anonimowa kronika mongolska z XIII w. Przel. z mong., wstp. i koment. opatrzył S. Kaluzinski. Warszawa, 1970; Heissig W. Die geheime Geschichte der Mongolen. Köln, 1981. «Сказание» переведено на чешский язык П. Поухи и на монгольский — Ц. Дамдисуреном.

кинул Лион и вернулся осенью 1247 г.) и о сделанных там наблюдениях создавался в течение всего пребывания Карпини на чужбине. Уже в ноябре 1247 г. первая редакция книги была готова. Назначенный архиепископом в Антивари Карпини умер там между 1248 и 1252 гг. (точная дата не установлена), успев до этого завершить вторую, более полную редакцию своего сочинения.

Описание самого путешествия местами приближается к дневниковым записям. Вместе с тем в сочинении Карпини, следовавшего методике схоластической науки средневековья, очень велика систематическая часть — о географическом положении Монголии, государственном устройстве страны, вере и нравах населявших ее народов и т. д. Чрезвычайно интересны его сведения о положении русских земель после нашествия, политических отношениях русских князей с монгольскими ханами, положении ремесленников и другого русского населения в ставке хана. К сожалению, большинство сведений Карпини осталось неиспользованным в книге Дж. Феннела.

На русский язык сочинение Плано Карпини переводилось дважды — Д. И. Языковым в 1825 г. и А. И. Малеиным в 1911 г.⁵ Научное издание со всеми разночтениями обеих редакций осуществлено К. Р. Бизли⁶.

Рассказы Плано Карпини первым записал монах К. де Бридиа⁷, а его спутника, францисканца Бенедикта из Польши, переданные Симоном де Сен-Квентином, — некий Винцент из Бовэ (Бовэзский), умерший в 1264 г. В четвертой части составленной последним энциклопедии «Великое зеркало» (*“Speculum maioris”*) книга Плано Карпини была отредактирована, и в нее были внесены дополнения Сен-Квентина⁸. Именно этот текст и был издан Д. И. Языковым.

⁵ Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам. Спб., 1825, т. 1; Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Спб., 1911. Перевод А. И. Малеина переиздан в 1957 г.: Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

⁶ Beazley C. R. *The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruk*. London, 1903. Sr.: Wyngaert van den P. A. *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracci, Firenze, 1929. О новых рукописях см.: Sinor D. *John of Plano Carpini's Return from the Mongols. New Light from a Luxemburg Manuscript*.— *Journal of the Royal Asiatic Soc. of Great Britain and Ireland*, 1957, p. 193—206; Schmitt C. *Une version abrégée de l'Historia Mongalorum*.— *Arch. Franc. Hist.*, 1972, v. 65, p. 368—388. Существует целая серия популярных изданий: *The Mongol mission*. New York, 1955 (этим изданием пользовался Дж. Феннел); *Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen*. Leipzig, 1930; *Jean de Plano Carpini. Histoire des Mongols*. Paris, 1965.

⁷ *The Vinland Map of the Tartar Relation*. New Haven, London, 1965. Ср.: Кнееркенса. *Randbemerkungen zum Text der „Hystoria Tartarorum“* C. de Bridia monachi. *Mittellateinisches Jahrbuch*, 1979, Bd. 14, p. 273—277.

⁸ Guzman G. G. *Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol*.— *Speculum*, 1971, v. 41, p. 232—249; I d e m. *Simon de Saint-Quentin as Historian of the Mongols and Seljuk Turks*.— *Medievalia et humanistica*, 1972, v. 3, № 3, p. 155—178; I d e m. *The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin* *Speculum*, 1974, v. 49, p. 287—307.

Вильгельм (Гийом) де Рубрук. «Путешествие в Восточные страны в лето благодсти 1253»

Францисканец-минорит Гийом де Рубрук (1215/1220 — ок. 1270), родом из Фландрии, участник шестого крестового похода, был направлен в Монголию французским королем Людовиком IX. Потерпев поражение при Мансуре и попав в плен к «неверным сарацинам», Людовик IX по возвращении стремился заключить союз с монголами против «врагов Христа» в Малой Азии. С этой целью и было организовано путешествие Рубрука. Путь в Каракорум Рубрук начал с Крыма — Солдайи (Сурожя, нынешнего Судака), затем попал в лагерь Сартака, откуда добрался до ставки Батыя, который и направил его к Мунке-хану в столицу. Описание путешествия Рубрук закончил к 1256 г., через год после возвращения в Аккру. Рубрук, по-видимому знакомый с сочинением Карпини, опускал многие детали путешествия, однако и его «Путешествие» содержит известия о русско-монгольских отношениях, положении русских в Империи⁹.

Матфей Парижский. «Великая хроника»

Монах бенедиктинского монастыря в Сент-Олбансе под Лондоном Матфей (ок. 1200—1259) продолжил анналы «Цветы истории», которые вел в том же монастыре Роджер из Вендовера (ум. в 1236). Он отредактировал текст с 1200 г. по 30-е годы, довел изложение до 1259 г. и приложил сборник документов, извлеченных им из Королевского архива. Матфей имел доступ к архиву в качестве участника многочисленных дипломатических миссий (в том числе от французского короля Людовика IX к королю Норвегии Хаакону VII в 1248 г.) и приближенного английского короля Генриха III (1234—1272). В архиве Сент-Олбанского монастыря хранилась одна из записей речи Петра (Акеровича?), предполагаемого игумена монастыря Спаса на Берестове под Киевом, сделанная, по-видимому, в Италии, куда Петр прибыл для переговоров с папой Иннокентием IV. Вторая запись речи — на самом Лионском соборе — хранилась в Бертонском монастыре. Несомненно, общее происхождение этих записей возможно, в первой из них просто было опущено сообщение о соборе. Впрочем, в литературе, посвященной этому вопросу, речь идет не о двух редакциях одной и той же речи, но о двух речах.

«Великая хроника» содержит многочисленные сведения о методах ведения монголами войны, их походе на Русь, в Польшу

⁹ Основные публикации см. выше. Кроме них см.: The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World. London, 1900; Herbst H. Der Bericht des Franciskaners Wilhelm von Rubruck über seine Reise in das innere Asiens in den Jahren 1253—1255. Leipzig, 1925. Der Mongolensturm. Bericht te von Augenzeugen und zeitgenossen, 1235—1250. Köln, 1985.

и Венгрию, политике монголов, в том числе и религиозной, в захваченных странах¹⁰.

«История завоевателя мира» Ала ад-Дин Ата Малик Джувейни

«История завоевателя мира»¹¹ — одно из наиболее ранних таджикско-персидских произведений, повествующее о внутреннем устройстве Монгольской империи, ее завоевательных походах. Автор широко информирован об этих событиях. Выходец из знатной семьи Хорасана, члены которой нередко и при сельджуках, и при хорезм-шахах занимали должность сагиб-диванов, ведавших финансами, Джувейни (1226—1283) не изменил традиции. С 1255 г. он принимал участие в управлении Хорасаном, а с 1255 г. единолично осуществлял власть хана Хулагу (до 1265 г.) и его преемника хана Абака над Багдадом, арабским Ираком (Нижней Месопотамией) и Хузистаном. Как и его отец, он поддерживал новую администрацию, пытаясь при этом сохранить целостность страны и преемственность местных особенностей, как политических, так и социально-экономических. В 1248 и 1252—1253 гг. Джувейни побывал в Каракоруме, у вдовы хана Гуюка — Огул-Гамиш и у хана Мунке. Участвовал в походе Хулагу на ассасинов в окрестностях Казвина.

Джувейни писал свою хронику в 1253—1260 гг. (о дате начала работы имеются упоминания в самой «Истории», описания событий после 1260 г. она не содержит). Несмотря на свойственную таджикско-персидской литературе XIII в., испытавшей влияние суфизма, общую тональность идеализации образа монарха — носителя добра и этикетность этого образа (на монарха переносятся черты эпического богатыря фольклорных легенд)¹², хроника Джувейни сохранила некоторые драгоценные подробности, притом вполне реалистические, монгольское нашествие. Правда, хроника лишена дат, что ее переводчик на английский язык Дж. А. Бойль объясняет сложными условиями, в которых творил автор (в основном во время длительных караванных переходов, урывками между административными занятиями и т. д.). По той же причине отсутствуют части текста, на которые ссылается сам Джувейни. И тем не менее его хроника имеет огромную цен-

¹⁰ *Mattheus Parisiensis. Chronica maiora.* L., 1877, v. 57, p. 4; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. В. И. Матузовой принадлежит и общий обзор литературы.

¹¹ Хроника Джувейни была очень поздно введена в научный оборот. Ее публикация на языке оригинала осуществлена лишь в XX в., а перевод на английский — в 1958 г. (*The Tarikh-i-gusha of Ala ud-din Ata Malik-i-Juwaini*, ed. by M. M. ibn Abdul-Wahhab-i-Qazwini. v. I—III. Leyden, London, 1912, 1916, 1937; *The History of the World Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini*, v. 1—2. Manchester, 1958).

¹² Подробнее см.: Муродов О. М., Полякова Е. А. Трансформация мифологических и легендарных образов в таджикско-персидских хрониках XI—XV вв. Душанбе, 1986, с. 57—82.

ность как источник по истории Монгольской империи и ее соседей в середине XIII в. Прежде всего укажем значение всех частей текста, где идет речь о Ясе (например, с. 32, 37, 609 и др. по изданию Бойля). К сожалению, до сих пор историками не достигнуто полной четкости в понимании Ясы Чингис-хана, поэтому и важны сравнительно ранние сведения Джувейни. Подробны сообщения о налоговой системе в Таджикистане, они важны не только для воссоздания истории этого региона (см. работы В. В. Бартольда), но и для понимания системы монгольского управления и обложения на Руси (в частности, это касается термина «тузгу» — ср. с. 609, 616). Несмотря на метафоричность «плачей» по городам, разрушенным в результате нашествия, выдержанных в стиле старинных народных заплачек-элегий¹³, а потому почти не содержащих конкретных характеристик этих городов, рисуемая автором картина передает ощущение ужаса, не изжитого, по-видимому, вплоть до конца 50-х годов XIII в.

Кратки, но своеобразны сообщения о первом походе на Русь 1223 г., его роли в покорении страны, особенностях ее завоевания (прокладке новых широких дорог, следы которых — укажем, кстати — на Руси сохранялись вплоть до XVI в.), тактике монголов и русских князей в это время, количестве погибших русских воинов и т. д. Наконец, характеристика методов правления отдельных ханов (в особенности Батыея) выбивается из общей схемы, названной Джувейни существовавшей традицией.

Основа для компиляции Рашид-ад-Дина, «История» Джувейни представляет огромный интерес для изучения монголо-русских отношений 40—50-х годов XIII в.

Хроника Альберика из аббатства Трех источников

Написана в 1260 г. в вышеназванном аббатстве, расположенном в округе Шалон-на-Марне. Наряду с фантастическими слухами, распространявшимися в Европе в первой четверти XIII в. относительно монголов и их завоевательной деятельности, содержит и некоторые достоверные сведения. Альберик полагал, что поход монголов, во главе которых якобы стоял царь Давид или пресвитер Иоанн, был закончен в 1222 г. На точном известии основано, по-видимому, его сообщение о битве на реке Калке. Довольно точно и его описание внешности монголов, правильно передан смысл титула великого хана, однако данные о вере и религиозных представлениях монголов неточны¹⁴.

Альберик получал информацию от аббата, позднее кардинала Якова из Пренеста, который в качестве папского легата посещал Венгрию. Провинциал (глава «провинции») венгерских домини-

¹³ Муродов О. М., Полякова Е. А. Указ. соч., с. 78.

¹⁴ *Chronica Alberici, monachi Trium fontium.*— MGH. Serie scriptores. Hannover, 1874, t. XXIII.

канцев Теодорих в 1228 г. был назначен «половецким епископом». Альберику было известно сообщение брата Юлиана, предостерегавшего в 1237 г. венгерского короля Белу IV и императора Фридриха II о грозящей опасности.

Фома Сплитский. «История салонских и сплитских архиепископов»

Местная история церковной истории Сплита, крупного центра в Далмации, написанная в 60-е годы XIII в. архидьяконом местного архиепископского капитула, содержит ряд драгоценных упоминаний о монгольском нашествии. Он знает и о кровопролитном сражении на реке Калке, и о мужественном сопротивлении русских в последующее время. Он подробно рассказывает об осаде города «Суздалия», который характеризует как «величайший город христиан». Ему известно, что город был взят «не столько силой, сколько коварством». Передает он и подробности дальнейшей судьбы князя Юрия и жителей разрушенного монголами города. По его словам, «царя... по имени Георгий предали смерти вместе со множеством его народа»¹⁵. Весьма конкретны и выразительны детальные описания Фомой Сплитским разнообразного вооружения «татар», их манеры сидеть на конях, быта и нравов. В связи с этим представляется правомерным предположение А. В. Назаренко о том, что одним из информантов Фомы Сплитского мог быть и выходец из Северо-Восточной Руси¹⁶, хотя большую часть сведений западные соседи Руси получали по преимуществу из Юго-Западной Руси.

Стурла Тордарсон. «Сага о Хаконе, сыне Хакона»

Сага, написанная в 1264—1265 гг. исландцем Стурлой Тордарсоном, пользовавшимся архивами королевской канцелярии и личными воспоминаниями очевидцев, содержит несколько упоминаний о политических отношениях новгородских князей со Швецией и с Норвегией. В ней говорится о пребывании Андрея Ярославича при дворе ярла Биргера, где собралось 5 тыс. человек, о посольстве Александра Невского ко двору норвежского короля Хакона с целью урегулирования пограничного конфликта и предложением выдать дочь Хакона за сына Александра Невского — княжича Василия¹⁷. Первое известие датируется временем после 1252 г., но до 1258 г., когда Андрей, несомненно, уже находился

¹⁵ Monumenta spectantia Slavorum meridionalium. Zagrabiae, 1894, v. 26, p. 137—138; v. 27, p. 168—170.

¹⁶ Назаренко А. В. Русь и монголо-татары в хронике сплитского архидьякона Фомы (XIII в.). — История СССР, 1978, № 5, с. 149—159.

¹⁷ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. М., 1987, с. 92—101.

на родине, второе Е. А. Рыдзевская и И. П. Шаскольский относят к 1251 г., а В. Т. Пашуто — к 1252 г.¹⁸

Рашид-ад-Дин. «Сборник Летописей»

Рашид-ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-л-Хеир Али Хамадани (1247—1318), везир Газан-хана (1295—1304) в государстве Хулагуидов (1256—1353), во главе с ильханами, возводившими свой род к Чингис-хану, написал свое сочинение на исходе XIII в. В это время ильханы вынуждены были отказаться от политики безудержного грабежа покоренных стран, которую проводил Чингис-хан, и перейти к политике точной фиксации податей и повинностей, восстановления производительных сил (что особенно важно было для страны с орошаемым земледелием), покровительства городской жизни и опоры на верхушку страны в целях создания крепкой центральной власти¹⁹.

В «Сборнике» автор последовательно противопоставляет мирную политику преемников Чингис-хана (начиная с Менгу-хана и Угедей-хана) завоевательным войнам основателя империи, сопровождавшимся грабежами и насилием. Поэтому его сведения о захвате монголами соседних стран выразительны и подробны. Типичный средневековый энциклопедист (врач и ботаник, историк и политический деятель) Рашид-ад-Дин показал себя не только незаурядным систематизатором и классификатором письменных памятников (в основе «Сборника» многочисленные предшествовавшие сочинения, в том числе и Джувейни), но и широко мыслящим гуманистом, проявлявшим последовательный интерес к народам, покоренным Монгольской империей.

«Великая или долгая хроника поляков или лехитов»

Хроника в литературе XIX в. получила наименование Великопольской²⁰. Это одно из наиболее крупных произведений древнепольской хронографии, написано оно скорее всего на рубеже XIV в. представителем церковной среды, связанной с познаньским капитулом. Первая ее часть — главы 1—57, — доводящая изложение до 1202 г., восходит к более ранней хронике Винцентия Кадлубка. Во второй части, которая носит самостоятельный характер, подробно изложена история Польши середины и третьей четверти XIII в., история ее международных отношений, наступле-

¹⁸ Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о Хаконе — В кн: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 323—330; Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. Исторические записки. М.—Л., 1945, т. 14, с. 56; Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974, с. 157.

¹⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. I—III.

²⁰ Chronica Poloniae Maioris Monumenta Poloniae historica. N. S., Warszawa, 1970, t. VIII; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987.

ния Тевтонского ордена, монгольских походов и набегов 1241, 1259—1260 и 1287 гг. на Малую Польшу и Силезию — Краков, Сандомир, Вроцлав. Содержит она и сведения о брачных связях русских князей с представителями правящих домов Центральной Европы, их участия в борьбе за австрийское наследство и т. д., что не позволяет согласиться с мнением Дж. Феннела, будто связи русских князей с правителями других государств потеряли всякое значение. Разумеется, в послемонгольское время подобные отношения поддерживали по преимуществу галицко-волинские князья.

3. Актовые материалы

Дж. Феннел справедливо отмечает скудость актового материала XIII в. 3 документа занесены в летопись (в нижеследующей таблице — лет.), 2 включены в более поздние документы (вкл.), 1 — тоже, но в весьма измененном виде (так что встает вопрос о его подлинности — подл.?).

Типы документов	Новгород	Псков	Смоленск	Полоцк	Рязань	Волинь
Уставные	1		1			1 (лет.)
Договорные:						
а) города с князем	3					
б) междукняжеские				1		
в) международные торговые	1		9			
Жалованная						
Данная	1 (подл.?)				2 (вкл.)	
Проезжая	1					
Судная (правая)			1			
Духовная	1 (частн.)					2 (лет.)
Рядная (частн.)		1				

Итого, ото всех регионов Руси за XIII в. сохранилось лишь 26 актов. В таблицу не входят берестяные грамоты, которые по традиции (но не вполне верно) рассматриваются отдельно в следующем разделе приложения. Сам факт их существования увеличивает чисто актов XIII в. по крайней мере вдвое, правда, за счет частноправовых документов, происходящих в подавляющем числе из Новгорода.

Однако даже такое суммирование всех актов (пергаменных, «летописных», включенных и «берестяных») неточно характеризует правовую культуру XIII в. Значительное количество сохранившихся печатей — это свидетельство того, что актов было гораздо больше, нежели дошло до нас. Даже если считать, что лишь половина

печатей — а княжеских, вероятно, и того больше — была привешена к актам, можно представить себе, каким числом актов регламентировалась деятельность различных органов государственной власти.

В приведенной таблице обращает на себя внимание факт абсолютного преобладания княжеских актов над частными. Именно деятельности князей обязаны своим возникновением различные типы грамот: уставные, жалованные, договорные и пр.¹, регулировавшие положение жителей какой-либо административной единицы (княжества, города и т. д.) и их обязанности по отношению к этой власти; предоставлявшие земли частным лицам или устанавливавшие взаимные обязательства сторон (князей, города и князя, княжества и соседней области в связи с торговыми). Лишь немногие из них датированы точно. Даты возникновения большинства устанавливаются исследователями по косвенным данным.

Однако даже по сохранившимся актам можно выяснить довольно широкий круг вопросов, тем более полагая, что каждый из них — не случайный остаток прошлого, а отражение типичного для данного времени и места явления. На первое место, несомненно, выдвигаются социальные процессы. О них — или об их результатах — повествуют и завещания, и жалованные, и отчасти судная грамота, и международные договоры. Либо завещатель (как в духовной Климента 1270 г.) предстает в качестве крупного землевладельца², либо получатель завещаемых богатств уже был владельцем (как вдова князя Владимира Васильковича³, или монастырь Апостолов около Владимира Волынского, которому тот же князь еще до составления своей духовной около 1287 г. передал село Березовиче). Сходную картину рисуют и жалованные. Так, по грамоте Михаила Ярославича Рязанского 1299—1303 гг.⁴ за рязанским епископом закреплялись земли («уезд») вокруг владичного села Столпцы у реки Прони, население которых должно было быть подсудно епископу. Последний получал и право, обычно сохраняемое князем за собой, бить бобров на реке Проне.

Согласно сомнительной, по мнению С. М. Каштанова⁵, жалованной данной Олега Игоревича Рязанского 1257 г. некоему Ивану Шанну, который был якобы «породы ханской» и «воинном

¹ Их характеристику и состояние изучения см.: Каштанов С. М. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 94—116. О русских актах домонгольского периода см.: L o w m i a n ' s k i H. Słownik Sławian'skich starozitnoscei. — Warszawa, 1961, t. I, s. 361—366.

² ГВНП, № 105; ПРП, т. II, с. 108—110. В Климяте видели тысяцкого, участника переговоров 1255 г. владыки с князем Ярославом (Тихомиров М. Н.), члена купеческой организации (Зимин А. А.). См.: Алексеев Ю. Г. Частный поземельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты). — ВИД, т. VI, с. 129—131.

³ По «рукописаниям» — в пользу брата и жены последней он оставил г. Кобрин и села Городел и Садовое Сомино.

⁴ АСЭИ, т. III, № 309, с. 339.

⁵ Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв. (Опыт первичной классификации). — ВИД. Л., 1976, т. VIII, с. 77.

добрым», передавалось лишь «поле на р. Проне», где, вероятно, и должны были расселиться прибывшие с ним «многие люди ево»⁶. По правой грамоте Федора Ростиславовича Смоленского 1284 г. можно судить о складывании боярской династии — «кормиличей», княжеских воспитателей (род Дядко включал Остафия Дядко, Микулу и Путятю Дядковичей⁷).

Эти же акты сообщают и о положении зависимого от князя населения. Так, в «Рукописании» Владимира Васильковича четко различаются жители Кобринской волости, обязанные князю данью, и население сел, которое «страдало» на князя, выполняя натуральные повинности, в том числе те, которые входили в обязанность самого князя, — «город рубити», т. е. строить городские укрепления, а кроме того, должно было уплачивать князю «побор» и «тотарьщину».

О различных обязанностях сельского и городского населения сообщают уставные грамоты. Самая ранняя из них, конца XII—начала XIII в.⁸, о «погородии и почестье»⁹, предусматривает перевод на деньги натуральной повинности — «урока» по строительству города и подати в пользу князя, именуемой «почестьем»¹⁰, полной аналогии новгородскому «почту», или «поцту». «Почестье» с некоторых местностей и по уставной могло взиматься мехами — «лисицами» и ремесленными изделиями (только с Торопца). Обращает на себя внимание высокая степень развития товарно-денежных отношений в Смоленске конца XII—начала XIII в.

Устав князя Ярослава «о мостех» (о разверстке расходов, связанных с мощением улиц Новгорода, ведших к торгу), также не имеет точной даты. В. Л. Янин относит его к 1265—1267 гг.; В. А. Буров, опираясь на произведенную В. Л. Яниным топонимическую привязку объектов мощения и выдвигая идею о тождестве Пискупли и Прусской улиц, к XIII в. относит лишь вставку в устав, а основной текст — к 70-м годам XII в.¹¹ Смысл устава не совсем ясен. Он открывается фразой «Осмеником (сборщикам торговой пошлины.— *Сост.*) поплата», на основании которой считали, что речь идет о возмещении расходов по мощению в пользу

⁶ АСЭИ, т. III, № 347, с. 373.

⁷ Смоленские грамоты XIII—XIV веков, М., 1963, с. 62—63.

⁸ Это датировка Я. Н. Щалова, который исходит из наименований денежных единиц. Мнение Л. В. Алексеева о 1211—1218 гг. основано на спорном утверждении, будто Торопец не платил почестья владыке.

⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 146; Смоленские грамоты, с. 79.

¹⁰ Уже А. А. Зимин отмечал неясность вопроса о том, кому шло погородье и почестье (*ПРП*, т. II, с. 51). Все остальные исследователи полагают, что их получателем был епископ (Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 24—25). Это маловероятно, т. к. строительство никогда не входило в обязанности епископа.

¹¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 91—122; Буров В. А. О местоположении княжей сотни в Древнем Новгороде.— *СА*, 1987, № 1, с. 99—101.

осмеников. Возможно и иное толкование: осменики сами должны платить за выполнение работ по благоустройству улиц¹², может быть, лишь участка «в Людин конец... до Пискупли улицы»¹³. В пользу этого предположения свидетельствует и приводимая В. Л. Яниным грамота 1623 г. о финансировании строительства Великого моста через Волхов. Расходы должны были на $\frac{1}{3}$ покрываться за счет поступлений в Новгородскую избу в первую очередь торговых пошлин и на $\frac{2}{3}$ за счет разверстки повытного оклада¹⁴.

В XIII в. в мощении улиц принимали участие жители основных улиц (Добрыни, Прусской, Чудинцевой) и основные социально-политические силы: новгородская, немецкая и готская купеческие организации; владыка, городской собор св. Софии — софьяне, посадник, тысяцкий, сам князь. На долю последнего приходился участок от Великого ряда на Торгу до Немецкого вымола, т. е. пристани. Две княжие сотни (иногда идентифицируемые с полупятинами XV—XVI вв.) должны были сооружать две «рели» (пролета) Великого моста через Волхов. В данном случае князь выступает в качестве «рядового» — наряду с посадником, тысяцким и владыкой — участника выполнения этой повинности¹⁵. Устав «о мостех» рисует деятельность князя как одной из мощных сил внутренней жизни, участника, но уже не организатора общегородских финансовых и строительных начинаний.

Последняя уставная грамота, несомненно относящаяся к XIII в.¹⁶, — это грамота Мстислава Даниловича (ок. 1289). Она предписывала взимать с жителей города Берестья (Бреста) за ловчее (натуральную повинность по организации княжеской охоты) 4 гривны кун, а с каждой сотни сельских жителей — натуральный побор медом, овцами, льном, хлебом, овсом, рожью, курами¹⁷. Грамота показывает, каким образом обеспечивалось содержание

¹² Такое толкование этой фразы предложили А. В. Куза (см. рецензию А. В. Кузы на кн.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. — СА, 1979, № 4, с. 304) и присоединившийся к нему В. А. Буров (Буров В. А. О местоположении, с. 94).

¹³ Буров В. А. О местоположении, с. 94.

¹⁴ ААЭ. Спб., 1836, т. III, № 146.

¹⁵ А. В. Куза полагает, что «мостовая повинность определялась только между высшими представителями государственной власти и населением, находившимся под непосредственной юрисдикцией князя. Жившая в концах основная масса новгородского боярства с зависимыми от них людьми мостила свои улицы под надзором кончанской администрации» (Куза А. В. Рецензия, с. 304). В. А. Буров, развивая эту мысль, определяет местоположение княжей сотни и зачисляет в нее жителей Ильинской, Михайловской и Витковой улиц (Буров В. А. О местоположении, с. 95).

¹⁶ Устав князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых возник не ранее 50-х годов XIII в., после монгольской переписи, но имеет многочисленные поновления, его же «Рукописание» купеческой организации церкви Ивана на Опоках относится к XIV в.

¹⁷ ПРП, т. II, с. 44.

одной из отраслей княжеской «служебной организации»¹⁸. Обращает на себя внимание, что сельское население облагалось лишь натуральными поборами, которые на деньги не переводились. Возможно, в этом сказались результаты регрессии товарно-денежных отношений после нашествия, с одной стороны, а с другой — в этом заключалась специфика самого региона: Берестье и позднее значительно отставало по уровню социально-экономического развития от соседних районов (как показал М. К. Любавский).

Для воссоздания политической истории особенно важны новгородские и смоленские торговые договоры¹⁹, междукняжеские договоры, наконец, dokonчания Новгорода с князем Ярославом Ярославичем. Они хорошо документируют права князя как верховного судьи и более низшей судебной инстанции — княжеских бояр и тиунов²⁰, в распоряжении которых находились детские — судебные приставы и исполнители. Величина судебных пошлин в договорах не указывалась. Известны лишь некоторые доходы детских, которые получали «наем» и вознаграждение тиуну за административную деятельность. Так, за организацию своевременного перевоза прибывавших иностранных гостей на волоке перед Смоленском тиун получал от них «рукавицы». Финансовый аппарат князя состоял из «куноемцев», сменных в последней трети XIII в. «таможниками».

Новгородско-княжеские договоры уделяют внимание не столько судебной деятельности князя (они указывают точный срок смены судей — Петров день, I — 17, III—35²¹), сколько источникам доходов князя, его дворян и т. д. («дар» от волостей шел в пользу князя: I—6, 9, II—6, III—6; дворяне и тиуны получали «погон»: I—20, II—17, III—18). Они же характеризуют сужение прерогатив князя и расширение прав самих новгородцев, что делает договоры важнейшим источником по истории политического строя Новгорода второй половины XIII в.²² Отношения князя и города в области гражданского права (по делам о холопах, должниках и «поручниках») регулировали новгородско-тверское dokonчание и известительная грамота Михаила Ярославича Тверского новгородскому владыке начала XIV в., они же гарантировали скорый суд —

¹⁸ О ней см.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» у восточных славян. — Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987, с. 142—151.

¹⁹ Смоленские грамоты, с. 62—63. О датировке смоленских договоров, отличной от той, что предложила Т. А. Сумникова, см.: Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах. — История СССР, 1966, № 3, с. 103—114; Янин В. Л. Актовые печати, т. 1, с. 95—96; Ren n k a m p W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Bochum, 1977, S. 109—141.

²⁰ О них см.: Янин В. Л. К вопросу о составе княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв. — ВИД. Л., 1973, т. V, с. 113—119.

²¹ ГВНП, № 1—3. В тексте в скобках римскими цифрами указаны номера договоров, арабскими — статей по нумерации А. А. Зимина.

²² См. подробнее: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 150—151; е го же. Актовые печати, т. 1, с. 88; т. 2, с. 141—153 и др.

«без перевода» по земельным конфликтам самого князя и его слуг в пределах Новгородской земли²³. Такой же суд обещал Изяслав Полоцкий рижанам и магистру около 1265 г.²⁴

Есть еще один аспект политической жизни, который может быть изучен на основе договоров. Хотя большая часть их посвящена сношениям с северо-западными соседями Руси²⁵, в них отчетливо прослеживается воздействие иноземной монгольской власти на развитие этих отношений. Ярослав Ярославич Новгородский «по Менгу-Тимуреву слову» дает жалованную проезжую рижанам, Глеб Ростиславич Смоленский защищает от всевластья захватчиков те подворья, где «стоять немци или гость немьцкий»²⁶.

Итак, несмотря на скудость актовых материалов, они — в особенности в сочетании со сфрагистическими данными — дают разнообразную картину политической жизни страны и роли в ней княжеской власти.

4. Новгородские берестяные грамоты

Этот сравнительно новый вид источника открыт в 1951 г. На XIII в. приходится около 160 грамот из числа тех, что опубликованы к 1988 г. Приходится писать «около», т. к. датировка грамот на бересте — дело сложное. Помимо палеографических данных, важны и топографические — сведения о том, в каких археологических слоях, архитектурных комплексах они найдены. В пределах топографо-хронологических комплексов конца XII в. — 1238 г. обнаружено 89 грамот, 1238—1281 гг. — 44, 1281—1313 гг. — 27. Несмотря на перепись населения, произведенную монголами, и обложение новгородцев новыми повинностями, что, казалось бы, должно было сопровождаться увеличением документации, этого не произошло: к середине и второй половине XIII в. относится лишь 44% общего числа грамот.

Грамоты убедительно показали, что каждый шаг новгородца документировался: от брачного предложения, при свидетеле направленного будущей невесте (337)¹, до завещания (108) и полу-

²³ ГВНП, № 4—5.

²⁴ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977, вып. I, № 2, с. 36.

²⁵ Кроме вышеупомянутых, нужно назвать новгородско-рижско-любекский договор 1262 г., утвержденный в 1264 г. (ГВНП, № 29). Об особенностях его оформления см.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 150—151; Клейнберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.). — ВИД, т. VII, с. 118—126.

²⁶ ГВНП, № 30, с. 57; Смоленские грамоты, с. 39, 45.

¹ Здесь и далее в скобках указаны номера грамот, опубликованных в следующих изданиях: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; Арцихов-

чения наследства (198). В письменной форме фиксировалось распределение и разделение земельных владений, повинности и обязанности государственных и частных крестьян, заем денег, торговые отношения.

Большая часть грамот — 58 штук — это послания, по определению В. Л. Янина, «берестяная почта». Круг тем в них необычайно широк: здесь и подготовка выхода в поход (возможно, вместе с князем), и просьба прислать вооружение для лиц, подведомственных автору письма (332), и обращение к княжескому детскому (слуге с административно-исполнительскими функциями) некоего Матвея, обвиненного в «татьбе» (222), и просьба к посаднику в связи с тяжбой из-за права бить бобров на реке Хотынке, притоке Мшаги, тяжбой, в разрешении которой активное участие уже принимали и князь, и посадник (600), и обещание подвойского некоему Филиппу хорошего «почестья» (147), и требование явиться на суд к князю человека, который «поял» (женился) на исполовнице, вероятно, какого-то феодала, не возместив ему убытки от потери работницы (112), и сообщение о приглашении четырех дворян, само собой разумеется, княжеских, в село для разрешения семейно-имущественного конфликта (531).

Делопроизводственные документы представлены многочисленными списками долгов: крестьян феодалам — натуральными продуктами и деньгами (52, 228?, 348, 409), долгов государственных крестьян и других лиц феодалу-ростовщику, возникших в том числе и в результате уплаты причитавшейся с «черных людей» Новгорода «туски» — корма монгольским послам (214—218, 410), торговых долгов (8) князя и княгини, по мнению В. Л. Янина, посаднику и некоему Станиславу, участвовавшим в погребении детей князя Ярослава Всеволодовича в 1198 г. (601). Среди берестяных грамот много и различных расписок — в получении долга (197) и «поклажи», данной на сохранение (141), поборов с погоста св. Петра на озере Черменце в Шелонской пятине, полагававшихся, вероятно, владычному десятиннику (220). Ряд грамот касаются судопроизводства. Это исковые заявления (510, 598) и судебные памяти исполнителю решения суда — княжескому дворянину или детскому (213)².

ский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.; из раскопок 1955 г.). М., 1958; (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986; Алексеев Л. В. Берестяная грамота из древнего Мстиславля. — СА, 1983, № 1, с. 204—208; Авдусин Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966—1967 гг. — СА, 1969, № 3, с. 186—193; Жилкина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1. — СА, 1987, № 1, с. 203—216.

² Подробнее см.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. Датировка грамот и их понимание несколько отличаются от предложенных Л. В. Черепниным в связи с уточнением стратиграфии новгородских мостовых и поправками в чтении текста, сделанными В. Л. Яниным и А. А. Зализняком.

Берестяные грамоты, как никакой другой источник, помогают понять основные направления практической деятельности князя в Новгороде, участие его двора и детских в решении многочисленных конфликтов, освещают роль князя как главного регулятора государственно- и частноправовых, в том числе и семейно-имущественных, отношений. Одновременно они заставляют задуматься над положением владыки, деятельность которого в XIII в. почти не отражена берестяными грамотами. Как бы то ни было, грамоты являются одним из важнейших на сегодняшний день источников по истории Новгорода, в том числе и политической, и можно лишь сожалеть, что они не заинтересовали автора издаваемого исследования.

5. Сфрагистические материалы

К XIII в. относится около 140 печатей, как привешенных к документам, ими скрепляемым (17), так и найденных отдельно. Благодаря усилиям Н. П. Лихачева и В. Л. Янина почти все они нашли своих «хозяев»¹. Князьям, по преимуществу новгородским и великим киевским и владимирским, принадлежит более 100 печатей, новгородским посадникам — 3, княжеским тиунам — 8, новгородским архиепископам — больше 11, владычному наместнику в Ладоге — 2, «всему Новгороду» — 1, тысяцкому — 1. В. Л. Яниным истолкованы и принципы выбора изображения на печатях, и символика их. Однако весьма значительное количество печатей с изображением «тамг» до сих пор не нашло удовлетворительного объяснения².

Наибольший интерес в связи с темой книги вызывают княжеские печати. На них по обычаю, утвердившемуся в Киевской Руси, помещались изображения святых патронов самого князя и его отца, освящавших тем самым власть князя как власть, унаследованную от отца. Отход от традиции наметился лишь при князе Ярославле Всеволодовиче, который первым ввел изображение Вседержителя вместо святого, соименитого отцу. Оно призвано было, вероятно, освящать весь род князя и саму его власть. Печати его сына — Александра Невского — принадлежат к двум сериям. К первой (представлена 8 печатями двух разновидностей) относятся печати с традиционными для княжеской сфрагистики домонгольского времени изображениями двух патрональных свя-

¹ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 1928, 1930, вып. 1—2; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1—2; Молчанов А. А. Печать древнерусской княгини из Житомира.— СА, 1984, № 1, с. 260—263.

² По нумерации в каталоге В. Л. Янина это № 283—311. О состоянии их изучения и дискуссии Б. Д. Ершевского и А. А. Молчанова в связи с определением их принадлежности и датировки см.: Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв.— ВИД, т. XVI, Л., 1985, с. 66—83.

тых — собственного и отцовского. Это стоящие воины с оружием (мечами, щитами и т. д.), фронтально развернутые к зрителю (№ 372, 373. Здесь и далее указываются номера по каталогу печатей В. Л. Янина). Вторая серия печатей (35 экземпляров пяти разновидностей) имеет совершенно иные изображения. На обороте печати — Федор Тирон, представленный в сцене «чуда о змие» в динамичной позе: правой рукой он убивает змея, левой ведет под уздцы лошадь. Тот же сюжет имеется и на печатях Ярослава Всеволодовича, однако там святой не имеет лошади. На лицевой стороне печати Александра Невского — изображение коронованного всадника с мечом, поднятым в правой руке. Две печати из этой серии (№ 374, 376) резко отличаются по стилю от современных им печатей, даже той же серии (№ 375, 377, 378). В изображениях на печатях № 374, 376 Н. П. Лихачев усмотрел факт несомненного западноевропейского влияния. По мнению В. Л. Янина, изображение всадника носит светский характер, он полагает, что это первое портретное изображение князя в русской сфрагистике. Возможно, разные серии печатей Александра Невского относятся к его княжению в Новгороде 1236—зимы 1240/41 г. и 1241—1263 гг., а смена типов изображений на печатях связана со знаменитыми победами князя над шведами и орденовыми рыцарями в 1240 и 1242 гг. Факт западноевропейского влияния можно связывать и с активными отношениями Александра Ярославича с Норвегией³.

Сын Александра Невского — Дмитрий (новгородский князь в 1276—1281, 1283—1294 гг.) вернулся к изображению на своей печати святого патрона, однако представленного в виде всадника с копьем (№ 383—389). Другой сын Невского — Андрей, занимавший новгородский престол в 1281—1283, 1294—1304 гг., на лицевой стороне сменил изображение святого или коронованного всадника на сокольника в одной серии (на оборотной стороне он сохранил Вседержителя, № 380, 393), а в другой представлен сокольником и св. Андрей в полный рост (№ 394—395). Сокольника В. Л. Янин трактует как «один из ранних случаев изображения «ездеца», т. е. условное, символическое изображение самого князя»⁴. Каким было распределение этих серий — хронологическим, между отдельными периодами княжения Андрея в Новгороде, или функциональным, т. е. между князем и его сыном Василием, почти постоянно представлявшим отца в Новгороде в качестве его наместника, трудно сказать. В. А. Буров причисляет вторую серию печатей Андрея к печатям Василия⁵, с чем, однако, трудно согласиться, т. к. ни до этого времени, ни позднее наместничьи печати не отличались от княжеских.

³ Имеется в виду попытка Александра Невского женить своего сына Василия на дочери норвежского короля Хакона, которую обычно датируют 1252 г. — См. подробнее: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987, с. 96—100.

⁴ Янин В. Л. Актовые печати, т. 2, с. 23.

⁵ Буров В. А. О печатях новгородского князя Андрея Александровича. — ВИД. Л., 1978, т. IX, с. 56—62.

Эволюция княжеской печати на протяжении XIII в., представленная буллами новгородских и великих князей, весьма примечательна. Смена отцовского патрона Вседержителем, отказ от изображения собственного святого патрона, которого заменило светское изображение князя, продемонстрировали огромные претензии Александра Невского. Однако его дети вынуждены были отказаться от начинаний отца, что, возможно, было признаком ослабления позиций новгородского князя во второй половине XIII в.

Смена эмблематики на княжеских печатях — новгородских и великокняжеских — в течение всего XIII в. свидетельствует о неустанных попытках идеологического оформления княжеской власти, с одной стороны, в период, когда страна лишилась огромного числа князей на юге и юго-востоке, а с другой — в обстановке напряженной борьбы ее с республиканскими тенденциями в Новгороде.

В условиях этой борьбы появились и печати княжеских тиунов. При князе Дмитрие Александровиче новгородцы проявляли повышенный интерес к памятникам, конституировавшим торговый суд. Естественно выглядело в это время оформление княжеской тиунской печати, что должно было придать тиуну, ведавшему вопросами торговли и взимания пошлин и в этом качестве противостоявшего тысяцкому, особый вес⁶. К концу XIII в. относятся печати княжеских тиунов с изображением святого патрона князя на одной стороне и со строчной надписью о принадлежности печати — на другой: «Фомина печать», «Фомина печате тиюна», «[Кон]стантинова печать» (№ 437—439).

О некоторых результатах развития политического строя Новгорода свидетельствует оформление «печати всего Новгорода», на обратной стороне которой помещено изображение Вседержителя (№ 705). Печать скрепляла договор Новгорода с Ригой и Готским берегом 1262 г. К аналогичному договору 1301 г. были приложены печати посадника и тысяцкого («Сменова печать Климовича» и тысяцкого Машко, № 672 и 594), последнего, по имени Машко, В. Л. Янин идентифицирует с Андреем Елферьевичем, тысяцким 1286—1305 гг.⁷

Особый тип представляют печати с изображением руки и надписями о принадлежности печати определенному лицу: «Кондратова печать» (тысяцкого 1264—1268 гг.), «Степанова печать» (Степана Твердиславича, посла 1215, посадника 1230—1243 гг.). Возможно, они изготовлялись специально для выполнения каких-либо ответственных дипломатических поручений.

Новгородские архиепископские печати известны лишь с середины XIII в. Булл Антония (до 1229) и Спиридона (1229—1249) не сохранилось. Тип владычной печати на протяжении XIII в. не изменился: на одной стороне помещалась надпись (например,

⁶ Янин В. Л. Актовые печати, т. 2, с. 42,45; его же. Новгородские посадники, с. 93, 171—175.

⁷ Янин В. Л. Актовые печати, т. 2, с. 98—99.

«Далмать архиеп[иско]пъ новъгородск[ьи]»), на другой — Богородица типа Знамение. Такие печати были у Далмата (1251—21. X. 1273), Климента (1276—1299), Феоктиста (1300—1307). У Феоктиста, правда, изображена Богородица в рост.

Ко времени владычества Климента относится и печать владычного наместника в Ладоге с надписью: «Наместника ладожского печать» и изображением св. Климента, папы римского, с надписью «Клименто» (№ 521).

В целом печати дают довольно полную картину структуры и амбиций различных новгородских властей. Несколько хуже обстоит дело с другими районами Руси. Известна серия печатей при договоре Смоленска с Ригой, которые В. Л. Янин относит к первой половине и середине XIII в. и приписывает князьям Мстиславу Давидовичу и Ростиславу Мстиславичу.

В заключение следует подчеркнуть, что печати являются незаменимым и необходимым источником по политической истории Руси XIII в., т. к. знакомят с методами идеологического оформления притязаний их владельцев на власть и указывают на реальное положение их в системе судебно-административных органов.

6. Эпиграфика

Надписи на камне, стенах, дереве позволяют увидеть средневековую жизнь с неожиданной стороны: и в домашнем быту, и в отношениях человека с Богом, и в его общественных связях. В зависимости от назначения предмета, на который наносилась или процарапывалась надпись, менялось и ее содержание. Обиходные вещи, как правило, имели лишь владельческие надписи, удостоверявшие принадлежность поплавка, сапожной колодки, бочки и т. д.¹ Мастер метил своим именем («Макосимов») формочку для литья трехбусинных височных колец². Священнослужитель, не остававшийся в своих поездках по приходу с так называемой «мирницей», серебряным сосудом для мирра и масла, употреблявшимися при различных церковных обрядах, руководствовался соответствующими надписями на разных частях этого двубъемного сосуда³.

Кресты-энколпионы (двустворчатые кресты, носившиеся поверх одежды), змеевики (амулеты) снабжались просительными надписями о помощи, о которой взывали к Богу и Богородице их владельцы⁴. Одна из наиболее выразительных («Святая Богородице, помагай. Крестъ намъ похвала, крестъ намъ у[тешение]»). — Рыбаков, № 41, с. 39) относится, возможно, к 1239—1240 гг.

¹ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. — КСИИМК. М., 1949, вып. 27, с. 122.

² Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, с. 39—40, № 42 (далее ссылки даются в тексте: Рыбаков).

³ Седова М. В. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода. — СА, 1984, № 1, с. 334.

и сделана в Киеве, уже слышавшем о бедствии, постигшем Северо-Восточную Русь. Сериями бесконечных просьб («Господи, помози рабу своему...») испещрялись стены русских храмов, при этом большинство их принадлежало мужчинам⁵, вероятно, потому, что степень их грамотности была выше, и потому, что жизнь их в условиях бесконечных усобиц, монгольского нашествия и послемонгольского неустроения подвергалась большей опасности, чем жизнь женщин. В Софийском соборе в Новгороде сохранился автограф «мужа добра» Федора Сбыславича, погибшего в походе на Раковор в 1268 г. («Господи, помози рабу своему Тудору Сбыславичу. Амино»)⁶. Авторы просьб или надписей часто называли и свои имена — Твердята и его сын Радко, Иван Репьев, швец Домашко и многие другие. Иногда эти просьбы звучали как вопль: «Хотец писал в беде это. О святая Софья, избавь мя от беды»⁷.

На стенах храмов остались не только слезные моления прихожан и следы их церковной учености (одна надпись содержала фрагмент кондака Романа Сладкопевца.— М е д ы н ц е в а, № 206, с. 150), но и сообщения о положении духовенства («Охъ, тошно, владыко. Негу порядка дьяком. А деи исплачу. Охъ женатымъ диакомъ».— М е д ы н ц е в а, № 247, с. 173—174), распрях внутри него. Так, граффити, обнаруженное в развалинах одного из смоленских храмов («Господи, помъзи дому великъму нь даждь врагомъ игумьнмъ истратит [и его до] кънца, ни Климяте».— Р ы б а к о в, № 34, с. 35—36), толкуется обычно как свидетельство недовольства горожан, среди которых была очень популярна проповедь монаха-подвижника Авраамия Смоленского, политикой церковных иерархов в 20-е годы XIII в.⁸

Своеобразную полемику духовного лица со светским, очевидно, принадлежавшим к окружению князя, сохранили два граффити Софийского собора. За поговоркой «Как сидят пироги в печи, так и гридьба в корабли» и заклинанием «Перепелка парит в дубраве, поставила кашу, поставила пироги, туда иди» стоит пожелание богобоязненного человека: «Усохните ти руки» (М е д ы н ц е в а, № 203, 204, с. 148—149).

Однако ни драгоценные остатки фольклора XIII в. (имеется еще загадка о колоколе.— М е д ы н ц е в а, № 199, с. 142—145), ни полемика между духовными лицами и княжескими слугами не представляют такого интереса в контексте переводимой книги, как надписи, рассчитанные на всеобщее обозрение и внимание. Практика высечения подобных надписей, по преимуществу князьями, существовала и в предшествующее время (широко известны благо-

⁴ Орлов А. С. Амулеты-змеевики Исторического музея.— Отчет Гос. ист. музея за 1921—1925 гг. М., 1926, прил. V.

⁵ В ы с о ц к и й С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985, с. 125, 33—35.

⁶ М е д ы н ц е в а А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV веков. М., 1978, № 207, с. 150—151.

⁷ Там же, № 200, с. 145. Ср.: № 211—212, 208—210, 242 и др.

⁸ В о р о н и н Н. Н. Смоленские граффити о «врагах-игуменах» в развалинах храма XII в. в Смоленске.— СА, 1964, № 2; Р ы б а к о в Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах».— Там же.

пожелательные надписи полоцкого князя Бориса на камнях вдоль реки Западная Двина). С целью обозначения препятствия на этой же реке, изобиловавшей мелями и каменистыми перекатами, в XIII в. был высечен крест на камне: «Сулиборъ хръсть». О дне завершения строительства князем Святославом Всеволодовичем Георгиевского собора в Юрьеве Польском извещает надпись на камне, долженствовавшая увековечить храмосозидательную деятельность князя: «Месяца июня въ 30 д[ень в лето 6742 на] пам[ять] святого Ио[ана] воин[ни]ка поставлень крестъ[си С]вятославъм Всево[ло]дичемь. Ами[нь]» (Рыбаков, № 38, с. 38). К тому же 1234 г. относится крест, вмурованный в крепостную стену Новгорода. Он был сооружен Симеоном, чернцом Аркажа монастыря под Новгородом (Рыбаков, № 39, с. 38—39). Воздвигальный крест новгородского архиепископа Антония первой трети XIII в. несет надпись о вкладе владыки в Софийский собор (Рыбаков, № 35, с. 37).

Таким образом, уже в первой трети XIII в. с помощью памятных крестов пытались увековечить память о себе не только князья, но и духовные лица. В последней трети XIII в. это было под силу только последним, да и то лишь с помощью надгробий (см., например, надгробие Зеновия в смоленском Смядынском монастыре 6 июля 1271 г.— Рыбаков, № 44, с. 41). И эпиграфические памятники оказываются важными свидетельствами изменения положения княжеской власти на протяжении XIII в.: они четко обозначают грань — конец 30-х годов, после которых падает роль князей в строительстве.

7. Археологические материалы

Могут ли археологические материалы быть использованы для изучения политической истории? Стандартный ответ на это: могут, притом в нескольких планах — для изучения внутренней политической истории, исследования результатов войн и завоеваний, для понимания положения покоренных стран в системе той государственности, в которой оказываются завоеванные народы и земли¹.

¹ Несомненно и другие аспекты использования археологических материалов — в частности, для изучения социально-политической истории. Благодаря совершенствованию методики археологического исследования возможности в этом отношении выросли многократно. Приведем один небольшой, но очень показательный пример. По письменным источникам (см. Приложения. 3. Актовые материалы) известно о роли князя в оборонительном зодчестве Руси. О том же говорят и данные археологии. Знаки на кирпичах в XI—начале XIV в. полностью соответствуют княжеским родовым знакам. Таким образом, по всем видам источников отчетливо прослеживается ведущая роль князя в городском строительстве этого времени (Раппопорт П. А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики.— СА, 1985, № 4, с. 80—85). П. А. Раппопорт, установивший факт тесной связи строительных артелей с княжескими дворами во всех древнерусских городах (только в Новгороде эта связь разрывается в 40-е годы XII в.), выдвинул предположение, что такие артели находились в феодальной зависимости, как он пишет, от князя. Чрезвычайно важно наблюдение о потере князем ведущей роли в строительстве Новгорода еще в XII в. Это ставит под сомнение наблюдение Дж. Феннела о тяжелых строительных обязанностях князя в середине XIII в.

Ответ на эти вопросы сформулирован — на основе именно археологических данных — в «Очерках русской культуры», изданных уже 20 лет назад, а также в общеизвестном труде Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» и др.²

В кратком очерке можно назвать лишь некоторые достижения советской археологии, да и то применительно к одному из кардинальных вопросов книги — об истории и значении монгольского нашествия на Русь. К классическим трудам М. К. Каргера, А. Л. Монгайта и др. относительно разорения Киева, Рязани, Волыни, трудам, обнаружившим результаты катастрофы, которую принесло с собой монгольское нашествие русским городам и горожанам³, добавились и новые. Ныне подробно документирована гибель города Серенска, расположенного в бассейне Оки в пределах нынешней Калужской области⁴, вводятся в научный оборот материалы М. К. Каргера относительно полного уничтожения Изяславля на киевско-волынском пограничье⁵, раскрыто грандиозное пожарище в Торжке, от которого остался слой угля высотой 60 см⁶. О результатах нашествия свидетельствует исчезновение целой группы городов в Верхнем Посулье⁷. В целом, на наш взгляд, археологические данные наглядно рисуют картины катастрофы, поразившей Русь в конце 30-х — начале 40-х годов XIII в.

² Очерки русской культуры XIII—XIV вв. М., 1969, ч. 1—2; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949.

³ Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание.— СА, 1949, т. XI, с. 55—102; его же. Древний Киев. М.—Л., 1958, т. 1—2; Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955; Мовчанівський. Райковецьке городище XI—XIII ст.— Наукові зап. Інст. Іст. матер. культ. Київ, 1935, кн. 2; его же. Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції в 1934 г.— Там же, Київ, 1937, кн. 5—6. Те же материалы изданы позднее: Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950; Юра Р. О. Древний Колодяжин. Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962, т. XII, с. 65—81; Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньюоруське місто Воїнь. Київ, 1966. Ср. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975; Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила в Переяславле.— Зограф, 1980, т. X, с. 31.

⁴ Никольская Т. Н. К истории древнерусского города Серенска.— КСИА. М., 1968, с. 108—116; ее же. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников.— Там же, 1971, т. 125, с. 73—81; ее же. Земля вятичей. М., 1981; ее же. Новые данные к истории Серенска.— КСИА, 1986, т. 187, с. 41—51; Равдина Т. Б. Стекланные браслеты Серенска.— Там же, 1978, т. 155, с. 76—79.

⁵ Каргер М. К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1961; его же. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии. М., 1965, с. 39—41; Пескова А. А. Древний Изяславль.— КСИА, 1980, т. 164, с. 66—73; Овсянников О. В., Пескова А. А. Замки и ключи из раскопок Изяславля.— КСИА, 1987, т. 171, с. 93—99.

⁶ Малыгин П. Д. Раскопки на нижнем городище в Торжке.— КСИА, 1983, № 179, с. 76—80.

⁷ Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища течения реки Ромен.— КСИА, 1983, № 175, с. 73—82.

В будущем, нужно думать, примеры подобного рода будут умножены. Создание современных методов датировки археологических пластов, типологии различных вещей, как-то: оружия, керамики, замков и т. д., находки византийских и других монет позволяют установить точное время гибели того или иного населенного пункта. Большинство грандиозных пожарищ относится к концу 30-х — началу 40-х годов XIII в. Следует ли расценивать их как типичные явления или это отдельные, случайные примеры? Профессор Дж. Феннел склоняется ко второму подходу. Однако сопоставление с летописными данными, с одной стороны, восточными источниками, записками европейских путешественников — с другой, говорит в пользу первого предположения. Перекрестный анализ этих разнородных, но совпадающих по своим показаниям источников подтверждает доказательность каждой из вышеназванных групп материалов.

Прохождение монгольского войска по русским землям сопровождалось тотальным уничтожением мелких городов и городков, резким сокращением населения в крупных. Сам этот факт практически игнорируется Дж. Феннелом в угоду его схеме о незначительности воздействия монгольского нашествия на русскую экономику.

В свете археологических данных становится ясным характер развития русского ремесла после нашествия. Дж. Феннел считает несущественными показания археологии, собранные Б. А. Рыбаковым, относительно исчезновения целого ряда ремесел, прежде всего ювелирного и различных металлообрабатывающих. При оценке этих данных автор ссылается на то, что подобные ремесла не затрагивали жизненно важных сфер производства. Действительно, при сохранявшейся вплоть до нашествия натуральности хозяйства многие, а возможно, и большинство орудий производства изготовлялись дома. Потребности сельского населения в различных железных орудиях удовлетворяли местные кузнецы. В городе же сосредоточивались по преимуществу «элитарные» ремесла, рассчитанные на верхушку городского населения, княжеский двор, бояр, богатых купцов и т. д. Они вряд ли согласились бы с мыслью автора, что эти ремесла неважны, ведь для них все эти ремесла были необходимы, они, и только они, доставляли те предметы — колты (серьги), браслеты, застежки, оружие и т. д., — которые выделяли привилегированное население страны, снабжали его внешними признаками власти или могущества. Киев накануне нашествия был признанным центром производства стеклянных браслетов, а Овруч — шиферных пряслиц, без которых не могла обойтись ни одна мало-мальски состоятельная русская женщина. Прекращение их изготовления связано с нашествием.

Исчезновение ремесел — это не просто утрата мастерства или неожиданный регресс производства, это исчезновение целой группы населения русского города. Можно спорить о социальном положении этой группы — ее феодально-зависимом, холопском или свободном состоянии (разной в советской литературе по этому поводу весьма велик, см. работы Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова,

А. А. Зими́на, А. М. Сахарова и др.)⁸, но отрицать факт исчезновения этой прослойки городского населения в городах Южной, Юго-Восточной и резкого сокращения в Северо-Восточной Руси в целом не приходится. Исключение составляет лишь Новгород.

Археологические материалы рассказывают и о судьбе русского населения, уведённого в плен. Так, на северо-восточной окраине города Булгара, восстановление которого началось вскоре после пожара 1236 г., приведшего к его полному уничтожению⁹, в середине XIII в. возникло древнерусское поселение. Здесь обнаружены обычные полужемлянки, которыми изобилует Киев начала XIII в., многочисленные ремесленные инструменты и отходы ювелирного производства. Аналогичное древнерусское поселение появилось и в западной части заречья этого города¹⁰. Таким образом, археологические материалы, происходящие из Булгара, одного из крупнейших центров, если даже не второй столицы Золотой Орды во второй половине XIII — начале XIV в., подтверждают данные письменных источников об уgone русских ремесленников в Орду.

К сожалению, раскопки других золотоордынских городов производились в XIX в., они велись не очень систематически, их результаты плохо фиксировались, часть находок оказалась утерянной. Однако и по ним можно судить о массовом пребывании русских в Орде. В каждом из золотоордынских городов¹¹ обнаружены крестики и нательные иконки, возможно, частично изготовленные там же. Раскопан и посёлок перевозчиков, упомянутый Рубруком. Это Водянское городище на правом берегу Нижней Волги, населённое русскими и отчасти половцами. В полужемлянках многочисленные находки бытовой русской керамики.

Археология позволяет представить и сдвиги в области контактов с Центральной и Западной Европой. В. П. Даркевич, исследовавший распространение произведений западного художественного ремесла на территории Восточной Европы, установил факт резкого сокращения импорта подобных изделий на Русь. Если от первой половины XIII в. до нашего времени сохранилось 23 предмета,

⁸ Последний обзор литературы см.: Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.

⁹ Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография.— В кн.: Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987, с. 61.

¹⁰ Смирнов А. А., Мерперт Н. Я. Археологические исследования Куйбышевской археологической экспедиции в 1953 г.— Вестник АН СССР. М., 1954, вып. 55, с. 67; Смирнов А. П. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Казань, 1955, с. 22; Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах.— КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 141—146.

¹¹ Это Сарай-Бату (ныне Селитренное городище), Новый Сарай (Царевское городище), Бельджамин, или Бездеж (Водянское городище), Увек (на территории Саратова) и др. См. подробнее: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой орде. М., 1978. Особенно многочисленны находки церковной утвари в Сарая-Бату, центре сарайской и подонской епархии.

то от второй половины — лишь 6. Время производства еще 4 предметов определяется всем столетием. Показателен и ареал распространения и бытования импортных произведений. Даже во Владимире Волынском, наиболее тесно связанном с польскими и венгерскими землями, ко второй трети XIII в. относится лишь один предмет (из 38 предметов конца XII—XIII вв.), в Суздале — 1 из 5. В Новгороде до нашего времени от второй трети XIII в. дошли лишь доски книжных окладов. В Поднепровье импортные произведения прикладного искусства исчезли полностью (зафиксирована лишь одна находка в устье р. Суры)¹². Несомненно, монгольское нашествие крайне затруднило контакты со странами Центральной и Западной Европы (художественный импорт состоял в значительной степени из французских изделий, первое место в нем занимали лиможские эмали), способствовало отчуждению и обособленности Руси от других европейских стран. Прекратились или резко сократились культурные и религиозные контакты (большинство ввозимых ранее предметов были культовыми).

Некоторые данные о роли князя в тяжкую годину нашествия также можно извлечь из археологических материалов. На этот раз речь идет о кладках, их топографии. К сожалению, в 1954 г. на основе данных о раскопках XIX и начала XX в. еще невозможно было точно датировать время сокрытия кладов. Поэтому Г. Ф. Корзухина выделила весьма длительный период — 70-е годы XII в. — 1240 г. На эти семьдесят лет пришлось львиная доля кладов, зарытых на протяжении четырех столетий: 110 из 175. 46 из них были найдены в Киеве, 12 — в пределах усадьбы Десятинной церкви и еще 5 — в ее ближайшей округе. Хотя князь и был стражем, гарантом свободы и независимости города, но свои сокровища богатые киевские жители доверяли не князю, но церкви, полагая, что стены этого сооружения, по преданию основанного Владимиром Святым — более надежная защита, нежели власть потомка этого князя.

Другие данные о топографии кладов не позволяют поставить вопрос о соотношении княжеской и церковной власти. Однако места сокрытия кладов четко обозначают путь половецких набегов и монгольского нашествия (еще 10 кладов обнаружены в Михайловском Киевском монастыре, 21 — под Каневым и 6 — в пределах бывшей Киевской губернии, 5 — в Чернигове и Черниговской губернии, 3 — на Волыни, по 4 — в Рязани и Владимире)¹³. В начале лета 1988 г. Т. Д. Авдусина и Т. В. Панова нашли клад, который был закопан в первой трети XIII века в пределах будущего Кремля Ивана Калиты: 75 серебряных и золотых предметов — височ-

¹² Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, с. 61, 10, 27, 31, 34, 35.

¹³ Корзухина Г. Ф. Русские кладки IX—XIII вв. М.—Л., 1954, особенно карта № 4; Авдусина Т. Д., Панова Т. Ф. Клад в Московском кремле.— Вопросы истории, 1988, № 9, с. 180—181.

ные кольца, шейные гривны, денежные слитки, бармы с изображением архангелов и т. д.

Краткий обзор археологического материала даже по одной теме — о роли монгольского нашествия для Руси XIII столетия — не позволяет согласиться с мнением Дж. Феннела о несущественности данных археологии для понимания изучаемой проблемы.

8. Историческая география

Трудный вопрос о том, был ли процесс формирования новых княжеств в послемонгольское время результатом нашествия или итогом естественного феодального дробления, может быть решен с помощью данных исторической географии. На этот вопрос дается два прямо противоположных ответа: советские историки¹ настаивают на том, что процесс феодального дробления был ускорен и деформирован нашествием, а Дж. Феннел не видит в нем никакого воздействия монголов.

Обратимся к данным исторической географии и демографии, например, относительно московского княжества, история возникновения которого изучена в 1988 г. наилучшим образом. А. А. Юшко убедительно показала², что ядро этого княжества, располагавшееся треугольником к югу и западу от среднего течения р. Москвы, представляло собой территорию между Смоленской на западе, Ростово-Суздальской — на северо-востоке и Черниговской землей на юге. Эта территория, по ее мнению, не входила ни в одно из вышеназванных княжеств. Действительно, густые леса, покрывавшие этот район, несмотря на процесс колонизации, вплоть до XVI в., возможно, были препятствием для освоения этой земли в XII — начале XIII в. Ситуация изменилась после нашествия, когда леса стали казаться наиболее безопасным местом жительства, о чем весьма выразительно повествуют не только русские летописи, но и «История» Джувеини. Кроме того, население могло привлекать и положение этого района, еще не подвергшегося окняжению: именно здесь располагались племенные и общинные ремесленные центры (Успенское, Кунцево, Боровский курган, Боршево, Луковня и т. д.), но почти полностью отсутствовали феодальные усадьбы. Их бурный рост относится к более позднему времени.

Будь появление новых княжеств простым результатом естественного феодального дробления, он равномерным потоком захватил бы все территории Руси. Однако этого не произошло. В наиболее целом виде сохранилось Ростовское княжество, наименьшим образом из княжеств Северо-Восточной Руси пострадавшее от нашествия.

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XI—XIV вв. М., 1984.

² Юшко А. А. О междукняжеских границах в бассейне р. Москвы в середине XII—начале XIII в.—СА, 1987, № 3, с. 86—87; е е же. Опыт комплексного использования источников при изучении исторической географии Московской земли XII—XIII вв.—ВИД, т. XVIII. Л., 1987, с. 55—64.

вия. Из него выделилось лишь Белозерское княжество в 1238 г. Наиболее показательна судьба Владимирского княжества. Во главе его после гибели Юрия Всеволодовича на р. Сити стал князь Ярослав Всеволодович, бывший до того и переяславским князем. Не будучи в силах удержать оба эти княжества в своих руках, он отдал брату Святославу, до того владевшему Юрьевом, Польским, Суздалью, а Ивану — Стародуб. Таким образом, тотчас после нашествия были созданы два княжества (впрочем, они недолго существовали и до нашествия, но вскоре прекратили свое существование). Оба княжества выдержали испытание временем: потомки Ивана сохраняли княжество на протяжении XIII—XIV вв.

На северо-востоке в 1247 г. возникли еще три княжества — Тверское, Галицко-Дмитровское, Московское — в 1247 г., Костромское — в 50—60-е годы, Городецкое — в 1263—1282 гг. Обращает на себя внимание расположение этих новых княжеств — все они занимали удаленные от центра Северо-Восточной Руси территории. Вероятно, формирование новых политических организмов было возможным лишь на более безопасных от нашествий и набегов монголов территориях, где сконцентрировались достаточные людские ресурсы из числа беженцев для пополнения дворов новых князей, с одной стороны, и материального поддержания их за счет обложения данью в их пользу зависимого населения — с другой. Таким образом, вместо 6 княжеств, располагавшихся на северо-востоке в канун нашествия, к 70-м годам их образовалось 14³.

Это объективный результат нашествия. Были ли причастны к формированию новых княжеств монгольские ханы субъективно, т. е. было ли целью их сознательной политики по отношению к русским князьям создание и поддержание новых княжеств? Или, выдавая ярлыки на княжения, монгольские ханы просто плыли по течению, течению внутренней русской истории? У нас слишком мало данных для того, чтобы определенно ответить на этот вопрос.

9. Церковь

Русская церковь в XIII в. — это 12—14 епархий, признававших власть киевского митрополита и входивших в состав русской диоцезии — одной из семи десятков митрополий константинопольского патриархата. По приблизительным подсчетам, в XIII в. на Руси существовало около 60 монастырей и несколько тысяч церковных приходов, из которых более тысячи — в городах¹. Церковь сумела избежать общей участи русской земли: она сохраняла номинальное единство вплоть до 1303—1304 или 1305—1306 гг., когда в Галицко-Волынской Руси была учреждена собственная галицкая

³ Кучкин В. А. Формирование, с. 110.

¹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. — КСИИМК. М., 1967, № 110, с. 3—9; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Спб., 1890—1897, т. I—III.

митрополия с епископскими кафедрами в Перемышле, Владимире Вольнском, Луцке, Холме и Турове².

В 1261 г., вероятно по настоянию хана Берке, в Сарае начала действовать сарайская и подонская владычная кафедра, глава которой в случае надобности кочевал вместе с ханской ставкой. Сарайскому епископу в духовных делах подчинялись все христиане Орды, преимущественно русские, уведенные монголами в плен. Исключение составляли последователи христологических ересей, осужденных вселенскими соборами в Ефесе (431 г.) и в Халкидоне (451 г.), — якобиты и несториане, которых было немало в разноязычных ордынских войсках и которых патриарший собор предписывал приобщать к православной церкви лишь после специального обряда миропомазания³.

Еще одна, тверская, епископия была учреждена в 1272 г., а в 1299 г. митрополит Максим «выбежа ис Киова, не моггы тръпети татарскаго насилия, иде в суждальскую землю и седе в Владимире»⁴. Перенесение митрополичьей кафедры из Южной Руси на северо-восток окончательно определило политическую линию русской митрополии как церкви Северо-Восточной Руси. Это обстоятельство в дальнейшем явилось одним из факторов консолидации русских княжеств вокруг Москвы и Твери.

Обычно о деятельности церкви XIV—XVI вв. мы судим по материалам, восходящим к документации владычных кафедр, причем официальные сборники русских митрополитов Симона, Даниила и Иоасафа (1495—1542) отражают архетип не старше начала 70-х годов XV в.⁵ и содержит материалы не древнее первой трети XIV в.⁶ Исключение составляет послание киевского митрополита Иоанна II Продрома антипапе Клименту III 1088—1089 гг., включенное в один из официальных сборников в начале XVI в. Позднейшие церковные архивы, судьба которых связана с владимирской или московской канцеляриями митрополита, не сохранили документов киевской митрополичьей казны, если не считать одного ярлыка хана Менгу-Тимура 1267 г. (см. ниже). Однако материалы о деятельности освященного собора русской митрополии в XIII столетии все же дошли до нас, только иным путем: в составе кодексов церковного права — в кормчих книгах русской редакции, куда в разное время и в разные списки были включены послание константинопольского патриарха Германа II киевскому митрополиту Кириллу II (1228)⁷, приговор владимирского собора русской митропо-

² Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 58.

³ РИБ, т. VI, стб. 136.

⁴ ПСРЛ, т. 15, 1-я пол., стб. 35.

⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV века. М., 1948, т. I, с. 23.

⁶ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987, ч. III, с. 595—599.

⁷ РИБ, т. VI, стб. 79—84.

лии (1273)⁸, ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста (1276)⁹, поучение (окружное послание) митрополита Максима (1283—1305)¹⁰.

Изменения в положении церкви на Руси отразились в напряженной работе по кодификации церковного права: если в XII в. основным источником церковно-юридических норм являлась сокращенная редакция древнеславянской кормчей без толкований, то в 1262 г. на Русь была привезена кормчая сербской редакции с подробными объяснениями правил, принадлежащими византийским юристам Алексею Аристину и Иоанну Зонаре, а в 1273—1280 гг. в окружении киевского митрополита Кирилла создается русская редакция кормчей, соединившая материалы древнеславянской и сербской редакций¹¹; к концу XIII — началу XIV в. относится список русского юридического сборника нетрадиционного состава (так называемая «Устюжская кормчая» с систематическим изложением правил и Номоканон Иоанна Схоластика)¹².

Княжеские уставы Владимира и Ярослава, сложившиеся в Киве, во всяком случае, к началу XIII в., регулировали отношения между князем и митрополитом (епископом) и регламентировали полномочия владычного суда¹³. Аналогичную роль играли уставные грамоты, данные местными князьями церкви, — новгородский устав Всеволода о церковных судах (XIII в.)¹⁴, уставная грамота князя Льва Даниловича Успенскому собору близ Галича (1301)¹⁵.

Особое положение церкви, обладавшей широким иммунитетом в отношении своих владений, было закреплено ярлыками, выдаваемыми русским митрополитам и духовенству ордынскими ханами. Древнейший из этих ярлыков был дан, по-видимому, Бату-ханом в 1243—1248 гг. и подтвержден 10 августа 1267 г. ярлыком хана Менгу-Тимура¹⁶. Первая грамота не сохранилась, а древнерусский перевод ярлыка Менгу-Тимура в 10-х годах XV в. был включен в краткое собрание ярлыков, составленное в московской митрополичьей канцелярии при митрополите Фотии, но известное в списках

⁸ Там же, стб. 83—100. О дате собора см.: Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 183—184.

⁹ РИБ, т. VI, стб. 129—140. Греческий подлинник см. там же. Приложения, стб. 4—12.

¹⁰ Там же, стб. 139—142.

¹¹ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси, с. 185; Троицки С. В. Како треба издати светосавску крмчију (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952. Српска Академија наука. Споменик, т. 102. Одељење друштвених наука. Нова серија. 4.

¹² См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, № 476.

¹³ См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 14—16, 86—91.

¹⁴ Там же, с. 154—158.

¹⁵ Там же, с. 169—170.

¹⁶ Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII—XV веках.— Вопросы научного атеизма. М., 1988, вып. 37.

не старше конца 60-х годов XV в., созданных в Троице-Сергиевом монастыре и восходящих к архиву русской митрополии¹⁷.

Повседневный церковный быт — жизнь церковного прихода и монашеской общины — представил богатый материал для создания многочисленных русских пенитенциальных статей. Это духовная покаянная литература, изучение которой в европейской традиции было начато Ф. В. Вассершлебенем (1851) и Г. И. Шмицем (1883, 1895)¹⁸, а в нашей науке — С. И. Смирновым (1912)¹⁹, вопросы, задаваемые на исповеди духовным отцом, поучения монахам и мирянам, объяснения разных юридических казусов и установление норм церковных наказаний, записанные в небольших правилах, заповедях, чинах исповеди и включенные в состав требников, канонических сборников, учительных компиляций. Из них к XIII в. с большей степенью вероятности относятся составленные по греческим источникам два правила монахам²⁰, правило с именем Максима²¹, заповедь «ко исповедующимся сыном и дочерем»²², вторая редакция правила Ильи, архиепископа новгородского²³.

Послания и поучения монахов и церковных иерархов наиболее полно передают духовную атмосферу XIII столетия — таковы сохранившиеся в учительных сборниках 5 слов печерского игумена и впоследствии владимирского епископа Серапиона (написаны в 1239—1275 гг.)²⁴, поучительное послание черноризца Иакова ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (ок. 1281)²⁵, «Наказание» тверского епископа Симеона полоцкому князю Константину (до 1289 г.)²⁶, послания владимирского епископа Симона и инока Поликарпа (1214—1226)²⁷.

Перечисленные источники описывают разные стороны функционирования церковной организации на Руси — от раздела раннефеодальной ренты между княжеской администрацией и владыкой (поступления от дани, княжеского суда, вир и продаж) и выделе-

¹⁷ Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам.— Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987, ч. III, с. 571—594.

¹⁸ Wassersleben F. W. Die Bussordnungen der Abendländischen Kirche. Halle, 1851; Schmitz H. J. Die Bussbücher und die Bussdisciplin der kirche. Mainz, 1883, t. I; Dusseldorf, 1895, t. II.

¹⁹ Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912.

²⁰ Там же, с. 32—38.

²¹ Там же, с. 51—54.

²² Там же, с. 112—132; Ср.: Thomson F. J. The Ascription of the Penitential. Заповеди святых отец к исповедующемуся сыном и дочерем to Metropolitan George of Kiev.— RM, 1979, t. IV, p. 5—15.

²³ Там же, с. 107—108.

²⁴ Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. Спб., 1888.

²⁵ Смирнов С. И. Материалы, с. 189—194; его же. Древнерусский духовник. М., 1914, с. 1—29.

²⁶ Правда Русская. М.—Л., 1940, т. I, с. 97; Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского.— Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 243—251.

²⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. Спб., 1911.

ния ее в форме десятины на содержание церкви — до тонких дефиниций пастырского богословия, отличающего согрешения «по любви сердца своего» от грехов, совершенных «по [дьявольской] напасти». Зависимость церкви от княжеской власти, учреждавшей владычные кафедры и монастыри и делившейся с иерархами десятой долей доходов, постепенно уравнивается монгольской политикой в отношении духовенства. Ярлыки ордынских ханов освобождали церковь и население, находившееся в вассальной зависимости от церкви, от финансовых обязательств — сельских занятий (поплужное), торговых (тамга), почтовых и военных натуральных повинностей (ям и война), от случайных «запросов», и обеспечивали сохранность недвижимых имуществ церкви. Эти меры были необходимы Орде не столько для подтверждения языческой веротерпимости, прокламированной традиционным монгольским правом — Чингис-хановой Ясой²⁸, но главным образом для расширения социальной базы ордынской власти на Руси. Описанная тактика имела успех: вплоть до третьей четверти XIV в. у нас нет никаких свидетельств об участии церкви в антиордынской борьбе.

10. Книгописание

Мир древнерусской книги наиболее полно отражает феномен древнерусской культуры и содержит множество характеристик культурного процесса. Не углубляясь в эту тему, обозначим лишь масштабы и степень сохранности древнерусского книгописания. От XIII столетия до настоящего времени сохранилось совсем немного книг — может быть, десятая часть¹ — около 200 рукописей и отрывков, созданных в конце XII — начале XIV в.², и их распределение таково:

Конец XII — начало XIII в.	Первая половина XIII в.	XIII в. (для тех случаев, где невозможна более узкая датировка)	Вторая половина более XIII в.	Конец XIII — начало XIV в.
28	19	83	34	35

Все эти книги написаны на пергамене, поэтому в отличие от более поздних бумажных рукописей, где допустимы более узкие датировки, у нас нет возможности определить время их написания точнее, чем половиной столетия. И все же заметьте: сохранилось 19 книг, созданных до нашествия Батыея и в первые годы монгольского про-

²⁸ Ayalon D. The Great Yasa of Chinghis Khan: A Reexamination.— Studia Islamica, 1971, № 33, p. 97—140; N 34, p. 151—180.

¹ Другие, еще менее оптимистические оценки см.: Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 82—83.

² Подсчеты выполнены по изданию: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв., М., 1984 (далее в тексте: СК).

тектората над Русью, и 34 книги, написанные в годы некоторой стабилизации русско-ордынских отношений. Соотношение этих чисел помогает косвенно оценить потери, понесенные русской культурой в 1237—1240 гг. Аналогичную картину дает ряд, составленный из немногих точно датированных книг XIII столетия: 1207, 1219—1222, 1220, 1260, 1260—1301, 1270, 1271, 1281, 1282, 1282—1283, 1284, 1296 гг. Можно полагать, что в 30—50-е годы XIII в. книгописание на Руси было приостановлено.

Записи на книгах свидетельствуют, что книгописное дело велось писцами владычных кафедр, митрополичьей канцелярии и причетниками церкви. Центрами книжной культуры являлись Ростов при князе Васильке Константиновиче и епископе Кирилле (СК № 174, 175, ср. 173), Галич — при князьях Льве Даниловиче и его сыне Юрии (СК № 179), Новгород (СК № 180, 181, 270), в том числе при князе Дмитрие и архиепископе Клименте (СК № 183), Рязань — при князьях Ярославе и Федоре и епископе Иосифе (СК № 186), Холм или Перемышль (СК № 184), Полоцк (СК № 195), Волынь (СК № 244).

Среди рукописей XIII столетия преобладают книги, необходимые для совершения церковного круга богослужения, в том числе нотированные, сохранившие не расшифрованные до сих пор фрагменты древнерусских культовых песнопений. Заметное место занимает византийская церковно-учительная литература: «Лествица» Иоанна Лествичника (СК № 206), «Паренесис» Ефрема Сирина (СК № 289, 466), «Богословие» Иоанна Дамаскина (СК № 141), сочинения Максима Исповедника, Федора Эдесского и Нила Синайского (СК № 229), «Пандекты» Никона Черногорца (СК № 166, 214), жития Епифания Кипрского (СК № 261), Саввы Освященного (СК № 262), Нифонта Констанцкого (СК № 174), сборники слов — торжественники (СК № 165). Церковное законодательство отразили древнейшие списки кормчих книг — новгородский 1281 г. (дата уточнена Б. М. Клоссом) русской редакции (СК № 183), рязанский 1284 г. сербской редакции (СК № 186), уваровский древнеславянской редакции (СК № 268), Устюжский сборник (СК № 476). От XIII в. дошел и один список русской летописи — Новгородской I старшего извода (СК № 270).

11. Литература

Важнейший жанр литературы XIII столетия — летописание. На основании анализа древнейших Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской, Троицкой летописей, летописца Переславля Суздальского и русских статей «Летописца вскоре» патриарха Никифора исследователи реконструируют несколько южнорусских сводов, включенных в состав киевского свода 1200 г., а затем в Галицко-Волынскую летопись 1292 г., севернорусский свод 1205 г., владимирское летописание 30-х годов XIII в., ростовскую летопись вто-

рой половины XIII в., владимирский свод 1281—1282 г., тверской свод 1305 г. Краткая характеристика летописания XIII в. дана выше (см. Приложение 1. Летописи).

Структура летописного текста неоднородна, и отдельным событиям посвящены вполне самостоятельные повести — о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 году¹, о битве на Липице между новгородцами и суздальцами (1216)², о сражении на Калке (1223)³, о Батьевом нашествии (1237—1240)⁴, о смерти Василька Константиновича (1238)⁵ и др. Последний рассказ по своим жанровым характеристикам примыкает к мартириям — повестям о мученичестве подвижников. Агиография XIII в. представлена житиями монахов — основателей монастырей Варлаама Хутынского (краткое, так называемое проложное житие второй половины XIII в.)⁶ и Авраамия Смоленского (второй половины XIII в.)⁷, а также княжескими житиями — первоначальной редакцией «Повести о житии Александра Невского» (80-е годы XIII в.? Во всяком случае, после 1263 и прежде 1305 г.)⁸ и древнейшей ростовской редакцией «Сказания» об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора в 1246 г. (прежде 70-х годов XIII в.)⁹. В первой трети XIII в. начинается складываться цикл агиографических повестей, позднее составивших Киево-Печерский патерик¹⁰.

В жанре «хожений» новгородским архиепископом Антонием написана книга «Паломник», повествующая о путешествии к святым местам в Царьград (ок. 1200—1232)¹¹. Пастырскими проповедями являются пять «слов» Серапиона Владимирского, написанные в 1239—1275 гг.¹². К патериковому рассказу приближается «Наказа-

¹ См.: Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.—ТОДРЛ. М.,—Л., 1954, т. 10, с. 120—135.

² Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице в летописании XIV—XVI вв.—ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 96—115.

³ Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи.—В кн. Летописи и хроники. 1980, М., 1980, с. 79—103; Fennell L. I. The Tatar Invasion of 1223.

⁴ Fennell J. L. I. The Tale of Baty's Invasion.

⁵ Fennell J. L. I. The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovic.

⁶ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

⁷ Редков Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом.—Смоленская старина, 1909, вып. I, с. 1—173.

⁸ Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. Спб., 1913; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965; Lamlich M. Fürstenbiographien des XIII Jahrhunderts. Köln, 1973.

⁹ Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981.

¹⁰ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. Спб., 1902

¹¹ Белоброва О. А. «Книга Паломник» Антония Новгородского (К изучению текста).—ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 178—185.

¹² Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. Спб., 1888.

ние» тверского епископа Симеона полоцкому князю Константину (ум. в 1289)¹³. Сохранилось и письменное обращение духовника духовному сыну — послание черноризца Иакова ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (ок. 1281)¹⁴.

Нередко к XIII столетию относят и легендарно-исторические повести — агиографическое «Слово о Меркурии Смоленском», победившем полки «злочестивого царя» Батыя¹⁵, «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе цикла повестей о Николе Зарайском¹⁶, легенду о граде Китеже¹⁷. Однако нет достаточных оснований подозревать столь глубокую древность книжных легенд: по-видимому, они возникли как распространение летописного текста (например, «Повесть о разорении Рязани» — переработка статьи под 1238 г. Синодального списка Новгородской I летописи¹⁸).

Общепризнана датировка XIII в. одной из жемчужин древнерусской словесности — «Слова о погибели Русской земли». Его считают началом несохранившегося сочинения о монгольском нашествии, составленного в 1223 г. (М. Н. Тихомиров, В. Филипп), в 1237—1240 г. (А. В. Соловьев, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, Ю. К. Бегунов), в 1238 г. (Л. А. Дмитриев), в 1246 г. (М. А. Горлин) или после 1250 г. (В. В. Данилов)¹⁹. Основанием датировки, как правило, служит фраза «Слова о погибели», упоминающая Ярослава Владимировича (ум. в 1246) как «нынешнего князя». Одно этого аргумента явно недостаточно, ибо «Слово о погибели» — не летописный отрывок, а фрагмент риторического зачина, и настоящее время в его повествовании можно понимать как «настоящее сентенции», т. е., по словам П. А. Флоренского, толковать «разбираемое место как общую мысль о постоянной связи явлений»²⁰.

Позднейшая из возможных дат создания «Слова о погибели» — 80-е годы XV в., когда этот памятник был присоединен к одному из списков первоначальной редакции «Жития Александра Невского». В «Слове» неточно описаны география и политическая история XIII столетия: границы владений Руси и «отчины» Всеволода III, отношения с Булгаром и Литвой. Упоминание многих

¹³ Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 234—251.

¹⁴ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1914, с. 1—29.

¹⁵ Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. Пг., 1922.

¹⁶ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зарайском (тексты). — ТОДРЛ. М. — Л., 1949, т. 7, с. 257—406.

¹⁷ Комарович В. Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М. — Л., 1936.

¹⁸ Ср.: Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII в. — В кн.: История русской литературы. М. — Л., 1946, т. 2, ч. I, с. 74—85; его же. К литературной истории Повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ. М. — Л., 1947, т. 5, с. 57—72.

¹⁹ См.: Дмитриев Л. А. Слово о погибели Русской земли. — В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). М., 1987, вып. I, с. 432—434.

²⁰ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 247.

«обителных виноградов» (монастырей) и «церковных домов» воспринимается как реалия второй половины XIV—XV в. Один из фрагментов «Слова о погибели» находит прямое соответствие в краткой редакции «Задонщины» 60—80-х годов XV в., причем возможны два объяснения связи этих памятников: «Слово о погибели» — краткая редакция «Задонщины» либо архетип краткой «Задонщины» — «Слово о погибели». Рассказ «Слова о погибели» о «великих дарах», которые «жур Мануил» (византийский император Мануил Комнин) посылал Владимиру Мономаху, является особым изложением книжной легенды о Мономаховых дарах²¹, распространявшейся на Руси, во всяком случае, после падения Константинополя (1453) и впервые зафиксированных «Сказанием о князьях владимирских» (конец XV — первая треть XVI вв.)²² и летописной редакцией чина венчания Дмитрия-внука «Мономаховой шапкой» (ок. 1518)²³. На этом основании считаем «Слово о погибели Русской земли» памятником не XIII, а третьей четверти XV в.

Нелетописные произведения XIII столетия дают историку множество живых примет эпохи. Жития Авраамия Смоленского и Варлаама Хутынского рассказывают об организации монашества на Руси. В «Житии Александра Невского» упоминается о «великой нужде от иноплеменник» (монголов): «гонянуть христиан, веляще с собою воинствовати», а в «Сказании об убиении Михаила Черниговского Федора» — о монгольской переписи («числе») на Руси. Образ идеального князя описан в послании монаха Иакова князю Дмитрию Борисовичу. «Имя бо велико (знатное имя) не введеть в царствие небесное», — пишет Иаков князю и требует от него исполнения господних заповедей как в мирные, так и в «ратные» (военные) годы. Ответственность князя за дела его администрации — предмет «Наказания» тверского епископа Симеона князю Константину. В «Наказании» описан тиун, что «неправду судить, мзду емлет, люди продает, мучить, лихое все дееть... толико того дея, абы князю товара добывал, а людей не щадить. Аки бешена человека пустил на люди, дав ему мечь, — тако и князь, да (передав в управление) волость лиху человеку губити люди». На вопрос князя, где будет тиун на том свете, епископ отвечает: «Там, где и князь». Добрый князь поставит доброго тиуна: князь попадет в рай, и тиун в рай. Плохой князь даст власть злому тиуну или волостелю: князь попадет в ад, и тиун в ад.

Проповеднические «слова» Серапиона Владимирского — трагический памятник эпохи монгольского нашествия. «Не пленена ли

²¹ В позднейших памятниках XVI—XVII вв. при пересказе повести о Мономаховых дарах имя византийского императора Константина Мономаха иногда заменялось на имя императора Алексея Комнина (Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 55—56; Бегунов Ю. К. Памятник, с. 100—103). На связь «Слова о погибели» с легендами о Мономаховых дарах наше внимание обратила М. Б. Плюханова.

²² Дмитриева Р. П. Сказание.

²³ Тихонюк И. А. Чин поставления Дмитрия-внука. — В кн. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987, ч. III, с. 604—625.

бысть земля наша? — пишет Серапион. — Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупимь на земли? Не ведены ли быша жена и чада наша в плен? Не поработшени быхом оставшеи горкою си работою (рабством) от иноплеменник? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади (голод), морове живот наших (мор на скот), и всласть хлеба своего изъести не можем... Князий наших воевод крепость ишезе, храбрии наша, страха неполънышеса, бежаша, села наша лядиною (сорной травой) поростоша, и величество наше смерися, красота наша погыбе... земля наша иноплеменником в достояние бысть...» Пастырь, толкующий нашествие иноплеменников как божию казнь, призывает свою паству очиститься от грехов «резоньства (ростовщичества)... граблениа, татбы, разбоя..., прелюбодейства... сквернословия, лже, клеветы, клятвы и поклепа», очиститься — и творить добро, дабы умиловити Бога. Серапион обличает языческие обычаи «волхвования», «басен» (апокрифических легенд), выступает против сожжения на костре по обвинению в чародействе, причем указывает вполне земные мотивы борьбы с колдовством: «Иный по вражде творить, иный горкаго того прибытка жадаея (т. е. желая обогатиться), а иный ума не исполнен: только жадаея убити, пограбити, а еже а что убити (а кого убивать), а того не весть»²⁴.

Летописные своды XIII столетия достаточно тщательно фиксируют события политической истории, но внимание летописцев в основном приковано к судьбам русских князей и мало отвлекается на события, характеризующие монгольскую политику на Руси. В отличие от летописей XIV в., например тверского свода 1375 г., сохранившего уникальные факты истории Орды²⁵, летописные своды XIII столетия в рассказах об ордынской администрации, взимании дани и т. д. зачастую используют формулы умолчания. Летописцы сообщают о монголах явно меньше того, что было известно при дворах князей, ездивших в Сарай и Каракорум и принимавших участие в ордынских военных походах. Эти умолчания могут быть объяснены тем, что еще не сформировалась книжно-легендарная парадигма ига, не был освоен тот семантический ряд, та иерархия смыслов, где нашлось бы место для описания монгольской политики. Образ Руси, отданной «иноплеменником на горкую работу», т. е. в печальное рабство²⁶, у книжников XIII в. влечет за собой лишь сентенция о божьей каре и необходимости полного покаяния, как покаялись в своих злодеяниях жители библейской Ниневи (Ион. гл. 1 ст. 2; 3, гл. 5—10). У современников Александра Невского мы не найдем еще связной концепции ига, и лишь в летописной повести 1418 г. о разгроме Мамаея (1380) монгольское владычество будет приравнено к египетскому плену²⁷.

²⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981, с. 440—454.

²⁵ ПСРЛ. Пг., 1922, т. 15, вып. 1.

²⁶ Памятники литературы Древней Руси. XIII век, с. 452.

²⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 23. Ср.: Halperin Ch. The Tatar Yoke. Columbus, Slavica. 1986.

12. Искусство

XIII в. часто называют темным периодом в истории русского искусства. Действительно, скудость письменных сообщений о деятельности художников и зодчих, малое число сохранившихся произведений того времени позволяют представить развитие искусства как в целом, так и в отдельных центрах страны, где оно шло своими путями, лишь в самой общей форме. Середина века отмечена мрачной печатью монгольского нашествия, однако и в это время художественная жизнь местами теплилась. На протяжении столетия формы искусства, его стиль трансформировались, но изменения эти в условиях политической и культурной изоляции Руси, обусловленной внешнеполитическими факторами, протекали очень медленно.

На протяжении столетия русская художественная культура прошла три этапа. Первый, и наиболее продолжительный по времени, охватывающий почти четыре первых десятилетия, непосредственно предшествует эпохе монгольского нашествия, его начало относится еще к 90-м годам XII в., а верхняя граница — к 1238—1240 гг. Второй этап приходится на 40—60-е годы — время страшного разорения и почти полного свертывания художественно-строительной деятельности в наиболее крупных центрах — Киеве, Чернигове, во Владимире, отчасти в Новгороде. Третий этап, связанный с начавшимся процессом консолидации духовных сил порабожденного народа, с оживлением ремесел и торговли, усилением строительства, расширением деятельности мастерских художников, возобновлением прерванных в начале столетия контактов с Византией и южнославянскими странами, начинается в 60—70-е годы, но его верхняя граница выходит уже за пределы XIII в.

В течение первого этапа продолжается непрерывный, органичный процесс развития художественных традиций, основание которых было заложено в XI—XII вв., и в этом смысле он справедливо относится к так называемой домонгольской эпохе.

Искусство в целом несет на себе печать аристократических вкусов придворной княжеской среды и высших церковных иерархов. Его монументальный стиль отличается торжественной сдержанностью выражения, возвышенной идеальностью образов. Мир, создаваемый художниками, не подчиняется току времени, символизируя собой вечность. Вместе с тем в первой трети XIII столетия вызревают те новые идеи, те эстетические представления, которым суждено было развиваться в творчестве следующих поколений мастеров, во многом определять стиль создаваемых ими произведений. Аналогичные явления характерны для искусства всех стран византийского культурного ареала. Прежде всего они проявляются в попытках преодолеть аскетическую замкнутость, отрешенность от жизни образов так называемого «комниновского» стиля XII в., сделать их внутренний мир более доступным и понятным для широких кругов народа. Если художники XII в. стремились запечатлеть процесс самоуглубленной духовной жизни, то теперь главное внимание уделяется ее кульминационным моментам. Независимо от размеров

икон изображение на них отличается крупным масштабом, внушительными позами, действенными жестами. Святые изображаются так, будто они лицезреют Бога или получают из его рук мученический венец. Св. Дмитрий, восседающий на троне и венчаемый ангелом (икона из Дмитрова, ГТГ), запечатлен как бы в момент введения в сонм святых. Само представление о святом утрачивает былую умозрительную отвлеченность и выступает в персонифицированном виде, материализуется в святине — храме, реликвии, иконе, которую почитают как могучую заступницу, подающую скорую и действенную помощь лицу либо общине, ею владеющей и ею патронируемой.

Зрелищность, демонстративность, прямое обращение к зрителю — черты, в полной мере проявившиеся в первой трети столетия, — во многом определили особенности стиля искусства последующего времени. Особенно ярко это обнаружилось в живописи. Примером может служить икона «Богоматерь Великая Панагия» из Ярославля (ГТГ). Образ Богоматери-заступницы с молитвенно поднятыми руками, предстающий перед зрителем как бы на фоне отверстых небес, близок в смысловом отношении к изображению ее в сцене «Покрова».

Тема патроната, покровительства, заступничества, ограждения — наиболее распространенная в искусстве XIII в., что отразилось в эпитетах, присваиваемых чтимым реликвиям. Так, например, составители Галицко-Волынской летописи называют икону «Христа-Избавителя», находившуюся в городе Мельнике. Перед ней молится князь Даниил Романович. Такие святыни не только призваны охранять паству церкви, но в свою очередь сами бдительно охраняются ею, украшаются, помещаются в храм как в своеобразный киот и доминируют в его пространстве. Представление о подобных чтимых иконах дают икона «Богоматерь Белозерская», созданная в первой трети XIII в. (ГРМ), и икона «Николаы Липного», относящаяся к более позднему времени, около 1294 года (Новгородский Музей).

Соответственно меняется и образное восприятие храма. Он все больше осознается как ограда святого места и сень над ним. С таким восприятием, видимо, связано увеличение декоративных элементов на фасадах, усиление вертикализма, притом что абсолютные размеры храмов уменьшаются. Архитектура храмов увязывается с существующей застройкой в городском пейзаже. Храм становится основной топографической приметой, выделяющей княжескую резиденцию, монастыри, ремесленные слободы, отдельные улицы. Высокие храмы, доминирующие в панораме города, как правило, со ступенчато повышающимися сводами и арками, с фасадами, украшенными пучковыми пилястрами, бровками над окнами, орнаментированными вставками из лекального кирпича, сохранились в Смоленске — церковь Архангела Михаила конца XII в., в Чернигове — церковь Параскевы Пятницы начала XIII в., в Новгороде — церковь Параскевы на Торгу 1207 г.

Первая треть века отмечена ростом городов, интенсивным каменным строительством, расцветом художественных ремесел. Искусство испытывает очень сильное воздействие городской культуры,

в которой сплавляются черты высокой литературной традиции, церковной книжности и народно-поэтической словесности. Простонародные вкусы и поэтические представления отражаются в той тяге к узóрочью, которая обнаруживается не только в памятниках прикладного искусства, но и в произведениях живописи, в белокаменной резьбе, как это показывают рельефы, сплошным ковром покрывающие стены Георгиевского собора в Юрьеве Польском (ок. 1234). Здесь в сложный растительный орнамент вплетены образы, традиционные для христианского искусства: изображения святых, евангельские и библейские сцены и образы, заимствованные из фольклора, — фантастические маски, сказочные звери, кентавры, сирены. Храм предстает перед зрителем как некое подобие цветущего райского сада.

Иллюстративные изображения назидательного характера наглядно представляют известные канонические или апокрифические сюжеты. Прекрасными примерами такого повествования являются пластины западных и южных врат Рождественского собора в Суздале, мастерски исполненные в редкой технике золотой наводки по меди в 20-х годах XIII в.

Ряд возникающих в это время памятников находит прямые параллели среди произведений балканских мастеров. Таковы среднерусские иконы «Богоматерь Великая Панагия» из Ярославля (ГТГ) и оглавный «Деисус» (ГТГ), новгородская икона «Успение» из Десятинного монастыря (ГТГ), сопоставимые с фресками Богородичной церкви монастыря Студеница в Сербии 1208 г., миниатюры галицко-волынского Евангелия (ГТГ). В русской монументальной живописи еще в конце XII в. был известен прием украшения фонов листовым золотом, придающий фрескам сходство с мозаичной техникой. Этот же прием использовался в росписях Студеницы и других сербских храмов первой половины XIII в. Фрагменты таких фресок были найдены при раскопках церкви Апостолов в Белгороде, построенной великим киевским князем Рюриком Ростиславичем в 90-е годы XII в. Вместе с тем именно в эти десятилетия с особой силой проявляются такие своеобразные черты в архитектуре, живописи, прикладном искусстве крупных культурных центров Руси, которые позволяют говорить об окончательном оформлении местных художественных традиций — «школ». Наиболее яркие примеры региональных особенностей демонстрируют, с одной стороны, памятники Новгорода, с другой — Владимиро-Суздальского княжества. В Новгороде, с его приверженностью к общинным формам почитания святых, весьма определенно проявляются демократические вкусы. Они выражаются в тяге к орнаментальности, к открытым красочным контрастам, подчеркнутой резкости выражения суровых ликов святых.

Особенно характерны в этом отношении образы росписи церкви Нередицы 1199 г. В постройках Новгорода такая же суровость выражения малорасчлененных объемов, сложенных из местного камня и плинфы, сочетается с живописной, как бы лепной поверхностью стен, украшенных скупым декором. Напротив, возведенные из прекрасно обработанных квадров белого камня, украшенные обиль-

ной резьбой, рельефными изображениями постройки Владимира, Суздаля, Юрьева Польского отличаются изысканными пропорциями, идеальной выверенностью линий. Облик таких построек, как Дмитриевский собор во Владимире 90-х годов XII в. или же Рождественский собор в Суздале 1222—1225 г., дает представление об эстетических вкусах великого князя владимирского и окружающей его среды. Одна из особенностей владими́ро-суздальской архитектуры — наличие в ней элементов, заимствованных из западноевропейской традиции — таковы постройки романского стиля.

О них напоминают аркатурные пояса, украшающие фасады храмов, и скульптурный декор. Если живопись Новгорода находит аналогии в основном среди памятников монастырского искусства обширных провинций Византии, то иконопись и храмовые росписи Владимира всецело ориентировались на искусство Константинополя, что проявилось, например, а таком выдающемся памятнике, как роспись Дмитриевского собора конца XII в. Наряду с Новгородом и Владимиром оригинальные художественные традиции развиваются в архитектуре Киева, Смоленска, Полоцка, Галицко-Волинской земли.

Своеобразие второго этапа XIII в., о котором мы судим в основном по косвенным данным, состоит в том, что в это время почти полного прекращения художественной деятельности в результате монгольского нашествия происходит предельная концентрация наиболее жизнеспособных творческих, интеллектуальных сил народа в немногих центрах, прежде всего в митрополии, с которой первоначально был тесно связан Киево-Печерский монастырь. Возможно, одним из таких центров был и Ростов, избежавший погрома. Очагами культуры оставались Новгород, Галич, Владимир Волинский, Смоленск. Продолжают работать те же художники, зодчие и ремесленники, что и до нашествия. Однако нового поколения мастеров на Руси не появляется. Постепенно иссякает домонгольская традиция художественного творчества, прерывается преемственность в обучении и в передаче секретов ремесла. Прежде всего это сказывается в прикладном, особенно ювелирном, искусстве, затем в архитектуре и монументальной живописи. Конечно, этот процесс был неравномерным. Наиболее пострадали такие художественные центры, как Киев, Чернигов, Владимир. Иной была картина в юго-западных княжествах. При князе Данииле Романовиче Галицком в его владения устремились мастера, бежавшие из разоренных монголами городов. Здесь возникли ремесленные слободы седельников, лучников, колчанщиков, кузнецов по железу, меди и серебру, выполнявших заказы князя. Судя по сохранившемуся описанию церкви Иоанна Златоуста, построенной Даниилом в городе Холм, в ее облике было множество черт, заимствованных из западноевропейского романского и раннеготического искусства. В пятах арок располагались четырехликие капители, окна украшали «римские стекла» (возможно, витражи). Не были прерваны традиционные для Галицкой Руси связи с Венгрией и Польшей. Из Венгрии приходят мастера, князь Даниил Романович привозит оттуда чашу из

багряного мрамора, украшенную змеиными головами. Не исключено, что стилю западноевропейской пластики отвечало скульптурное изображение Иоанна Златоуста в церкви Богоматери в том же Холме, выточенное из дерева и позолоченное. Как и многие храмы начала столетия, фасады и интерьеры церкви Богородицы были обильно декорированы. Стиль галицко-волынской живописи, по-видимому, развивался в том же направлении, что и в византийских провинциях, а также в Сербии и Болгарии. Об этом говорит выходная миниатюра с изображением Спаса, Григория Великого и Евстафия в рукописи «Слова Григория Двоеслова» (ГПБ).

Из произведений живописи, созданных в середине столетия в среднерусских княжествах, до нас дошел единственный памятник — миниатюра так называемого «Спасского Евангелия» (Ярославль, Краеведческий музей). Их создатель, выдающийся художник, продолжает развитие тех традиций, которые проявились в искусстве Ростовской земли в первой четверти века и представлены памятниками, подобными «Апостолу» 1220 г. (ГИМ). В основе стиля миниатюр нет ничего, что говорило бы о падении уровня мастерства, об архаизации и примитивизации. Вероятно, в Ростове деятельность художников, работавших при княжеском либо епископском дворе, не прерывалась даже в самые тяжелые для Руси десятилетия. Проводились и какие-то строительные работы. В 1253 г. митрополит Кирилл святил в Ростове церковь святых Бориса и Глеба.

В живописи Новгорода, менее всего затронутого монгольским нашествием, в середине века явственно проявляются две взаимосвязанные тенденции. Здесь сознательная консервация местной художественной традиции, ориентированной на памятники рубежа XII и XIII вв. сочетается с элементами западных влияний. В иконе «Николаы» из Духова монастыря середины XIII в. тщательное воспроизведение древнего образца сочетается с той жесткостью и резкостью линий, с той контрастностью колорита, орнаментацией и геометризацией пластической формы, которые находят аналогии в романской станковой живописи XII—XIII в. Такие произведения, как «Спасское Евангелие» или же «Никола» из Духова монастыря, изначально были единичными. Они создавались по заказу высокопоставленных духовных и светских лиц как памятники личного благочестия — «моления», но отнюдь не как произведения большого общественного пафоса, как это было в искусстве XI—XII вв. Печать аристократических вкусов придает этим памятникам некое качество исключительности.

Начало третьего этапа отмечено появлением сначала редких, но постепенно становящихся все более многочисленными сведений о строительстве храмов и крепостей. Прежде всего эти сведения появляются на страницах новгородской летописи. В 1261 г. ремонтируется Софийский собор в Новгороде, в 1262 г. новгородцы рубят новые городские деревянные укрепления («срубиша город нов»), в 1263 г. чернец Василий ставит патрональную церковь св. Василия. Затем сообщения о храмоздательстве приобретают в новгородской летописи систематический характер. К наиболее значи-

тельным каменным сооружениям Новгорода этого периода относятся церковь Николы на Липне 1292 г. От аналогичного по типу храма в Перыньском скиту первой трети XIII в. его отличают массивные пропорции, глубокий рельеф стены, декор в виде бровок над аркадами барабана и аркатурных поясов. Суровому складу этой архитектуры соответствует очень архаичная по стилю роспись, созданная вскоре после завершения строительства.

Во Пскове воздвигаются церкви Тимофея Газского (1268), Георгия (1269) и Федора Стратилата (1272), возводятся две каменные гражданские постройки в Довмонтовом городе. В 80—90-е годы каменное строительство и украшение храмов росписями ведется в Ростове, Владимире, Твери. Епископ Игнатий в 1280 г. покрыл оловом и вымостил красным мрамором Успенский собор в Ростове. В Твери в 1290 г. была освящена, а через два года расписана церковь Спаса, почти одновременно создается уже упомянутая роспись церкви Николы на Липне в Новгороде.

Особенности третьего этапа развития искусства XIII в. проявились в том, что к концу столетия окончательно утрачивают актуальность те стилистические традиции, которые поддерживали художники старших поколений, вместе с ними утрачиваются и традиции высокопрофессионального ремесла. Древние чтимые памятники служат новым поколениям мастеров иконографическими образцами, но все чаще в такой роли выступают и произведения, попадающие на Русь с Афона, из монастырей Болгарии и Сербии, а также из Западной Европы. Западные черты явственно дают о себе знать, например, в иконе Николы Липного 1294 г. (Новгородский музей). Новый стиль искусства складывался спонтанно. Особо сильное влияние на него оказывали демократические вкусы широких слоев городского населения. Основными заказчиками рукописей, икон, росписей выступают представители белого (городского), черного (монашество) духовенства и высшие церковные иерархи. Именно монастыри в это время становятся основными очагами письменности и искусства. Благодаря им поддерживаются культурные связи Руси с остальным православным миром, хотя интенсивность и характер этих связей значительно уступают тому, что было в домонгольское время. Примером произведений, созданных по монастырскому заказу, являются две украшенные миниатюрами новгородские рукописи — Евангелие, написанное Георгием Лотышем в 1270 г. (ГБЛ), и Псалтирь конца XIII в. из собрания Хлудова (ГИМ); обе они созданы по заказу Симона, монаха Юрьева монастыря.

В отличие от торжественного аристократического стиля искусства первой половины столетия, для которого оставался значимым личностный нравственный идеал, что находило выражение в образах святых, наделяемых условными «портретными» чертами, в живописи рассматриваемого этапа идеал связывается с представлением о могучей, почти грубой величественной силе.

Наиболее яркое воплощение такие представления нашли в новгородских памятниках типа икон «Спас на троне» (ГТГ) и «Иван, Георгий и Власий» (ГРМ), отличающихся красочной гаммой, звучным колоритом, застылостью неподвижных фигур. Наряду с подоб-

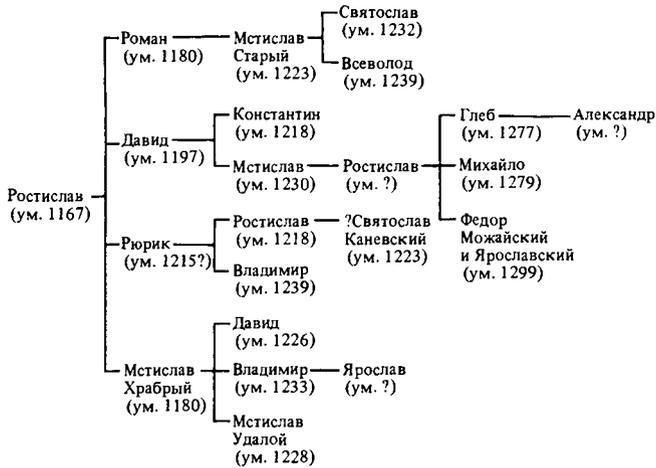
ными образами в Новгороде, Пскове, Твери создаются и более сложные по своей духовной сущности памятники, вроде миниатюр Псалтири из собрания Хлудова (ГИМ), в первой из них — «выходной», явственно ощутимы следы новых стилистических веяний, идущих из Византии. Различимы они и в образе так называемой Свенской Богоматери — около 1288 г. (ГТГ).

Одна из главных особенностей, делающих привозные византийские произведения «палеологовского стиля» привлекательными для русских художников, — это умение их создателей передавать эффект пространственной глубины, превращать сюжетное изображение в сцену, происходящую на глазах у зрителя. В подобной интерпретации события евангельской истории, образы святых уже не отделялись от повседневной жизни, придавали ей самой символическое значение. Однако в последней трети XIII в. освоение палеологовских форм выражалось лишь в старательном заимствовании отдельных деталей. Более глубокие влияния «палеологовского стиля» обнаруживаются в произведениях самого конца столетия, вышедших, как показывает икона «Богоматери Максимовской» 1299 г. (Владимиро-Суздальский музей), из той среды, которая определяла направление духовной жизни Руси, — из окружения митрополита в его новой резиденции — Владимире. Однако это был тонкий слой искусства. Массовое же, низовое, фольклорное искусство этого времени отличается интенсивным усвоением форм и мотивов «высокого» искусства.

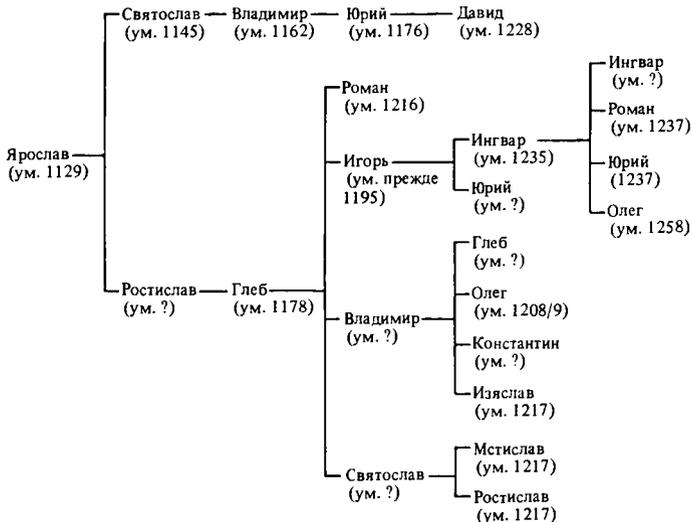
Существовал еще один пласт художественного творчества, наиболее глубинный и мощный, который был связан с повседневной жизнью народа, отражал его эстетические вкусы. Почти все бытовые вещи — домашняя утварь, одежда, посуда, орудия труда — являлись одновременно произведениями художественного ремесла. Их украшали разнообразными орнаментами, придавали им зачастую самые неожиданные формы, которые умели органично сочетать с функциональным назначением предметов. Широкое распространение в прикладном искусстве XIII в. наряду с традиционным зигзагообразно изгибающимся побегом получает мотив «плетенки», т. е. прихотливо пересекающихся широких полос (ремней). В резных деревянных и костяных накладках, украшавших одежду, часто встречается стилизованное изображение русалок, драконов и других фантастических существ, пришедших в народное творчество из языческой мифологии. О сохраняющихся в народном быту пережитках языческих верований свидетельствуют литые из бронзы и резные деревянные фигурки идолов — хранителей домашнего очага, украшенные головами священных коней или птиц шумящие подвески, бронзовые змеевики (амулеты), несущие изображения, с одной стороны, клубка змей, а с другой — как правило, Богоматери. По мере христианизации основной массы населения все большее распространение получают небольшие, носившиеся на груди иконки; материалом для них служили дерево, кость, камень, металл. Обычно такие иконки изготовлялись по заказу, на них помещалась фигура святого, соименного владельцу, оберегающего его и ему покровительствующего. И хотя для изготовления таких иконок использовался самый простой

и дешевый материал, многие из них являются замечательными памятниками искусства. Одним из лучших образцов мелкой каменной пластики XIII в. является икона «Симеон Столпник и Ставрокий», на обороте которой представлен конный Георгий. Иконография и стиль этого и других образков складывались под влиянием произведений иконописи, изделий ювелирного мастерства.

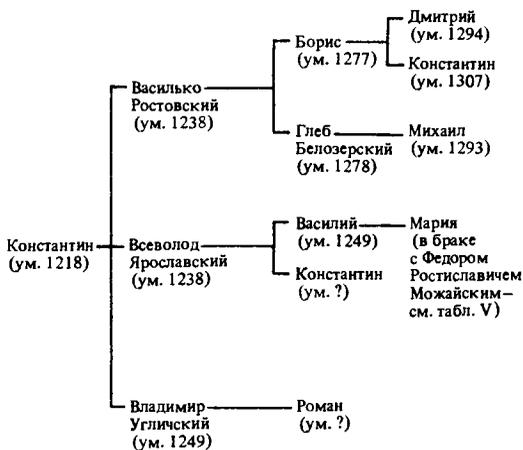
Т а б л и ц а V. Потомки Ростислава Смоленского



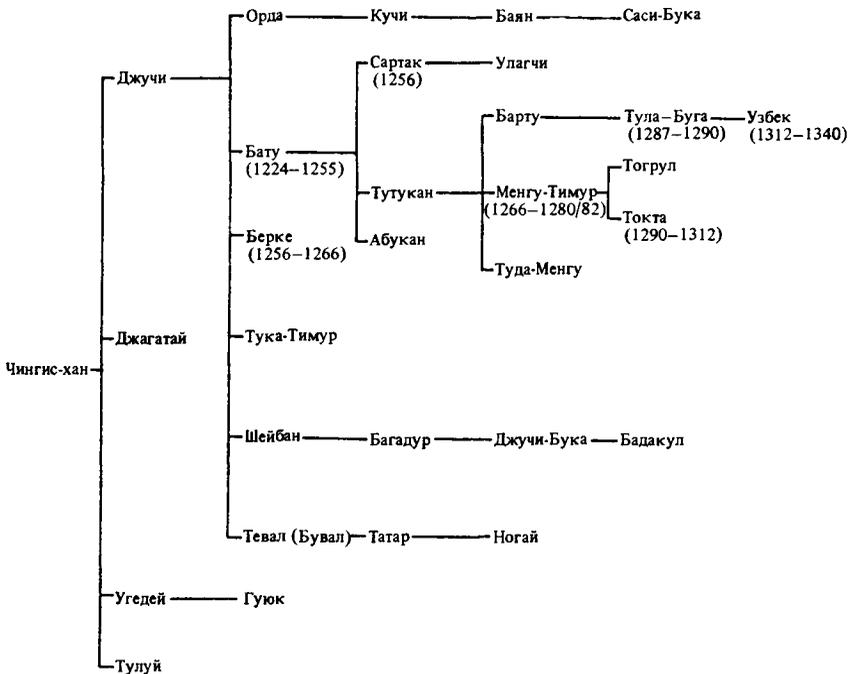
Т а б л и ц а VI. Потомки Ярослава Муромо-Рязанского



Т а б л и ц а VII. Потомки Константина Ростовского



Т а б л и ц а VIII. Потомки Чингис-хана



Т а б л и ц а IX. Митрополиты киевские и всея Руси

Никифор II	прежде 1183 г.	— после 1201 г.
Матфей	прежде 1210 г.	— 19 августа 1220 г.
Кирилл II	1224/5 г.	— лето 1233 г.
Иосиф	1236 г.	— 1240(?) г.
Кирилл III	избран не позднее первой половины 1242 г., в 1247 (?) г. утвержден константинопольским патриархом	— 6 декабря 1281 г.
Максим	1283 г.	— 6/16 декабря 1305 г.

Т а б л и ц а X. Императоры, «римские короли»

<i>императоры из династии Штауфенов,</i>	<i>«римские короли»</i>
Гогенштауфенов	Филипп Швабский (1198—1208)
Оттон IV (1198—1208)	Генрих VII (1220—1235)
Фридрих II (1212—1250)	Конрад IV (1237)
	Генрих Распе (антикороль) (1246)
Конрад IV (1250—1254)	Вильгельм Голландский (1247—1256)
1254—1273 — междуцарствие	Ричард Корнуэльский (1257—1272)
	Альфонс Кастильский (1257—1274)

императоры из династии Габсбургов

Рудольф I Габсбург (1273—1291)
Адольф Насаусский (1291—1298)
Альбрехт I Габсбург Австрийский (1298—1308)

Т а б л и ц а XI. Австрийские герцоги

<i>из династии Бабенбергов</i>	<i>прочие</i>
(с 976 г.— маркграфов Баварской Восточной марки, с 1192 г.— штирийских герцогов, с 1156 по 1246 г.— австрийских)	
Леопольд VI (1198—1230)	
Фридрих II (1230—1246)	Герман, маркграф Баденский (1248—1250)
	Пшемьсл II Отакар, король чешский (1251—1276)
	Альбрехт I Австрийский (1282—1308)

Т а б л и ц а XII. Папы

Иннокентий III (1198—1216)
Гонорий III (1216—1227)
Григорий IX (1227—1241)
Целестин IV (1241)
Иннокентий IV (1243—1254)
Александр IV (1254—1261)
Урбан IV (1261—1264)
Климент IV (1265—1268)
Григорий X (1271—1276)
Иннокентий V (1276)
Адриан V (1276)
Иоанн XXI (1276—1277)
Николай III (1277—1280)
Мартин IV (1281—1285)
Гонорий IV (1285—1287)
Николай IV (1288—1292)
Целестин V (1294)
Бонифаций VIII (1294—1303)

Т а б л и ц а XIII. Венгерские короли

из династии Арпадов (с 899 г.—княжеской, с 1001 г.— королевской)

Имре (1196—1204)
Ласло III (1204—1205)
Эндре II (Андрей II) (1205—1235)
Бела IV (1235—1270, коронован в качестве младшего короля в 1214 г.)
Иштван V (1270—1272)
Ласло IV Кун (Половец) (1272—1290)
Эндре III (Андрей III) (1290—1301)

Т а б л и ц а XIV. Чешские короли

из династии Пржемысловичей (1004—1306)

Пржемысл I Отакар (1197, 1198—1230)
Вацлав I (1230—1253)
Пржемысл II Отакар (1253—1278)
Вацлав II (1278, фактически с 1283—1305), в 1295—1296 гг.—
польский король
Вацлав III (1305—1306), одновременно король польский и венгерский

Т а б л и ц а XV. Литовские князья

До 1215 г. сведения легендарны.

1215 г. Живинбуд, Давьят и его брат Виликаил, Довспрук и его
брат Миндовг
Миндовг (1235—1263)
Тройнат (1263)
Войшелг, сын Миндовга (1263—1268)
Шварн Данилович, зять Войшелга (1268—1269)
Тройден (Тройдянис) (1270—1282)
Витень (Витенис) (1295—1316)

Т а б л и ц а XVI. Шведские короли и правители

Сверкер II (1196—1208)	
Эрик X (1208)	
Иоганн I (1216)	
Эрик XI (1222—1234)	
Кнут Иогансон (1229—1234)	Биргер Фолькунг, ярл,
Вальдемар Фолькунг (1250—1278)	регент Швеции (1251)
Магнус I (1278)	
Биргер (1290—1318)	

Т а б л и ц а XVII. Польские князья из династии Пястов

Силезская линия

Болеслав Высокий (1201)
Генрих I Бородатый (1205)
Генрих II Благочестивый (1241)
Болеслав Лысый Рогатка (1278)
Генрих V Толстый (1296)
Генрих Глоговский (1309)

Великопольская линия

Одон (1194)
Владислав Одонич (1239)
Пшемислав I (1257)
Пшемислав II (1296)

Малопольская линия

Лешек Белый (1227)
Болеслав Стыдливый (1279)

Куявская линия

Конрад I Мазовецкий (1247)
Болеслав (1248)
Казимир Куявский (1266)
Лешек Черный (1288)
Владислав Локетек (1333)

Мазовецкая линия

Земовит I (легендарный) (1262)
Болеслав II (1313)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ЦИТИРУЕМОЙ В КНИГЕ ДЖ. ФЕННЕЛА

- Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне, с. 23—30.
- Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— М., 1966.
- Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 202—239.
- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.— В кн.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе.— Исторический архив. М.—Л., 1940, т. 3, с. 71—112.
- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Воинские повести Древней Руси./Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961—1962, т. 1—2.
- Восточная Европа в древности и средневековье./Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978.
- Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Горский А. Д. К вопросу об обороне Москвы в 1238 г.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье, с. 176—184.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова./Под ред. С. Н. Валка. М., Л., 1948.
- Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до XIV столетия. Киев, 1890.
- Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Густынская летопись.— В кн.: ПСРЛ. СПб., 1843, т. 2.
- Древнерусские княжества X—XIII вв./Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1975.
- Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV веков./Под ред. С. В. Бахрушина и Л. В. Черепнина. М., 1950.
- Ермолинская летопись.— ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23.
- Зайцев А. К. Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 57—117.
- Зимин А. А. Новгород и Волоколамск в XI—XV веках.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961, т. 10, с. 97—116.
- Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Ипатьевская летопись.— ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2; переизд.: М., 1962, т. 2.
- Историческая география России XII — начала XX в. Сборник статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного./Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1975.
- История русской литературы X—XVII веков./Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.

- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Клепинин Н. А. Святой и благоверный князь Александр Невский. Париж (год изд. не указ.).
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
- Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.— Л., 1965.
- Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.
- Кучера М. П. Переяславское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 118—143.
- Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв.— В кн.: Польша и Русь, с. 234—260.
- Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в.— В кн.: Историческая география России, с. 31—45.
- Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова, с. 54—56.
- Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. (центры и границы).— История СССР. М., 1969, № 2, с. 62—94.
- Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ. Л., 1926, т. 1; переизд.: М., 1962, т. 1.
- Ледерер Ф. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие.— В кн.: Международные связи России, с. 181—202.
- Ледовое побоище.— Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища./Под ред. Г. Н. Караева. М., 1966.
- Летописец Никифора вскорье.— В кн.: Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности, с. 234—243.
- Летописец Переславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.)./Изд. К. М. Оболенским. М., 1851.
- Лимонов Ю. А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества.— В кн.: Международные связи России, с. 55—63.
- Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в.— ТОДРЛ. Л., 1974, т. XXIX, с. 50—67.
- Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв.— ТОДРЛ. Л., 1979, т. XXIV, с. 96—115.
- Львовская летопись.— ПСРЛ. СПб., 1910, т. 20, ч. 1.
- Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.
- Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли. Киев, 1897.
- Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. СПб., 1794.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979.
- Международные связи России до XIII в./Под. ред. А. А. Зиминой, В. Т. Пашуто. М., 1961.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. Источники истории Рязанской земли и историография. М., 1961.
- Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955 (Материалы и исследования по археологии СССР, т. 49).
- Московский летописный свод конца XV века.— ПСРЛ, М.— Л., 1949, т. 25.
- Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIII вв.) — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье, с. 104—123.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.— Л., 1940.
- Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
- Новгородская четвертая летопись.— ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1.
- Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М., 1967.

- Очерки истории СССР периода феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1.
 Патриаршая или Никоновская летопись.— ПСРЛ. СПб., 1862; переизд.: М., 1965, т. 10.
 Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
 Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 210—227.
 Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
 Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
 Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 260—300.
 Польша и Русь./Под. ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974.
 Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
 Псковские летописи./Под. ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1941; М., 1955, т. 1—2.
 Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
 Рашид ад-Дин. Сборник летописей./Пер. О. И. Смирнова. М.—Л., 1952, т. 1.
 Русские повести XV—XVI веков./Под. ред. Б. А. Ларина. М.—Л., 1958.
 Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
 Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси. М., 1959.
 Себерянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
 Симеоновская летопись.— ПСРЛ, СПб., 1913, т. 18.
 Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951.
 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959—1966, кн. 1—4 (1—15).
 Софийская первая летопись.— ПСРЛ. Л., 1925, т. 5.
 Суздальская летопись по Академическому списку.— ПСРЛ. Л., 1926, т. 1, вып. 3; переизд.: М., 1962, т. 1.
 Татаро-монголы в Азии и Европе./Под. ред. С. Л. Тихвинского. 2-е изд. М., 1977.
 Татищев В. Н. История Российская. М.—Л., 1962—1968, т. 1—7.
 Тверской сборник.— ПСРЛ. СПб., 1863, т. 15; переизд.: М., 1965, т. 15.
 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.
 Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
 Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности.— АЕ за 1960 год. М., 1962.
 Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980.
 Толочко П. П. Киевская земля.— В кн.: Древнерусские княжества, с. 5—56.
 Троицкая летопись. / Реконструкция текста и ред. М. Д. Приселкова. М., 1950.
 Устюжский летописный свод. / Под. ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.
 Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966.
 Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
 Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
 Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 186—209.
 Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1948, 1951, т. 1—2.
 Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
 Шаскольский И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь.— Известия АН СССР. М.—Л., 1951, серия ист. и фил., т. 8, № 3, с. 267—276.
 Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси.— Исторические записки. М., 1951, т. 37, с. 169—188.

Янин В. Л. Международные отношения в эпоху Мономаха и «Хождение Даниила». — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 112—131.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Alberici monachi Triumphontium Chronicon.— MGH. Scriptorum tomus XXIII. Hanover, 1874.

Allsen T. T. Mongol Census Taking in Rus' 1245—1275.— In: Harvard Ukrainian Studies. March 1981, vol. V, № 1, p. 32—53.

Allsen T. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217—1237. Forthcoming.

Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle, 1927. Généalogies, vol. I. Orientalia Christiana, vol. IX, № 35.

Baumgarten N. de. Généalogies des branches régnantes des Rurikides. Généalogies. vol. II. 1934.— Orientalia Christiana, vol. XXXV, № 94.

Brundage J. A. The Chronicle of Henry of Livonia. Madison, Wis., 1961.

Christiansen E. The Northern Crusades. The Baltic and the Catholic Frontier 1100—1525. London, 1980.

Dimnik M. Kamenec.— RM, 1979, vol. 4, p. 25—34.

Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981.

Dimnik M. Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century.— In: Mediaeval Studies. Toronto, 1978, vol. XL, p. 157—185.

Dimnik M. The Siege of Chernigov in 1235.— In: Mediaeval Studies. Toronto, 1979, vol. XLI, p. 387—403.

Dimnik M. The Struggle for Control over Kiev in 1235 and 1236.— Canadian Slavonic Papers. 1979, vol. XXI, p. 28—44.

Fennell J. L. I. Andrej Jaroslavich and the Struggle for Power in 1252: an Investigation of the Sources.— RM, 1973, vol. 1, p. 49—63.

Fennell J. L. I. Russia on the Eve of the Tatar Invasion.— Oxford Slavonic Papers (New Series), 1981, vol. XIV, p. 1—13.

Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow 1304—1359. London, 1968.

Fennell J. L. I. The Last Years of Rjurik Rostislavich. Essays in Honor of A. A. Zimin. Ohio, 1985, p. 159—166.

Fennell J. L. I. The Tale of Baty's Invasion.— RM, 1977, vol. 3, p. 41—78.

Fennell J. L. I. The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovic: a Study of the Sources.— Osteuropa in Geschichte und Gegenwart, p. 34—46.

Fennell J. L. I. The Tatar Invasion of 1223.— In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1980, vol. 27, p. 18—31.

Fennell J. and Stokes A. Early Russian Literature. London, 1974.

Gorski vijenats. A Garland of Essays offered to Professor Elizabeth Mary Hill. / Ed. R. Auty, L. R. Lewitter, A. P. Vlasto. Cambridge, 1970.

Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris, 1939.

Historica Russiae Monumenta. / Ed. A. T. Turgenev. St Petersburg, 1841, vol. 1.

Juvaini. The History of the World-Gonqueror by Ala-ad-Din Ara-Malik. / Transl. from the text of Mirza Muhammad Quasvini by John Andrew Boyle. Manchester, 1858, vol. 1—2.

Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Cambridge, 1981. Monumenta Germaniae Historica. Hanover.

Noonan T. S. Suzdalia's Eastern Trade in the XIII-th Century before the Mongol Conquest.— In: Cahiers du Monde russe et soviétique. Oct.-déc., 1978, XIX (4), p. 371—384.

Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag. Wien, 1977.

- Poppe A. On the Title of Grand Prince in the Tale of Ihor's Campaign.— Harvard Ukrainian Studies. 1979—1980, vol. III/IV, p. 684—689.
- Rashid ad-Din. The Successors of Genghis Khan. / Transl. by A. Boyle. New York and London, 1971.
- Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Köln-Graz, 1955, vol. 1.
Russia Mediaevalis. / Ed. J. L. I. Fennell, L. Müller, A. Poppe. Munich, 1973—1983.
- Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Wiesbaden, 1965.
- Stokes A. D. The System of Succession to the Thrones of Russia 1054—1113.— In: Gorski vijenats, p. 268—275.
- The Hypatian Codex. Part Two: The Galician-Volynian Chronicle. / Transl. and ed. G. A. Perfecty. Munich, 1973.
- The Mongol Mission. / Ed. C. H. Dawson. New York, 1955.
- Tumler P. M. Der Deutsche Orden. Vienna, 1955.
- Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Conn., 1953.

Список сокращений

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи
АЕ	Археографическою экспедициею императорской АН
АН	Академия наук
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГРМ	Государственный Русский музей (Ленинград)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
<i>Е</i>	Ермолинская летопись
<i>Ипат</i>	Ипатьевская летопись
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
<i>Л</i>	Лаврентьевская летопись
ЛПС	Летописец Переславля Суздальского
<i>Льв</i>	Львовская летопись
<i>М</i>	Московский летописный свод конца XV в.
МАК	Суздальская летопись по Академическому списку
<i>Н I</i>	Новгородская I летопись
<i>Н IV</i>	Новгородская IV летопись
<i>Ник</i>	Патриаршая или Никоновская летопись
НПЛ	Новгородская Первая летопись (издание 1950 г.)
П I Л	Псковская 1-я летопись
П 2 Л	Псковская 2-я летопись
ПРП	Памятники русского права
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РИБ	Русская историческая библиотека
<i>С I</i>	Софийская I летопись
<i>С II</i>	Софийская II летопись
СА	Советская археология
<i>Сим</i>	Симеоновская летопись
<i>Т</i>	Троицкая летопись
<i>Тв. сб.</i>	Тверской сборник
<i>ТЛ</i>	Троицкая летопись (реконструкция М. Д. Приселкова, опубликованная в 1950 г.)
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)
УЛС	Устюжский летописный свод
MGH	Monumenta Germaniae Historica
RM	Russia Mediaevalis

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела. <i>А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузов</i>	5
Предисловие к русскому изданию	33
Глава 1. Русь в 1200 году	37
Глава 2. Южная Русь в 1200—1223 годах	59
Глава 3. Северная Русь в 1200—1223 годах	83
Глава 4. Татарские нашествия	101
Глава 5. После нашествия (1238—1263)	136
Глава 6. Наследники Александра Невского	167
Заключение	208
Приложения. <i>Л. И. Лифшиц, А. И. Плигузов, А. Л. Хорошкевич</i>	227
1. Летописи	—
2. Западноевропейские, восточноевропейские и восточные хроники	234
3. Актовые материалы	243
4. Новгородские берестяные грамоты	248
5. Сфрагистические материалы	250
6. Эпиграфика	253
7. Археологические материалы	255
8. Историческая география	260
9. Церковь	261
10. Книгописание	265
11. Литература	266
12. Искусство	271
Генеалогические таблицы	279
Список литературы	286
Список сокращений	291

Феннел Дж.
Ф42 Кризис средневековой Руси. 1200—1304/
Вступ. ст. и общ. ред. А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова — М.: Прогресс, 1989.— 296 с.: ил.

Книга профессора Оксфордского университета, признанного главы английских историков-славистов Дж. Феннела посвящена истории русских земель в XIII в. Опираясь на материалы русских летописей и иностранных хроник, автор подробно разбирает судьбы киевского политического наследия и структуру русских княжеств периода феодальной раздробленности. Изучая трагические события монгольского нашествия, автор ставит вопрос о причинах порабощения Руси и последствиях нашествия и дает нетрадиционные, часто спорные ответы. Феннел рассматривает систему политических отношений на Руси во второй половине XIII в.

Рекомендуется историкам и широкому кругу читателей.

Ф 0503020200—251 41—89
006(01)—89

ББК 63.3(2)43

ISBN 5—01—001641—9

ДЖОН ФЕННЕЛ

**Кризис
средневековой
Руси
1200—1304**

Редактор *Е. Н. Самойло*
Художник *Л. В. Поляков*

Художественный редактор *И. М. Чернышева*
Технический редактор *Г. В. Лазарева*
Корректор *И. В. Леонтьева*

ИБ № 17280

Сдано в набор 12.08.88. Подписано в печать 24.03.89
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 18,5+2,5 печ. л. вклеек.
Усл. кр.-отт. 47,5. Уч.-изд. л. 25,96.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 904.
Цена 2 р. 50 к. Изд. № 44257.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета
СССР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэксспорткнига»
Государственного комитета СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.

Вышла в свет

КРИСТЕНСЕН С. История России XVII в. Обзор исследований: Пер. с дат.

Работа Свена Кристенсена представляет собой аналитический обзор русской дореволюционной, советской и зарубежной литературы, посвященной истории России XVII в. Это обширный и весьма полный свод существующих в науке концепций, выводов, построений по многочисленным проблемам, имеющим отношение к данной теме. В обзоре рассмотрено более 800 монографий, статей, источников — столь объемного справочника по историографии истории России XVII в. на русском языке пока нет.

Рекомендуется историкам, обществоведам и широкому кругу читателей.

Вышла в свет

О'МАРА П. К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста: Пер. с англ.

Известный ирландский историк, специалист по истории революционного движения и общественной мысли в России XIX в. на основе изучения многочисленных документов в архивах Советского Союза всесторонне исследует в своей книге жизнь К. Ф. Рылеева как выдающегося организатора декабристского движения и рассматривает его поэтическое творчество в тесной связи с его деятельностью в тайном обществе декабристов. Книга содержит богатый документальный материал по истории декабристского движения, во многом впервые вводимый в научный оборот. Она является по существу первой научной политической биографией К. Ф. Рылеева.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Кризис средневековой Руси 1200-1304

Эта книга написана известным английским историком профессором Оксфордского университета Джоном Феннелом. Впервые она была опубликована в Лондоне в 1983 году. Дж. Феннел предлагает читателям подробный очерк политической истории XIII столетия на Руси, когда бывшее единство Киевского государства сменилось феодальной раздробленностью, и после монгольского нашествия русские земли и княжества оказались под властью Джучиева улуса (Золотой Орды). Книга Дж. Феннела содержит важные сведения о роли ордынского ига в русской истории, о деятельности князей — от Всеволода III до наследников Александра Невского, и позволяет уяснить исторические судьбы Руси, вступающей на путь централизации.

